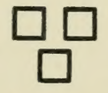

3 1761 07464317 2

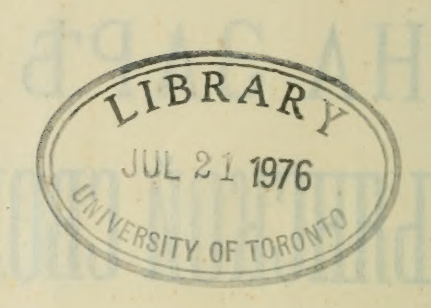
НА ЗАРѢ
КРЕСТЬЯНСКОЙ СВОБОДЫ.

Публичныя чтенія о крѣпостномъ
правѣ наканунѣ раскрѣпощенія
и краткій ходъ реформы.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

КІЕВЪ,
Тип. И. И. Чоколова, Фундуклеевская 22.
1911.

Печатано по опредѣленію Учебнаго Комитета Кіев. Коммерч. Института.
Директоръ **М. Довнаръ-Запольскій.**

Настоящая книга составилась изъ ряда лекцій, читанныхъ мною раньше въ разное время и въ послѣдній разъ наканунѣ юбилейныхъ дней прочитанныхъ въ аудиторіи Кіевскаго Общества содѣйствія народному образованію.

Цѣль этой книги, какъ и всякихъ публичныхъ чтеній, изложить сдѣланные наукой выводы и ознакомить слушателей съ находящимся въ научномъ обращеніи матеріаломъ. Автору казалось естественнымъ выпустить собраніе своихъ чтеній какъ разъ тогда, когда вся Россія празднуетъ юбилей такого событія, равнаго которому не знаетъ русская исторія.

М. Д.-З.

На зарѣ крестьянской свободы.

ГЛАВА I.

Происхожденіе и установленіе крѣпостного права на Руси.

Съ точки зрѣнія правовой, крѣпостное право есть потеря человѣкомъ въ извѣстной мѣрѣ его гражданскихъ правъ (не говоря о политическихъ). Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ состояніи человѣкъ лишается права имѣть имущество, права располагать собственнымъ трудомъ, по своему желанію вступать въ бракъ, разумѣется, права оставлять господскую землю и проч. Крѣпостное право на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія было почти у всѣхъ народовъ. Въ Западной Европѣ оно отличалось тѣмъ, что крѣпостной человѣкъ, лишившись нѣкотораго рода гражданскихъ правъ, былъ крѣпокъ землѣ землевладѣльца. Это значитъ, что землевладѣлецъ не могъ переселить такого крестьянина въ другое свое владѣніе, однимъ словомъ, не могъ оторвать его отъ земли. Землевладѣлецъ имѣлъ право управленія своей вотчиной или бароніей, суда, полиціи, наложенія оброковъ на крестьянъ и т. п. Въ Россіи крѣпостное право началось съ прикрѣпленія земледѣльцевъ къ землѣ землевладѣльца, но въ конечномъ итогѣ оно явилось крѣпостью не по отношенію къ землѣ, а по отношенію къ лицу, т. е. приблизилось къ рабству, при которомъ человѣкъ не отличимъ отъ вещи, настолько, что крѣпостного XVIII—XIX вѣковъ очень трудно юридически отличить отъ раба, на практикѣ же это было полное рабство. Затѣмъ, русское крѣпостное право отъ западно-европейскаго отличается еще длительностью того періода, въ который оно существовало, и болѣе позднимъ раскрѣпощеніемъ крестьянъ сравнительно съ самыми запоздавшими въ этомъ отношеніи западно-европейскими народами.

Зависимость одного человѣка отъ другого имѣетъ на Руси очень давнее происхожденіе. Еще въ древне-княжескій періодъ, т. е. до нашествія татаръ, мы уже встрѣчаемъ ролейныхъ закуповъ, т. е. такой элементъ, который въ силу долговыхъ обязательствъ лишался части своихъ гражданскихъ правъ и трудъ котораго находился въ распоряженіи заимодавца. Правда, на ряду съ зависимымъ людомъ древняя Русь знаетъ и свободнаго земледѣльца, обладателя крестьянскаго участка земли. Но съ развитіемъ интереса къ земледѣлію, особенно съ XIV—XVI в.в. происходитъ очень замѣчательное явленіе. Крестьянскіе участки постепенно исчезаютъ, будучи захвачены крупными землевладѣльцами, князьями, боярами, монастырями и другими собственниками. Крестьянинъ исключительно превращается въ пахаря—арендатора, распахивающаго участки чужой земли. Онъ платитъ извѣстный оброкъ, сначала натурой, обычно извѣстной частью урожая (половники, третники). Но въ общемъ этотъ пахарь весьма бѣденъ, у него почти каждую весну не хватаетъ „на сѣмена и имена". Правда, онъ пользуется личной свободой, можетъ уйти съ земли владѣльца. Законъ лишь регулируетъ время отхода крестьянъ (осенній Юрьевъ день). Но уже въ XVI вѣкѣ видно, что крестьяне далеко не могутъ пользоваться своей свободой перехода. Во первыхъ, появились сильные владѣльцы, которые исхлопотали себѣ грамоты, воспрещающія выходъ крестьянъ изъ ихъ владѣній иногда всѣмъ крестьянамъ, иногда только нѣкоторымъ разрядамъ ихъ, напримѣръ, запрещается выходъ крестьянамъ старожильцамъ, т. е. такимъ крестьянамъ, которые застарѣли, цѣлыми поколѣніями сидѣли на землѣ владѣльца. Уже къ тому времени владѣльцы получаютъ большія права по отношенію къ крестьянамъ, живущимъ въ ихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ,—даже независимо отъ юридической крѣпости этихъ крестьянъ къ ихъ землямъ. Нѣкоторые владѣльцы вслѣдствіе своего происхожденія (бывшіе удѣльные князья, т. е. самостоятельные государи, перешедшіе на службу къ московскому великому князю), а другіе вслѣдствіе особыхъ льготныхъ грамотъ, полученныхъ ими отъ великихъ князей (ранѣе другихъ этимъ воспользовались монастыри), успѣли получить право суда и полиціи надъ живущими въ ихъ вотчинахъ крестьянами. Для владѣльцевъ это право суда было выгодно, потому что они пользовались пошлинами отъ суда; отъ этого выгадывала и слабая государственная власть, избавляясь отъ суда и администраціи по отношенію

къ нѣкоторой части населенія. Конечно, право суда и полиціи еще не прикрѣпляло крестьянина. Но прикрѣпленіе по великокняжеской грамотѣ, сдѣланное въ угоду одному сильному владѣльцу, создавало на ряду съ вольными людьми и категорію крѣпкихъ землѣ людей. Такъ, напримѣръ, одна грамота половины XV вѣка Троице-Сергіеву монастырю разрѣшаетъ монахамъ возвратить въ ихъ вотчины разошедшихся людей и прибавляетъ: „а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче, и язъ князь великій не велѣлъ тѣхъ людей пущати прочь“. Разумѣется, и другіе владѣльцы начали стремиться къ удержанію людей въ своихъ вотчинахъ.

Была одна сторона, которая весьма способствовала къ удержанію крестьянъ; это—долговыя обязательства крестьянина. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ садился на участокъ земли (участокъ назывался деревней, полудеревней, вытью, обжой), давалъ владѣльцу *порядную записъ*. Въ этой порядной онъ давалъ обязательство жить тихо и смирно, корчмы не держать, государственныя подати платить „что доведетца“, уплачивать оброки владѣльцу или оговоренные въ порядной же записи, или же наравнѣ съ другими владѣльческими крестьянами; далѣе, крестьянинъ обязывался двора не огноить, участка не пустошить, расчищать поросли, дѣлать изгороди и постройки и т. п., сообразно хозяйственнымъ нуждамъ участка. Обыкновенно въ порядную включалось еще условіе о зарядѣ, т. е. о платежѣ неустойки въ томъ случаѣ, если крестьянинъ уйдетъ, не исполнивъ условія. Въ позднѣйшее время довольно обычной неустойкой являлось обязательство крестьянина, въ случаѣ неисполненія имъ условій порядной, т. е. ухода не въ срокъ и т. п., то крестьянинъ будетъ „впредь во крестьянствѣ крѣпокъ“, т. е. онъ дѣлался крѣпостнымъ человѣкомъ. Это понятно. Крестьянинъ былъ обыкновенно такъ бѣденъ, когда рядился на владѣльческій участокъ, что онъ могъ обезпечить неустойку только личной свободой. Вообще крестьяне, свободные арендаторы, были очень бѣднымъ классомъ населенія. Приходя къ владѣльцу для заарендованія участка,—они приходили „душой да тѣломъ ко всему крестьянскому заводу“, какъ говорятъ грамоты, т. е. ничего не имѣя съ собой, ни инвентаря, ни хлѣба, чтобы дожить до урожая. Мало того, даже и тѣ крестьяне, которые жили болѣе или менѣе продолжительное время на землѣ владѣльца, все же были нуждающимися и бѣдными. Такъ, и въ томъ и

въ другомъ случаѣ крестьянинъ долженъ былъ обращаться къ помѣщику за ссудой деньгами, скотомъ, орудіями, сѣменами и насущнымъ хлѣбомъ. Владѣлецъ все это давалъ крестьянину, желая его удержать, бралъ особыя съ крестьянина *ссудныя записи*, и крестьянинъ дѣлался должникомъ владѣльца. Отсюда и названіе тѣхъ крестьянъ, которые брали деньгами въ ссуду,—*серебреники*. Что́ и какъ владѣльцы числили на крестьянахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Такъ, управляющій Строгановскими вотчинами искалъ на своемъ бѣгломъ крестьянинѣ: по порядной записи подможныхъ денегъ—2 р., за прирядъ (дополнительное условіе о ссудѣ) и за дворовую здѣлку (за какую то постройку, сдѣланную во дворѣ владѣльцемъ)—8 р., за хмельничныя тычины—4 гривны, за избныя дрова—8 гр., за 24 курицы—24 алтына, за 240 яицъ—8 алт., по особой заемной распискѣ—3 руб. 8 алт. 2 деньги. Эта сумма иска довольно большая, хотя весьма обычная, даже невысокая по тому времени; здѣсь еще, напримѣръ, нѣтъ неустойки, которая въ то время доходила до 10 руб. и больше. А между тѣмъ эта сумма была весьма немалой, потому что за нее можно было купить около семи лошадей, что составитъ крупный капиталъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Изъ этого же примѣра видно, что крестьянинъ бралъ въ долгъ у помѣщика самые разнообразные предметы, даже дрова для топки избы. Итакъ, обычныя отношенія крестьянина къ землевладѣльцу,—это отношенія арендатора, находящагося въ долгу у своего землевладѣльца. Такъ какъ должникъ былъ очень бѣденъ, расплатиться не могъ, то выходъ съ земли владѣльца оказывался для него очень затруднительнымъ: онъ могъ уйти, но только расплатившись. Если же онъ уходилъ не расплатившись, т. е. бѣжалъ, то крестьянинъ превращался въ неисправнаго должника со всѣми послѣдствіями тогдашняго долгового права: крестьянинъ отдавался владѣльцу „до искупа". А по тогдашнему долговому праву, неоплатный должникъ лишался свободы, могъ быть проданъ своимъ заимодавцемъ, обращенъ въ раба и пр.

До XVI вѣка всѣ эти соотношенія не выражались въ столь суровой формѣ, т. е. положеніе крестьянъ въ массѣ было таково, что они имѣли возможность свободно переходить, но въ XVI вѣкѣ экономическое положеніе крестьянства весьма ухудшилось. Тогда вообще Московская Русь была поражена тяжелымъ экономическимъ кризисомъ. Разумѣется, кризисъ, какъ всегда, наиболѣе тяжело

легъ на бѣднѣйшую массу населенія, на крестьянъ. Крестьяне бросились бѣжать въ Поволжье, когда Грознымъ было покорено Казанское царство, на югъ. Но, во-первыхъ, на земляхъ, занятыхъ вольными колонистами крестьянами, очень скоро появились помѣщики, получившіе эти земли отъ государя, а во-вторыхъ, землевладѣльцы стали принимать съ своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы удержать крестьянъ и въ центрѣ государства: они особенно охотно выдаютъ ссуды, но увеличиваютъ зарядъ и проч. Мало того, такъ какъ крестьянину было трудно платить денежный оброкъ за землю, то во второй половинѣ XVI вѣка начинаетъ быстро развиваться обычай, по которому вмѣсто всего оброка или вмѣсто части оброка, крестьянинъ пахалъ господскую пашню. Въ XIV—XV в.в. землевладѣлецъ почти не запахивалъ земли для себя, не велъ собственнаго хозяйства, довольствуясь крестьянскимъ оброкомъ. Съ конца XVI вѣка, когда хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ и продажа его начинаетъ быть выгодной, землевладѣльцы охотно развиваютъ собственную барскую запашку. Но такъ какъ у нихъ нѣтъ рабочихъ рукъ, то они отъ своихъ крестьянъ арендаторовъ получаютъ арендную плату работой, барщину. Однимъ словомъ, къ концу XVI вѣка крестьянъ свободныхъ уже оказывается, по крайней мѣрѣ въ центрѣ государства, очень мало. Даже и свободнымъ уйти трудно, потому что—не разъ жалуются крестьяне—помѣщики уходящихъ крестьянъ „бьютъ и въ желѣза куютъ“; для удержанія крестьянъ помѣщикъ прибѣгаетъ къ круговой порукѣ уже живущихъ у нихъ крестьянъ по новоприходцѣ. Въ концѣ XVI вѣкѣ уже обычная картина заключается въ томъ что болѣе сильные владѣльцы *свозятъ* крестьянъ у менѣе сильныхъ, т. е. оплачиваютъ всѣ долги и переводятъ долгъ на себя, а нерѣдко и просто крадутъ крестьянъ, отбиваютъ насильно у слабыхъ владѣльцевъ, надѣясь, что они не найдутъ суда и управы. Съ другой стороны суды завалены исками о бѣглыхъ крестьянахъ. Всѣ эти отношенія повели къ тому, что фактически на рубежѣ XVI—XVII в.в. огромная масса крестьянства была уже прикрѣплена къ землѣ владѣльца.

До конца XVI вѣка правительство не принимало никакого участія въ этомъ процессѣ. Но въ XVII вѣкѣ особенно въ 40-хъ годахъ оно уже опредѣленно становится на землевладѣльческую точку зрѣнія. Бѣгство и переходъ крестьянъ были для казны невыгодными, потому что давали недоборы въ податяхъ, а тогдаш-

нее правительство очень нуждалось въ средствахъ. Поэтому оно требуетъ, чтобы крестьяне, занесенные въ переписныя книги за извѣстнымъ владѣльцемъ, уже оставались бы за нимъ безъ урочныхъ лѣтъ. Затѣмъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. окончательно прикрѣпляетъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ и отмѣняетъ урочные годы по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Это есть первое указаніе на прикрѣпленіе крестьянъ по закону.

Со временъ Уложенія положеніе создалось такое. Низшіе классы населенія состояли изъ слѣдующихъ разрядовъ. Самый многочисленный разрядъ былъ разрядъ крѣпостныхъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ владѣльца. Затѣмъ на земляхъ государственныхъ жили черносошные крестьяне, государевы крестьяне. Это былъ разрядъ лично свободныхъ крестьянъ, среди которыхъ были или арендаторы государственныхъ земель или даже собственники крестьянскихъ участковъ; такіе собственники сохранились преимущественно на сѣверѣ. Только въ половинѣ XVIII стол. государственные крестьяне нашего сѣвера и сѣвера-востока повсемѣстно перешли къ общинному землевладѣнію и лишены были вслѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій правъ собственности на свои и крестьянскіе участки. Затѣмъ, надо указать на небольшой разрядъ крестьянъ, сохранившихъ личную свободу и по прежнему переходившихъ на арендуемыя ими земли. Эти крестьяне именовались вольными людьми, сиротами государевыми. Наконецъ, нижній слой этого класса состоялъ изъ рабовъ, холопей, при чемъ преобладало такъ называемое кабальное холопство, т. е. временное холопство въ силу долговыхъ обязательствъ: взявшій ссуду за ростъ, т. е. за проценты, служилъ до отдачи ссуды; но, разумѣется, при такихъ условіяхъ уплата долга была лишь только теоретической возможностью.

Во второй половинѣ XVII вѣка въ области экономической жизни усиливаются тѣ же явленія, которыя замѣтны уже къ концу XVI, т. е. интересъ къ разработкѣ земли самими владѣльцами, а тягота государственныхъ податей побуждаетъ самихъ крестьянъ къ усиленной работѣ для оплаты податей. Чтобы увеличить количество рабочихъ рукъ, прилагаемыхъ къ обработкѣ земли, владѣльцы пересаживаютъ на землю теперь и своихъ холоповъ. Конечно, холопу лучше живется на участкѣ земли, нежели въ барскомъ дворѣ. Но долговременное сожительство въ одномъ и томъ же селѣ при одныхъ и тѣхъ же условіяхъ и холопа и крестьянина

имѣло весьма большія послѣдствія на опредѣленіе тѣхъ правъ, въ какихъ оказался крестьянинъ. Съ точки зрѣнія хозяйственной, владѣлецъ охотно забывалъ о юридическомъ отличіи крестьянина и холопа. Это тѣмъ болѣе было возможно, что и кабальные холопы, пересаженные на землю, попали въ это положеніе вслѣдствіе долговыхъ обязательствъ, и крѣпостные крестьяне имѣли то же происхожденіе; различіе заключалось лишь въ юридическомъ характерѣ долгового обязательства, но это—тонкость, о которой охотно забывала болѣе сильная сторона. Между тѣмъ законъ совсѣмъ не охранялъ юридическихъ правъ крестьянина, предоставляя это обычаю. А разъ это такъ, то обычай получаетъ склонность вырабатывать такія юридическія отношенія, которыя идутъ въ пользу болѣе сильной стороны. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Землевладѣльцы охотно смѣшивали крестьянъ и холопей. Отсюда нарождается цѣлый рядъ новизнъ въ положеніи крестьянъ. Уже къ концу XVII вѣка владѣльцы переводятъ крестьянъ изъ одной вотчины въ другую, продаютъ ихъ съ семьями и отдѣльно,—безъ земли, мѣняютъ, берутъ во дворовую службу и т. п. Это значитъ, что они разсматриваютъ крестьянина, какъ человѣка крѣпкаго не землѣ, а лицу владѣльцу, т. е. положеніе крестьянина приближается до неразличимости—къ положенію раба. Петровская реформа закономъ опредѣлила такое положеніе вещей.

Петровское правительство усиленно искало денегъ на военныя нужды. Оно облагало все—кабаки, бани, дубовые гробы, бороды, платье и пр., но деньги поступали въ казну туго. Тогда Петръ В. рѣшилъ произвести реформу прямого обложенія. До него, въ концѣ XVII вѣка, была установлена дворовая подать, т. е. податной единицей служилъ крестьянскій дворъ. Но Петръ В. замѣтилъ, что крестьяне стараются не дѣлиться и живутъ по нѣсколько семействъ въ одномъ дворѣ для того, чтобы не увеличивать количества податныхъ единицъ. Тогда Петръ В. рѣшилъ взимать подать не съ каждаго двора, а съ каждой души мужского пола. Для этой цѣли надо было переписать все мужское населеніе. Въ 1717 году Петръ В. издаетъ указъ о производствѣ первой подушной ревизіи. Сначала указъ касался только переписи крестьянъ, принадлежащихъ помѣщику, такъ какъ только они принимали участіе въ уплатѣ податей. Холопы не платили податей, потому что они считались вещью владѣльца; различныя категоріи вольныхъ людей тоже не платили, если не обрабатывали землю; на

такихъ же основаніяхъ дворовые люди не подлежали взиманію податей. Тогда Петръ В. издаетъ дополнительные указы, которыми приказываетъ занести въ ревизскія сказки „для вѣдомости“ сначала холоповъ, потомъ вообще вольныхъ людей и, наконецъ, всѣхъ служащихъ у помѣщиковъ людей. Но когда кончилась ревизія, то подать была разложена на всѣхъ записанныхъ въ ревизскія сказки и всѣ они стали именоваться крѣпостными крестьянами. Такимъ образомъ изъ оффиціальнаго языка исчезъ терминъ рабовъ, они оказались записанными въ число крѣпостныхъ крестьянъ, но съ другой стороны въ число помѣщичьихъ крѣпостныхъ были занесены всѣ свободные,—„чей кто ни буди“. Вообще Петръ В. смотрѣлъ на дѣло такъ, что всякій подданный государства долженъ служить государству: дворяне служили тѣмъ, что отбывали военную и гражданскую службу, духовные—молились, купцы торговали, а крестьяне должны были давать подати и сверхъ того своими оброками и барщиной поддерживать дворянъ, время и силы которыхъ уходили на государеву службу (до Петра дворяне не получали регулярнаго жалованья деньгами, а съ Петра они получаютъ ничтожное жалованье за службу, потому что она является ихъ обязанностью). Онъ тщательно опредѣлилъ назначеніе каждаго сословія въ государственномъ дѣлѣ, и никто не долженъ былъ избывать тяжелаго въ то время государственнаго тягла.

Такъ, съ Петра В. рабы поднялись до крѣпостныхъ крестьянъ, но зато крѣпостные крестьяне уже юридически понизились до положенія рабовъ. Отличить крѣпостного крестьянина XVIII вѣка отъ раба трудно, такъ какъ крестьянинъ сохранилъ лишь ничтожные признаки гражданскихъ правъ. Такому положенію вещей еще способствовали другія мѣропріятія петровскаго правительства. Занесенный въ ревизскую сказку крестьянинъ былъ приписанъ не къ землѣ владѣльца, но числился за лицомъ владѣльца. Для правительства было совершенно безразлично, гдѣ и какую работу при помѣщикѣ выполняетъ та податная единица, которая называлась ревизской душой, т. е. на пашнѣ ли, во дворѣ ли помѣщика, на помѣщичьей ли фабрикѣ и т. д. За исправность платежа податей отвѣчаетъ самъ помѣщикъ, слѣдовательно, онъ уплачиваетъ за извѣстное количество ревизскихъ душъ, хотя бы въ дѣйствительности у него столько душъ и не числилось, т. е. онъ могъ ихъ распродать, отдать въ даръ и т. п. Государство

совершенно отдѣлило себя отъ огромнаго крестьянскаго міра, возложивъ на помѣщика судъ, полицію и отвѣтственность за исправное внесеніе податей.

Въ XVIII и въ XIX в.в. крѣпостное право не только не ослаблялось, но еще болѣе усиливалось и несправедливость его сдѣлалась особенно очевидной.

Надо замѣтить, что въ московское время и въ XVIII вѣкѣ до Екатерины II крѣпостное право находило себѣ нѣкоторое оправданіе въ государственныхъ нуждахъ. Въ самомъ дѣлѣ, правительство платило служилому люду за его военную и гражданскую службу пожалованіемъ земель, вотчинъ и помѣстій, съ населенными на нихъ крестьянами. И когда правительство требовало отъ крестьянъ повиновенія помѣщикамъ и уплаты оброка имъ, то оно разсматривало этотъ крестьянскій оброкъ съ отданныхъ крестьянъ какъ платежъ жалованья, такъ какъ помѣщикъ не могъ обрабатывать земли самъ, находясь на службѣ. Съ Петра В. правительство оплачиваетъ службу постояннымъ денежнымъ жалованьемъ, но дворянинъ обязанъ служить независимо отъ размѣра жалованья, а такъ какъ онъ начиналъ службу простымъ солдатомъ, то, разумѣется, получалъ ничтожное вознагражденіе. Служба была обязанностью—такою же, какою для крестьянъ являлась обязанность уплачивать помѣщику оброкъ. Но Екатерина II Жалованною Грамотою дворянству 1785 года освободила дворянъ отъ обязательной службы. Тогда уже среди крестьянъ начались толки о крестьянской свободѣ. Между тѣмъ крѣпостное право только усилилось въ это время. Освобожденные отъ службы дворяне побросали полки и канцеляріи и отправились въ свои родовыя вотчины для того, чтобы заниматься хозяйствомъ. Это дѣло было очень выгоднымъ тогда, потому что вывозъ хлѣба сильно возросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣны на хлѣбъ. Присутствіе помѣщика въ своей вотчинѣ совсѣмъ оказалось не ко благу крестьянъ, потому что вотчинникъ старался всѣ силы крестьянскаго труда направить на добываніе для себя выгодъ.

Кромѣ того, около того же времени еще замѣчается одна особенность въ исторіи крестьянъ. Количество крѣпостныхъ сильно увеличилось въ концѣ XVIII столѣтія. Такъ, въ Малороссіи, присоединенной къ Москвѣ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, совсѣмъ не было крѣпостного права. Свобода крестьянъ, которые здѣсь были вольными арендаторами помѣщичьихъ земель, очень

не нравилась малороссійскимъ помѣщикамъ; среди послѣднихъ было не мало уже и великорусскихъ дворянъ, получившихъ здѣсь земли. Изъ Великороссіи крестьяне охотно убѣгали въ Малороссію, чтобы воспользоваться здѣсь свободой перехода. Идя на встрѣчу дворянскимъ желаніямъ, которые иногда увѣряли правительство, что „простой малороссійскій народъ“ ничего иного не желаетъ, „какъ только записаннымъ быть въ крѣпости по примѣру великороссійскихъ крестьянъ“, Екатерина II издала въ 1783 году указъ, по которому былъ прекращенъ переходъ крестьянъ въ Малороссіи и они оказались въ положеніи крѣпостныхъ. Этотъ указъ весьма распространилъ количественно крѣпостное право. Та же участь постигла и южныя окраины, именно губерніи Екатеринославскую, Вознесенскую, Кавказскую, Таврическую и Донскую область. Мало того, въ теченіе всего XVIII вѣка правительство широко раздавало разнымъ придворнымъ лицамъ имѣнія и крестьянъ изъ числа государственныхъ земель; особенно это усилилось къ концу вѣка. Такъ, императоръ Павелъ раздалъ около 600 т. душъ крестьянъ обоего пола; его мать сдѣлала такую раздачу въ еще болѣе широкомъ размѣрѣ. Съ Екатерины II, когда была завоевана Бѣлоруссія, крѣпостное право по великорусскому образцу стало распространяться и въ предѣлахъ Бѣлоруссіи. Между тѣмъ здѣшнее крѣпостное право, тоже ведущее свое начало отъ XVI вѣка, было менѣе суровымъ, нежели въ Великороссіи, потому что здѣсь было прикрѣпленіе не къ лицу владѣльца, а къ землѣ, т. е. крестьянинъ составлялъ неотъемлемую принадлежность земли, а не владѣльца. Такъ, слѣдовательно, крѣпостное право въ значительной мѣрѣ къ концу XVIII вѣка расширилось и положеніе крестьянъ сдѣлалось значительно хуже.

Въ послѣдующихъ очеркахъ насъ и будетъ главнымъ образомъ интересовать положеніе крѣпостного крестьянства въ томъ видѣ, какъ оно сложилось къ концу XVIII стол. и какъ оно дожило до періода Великой Реформы. Надо только помнить, что наряду съ крѣпостнымъ крестьянствомъ оставалась небольшая часть государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ черносошныхъ крестьянъ, о которыхъ было упомянуто выше. Затѣмъ еще въ XVIII в. выдѣлился особый разрядъ такъ назыв. экономическихъ крестьянъ; это крестьяне монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ. Уже Петръ В., въ виду огромныхъ земель, которыми владѣла церковь, сталъ контролировать доходы ея съ вотчинъ. При Екатеринѣ II всѣ церков-

ныя и монастырскія вотчины были отняты отъ церквей и монастырей, взамѣнъ чего правительство стало выдавать духовенству жалованье и сначала эти земли съ населенными на нихъ крестьянами управлялись особымъ учрежденіемъ, которое носило названіе Коллегіи Экономіи. Впрочемъ, къ концу XVIII вѣка Коллегія Экономіи совсѣмъ исчезаетъ изъ состава высшаго управленія и экономическіе крестьяне сливаются съ крестьянами государственными. По своему юридическому положенію государственные крестьяне были людьми свободными и пользовались казенными землями на арендныхъ правахъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ права ихъ были ограничены, какъ и вообще права низшихъ сословій.

Этотъ предварительный краткій очеркъ происхожденія и установленія крѣпостного права на Руси дастъ намъ подготовку къ болѣе детальному знакомству съ положеніемъ крестьянъ на зарѣ ихъ свободы.

ГЛАВА II.

Юридическое и фактическое положеніе крѣпостныхъ въ XIX в.

Прежде всего выяснимъ юридическое положеніе крѣпостного крестьянства. Надо замѣтить, что наше законодательство касается крѣпостного права весьма скудно и вообще отличается фрагментарнымъ характеромъ. Въ немъ нѣтъ никакой системы, никакой послѣдовательности. Законоположенія были издаваемы по тому или другому случайному поводу. Только въ Сводѣ Законовъ, въ его первомъ и второмъ изданіяхъ при императорѣ Николаѣ I, сдѣланы попытки очертить положеніе крѣпостныхъ, но и статьи Свода далеко не охватываютъ всѣхъ вопросовъ, давно уже выработанныхъ житейскимъ опытомъ. Однимъ словомъ, при недостаточности нашего законодательства, бытовыя условія шли далеко впереди его и путемъ бытовыхъ соотношеній вырабатывались нормы крѣпостного права, впослѣдствіи изрѣдка закрѣпляемыя закономъ. Поэтому понятіе о существѣ крѣпостного права правильнѣе искать не столько въ памятникахъ законодательства, сколько въ бытовыхъ соотношеніяхъ и во взглядахъ дворянства на сущность крѣпостного права. Одинъ памятникъ половины XVIII столѣтія, т. е. періода полнаго установленія и развитія крѣпостного права, именно проектъ Уложенія, составленный Елизаветинской комиссіей, такъ опредѣляетъ желательные размѣры власти помѣщика надъ крестьянами: „Дворянство имѣетъ надъ людьми и крестьяны своими мужеска и женска полу и надъ имѣніемъ ихъ полную власть, безъ изъятія, кромѣ отнятія живота, наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ. И для того воленъ всякій дворянинъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ продавать и закладывать, въ приданое и въ рекруты отдавать и во всякія крѣпости укрѣплять, на волю вѣчно и для промыслу и для прокормленія на время, а вдовъ и дѣвокъ для замужества отпускать“. Въ этой статьѣ про-

екта Елизаветинской комиссіи очень полно опредѣленъ размѣръ власти помѣщика, съ тѣмъ отличіемъ, что наказаніе кнутомъ и производство пытокъ также можно признать установившимся фактомъ, хотя судебная и административная практика иногда привлекала помѣщика къ отвѣтственности за производство пытокъ.

Въ развитомъ своемъ состояніи, какъ мы уже знаемъ, положеніе крѣпостного весьма приближаетъ его къ положенію раба, и институтъ рабства несомнѣнно повліялъ на характеръ крѣпостного уклада. Рабъ есть вещь въ полномъ значеніи этого слова. Крѣпостной сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя черты гражданскаго лица, такъ какъ онъ пользуется нѣкоторыми гражданскими правами и несетъ государственныя повинности. Въ этомъ заключается отличіе крѣпостного отъ раба. Но русское законодательство устанавливало столь тонкую черту отличія, что бытовыя соотношенія могли ее совершенно игнорировать.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отличіе отъ вещи, законодательство оставляло крестьянину слѣдующія права. За крестьяниномъ оставлено право искать отвѣта въ судахъ, со временъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича; но это право рѣдко было осуществляемо, такъ какъ на судахъ за крестьянина выступалъ помѣщикъ. оберегая свои интересы. Наконецъ, Уложеніе сохраняетъ за крѣпостнымъ крестьяниномъ право свидѣтельствованія на судѣ. Вотъ и все, чѣмъ абсолютно пользовался крестьянинъ, какъ членъ гражданскаго общества. Дальше уже идутъ такія гражданскія права, которыя крестьянинъ могъ осуществлять лишь съ согласія владѣльца. Такъ, крестьянинъ имѣлъ право записываться въ гильдію, съ разрѣшенія помѣщика; онъ имѣлъ право обязываться заемными письмами, но не векселями, и опять таки съ разрѣшенія помѣщика; онъ имѣлъ право брать подряды и откупа, но съ поручительствомъ помѣщика: онъ имѣлъ право отлучки до 30 вер. отъ селенія или двора помѣщика, но опять таки по письму помѣщика. Какъ видимъ, гражданскія права крѣпостныхъ обусловлены согласіемъ помѣщика.

Теперь посмотримъ, каковы способы пріобрѣтенія и прекращенія крѣпостного состоянія согласно нашему законодательству. Пріобрѣтеніе правъ крѣпостного состоянія прежде всего получалось посредствомъ рожденія, затѣмъ посредствомъ записи въ ревизскія сказки, пожалованіемъ изъ государственныхъ крестьянъ въ частную собственность; бравшій подкидышей изъ Воспитательнаго Дома

имѣлъ право укрѣпить ихъ за собой; впрочемъ, это право было отмѣнено въ началѣ XIX вѣка; до указа 1815 года дѣйствовалъ отзвукъ стараго правила: по холопу—раба, по рабѣ холопъ, т. е. въ крѣпостное состояніе попадало лицо, имѣвшее одного изъ родителей крѣпостныхъ. Прекращеніе крѣпостного состоянія происходило при поступленіи въ военную службу, вслѣдствіе бѣгства, полученія отпускныхъ отъ помѣщика, и въ одномъ случаѣ—вслѣдствіе акта правительственной власти—въ награду за доносъ на утайку помѣщикомъ ревизскихъ душъ.

Мы уже знаемъ, что крѣпостной не вполнѣ выдѣлялся изъ гражданскаго общества по отношенію къ государству. Такъ, онъ обязанъ былъ платить подушную подать, хотя отвѣтственность за него падала на помѣщика. Крестьянинъ обязанъ былъ нести рекрутскую повинность и другія, какъ то: дорожную, постойную, подводную.

Но отбываніе крестьянами государственныхъ повинностей было поставлено подъ контроль и отвѣтственность помѣщика. Помѣщикъ закрывалъ передъ государствомъ своего крѣпостного крестьянина. Государственная власть устраняла себя отъ всякаго вмѣшательства въ отношенія помѣщика и крестьянина. Уже Уложеніе царя Алексѣя Михайловича запрещаетъ принимать извѣтъ отъ крестьянъ на ихъ владѣльцевъ, за исключеніемъ великихъ государевыхъ дѣлъ, т. е. за исключеніемъ политическихъ доносовъ. Впрочемъ, это правило на практикѣ плохо соблюдалось. Въ царствованіе Елизаветы Петровны и Петра III крестьянскія челобитныя принимались государемъ, хотя еще со времени Петра В. издаются указы, воспрещающіе непосредственно обращаться къ государю. При Екатеринѣ II слѣдуетъ рядъ сенатскихъ указовъ, разъясняющихъ крайне неблагопріятно для крестьянъ упомянутую статью Уложенія; въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ указъ 1768 года, угрожающій челобитчикамъ кнутомъ и вѣчной каторгой на Нерчинскихъ заводахъ за подачу челобитной вопреки Уложенію, если кто—„недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки подавать отважится". Такимъ образомъ, совершенно воспрещались всякаго рода жалобы правительству на владѣльцевъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что послѣ Екатерины и это правило не всегда соблюдалось; крестьянскія челобитныя попадали въ руки государей, но, конечно, въ томъ слу-

чаѣ, когда происходилъ недосмотръ или попустительство администраціи.

Таково положеніе крестьянъ въ гражданскомъ обществѣ, согласно законодательнымъ актамъ.

Теперь обратимся къ другой сторонѣ дѣла — къ правамъ помѣщика по отношенію крестьянъ. Въ этомъ вопросѣ наше законодательство настолько отрывочно, что положеніе крѣпостныхъ можетъ быть скорѣй охарактеризовано изученіемъ того, что было на практикѣ, нежели по законодательнымъ актамъ.

Предоставляя помѣщику обширныя права, наше законодательство возлагаетъ на него и извѣстнаго рода обязательства. Прежде всего отмѣтимъ послѣднія. Такъ, помѣщикъ обязанъ содержать и кормить крѣпостныхъ своихъ во время голода. Сводъ Законовъ налагаетъ штрафъ на помѣщика за каждаго нищаго. Далѣе, законъ требуетъ, чтобы помѣщикъ не мучилъ и не разорялъ крестьянъ. Уже Петръ В. преслѣдовалъ въ своемъ указѣ тѣхъ помѣщиковъ, которые „своимъ деревнямъ безпутные разорители суть“. Екатерининское учрежденіе о губерніяхъ возлагаетъ надзоръ на губернаторовъ: „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутство и мотовство, тиранство, жестокость“. Впослѣдствіи въ XIX вѣкѣ эту статью примѣняли въ тѣхъ случаяхъ, когда открывались явныя злоупотребленія помѣщика своей властью. Наконецъ, законъ возлагаетъ на помѣщика отвѣтственность за аккуратную уплату подушныхъ податей и выполненіе другихъ повинностей, равнымъ образомъ передаетъ ему полицейскій надзоръ въ его имѣніи. Но вообще говоря, эти обязанности помѣщика отличаются большою неопредѣленностью. Мы только что видѣли, что статью общаго характера, направленную противъ роскоши, долгое время должны были примѣнять, за отсутствіемъ другихъ, въ случаяхъ разоренія помѣщикомъ крестьянъ; въ 1817 г. былъ изданъ законъ объ опекѣ надъ помѣщикомъ, разоряющимъ свою вотчину, а въ 1826 г., подъ вліяніемъ продолжающихся злоупотребленій, изданъ указъ, имѣющій скорѣе моральное, нежели реальное значеніе, ибо этимъ указомъ вмѣняется дворянству въ обязанность „христіанское и законное обращеніе съ крестьянами“. Какъ эти законы дѣйствовали на дворянство, мы увидимъ впослѣдствіи. Теперь же замѣтимъ, что, повидимому, важный законъ объ обязанности помѣщика кормить

крестьянъ въ голодные годы, весьма плохо соблюдался помѣщиками. Заблоцкій-Десятовскій свидѣтельствуетъ, что помѣщики въ голодные годы (онъ описываетъ 1839 голодный годъ) рѣдко помогали крестьянамъ и сами бѣжали изъ своихъ имѣній. Болѣе сердобольные изъ нихъ давали крестьянамъ на пудъ хлѣба 30 фунтовъ лебеды и желудей. Въ тѣ же голодные годы 1839—40 Николаевское правительство выдало помѣщикамъ огромную по тому времени ссуду 10.000.000 руб. для продовольствія крестьянъ, но этотъ опытъ оказался неудачнымъ, такъ какъ правительству пришлось встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ злоупотребленій при раздачѣ помѣщиками пособій своимъ крестьянамъ.

Теперь перейдемъ къ вопросу о правахъ помѣщика по отношенію къ крестьянамъ. Эта сторона въ нашемъ законодательствѣ оказывается наименѣе разработанной и наиболѣе покоющейся на обычаѣ.

Многообразныя права помѣщика сводятся къ слѣдующимъ важнѣйшимъ категоріямъ: во 1) къ праву распоряжаться трудомъ крестьянина, во 2) къ праву распоряжаться личностью крестьянина и въ 3) къ праву суда и наказанія.

Право на трудъ крестьянина—самая важная сторона крѣпостного права, но въ то же время самая темная въ нашемъ законодательствѣ. Правда, указываютъ еще на законъ конца XVI в., подтверждавшійся потомъ въ XVII и XIX столѣтіи о воспрещеніи работать въ праздничные и воскресные дни. Что касается правъ помѣщика на трудъ крестьянина въ будніе дни, то впервые манифестъ императора Павла 1797 года опредѣляетъ права помѣщика на трехдневную барщину крестьянина. Однако, этотъ законъ, изданный въ періодъ, когда дѣйствительно трехдневная барщина была господствующей формой барщиннаго труда, впослѣдствіи не исполнялся помѣщиками. Практика разошлась съ законодательнымъ актомъ, и правительство не имѣло возможности да и особенной нужды настаивать на исполненіи этого закона. Только въ Сводѣ Законовъ изданія 1857 г. нѣсколько подробнѣе опредѣляются права помѣщика на трудъ его крѣпостныхъ. Именно, помѣщикъ могъ требовать отъ своихъ крѣпостныхъ исполненія всякаго рода работъ, налагать на нихъ оброки при исполненіи двухъ условій: во 1) не приводить ихъ къ разоренію и во 2) работа должна производиться установленное число дней, т. е. 3 дня въ недѣлю. Но законъ и въ этой редакціи теменъ и не ясенъ,

такъ какъ онъ не опредѣляетъ степени разоренія, формы работъ и размѣра крестьянской пашни. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти соотношенія зависятъ отъ воли и выгоды помѣщика. Объ этомъ намъ еще придется говорить.

Изъ права помѣщика на трудъ крестьянина проистекалъ рядъ послѣдствій, опредѣляющихъ форму этого права. Такъ, прежде всего помѣщикъ могъ пользоваться трудомъ крестьянина въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему наиболѣе это было удобно, т. е. помѣщикъ могъ брать крестьянина во дворъ для личныхъ услугъ, переселять крестьянъ изъ одной вотчины въ другую и пр. О положеніи дворовыхъ мнѣ придется подробнѣе говорить въ другомъ мѣстѣ, теперь же скажу, что переводъ изъ крестьянъ въ дворовые былъ очень тягостенъ:—люди отрывались отъ привычныхъ занятій, семьи, и при томъ попадали въ среду, нерѣдко дѣйствовавшую развращающимъ образомъ. Въ Костромскомъ архивѣ Чичерина можно подмѣтить штрихи, характеризующіе противоположные взгляды на переводъ крестьянъ въ дворовые—помѣщика и крестьянъ. Такъ Чичеринъ пишетъ, что служба въ домѣ „крестьянской дѣвкѣ есть милость, изъ чего заключить можно, что таковая дѣвушка должна радоваться такому благосостоянію и избрана должна быть изъ почетнаго семейства, достойнаго вознагражденія“. А вотъ какъ смотрѣли на дѣло женщины, удостоенныя этой милости. Когда тотъ же Чичеринъ потребовалъ присылки въ Петербургъ для производства черной работы, „вдовы хорошаго вида и честнаго поведенія“, то избранная на сходѣ вдова немедленно заявила о желаніи выкупиться на волю и о готовности внести за свое освобожденіе 250 р. Чичеринъ былъ мягкій помѣщикъ и управленіе предоставлялъ міру. Но теперь и міръ оказался въ затрудненіи, такъ какъ выбранныя послѣдовательно одна за другой 4 вдовы поступили также. Сходъ донесъ Чичерину, что больше „красивыхъ честнаго поведенія вдовъ не предвидится, но что и тѣ, на которыхъ можетъ пасть выборъ, тоже собираются выкупиться“.

Петровское законодательство требовало разрѣшенія Камеръ-коллегіи на переселеніе, хотя, впрочемъ, и тутъ имѣлась въ виду лишь регистрація переселяемыхъ съ точки зрѣнія фиска. Но все же необходимость сношенія съ центральнымъ вѣдомствомъ представляла извѣстнаго рода сдержку въ свободѣ переселенія. Екатерининское учрежденіе о губерніяхъ освобождало помѣщика отъ всякихъ про-

волочекъ, потому что оно „ко удовольствію“ помѣщиковъ разрѣшаетъ переселеніе крестьянъ, требуя лишь подачи свѣдѣній о переселяемыхъ въ мѣстный земскій судъ, для установленія вопроса объ уплатѣ подушной подати и выполненія рекрутской повинности за текущій годъ. Между тѣмъ на практикѣ переселенія происходили при весьма тяжелой обстановкѣ. Иногда они производились цѣлыми деревнями, иногда отдѣльными семьями. Съ конца XVIII вѣка, при оживленіи земледѣльческой культуры, когда начался усиленный захватъ новыхъ незаселенныхъ мѣстностей Приволжья и Новороссіи, помѣщики центральныхъ губерній начали усиленно переводить крестьянъ въ новые края. Тогда развивается обычай продажи деревень на выводъ. Правда, что при сгущенности населенія въ центрѣ, переселенія иногда были полезны для самихъ крестьянъ. Но не надо забывать и тяжелыхъ сторонъ, связанныхъ съ перемѣной мѣста. Многіе помѣщики совершали разнаго рода злоупотребленія. Такъ, были помѣщики (разсказываютъ Самаринъ и Романовичъ-Славатинскій), которые переселяли съ мѣста на мѣсто своихъ разбогатѣвшихъ крестьянъ. Далѣе, обычно міръ давалъ подмогу переселяющимся. Бытъ новоселовъ въ общемъ представляетъ собой мрачныя картины. Крестьяне живутъ первый годъ въ землянкахъ. Иногда помѣщики выстраиваютъ заранѣе избы для новоселовъ, но назначаютъ за нихъ принудительно большую плату, а оставленныя переселенцами избы въ родной деревнѣ продаютъ въ свою пользу. Наконецъ, очевидцы описываютъ другія тяжелыя стороны переселенія: крестьяне съ трудомъ привыкаютъ къ новой мѣстности, къ новымъ климатическимъ условіямъ, страдаютъ отъ неурожая, вслѣдствіе незнакомства съ почвенными условіями и т. п.

Переселенія иногда совершались при такихъ условіяхъ и для такихъ цѣлей, что крестьянамъ приходилось бы отвыкать отъ своихъ обычныхъ работъ и привыкать къ другимъ. Это обстоятельство, въ связи съ естественнымъ стремленіемъ крестьянъ оставаться на насиженныхъ мѣстахъ, на своемъ родномъ попелищe, нерѣдко давало поводъ къ крестьянскимъ бунтамъ. Въ 1814 г. извѣстный горнозаводчикъ Яковлевъ купилъ деревню Аристово въ Вятской губерніи и приказалъ крестьянамъ переселиться на свои желѣзнодѣлательные заводы. Крестьяне воспротивились, переселиться отказались, такъ что помѣщику пришлось обратиться къ содѣйствію мѣстной, а затѣмъ и губернской администраціи.

Сначала явилась уѣздная администрація. Послѣ долгихъ переговоровъ администраціи съ крестьянами, послѣдніе стояли все-таки на своемъ. Толпа крестянъ, среди которыхъ были и вооруженныя женщины, стояла упорно на своемъ, и исправникъ долженъ былъ донести по начальству, что „переѣзжать на заводы они не хотятъ, а лучше умрутъ въ теперешнемъ ихъ состояніи". Дѣло не обошлось безъ призыва военной команды, увѣщаній священника и насильственнаго перевода крестьянъ на заводы. Крестьянъ переселили, но высшія власти обратили вниманіе на это обстоятельство и въ 1817 г. наведены были справки о томъ, какъ устроены крестьяне на новомъ мѣстѣ. Командированный по государеву приказанію флигель-адъютантъ Панкратьевъ доложилъ, что онъ нашелъ крестьянъ „въ самомъ бѣдственномъ состояніи". „Привыкши съ давнихъ лѣтъ обрабатывать поля свои и жить въ счастливомъ избыткѣ, они лишены были всякой собственности и погнаны, какъ стадо баранонъ, изъ мирныхъ жилищъ своихъ въ каторжную работу. Я говорю каторжную (пишетъ Панкратьевъ), по работѣ на Холунецкихъ заводахъ, столько же трудной, какъ и на Нерчинскихъ. Ужасный переходъ сей отъ сельской жизни къ заводской столь труденъ, что изъ бѣдныхъ переселенцевъ 77 душъ обоего пола умерли втеченіе одного прошлаго года, что составляетъ шестую часть цѣлаго." Рабочіе получаютъ довольно большую плату на заводѣ, но монопольная продажа провіанта дѣлаетъ то, что никто ничего не можетъ заработать и многіе остаются должниками экономіи. Панкратьевъ не пишетъ еще о томъ, на что жаловались сами крестьяне въ своихъ просьбахъ,— именно на жестокое обращеніе съ рабочими. Не даромъ и Панкратьевъ заявляетъ, что участь ихъ „весьма похожа на участь негровъ, кои томятся въ американскихъ плантаціяхъ. Переселенцы сіи объявили мнѣ, что они лучше желаютъ быть взяты въ солдаты, или пойти на поселеніе въ Сибирь, чѣмъ оставаться на заводахъ Яковлева". Впрочемъ, удовлетворивъ свое любопытство, правительство ничего не сдѣлало для улучшенія быта переселенцевъ. Постановленіемъ Комитета Министровъ, они были оставлены при заводахъ ввиду крайняго недостатка рабочихъ рукъ на заводѣ и затѣмъ лишь губернатору вмѣнено было въ обязанность вникнуть въ положеніе переселенцевъ.

Иногда, впрочемъ, крестьяне отказывались переселиться и безъ столь уважительныхъ причинъ, какъ переселеніе на заводы,—

просто изъ желанія остаться на давно насиженномъ мѣстѣ. Такъ, незадолго до крестьянской реформы, крестьяне княгини Крапоткиной Рязанской губерніи оказали сопротивленіе, когда имъ было приказано переселиться въ другую вотчину. Крестьяне надѣлали грубостей своей помѣщицѣ при переговорахъ. Губернатору пришлось прислать въ имѣніе особое присутствіе суда для разбора дѣла. Тогда крестьяне насильно вырвали изъ рукъ пріѣхавшихъ тѣхъ изъ своихъ односельцевъ, которые подлежали наказанію, и всѣ разбѣжались. Дѣло кончилось водвореніемъ порядка въ имѣніи при помощи военной команды.

Другимъ видомъ эксплоатаціи крестьянскаго труда была отдача помѣщиками крестьянъ въ наемъ. Это право съ 1775 года не было ничѣмъ ограничено, но указомъ этого года срокъ найма ограниченъ 5-ю годами. Закономъ 1825 г. ограниченъ кругъ лицъ, которымъ помѣщикъ могъ отдавать своихъ крестьянъ въ услуженіе, именно, воспрещалось нанимать крѣпостныхъ крестьянъ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть крѣпостными. Но на практикѣ это не выполнялось, такъ какъ обходъ закона былъ не труденъ. Особенно тяжело было положеніе бѣлорусскихъ крестьянъ, такъ какъ здѣсь былъ весьма распространенъ обычай отдачи крестьянъ на земляныя работы. Въ Малороссіи помѣщики сотнями нанимали крестьянъ на свекловичныя плантаціи. Бывали помѣщики, которые промышляли отдачей своихъ крестьянъ въ наемъ. Такъ извѣстный временщикъ Аракчеевъ охотно отдавалъ своихъ крестьянъ въ наемъ подрядчикамъ на казенныя работы. Положеніе отданныхъ на работы крестьянъ было въ высшей степени тяжелое.

Изъ права помѣщика на трудъ крестьянина вытекало и его право на имущество, пріобрѣтаемое крестьяниномъ. Весь трудъ крестьянина есть собственность помѣщика. Поэтому всякое имущество, пріобрѣтенное крестьяниномъ, хотя бы для себя лично, принадлежало помѣщику. Этотъ взглядъ вытекаетъ изъ самаго существа крѣпостного права. Еще въ концѣ XVII вѣка долги помѣщика взыскиваются посредствомъ правежа съ крестьянъ. Между тѣмъ наше законодательство до половины XIX стол. совершенно умалчивало объ этомъ. Только законъ 1848 года даровалъ крестьянамъ право собственности съ разрѣшенія, однако, помѣщика. Житейская практика сводилась, конечно, къ тому, что крестьянинъ владѣлъ и пользовался тѣмъ имуществомъ, которое онъ самъ

лично пріобрѣталъ. У крупныхъ помѣщиковъ были крестьяне, весьма богатые, владѣвшіе заводами, имѣніями, или обладавшіе капиталами, нажитыми въ торговомъ дѣлѣ. Такъ, у крѣпостныхъ князя Голицына (начало XIX в.) въ Нерехтскомъ уѣздѣ было нѣсколько заводовъ. Богатствомъ и зажиточностью славились въ свое время крѣпостные графа Шереметева. Изъ нихъ вышло много крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Такъ, въ торговомъ селѣ Ворсмѣ былъ кожевенный и два мыловаренныхъ завода, принадлежавшіе крестьянамъ, въ другомъ такомъ же селѣ Павловѣ было однихъ кожевенныхъ заводовъ 15.

На извѣстнаго путешественника сороковыхъ годовъ барона Гакстгаузена, села Шереметевскихъ крестьянъ произвели весьма благопріятное впечатленіе. Такъ, онъ разсказываетъ о посѣщенномъ имъ селѣ Паинъ Пензенской губерніи, съ 2300 мужскихъ душъ: „Въ селѣ цѣлыя улицы, разсказываетъ Гакстгаузенъ, отличныхъ домовъ, между ними большіе каменные дома съ колоннами и балконами, крытые желѣзомъ. Тутъ значительная торговля скотомъ и саломъ. Г. Шереметевъ, самый богатый помѣщикъ Россіи, особенно гордится богатствомъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ; и дѣйствительно онъ владѣетъ многими крестьянами-милліонерами. Въ Бирючинскомъ уѣздѣ ему принадлежитъ село Алексѣевское съ 32.000 душъ. Въ этомъ селѣ есть крестьяне, владѣющіе помѣстьями съ 600—700 крѣпостныхъ людей, записанныхъ на имя Шереметева (потому что, по русскимъ законамъ, крестьяне не могутъ купить имѣнья или крѣпостныхъ людей на свое имя). Г. Шереметевъ не препятствуетъ своимъ крѣпостнымъ пріобрѣтать недвижимую собственность и не возвышаетъ оброка съ богатыхъ людей. Онъ рѣдко отпускаетъ на волю кого нибудь изъ своихъ крестьянъ, да большинство изъ нихъ и не желаютъ этого, такъ какъ помѣщикъ защищаетъ ихъ больше, нежели чиновники, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени. Нѣкоторые крестьяне, нуждавшіеся по особымъ причинамъ въ свободѣ, охотно платили за нее отъ 80 до 100 тысячъ рублей. Г. Шереметову же принадлежитъ и русскій Манчестеръ, село Иваново, которое одно даетъ даетъ работу на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ 42,000 человѣкамъ и вырабатываетъ ежегодно 900,000 кусковъ бумажныхъ матерій на сумму 23,400,000 р. асс.“.

„Затѣмъ мы произжали одну уваровскую деревню. Въ ней нѣтъ слишкомъ богатыхъ домовъ, но всѣ жители ея должны быть

равномѣрно зажиточны. У графа Уварова въ этой мѣстности 12 деревень съ 5000 душъ, и у нихъ 38,000 десятинъ пашни. Въ этой богатой странѣ можно считать доходъ съ тягла въ 200 р. асс. Одинъ помѣщикъ на луговой сторонѣ Волги получаетъ съ 300 душъ отъ 80 до 100 тысячъ руб. асс. доходу".

Тотъ же Гакстгаузенъ разсказываетъ о посѣщеніи имъ крестьянскаго дома въ одномъ селѣ Нижегородской губерніи, принадлежащемъ кн. Салтыкову. Это очень любопытный разсказъ съ точки зрѣнія бытовой. Такъ, управляющій этими имѣніями Тарховъ ввелъ путешественника въ домъ крестьянина, именно въ домъ фабриканта восковыхъ свѣчей. Снаружи дома былъ балконъ на колоннахъ, а внутри не было недостатка въ диванахъ и стульяхъ съ волосяными подушками, въ столахъ, обояхъ и оконныхъ гардинахъ, а прежде всего въ машинѣ. „Но вся эта новая роскошь была только для внѣшняго вида; самъ хозяинъ простой русскій крестьянинъ съ длинной бородой, ходилъ въ синемъ кафтанѣ, жена его простая матушка, въ крестьянской одеждѣ съ душегрѣйкой, обитой мѣхомъ, всѣ дѣти также въ мѣстной одеждѣ. Къ тому же они жили не въ отдѣланной части дома, а въ прилегающей къ ней черной избѣ, мало отличающейся отъ обыкновенной крестьянской избы". „Насъ приняли очень радушно и угощали чаемъ, пирогами, всевозможными мясами и шампанскимъ, а когда я выразилъ желаніе послушать народное пѣніе и посмотрѣть праздничную одежду, то въ какіе нибудь четверть часа составился въ сосѣдней комнатѣ хоръ, пѣвшій необыкновенно хорошо". Но это было благосостояніе рабовъ, которое неблагопріятно поразило заѣзжаго нѣмца. Когда баронъ сказалъ комплиментъ красивой крестьянской дѣвушкѣ, то получилъ отъ нея грустный отвѣтъ: „я вѣдь изъ бѣдныхъ крестьянъ, еще не отпущенныхъ на волю!". И путешественникъ съ грустью замѣчаетъ: „въ самомъ дѣлѣ, что такое красота безъ свободы"?

Разумѣется, богатствомъ отличались промысловыя села. Такъ, напримѣръ, село Ухолово, принадлежавшее Савелову, состояло изъ торговой площади съ лавками, шалашами, анбарами и т. п. Въ немъ производились большія хлѣбныя операціи. Торговыя фирмы Москвы, Коломны и Нижняго чрезъ посредство своихъ агентовъ покупали здѣсь хлѣбъ и отсюда уже направляли его по назначенію. Здѣсь насчитывалось до 200 крупорушекъ и всѣ онѣ работали безостановочно. Подвозъ хлѣба былъ такъ великъ, что

вся базарная площадь, пространствомъ въ 7 десятинъ, была наполняема возами. Дѣйствительно, многія нынѣшнія фирмы ведутъ свое начало съ крѣпостного времени (Морозовская и друг.) Шиповъ, самъ бывшій крестьянинъ одного изъ подобнаго рода промысловыхъ селъ, разсказываетъ, что за одну незначительную провинность на его отца былъ наложенъ штрафъ въ 7.000 руб., и что въ ихъ селѣ при раскладкѣ оброка на богатыхъ крестьянъ приходился большой платежъ; наприм., его отецъ платилъ ежегодно 5.000 руб. ассигн., одинъ крестьянинъ того же села—10.000 рублей.

Но едва ли не самымъ интереснымъ видомъ крестьянской собственности, которой крестьяне владѣли съ разрѣшенія помѣщика, было владѣніе крѣпостными же крестьнами. Мы уже только что говорили, что Гакстгаузенъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ этотъ фактъ. Но онъ подтверждается помѣщичьими архивами. Вдова Семезова, крѣпостная крестьянка графа Шереметева, дала въ домовой конторѣ графа такое показаніе о недвижимомъ имуществѣ, доставшемся ей послѣ мужа. Такъ, ей принадлежало село Богородское, доходъ отъ котораго поступалъ въ домовую графскую канцелярію, а послѣдняя уже выдавала деньги фактической владѣлицѣ, затѣмъ домъ въ Москвѣ съ пивоваренным заводомъ, огородная земля, домъ въ деревнѣ Выхиной и дача въ Костромской губерніи. Разумѣется, все это имущество пріобрѣталось на имя помѣщика. Конечно, случаи владѣнія крестьянъ крѣпостными деревнями большого размѣра были довольно рѣдкимъ явленіемъ. Гораздо чаще крестьяне покупали себѣ работниковъ во дворъ, или же рекрутовъ. Такіе случаи извѣстны, напримѣръ, изъ дѣлъ Чичеринскаго архива Костромской губ. Иногда помѣщики и сами не знали о томъ, кѣмъ изъ ихъ крестьянъ пріобрѣтены крѣпостные крестьяне и для какой цѣли. Князь Алексѣй Куракинъ въ одномъ изъ приказовъ бурмистру своей костромской вотчины (1822 годъ) между прочимъ спрашиваетъ: „на какомъ положеніи они проживаютъ и какія несутъ обязанности, также имѣютъ ли они для обрабатыванія къ своему пропитанію землю, или пользуются содержаніемъ отъ хозяевъ и какимъ именно“. По словамъ приказа, въ вотчинѣ многіе крестьяне покупаютъ людей какъ для отдачи въ рекруты за свои семейства, такъ и въ качествѣ работниковъ.

Въ дѣлахъ Шереметева сохранилось довольно много данныхъ, которыя касаются имущества его крѣпостныхъ.

Интересно, что крестьяне иногда сообща цѣлымъ селомъ владѣли крѣпостными для того, чтобы при ихъ помощи отбывать повинности и платежи. Довольно любопытный разсказъ объ этомъ мы находимъ въ запискахъ Свербеева. Онъ вступилъ въ управленіе имѣніями одной княжны, своей родственницы и по случаю объявленнаго рекрутскаго набора издалъ правила по вотчинѣ объ очередной сдачѣ въ рекруты. Вызвавъ въ Москву бурмистра, новый управляющій объявилъ ему о порядкѣ набора. Бурмистръ отвѣчалъ и довольно грубо: „У насъ этого не водится, мы никогда изъ всего нашего села рекрутъ не ставимъ".—„Какъ же такъ? А этотъ очередной списокъ, подписалъ его ты".—„Я. Да это очередные деревни Казанки".—„Какой деревни Казанки? У меня въ описи имѣній вашей помѣщицы нѣтъ ни одной подъ этимъ названіемъ".—„Да деревнѣ Казанкѣ и не слѣдуетъ быть въ вашей описи, она не княжны, а наша".—„Что это за чертовщина? Какъ же она ваша, а не княжны"? „Извольте видѣть-съ. Мы самую эту деревню (душъ 50 или 60) по сосѣдству съ нами купили за себя еще при покойномъ князѣ, отцѣ нашей барышни, и на его имя съ тѣмъ, чтобы за село свое ставить изъ нея людей въ солдаты. Такъ это съ тѣхъ поръ и ведется законно. Вы тоже, сударь, эфтимъ насъ не обидьте, потому что это самой княжнѣ все извѣстно".

Разумѣется, права помѣщика на личность крестьянина были самымъ существеннымъ правомъ. Они логически вытекаютъ изъ права помѣщика на трудъ крестьянина. Вообще помѣщикъ не былъ ограниченъ въ своихъ правахъ вмѣшательства въ личную жизнь крестьянина. По обыкновенію, и здѣсь законодательство отличается чрезвычайной фрагментарностью. Изъ правъ помѣщика на личность крестьянина вытекали, во первыхъ, право помѣщика регулировать браки крестьянъ, во вторыхъ, право продажи крестьянина, и въ третьихъ, право наказанія.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 году, впервые закрѣпляетъ предшествующую практику, заключавшуюся въ томъ, что помѣщикъ могъ брать выводныя деньги за тѣхъ изъ своихъ крѣпостныхъ женщинъ, которыя выходили замужъ въ другое крѣпостное владѣніе. Этотъ законъ подтверждался въ послѣдующее время нѣсколько разъ. Такъ какъ крѣпостной былъ собственностью помѣщика, то естественно обычай, при умолчаніи

закона, давалъ помѣщику возможность регулировать браки своихъ крестьянъ, т. е. требовать вступленія въ бракъ, назначать брачныя пары, запрещать браки въ видѣ наказанія. Этотъ обычай уже въ концѣ XVIII вѣка возмущалъ либерально настроенныхъ людей. „Вступающіе въ бракъ, возмущается Радищевъ,—хотя бы и ненавидѣли другъ друга, властью господина своего влекутся на казнь къ алтарю Отца всѣхъ благъ. И служитель Его приметъ исторгнутую властью клятву, и утвердитъ бракъ. И сіе назовется союзомъ божественнымъ. И неустройство сіе останется въ законѣ не наказаннымъ“.

Но какъ разъ въ томъ же концѣ XVIII столѣтія помѣщики проявляютъ особенную заботу объ увеличеніи неселенія своихъ вотчинъ. Каждое тягло, т. е. каждая брачная пара, представляло собою единицу платежную и повинностную. Съ развитіемъ интереса къ сельскому хозяйству у помѣщиковъ пробуждается особенный интересъ къ увеличенію населенія, т. е. рабочихъ рукъ. Надо замѣтить, что забота объ увеличеніи населенія въ то время считалась насущнѣйшей заботой всѣхъ правительствъ Западной Европы. Это было время, когда Пруссія и Австро-Венгрія были усиленно заняты колонизаціей своихъ еще не занятыхъ земель. Австрійскіе чиновники изъ колонизаціоннаго бюро съ радостью встрѣчали славянскихъ колонистовъ, прибывавшихъ на Дунай, при чемъ особенно внимательно глазами ощупывали животы женщинъ, и радовались, когда переселялось большое число беременныхъ. Австрійскія газеты высчитывали, сколько прибыло новыхъ колонистовъ и сколько среди нихъ беременныхъ женщинъ. Наши экономисты того же періода, а равнымъ образомъ и помѣщики, начитавшіеся западно-европейской экономической литературы, принимали свои россійскія мѣры къ увеличенію кадровъ рабочихъ. Въ разсужденіи одного ученаго автора, напечатанномъ въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, мы встрѣчаемъ такой совѣтъ помѣщикамъ: „Дѣвокъ, писалъ онъ, отъ осмнадцати лѣтъ въ супружество отдавать; добрый экономъ отъ скотины и птицъ старается племя разводить, а человѣкъ, просвѣщеніе разумѣющій, паче долженъ о размноженіи рода человѣческаго, при помощи Божіей, печность (заботливость) приложить“.

Помѣщики эти идеи прилагали на практикѣ. Извѣстный полководецъ Суворовъ былъ очень заботливымъ хозяиномъ. Онъ приказывалъ иногда высылать дѣвушекъ для отдачи замужъ за сво-

ихъ дворовыхъ людей: „не можно-ль, государь мой,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ своему управляющему,—выбрать... изъ моихъ крестьянскихъ... дворовымъ людямъ въ невѣсты дѣвушку-другую, только чтобы было мужичкамъ безобидно. Сихъ дѣвицъ извольте отправлять... на крестьянскихъ подводахъ безъ нарядовъ, однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, не очень сохранно". По предписаніямъ Суворова „лица не разбирай", лишь бы были присланы жены для дворовыхъ, „кои какъ дубы выросли". Графъ Вл. Орловъ требовалъ, чтобы дѣвки и парни вступали въ бракъ: „сіе есть дѣло богоугодное",—пишетъ онъ въ своемъ предписаніи. Поэтому сельскій бурмистръ долженъ былъ побуждать „увѣщаніями и иными средствами" вступать въ бракъ. Впрочемъ, кромѣ увѣщаній полагался еще и штрафъ „съ дѣвокъ отъ 20 л. и съ парней отъ 25 лѣтъ". „Наказанію не подлежатъ физически неспособные", однако, такихъ надо свидѣтельствовать, „дабы по сему случаю обмана не было и не отбывали бы отъ брака тѣ, которые къ оному способны"; свидѣтельствовать, разумѣется, долженъ былъ сельскій бурмистръ.

Вотчинница Муромскаго уѣзда графиня І. Воронцова въ 1796 году даетъ предписаніе своему вотчинному приказчику: „Представляишъ (сохраняемъ правописаніе), что въ вотчинахъ моихъ находятся холостыхъ и вдовыхъ равношъ и девокъ совершенныхъ летъ, которых въсѣхъ в замужство выдать повелеваю, чтобъ разбирались добровольно; ежелишъ между отцовъ будутъ хакие упорствы, то от таковыхъ дочери взяты будутъ в можаискую мою деревню, а на нихъ возложится денежный штрафъ за ихъ ослушание и непремѣнно въ будущемъ мисоедѣ всехъ пережинеть и меня репортовить. По сему исполни".

Костромской помѣщикъ Чичеринъ строго запрещалъ вѣнчать кого-либо безъ его вѣдома и требовалъ ежегодно справки о женихахъ и невѣстахъ. Такъ, онъ отдалъ приказъ „къ дѣвкѣ Марьи, выбрать въ мужья изъ сиротъ или безсемейныхъ вдовца такова, чтобы могъ домъ и хлѣбопашство содержать, и малолѣтнихъ прокормить и оброкъ и подати платить. Кто же изъ нихъ не будетъ слушатся приговора старшихъ, женихъ или невѣста, то ослушниковъ отправить ко мнѣ".

Князь А. Голицынъ, начитавшись въ Парижѣ экономическихъ статей о пользѣ увеличенія населенія, приказалъ повѣнчать всѣхъ холостыхъ и незамужнихъ въ своихъ вотчи-

нахъ по жребію. Вѣнчались 400 паръ — „добровольно и безъ всякаго понужденія“, — докладывалъ въ Парижъ барину его бурмистръ. Надо замѣтить, что браки по жребію были дѣломъ довольно распространеннымъ и, по многимъ свидѣтельствамъ, нравились крестьянамъ значительно болѣе, нежели вмѣшательство помѣщика. Свербеевъ разсказываетъ, что вступивъ въ управленіе имѣніемъ въ молодости, онъ былъ очень удивленъ слѣдующимъ инцидентомъ. Къ нему явился бурмистръ и спрашиваетъ: „Какъ прикажете мнѣ быть со свадьбами“?—„Что мнѣ до нихъ за дѣло,— отвѣчалъ я,—какъ было, такъ пусть и будетъ“.—„Благодаримъ покорно,—и бухъ въ ноги,—стало, у насъ пойдетъ опять по-прежнему, на сходкѣ по жеребью“. — „Какъ по жеребью“?—„Да мы, батюшка, приводимъ на міръ загодя до храмового праздника всѣхъ нашихъ молодыхъ ребятъ и ставимъ ихъ въ рядъ, а въ другомъ ряду взрослыхъ дѣвокъ, тутъ и дается имъ жеребій, и кому какъ выйдетъ, на какой дѣвкѣ жениться, у нихъ на другой день бываетъ помолвка, а въ праздникъ и свадьба“. Насилу уговорилъ я этого бурмистра такой обычай отмѣнить.

Но однимъ понужденіемъ или жеребьеваніемъ вмѣшательство помѣщика далеко не ограничивалось. Стремленіе къ полученію большаго числа работниковъ привело къ уродливому обычаю— къ женитьбѣ малолѣтнихъ мальчиковъ на взрослыхъ дѣвушкахъ работницахъ. Гакстгаузенъ разсказываетъ, что видѣлъ шестилѣтнихъ мужей.

Само собою разумѣется, что помѣщикъ, требуя отъ крестьянъ вступленія въ бракъ, предъявлялъ и требованія къ тому чтобы браки давали опредѣленные результаты въ дѣлѣ размноженія населенія. Какъ это можетъ показаться ни страннымъ, но такого рода распоряженія дѣлались вотчинниками. Извѣстный временщикъ Аракчеевъ издавалъ печатные указы по своей вотчинѣ гдѣ на все были опредѣлены правила. Тамъ встрѣчаемъ и предписанія графа: „У меня всякая баба,—пишетъ графъ,—должна каждый годъ рожать и лучше сына, чѣмъ дочь. Если у кого родится дочь, то буду взыскивать штрафъ. Если родится мертвый ребенокъ, или выкинетъ баба—тоже штрафъ. А въ какой годъ не родитъ, то представь 10 аршинъ точивы“ (полотна). И вотъ что характерно: самъ Аракчеевъ хвалился, что у него бабы хорошо рожаютъ,—только со смертностью дѣтей онѣ никакъ не могутъ справиться. Такъ, для аракчеевскихъ крестьянъ брачная

повинность была не легкой. Даже графскій дворецкій, такъ сказать первый министръ въ вотчинѣ, однажды пишетъ графу извинительное письмо, что у него „противъ воли“ родилась дочь, а не сынъ.

Правда, были помѣщики, напр., графъ П. Е. Румянцевъ, графы Хребтовичи, которые въ своихъ уложеніяхъ предоставляли крестьянамъ полную свободу вступленія въ бракъ, но такихъ было сравнительно немного. Выдача дѣвушекъ замужъ въ другія вотчины давала помѣщикамъ иногда большой доходъ. Уже на рубежѣ XVIII-XIX в.в. средній размѣръ выводныхъ денегъ равенъ 30-40 руб., а извѣстная княгиня Дашкова съ 1807 г. брала по 300 руб. Размѣръ выводныхъ денегъ иногда ставилъ крестьянъ маленькихъ вотчинъ въ весьма затрудненное положеніе: въ маленькой деревнѣ одного помѣщика всѣ успѣвали породниться и подысканіе женъ оказывалось дѣломъ затруднительнымъ.

Вмѣшательство помѣщика въ браки крестьянъ приводило часто и къ тому, что крестьяне добивались приказанія помѣщика выдать замужъ или женить противъ воли. Одинъ крестьянинъ Кромскаго уѣзда „бьетъ челомъ и плачитца“ своему помѣщику, чтобы онъ приказалъ женить его сына на дѣвкѣ Мирона Никифорова, своего односельчанина, потому что „которыя есть бабы и то все дуры прясть“, а на сторонѣ въ другой вотчинѣ просителю навѣсту „взять негдѣ, что я, государь, обезлошадилъ и ежели, государь, вашей милости не будетъ и я въ конецъ разорюсь“.

Брачная повинность, возлагавшаяся на крестьянъ, прекрасно уживалась съ сентиментальнымъ настроеніемъ вѣка. Мы только что видѣли, какъ Свербеевъ, молодой баринъ, не знакомый еще съ крѣпостными порядками, былъ удивленъ обычаемъ жеребьеванія при заключеніи брака. Вотъ еще аналогичный разсказъ: „Молодая элегантная дама, воспитанная въ Смольномъ или Екатерининскомъ Институтѣ и только что вышедшая замужъ по страсти, жила то въ Петербургѣ, то за границей и пріѣхала въ свое собственное оброчное имѣніе; угостила обѣдомъ крестьянъ и крестьянокъ, одарила послѣднихъ и распрашивала съ любопытствомъ молодыхъ, любятъ ли онѣ нѣжно своихъ мужей; тѣ, разумѣется, захихикали и стыдливо закрывали лица руками; отвѣта отъ нихъ она не добилась. „Не правда ли,—обратилась она тогда къ старостѣ,—онѣ выходятъ всѣ по любви“?—„То есть, какъ это по любви“?—„Ну, коли ты не понимаешь, разумѣется, по *страсти*“.—

„Вѣстимо дѣло, сударыня, по *страсти*; иную коли не пристрастишь, ни за что не пойдетъ, хоть колъ на головѣ теши; охота ли ей будетъ выходить за вдоваго на чужихъ дѣтей“.

Продажа крестьянъ безъ земли ведетъ свое начало съ конца XVII в. Извѣстенъ указъ Петра В., въ которомъ онъ порицаетъ помѣщиковъ, продающихъ крестьянъ, какъ скотовъ. Но этотъ указъ не имѣетъ силы закона—это лишь увѣщаніе, обращенное монархомъ къ своимъ слугамъ. Тотъ же Петръ В. разрѣшилъ ставить въ рекруты купленныхъ людей. При Екатеринѣ II послѣдній законъ подвергся нѣкоторымъ ограниченіямъ, именно продажа для отдачи въ рекруты могла происходить за три мѣсяца до набора. Но это касается только годныхъ къ военной службѣ. Въ 1771 г. запрещена продажа на аукціонѣ съ употребленіемъ молотка, но, разумѣется, не воспрещалось выкрикивать о цѣнѣ. Въ 1804 г. при Александрѣ I запрещенъ „ сей постыдный торгъ“— продажа женщинъ армянамъ. Въ 1822 году запрещены газетныя публикаціи о продажѣ людей. Всѣ эти постановленія закона, какъ мы видимъ,—мелкія стѣсненія, вовсе, однако, не касавшіяся сути дѣла, т. е. свободы продажи людей безъ земли. Болѣе существенныя постановленія сдѣланы въ Сводѣ Законовъ въ 1857 г. Именно, тогда продажа и покупка разрѣшалась только потомственнымъ дворянамъ и при томъ только владѣльцамъ населенныхъ имѣній. Затѣмъ запрещена продажа на ярмаркахъ; продажа людей финляндцамъ и уроженцамъ земли войска Донского тоже запрещена, а продажа въ рекруты могла быть совершена только за три года до набора.

Очень грустную картину представлялъ собою этотъ торгъ людей. Вотъ нѣсколько газетныхъ публикацій конца XVIII стол., гдѣ на ряду съ продажей всякой домашней рухляди, публикуется и о продажѣ людей. „Нѣкто, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за котораго даютъ 275 р., да сверхъ того столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ, сундуки, кіоты для образовъ и прочій домашній скарбъ“... „Литейной части въ 1 кварталѣ, противъ церкви Симеона-Богопріимца въ д. купца Пашневскаго № 1.422, продаются: мужской портной, поваръ и башмачникъ, тамъ же вѣнская прочной работы коляска и хорошо выѣзженная лошадь“... „Въ приходѣ церкви Николая чудотворца 20 лѣтъ собою видная и къ исправленію горничной работы способная дѣвка.

Тутъ же можно извѣститься о продающемся въ Малой Коломнѣ деревянномъ болѣе 250 руб. доходу приносящемъ домѣ". Или вотъ еще: „Въ Большой Подъяческой, въ д. столяра Мейера продаются у жильца въ среднемъ этажѣ семья людей, зеркала и другія мебели". Затѣмъ идетъ извѣщеніе о продажѣ четверки лошадей и далѣе: „продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь. Ихъ видѣть можно у Пантелеймона, противъ мясныхъ рядовъ, въ Меншуткиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлева. Такъ какъ у помѣщиковъ не всегда было достаточно денегъ для расплаты по покупкамъ, по картежной игрѣ и т. п., то въ такихъ случаяхъ расплата совершалась живымъ товаромъ, крестьянами. Даже люди набожные и вполнѣ культурные не гнушались купли-продажи людей. Набожныя барыни, разсказываетъ Свербеевъ, любили награждать своихъ духовныхъ отцовъ или поступались знакомымъ купцамъ или купчихамъ, хотя бы ни тѣ, ни другіе не имѣли права держать у себя крѣпостныхъ; положеніе такихъ рабовъ было часто гороздо хуже положенія крестьянъ у настоящихъ помѣщиковъ. По недостатку въ деньгахъ или по скупости дарили людей судейскимъ и приказнымъ за ихъ одолженія по тяжебнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ. Одна княгиня, принадлежавшая семейству, отличавшемуся христіанской образованностью и умственнымъ развитіемъ, поселившись въ одной изъ своихъ деревень, тотчасъ продала казнѣ 700 рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій и получила такимъ образомъ 700 тысячъ рублей ассигнаціями за отданныхъ ею изъ всѣхъ деревень рекрутъ въ зачетъ будущихъ наборовъ.

Даже такой великій поборникъ крестьянской эмансипаціи, какъ И. С. Тургеневъ, не гнушался покупкой крестьянокъ, когда онѣ ему нравились. Вотъ какой разсказъ извѣстенъ о немъ.

„Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ заглянулъ какъ-то къ кузинѣ, отъ нечего дѣлать. Тутъ онъ встрѣтилъ горничную Ѳетистку, которая произвела на него сразу очень сильное впечатлѣніе. Онъ сдѣлалъ въ скоромъ времени еще визитъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ,—Ѳетистка еще болѣе ему понравилась. Онъ сталъ бывать у кузины часто—и влюбился въ ея горничную по уши. Онъ говоритъ въ одномъ своемъ разсказѣ, что „когда горничная входила при немъ въ комнату, онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и покрыть ея башмаки поцѣлуями"... Немного нужно было думать тогдашнему богатому

помѣщику, чтобы додуматься до прозаической мысли: „а что если я куплю эту дѣвочку?“ Теперь это звучитъ какъ-то странно и дико; тогда не звучало... ни-какъ; не казалось дикимъ даже и образованному русскому человѣку, знакомому съ Европой и ея условіями жизни. Довольно скоро Иванъ Сергѣевичъ повелъ съ кузиной „прозаическій разговоръ“, котораго она съ часу на часъ ожидала и потому достаточно къ нему подготовилась. Кузенъ услышалъ отъ нея такой кушъ, что, несмотря на свою влюбленность, былъ нѣсколько озадаченъ. Кузина замѣтила при этомъ, что „собственно ей не слѣдовало бы разставаться съ Ѳетисткой; что это такая горничная, какой она уже не найдетъ... но бываютъ въ жизни обстоятельства, когда дѣлаешь противъ сердца“. При томъ, она полагаетъ, даже увѣрена вполнѣ, что Ѳетисткѣ, на новомъ мѣстѣ, хуже не будетъ—„и это успокаеваетъ ея совѣсть“. Потолковали еще немного—и дѣло кончилось на семистахъ рубляхъ: цѣна большая, такъ какъ дворовыя дѣвки продавались тогда рублей по 25, 30 и не шли далѣе 50. Послѣдняя цыфра даже считалась сумашествіемъ. Деньги были тутъ же отданы, а на другой или на третій день Ѳетистка, обливаясь слезами, перебралась на квартиру Ивана Сергѣевича, который ей признался тутъ же, что „очень ее любитъ и постарается сдѣлать счастливой“. Что онъ ее любитъ—Ѳетистка давно знала, но въ счастье съ нимъ не вѣрила. Ей, какъ рабѣ, надо было примириться поскорѣе со всѣми охлаждающими мыслями и дѣлать то, что прикажетъ „новый баринъ“. А новый баринъ накупилъ ей сейчасъ же всякихъ богатыхъ матерій, одеждъ, украшеній, бѣлья изъ тонкаго полотна, посадилъ въ карету и отправилъ въ Спасское; а потомъ пріѣхалъ туда и самъ. Прошелъ идиллическій годъ... можетъ, и меньше... Новый баринъ Ѳетистки началъ сильно скучать“.

Человѣкъ вообще разсматривался какъ вещь, принадлежащая помѣщику, оцѣнивался на деньги, какъ и всѣ вещи и проч. Тогдашнія описи имущества носятъ съ этой стороны весьма оригинальный характеръ. Вотъ отрывокъ изъ описи продаваемаго за долги имѣнія капитала Зиновьева въ Чухломскомъ уѣздѣ. Идетъ описаніе двора, посуды, вездѣ съ оцѣнкой. „Во ономъ дворѣ дворовыхъ людей“, идетъ перечень: Леонтій Никифоровъ 40 л. по оцѣнкѣ 20 руб., у него жена Марина 25 л., по оцѣнкѣ 10 р.; у нихъ дѣти: 1 году—50 к., 2 лѣтъ дѣвочка—1 р. 50 к. Во оной

усадьбѣ крестьянъ: во дворѣ Іюда Матвѣевъ 34 л., по оцѣнкѣ 24 р. 50 к. У него жена Авдотья Ивановна, по оцѣнкѣ 4 р. 25 к., у нихъ сынъ Лаврентій 4 лѣтъ,—1 р. 60 к. Дочери: дѣвка Дарья 13 л., по оцѣнкѣ 4 р., Татьяна 9 л.,—3 р. 70 к.". „Да скота"—идетъ перечень съ оцѣнкой скота. Оцѣнки земли, лѣса и другихъ угодій совсѣмъ не имѣется.

Крестьяне не только продавались отдѣльно по разнымъ случаямъ, но и вывозились для продажи на ярмарки, какъ и всякій другой товаръ. Особенно славилась продажей людей, преимущественно женщинъ, знаменитая Урюпинская ярмарка на югѣ. Одинъ крестьянинъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ уже въ то время, когда публичная продажа на ярмаркахъ было запрещена: „бывало, наша барыня отберетъ парней да дѣвокъ человѣкъ 30, мы посажаемъ ихъ на тройки да и повеземъ на Урюпинскую ярмарку продавать. Я былъ въ кучерахъ. Сдѣлаемъ тамъ на ярмаркѣ палатку, да и продаемъ ихъ. Больше всего покупали армяне. Коль подойдетъ кто изъ начальства, то барыня говоритъ, что отдаетъ въ наймы. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою бываетъ на селѣ, когда начнетъ барыня собираться въ Урюпино",

Что касается цѣнъ на людей, то тутъ трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ онѣ зависѣли отъ цѣлаго ряда случайностей. Можно сказать только одно, что крѣпостные, обученные какому нибудь ремеслу, цѣнились значительно дороже обыкновенныхъ крестьянъ—пахарей. Такъ, артисты, музыканты, врачи, художники, повара и проч. иногда продавались за очень большія деньги. При выкупѣ крестьянина имѣло немаловажное значеніе его богатство. Извѣстный фабрикантъ Морозовъ уплатилъ графу Шереметеву значительную сумму за свой выкупъ.

Полушинъ, самъ вышедшій изъ крѣпостныхъ, разсказываетъ, что за періодъ 1827—1839 г.г. въ селѣ Иваново-Вознесенскомъ выкупилось 34 семьи крупныхъ фабрикантовъ. Выкупная сумма не превышала 20 тысячъ рублей. Другой крѣпостной, Шиповъ, вспоминаетъ, что когда у него родилась дочь, то отецъ хотѣлъ ее выкупить за 10.000 руб., но помѣщикъ отказалъ. Другой его односельчанинъ предлагалъ за себя выкупъ 160 тысячъ рублей, и тоже безуспѣшно. Вообще надо замѣтить, что богатые помѣщики считали своей особой гордостью имѣть въ числѣ своихъ крѣпостныхъ богатыхъ людей, почему неохотно давали имъ отпускныя, потому что въ сущности богатство крестьянина было

богатствомъ помѣщика; а у бѣдныхъ помѣщиковъ и сами крестьяне нищенствовали.

Теперь намъ остается выяснить значеніе одного изъ существеннѣйшихъ правъ, которымъ располагали помѣщики, именно права наказанія крестьянъ. Наше законодательство предвидитъ два вида наказанія: ссылку въ Сибирь, сдачу въ рекруты и наказаніе по вотчинному суду помѣщика. И въ данномъ случаѣ законодательство отличается неполнотой. Законъ, впервые опредѣлившій право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь, былъ изданъ въ 1760 г. Изданіе его было мотивировано тѣмъ, что въ Сибири есть къ хлѣбопашеству удобныя мѣста, почему законъ имѣлъ колонизаціонныя цѣли. Ссылка зависѣла отъ воли помѣщика, но поставлены были слѣдующія условія: ссылаемые должны имѣть не болѣе 45 лѣтъ, должны быть годны къ работѣ, за ссылаемыхъ помѣщикъ получалъ зачетную рекрутскую квитанцію. Если помѣщикъ отдавалъ въ ссылку малолѣтнихъ дѣтей, то получалъ особую плату по таксѣ. Екатерина II расширила этотъ законъ. Ея указъ 1765 года предоставляетъ помѣщичьихъ людей „по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе“ отдавать на каторгу по своему „благоусмотрѣнію“. При Александрѣ I сначала частнымъ указомъ право ссылки и отдачи въ рекруты было отмѣнено, но въ 1821 г. Государственный Совѣтъ разрѣшилъ снова ссылку, а въ 1823 году постановилъ вовсе не дѣлать изслѣдованія о крестьянахъ, ссылаемыхъ помѣщиками, и даже разрѣшаетъ ссылать безъ ограниченія лѣтами. Впрочемъ, въ 1827 году снова послѣдовало нѣкоторое ограниченіе лѣтъ ссылаемыхъ.

Сдача въ рекруты безъ очереди была фактическимъ наказаніемъ при тогдашнихъ условіяхъ солдатчины. Поэтому помѣщики неугодныхъ имъ крестьянъ сдавали въ рекруты. Помѣщица Орловской губ. Черникова пишетъ своему бурмистру, чтобъ выбирать въ рекруты „самыхъ отпѣтыхъ, ненадежныхъ, питьемъ балующихъ, бѣглыхъ, чѣмъ либо подмѣченныхъ и чтобы между ними не попало хорошаго, трезваго человѣка“. Такъ, слѣдовательно, судьба сдаваемаго внѣ очереди цѣликомъ зависѣла отъ его пригодности въ крѣпостномъ хозяйствѣ.

Что касается такъ называемыхъ домашнихъ наказаній, то до изданія Свода Законовъ трудно найти какія нибудь опредѣленныя указанія въ нашемъ законодательствѣ о размѣрѣ наказаній и проступковъ. Все дѣло предоставлялось практикѣ. Изданіе Свода

1833 г. впервые опредѣляетъ, что помѣщикъ имѣетъ право подвергать крестьянъ „домашнимъ наказаніямъ“, лишь бы не было увѣчья и опасности для жизни „по своему усмотрѣнію“. Изданіе свода 1845 г. говоритъ объ этомъ точнѣе. Оно раздѣляетъ крестьянскіе проступки на подлежащіе вотчинному суду и суду коронному. Къ первымъ относятся проступки, не подвергающіе крестьянина лишенію правъ состоянія и при томъ совершенные не противъ личности помѣщика или его семьи. Коронный судъ вѣдалъ преступленія, подлежащія указанной мѣрѣ наказанія и высшимъ, а также всякаго рода дѣла и проступки противъ личности помѣщика. Однако, если жалоба на крестьянина пойдетъ въ общій судъ, то онъ обязанъ разсмотрѣть дѣло независимо отъ мѣры проступка. Законъ разрѣшаетъ помѣщику судить самому лично, или его управляющему. Онъ же опредѣляетъ и мѣру наказанія: ударовъ палками до 40, розгами до 15, арестъ до 7 дней и въ особо важныхъ случаяхъ до 2 мѣсяцевъ. За болѣе важные проступки помѣщикъ (но не его управляющій) могъ отправлять крестьянина въ исправительныя арестантскія роты на срокъ до 6 мѣсяцевъ, или въ смирительные и рабочіе дома на срокъ до 3 мѣсяцевъ.

Но это опредѣленіе поздняго Свода Законовъ уже издано въ періодъ, когда мысль о раскрѣпощеніи крестьянъ весьма занимала правительственную власть. Постановленія закона были гораздо мягче суровой практики, господствовавшей какъ до него, такъ и на практикѣ послѣ его изданія.

Въ самомъ дѣлѣ, ссылка въ Сибирь, напримѣръ, была однимъ изъ ужаснѣйшихъ наказаній. Надо припомнить только, что переходъ туда изъ центральныхъ мѣстностей продолжался почти два года при самой ужасной обстановкѣ. На практикѣ ссылали стариковъ, увѣчныхъ, вообще ненужныхъ въ хозяйствѣ людей, разлучали семьи. Такъ какъ законъ требовалъ отправки съ мужьями женъ, то помѣщики обыкновенно заявляли, что жены находятся въ бѣгахъ и будутъ отправлены къ мужьямъ по ихъ отысканіи. Ссылаемыхъ отправляли въ оковахъ. По донесеніямъ тогдашней администраціи, едва и четвертая часть достигала Сибири. Академикъ Палласъ, путешествовавшій по Сибири въ концѣ XVIII вѣка, оставилъ намъ память о томъ ужасномъ впечатлѣніи, какое на него произвели идущіе въ ссылку: „Я видѣлъ больныхъ, увѣчныхъ, безумныхъ, уже давно женатыхъ, но бездѣтныхъ, и значительное число старыхъ и посѣдѣлыхъ людей, совершенно неспособныхъ

къ продолженію потомства... со слезами говорили мнѣ, какъ тоскуютъ они объ оставленныхъ дѣтяхъ, между тѣмъ, какъ вмѣстѣ съ ними они считали бы себя въ Сибири гораздо счастливѣе, чѣмъ подъ властью нѣкоторыхъ тирановъ-помѣщиковъ“. Надо помнить, что мѣстная администрація не могла производить разслѣдованій о причинахъ ссылки.

Перехожу къ практикѣ „домашнихъ“ наказаній. Народная мудрость хорошо отразила это право помѣщика въ пословицѣ: „Тѣло государево, душа Божья, спина барская“.

Право помѣщика судить своихъ крестьянъ—очень давнее право. Оно идетъ отъ древнѣйшаго періода русской исторіи, и сначала усвояется помѣщикомъ, какъ пожалованіе отъ великихъ князей и царей, а впослѣдствіи дѣлается общимъ достояніемъ помѣщичьей власти. Уже въ концѣ XVII вѣка одни помѣщики судили своихъ крестьянъ по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, т. е. на основаніи писаннаго закона, другіе, мало занимавшіеся вотчинными дѣлами, предоставляли судиться самимъ крестьянамъ по ихъ обычаямъ, иные, наконецъ, издавали собственныя постановленія въ области гражданскаго, уголовнаго и семейственнаго права. И тогда уже, т. е. въ XVII вѣкѣ практиковался не только судъ помѣщика надъ крестьянами, но и сильнѣйшія злоупотребленія правомъ суда. П. Соловцевъ, землевладѣлецъ, кажется, Нижегородскаго уѣзда, въ 1627 году составилъ свою духовную, въ которой, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ, во своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣньемъ, а иныхъ есми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и предъ ними виноватъ: простите меня грѣшнаго и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“... и далѣе: „такожъ крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чѣмъ кого оскорбилъ въ своей кручинѣ, лаею и ударомъ и продажею по винѣ и не по винѣ, во всемъ передъ ними виноватъ: простите меня и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“...

И въ XVIII и XIX в.в. продолжалось то же самое съ тою, однако, разницею, что положеніе крестьянъ въ XIX вѣкѣ значительно ухудшилось. Помѣщики, въ погонѣ за большими доходами и для удовлетворенія своихъ непомѣрно большихъ расходовъ,

старались поднять трудъ крестьянъ, а это означало и поднятіе размѣра наказаній. Нѣкоторые помѣщики издавали особые регламенты, опредѣляющіе мѣру проступковъ и слѣдуемыхъ за нихъ наказаній. Такъ, сохранилось, наприм., уложеніе извѣстнаго полководца гр. Румянцева. Оно предвидитъ наказаніе штрафами, отобраніемъ имущества, сажаніемъ на цѣпь, батогами. Изданный имъ журналъ домового управленія опредѣляетъ, что всѣ крестьяне, живущіе въ Москвѣ на оброкѣ, обязаны каждое воскресенье являться на поклонъ къ барину. Неявившійся подвергается наказанію въ 1000 розогъ. Если не говѣетъ въ положенное время, подлежитъ наказанію въ 5000 розогъ. Журналъ предвидитъ и случаи заболѣванія отъ количества ударовъ, а потому постановляетъ: „Впредь ежели кто изъ людей нашихъ высѣчется плетьми на дровняхъ,—говорить предписаніе,—дано будетъ 100 ударовъ, а розгами дано будетъ 17.000, такобымъ болѣе одной недѣли лежать, а которымъ дано будетъ плетьми по полусотнѣ, а розгами по 10.000—таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать... а кто сверхъ того пролежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запасу и указнаго всего-же; да изъ жалованья, что на тѣ дни придется, вычитать безъ упущенія“.

Одна „наказательная книга“ (1818 г.) неизвѣстнаго помѣщика содержитъ въ себѣ строжайшее подтвержденіе всѣмъ сельскимъ властямъ присматривать за крестьянами, особенно въ базарные дни, „и кто изъ оныхъ будетъ замѣченъ въ пьянствѣ или найденъ въ кабакѣ“, таковаго въ первый разъ наказать 50 ударами розогъ, или взысканіемъ 50 коп. штрафа и отдачей на трое сутокъ въ работу, во второй разъ наказаніе удваивается, а въ третій разъ должна быть острижена половина головы и половина бороды и затѣмъ виновный употребляется на цѣлый мѣсяцъ въ черную работу.

Кромѣ наказаній ударами, употреблялась еще ссылка и тюремное наказаніе. У крупныхъ степныхъ помѣщиковъ обыкновенно гдѣ нибудь въ степи была особая изба, куда ссылались въ видѣ наказанія крестьяне, и здѣсь они подвергались безпощаднымъ работамъ. У гр. Шереметева въ его нижегородскихъ вотчинахъ, было особое село Юрьино, которое называлось у крестьянъ Сибирью, потому что оно было мѣстомъ ссылки. По словамъ помѣщика, туда ссылались крестьяне за „закоренѣлое упорство“ и тамъ они „поправлялись какъ состояніемъ, такъ и поведеніемъ“.

Туда, напримѣръ, былъ сосланъ крестьянинъ Смѣхотворовъ, очень богатый заводчикъ, у котораго за какой то проступокъ отобрано потомъ все имущество, которому не дано ни одной пяди земли и на котораго наложенъ оброкъ въ 53 руб., а сынъ сданъ въ рекруты. У другихъ помѣщиковъ были особые заводы, куда на работы ссылались крестьяне. Деревенскіе тюрьмы представляли собой отвратительное мѣсто. По словамъ привычныхъ къ крѣпостному быту изслѣдователей, тюрьма въ имѣніи генералъ-маіора Измайлова произвела на нихъ „ужасъ и отвращеніе“: на пространствѣ 57 кв. саж. находилось до 30 человѣкъ, прикованныхъ цѣпями къ стѣнѣ. У того же помѣщика во дворѣ, на ряду съ лазаретомъ и богадѣльней, гдѣ полагалось по одному кв. аршину на человѣка, были каторжныя работы на суконной фабрикѣ, поташномъ и кирпичномъ заводахъ. Употребленіе пытокъ было дѣломъ обычнымъ. Къ нимъ прибѣгали еще въ XVII вѣкѣ. Такъ, практиковалось заковываніе въ кандалы, въ рогатки, въ особыя „стулья“, приковываніе къ стѣнѣ—все это были самыя заурядныя явленія до самой отмѣны крѣпостного права. Крѣпостное право иногда рождало вкусы весьма разнообразные. Пензенскій помѣщикъ Струйскій (умеръ въ 1823 г.) страдалъ маніей писать стихи и производить пытки своихъ крестьянъ. Даже судьи и слѣдователи того времени иногда содрагались при видѣ ужасовъ пытки. Елецкій земскій судъ производилъ дознаніе въ имѣніи маіора Орлова (въ Орловской губерніи): по изслѣдованіи причинъ болѣзней нашли, что по 40 челов. крестьянъ, вмѣстѣ со скотомъ, въ двухъ тѣсныхъ избахъ, со смраднымъ и сырымъ воздухомъ, лежатъ больные и изнуренные на полу безъ всякаго призрѣнія; что одинъ крѣпостной уже другой годъ прикованъ къ стѣнной цѣпи, и что вообще цѣпи, желѣза, рогатки и колодки употребляются только въ маловажныхъ проступкахъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ истязанія изобрѣтаются помѣщикомъ „съ такимъ необузданнымъ свирѣпствомъ, что безъ содраганія и выразить не можно“... У ярославскаго помѣщика генералъ-маіора Побѣдинскаго... найдены въ домѣ съ запекшеюся кровью разныя тиранскія орудія: крестообразное пало, колодки и цѣпь съ обручами, вколоченная въ стѣну, которыя употреблялись къ истязанію и томленію крестьянъ.

При такихъ суровыхъ наказаніяхъ,—кнуты, арапники, плеть, особенно розги и нравоученіе изъ барскихъ рукъ ладонью или особенными щекобитками были еще наказаніемъ изъ не особенно

тяжелыхъ, хотя и вполнѣ обычныхъ. Часто самые незначительные поступки давали поводъ къ жестокимъ наказаніямъ. Казаки ген.-маіора Измайлова показывали на слѣдствіи: „или мы сѣкли, или насъ сѣкли". Въ этомъ и заключались занятія казаковъ. У этого Измайлова былъ обычай всюду появляться въ своей вотчинѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Спины гнили у крестьянъ. Вотъ нѣсколько фактовъ, выяснившихся изъ показаній на слѣдствіяхъ. На охотѣ убѣжалъ заяцъ—высѣкли псаря; заяцъ не выбѣжалъ изъ садка—тоже высѣкли; выбѣжала собака изъ круга—высѣкли псаря; собака двороваго мальчика ушибла ногу—высѣченъ троекратно; у мальчика псаренка слетѣлъ картузъ на охотѣ—пересѣчены всѣ псари до единаго. Слесарь Архипъ отказался сдѣлать экипажъ, потому что этому дѣлу не обученъ—высѣченъ въ два кнута. „Директоръ канцеляріи" Краснухинъ, т. е. уже видное въ вотчинѣ лицо изъ крѣпостныхъ же, разставилъ не такъ, какъ надо слова въ копіи письма—высѣченъ палками въ кабинетѣ барина.

Это, конечно, не единственный примѣръ помѣщика, наказывающаго крестьянъ со всевозможною жестокостью за самыя ничтожныя проступки. Рязанскіе помѣщики Польскіе посадили на цѣпь дворовую дѣвку Михѣеву, къ цѣпи прикрѣпленъ былъ обрубокъ дерева, вѣсомъ фунтовъ въ 30, а дѣвку Ефремову въ желѣзную рогатку, вѣсомъ въ 8 фунтовъ, и держали такъ, первую—четыре, а послѣднюю двѣ недѣли, и въ продолженіи этого времени онѣ выпрядывали въ недѣлю каждая по три тальки ниток, получая въ содержаніе хлѣбъ и воду. Наконецъ, вотъ отдѣльные виды преступленій и приступковъ крестьянъ помѣщика Терскаго и наложенныя послѣднимъ наказанія за нихъ: за непріобрѣтеніе лошадиной скребницы—розги; за чистку лошади въ конюшнѣ, тогда какъ было приказано чистить во дворѣ,—розги; за взятіе безъ позволенія для топки печей крупныхъ дровъ—палки; не вычищена лошадь—розги; за подозрѣніе въ кражѣ муки—подозрѣваемый побитъ скалкою; было приказано сказать кучеру принести попоны, вышло замедленіе, исполнитель приказанія и кучеръ—оба побиты серебрянною табакеркою; за самовольную отлучку ночью на свадьбу—розги. Нерѣдко наказанія соединяются съ истязаніемъ. Прикащикъ въ имѣніи Тарасенко-Отрѣшкова Потапъ Матвѣевъ, провинившихся бабъ устанавливалъ въ рядъ, прямо противъ вѣтра, и онѣ должны были взбрасывать

кверху лопатами груды мелкаго, сыпучаго снѣгу. Взвѣваемый на вѣтеръ мелкій снѣгъ такъ мучительно набивался вѣяльницамъ въ уше, въ глаза, въ ноздри, въ ротъ, что онѣ скоро безъ чувствъ падали на землю.

Наказанія иногда принимали самый разнообразный характеръ. Извѣстный славянофилъ Кошелевъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что онъ знавалъ рязанскаго помѣщика Ч., который при земляныхъ работахъ, чтобы работники не могли ложиться для отдыха, надѣвалъ на нихъ особаго устройства рогатки, въ которыхъ они и работали. Тотъ же помѣщикъ за неисправности сажалъ людей въ башни и кормилъ ихъ селедками, не давая при этомъ пить. Если кто-нибудь изъ людей бѣжалъ, то пойманнаго приковывали цѣпью къ столбу. Тотъ же Кошелевъ разсказываетъ объ одномъ набожномъ дворянинѣ, который не пропускалъ ни обѣдни, ни заутрени, не пилъ чаю до обѣдни и строго соблюдалъ посты. Праздничное его занятіе передъ обѣдней заключалось въ слѣдующемъ. Отправляясь къ заутрени, онъ говорилъ: „приготовить“, т. е. собрать въ контору людей, назначенныхъ быть сѣченными, и припасти розги. Послѣ заутрени онъ приходилъ въ контору и начиналось сѣченіе. Когда истощалось число людей, подлежавшихъ наказанію, тогда онъ говорилъ: „эй, скажи батькѣ благовѣстить“ и спокойно отправлялся къ самому началу часовъ.

Дѣйствительно, крѣпостное право часто создавало особыхъ любителей тѣлесныхъ наказаній. Такой человѣкъ, какъ извѣстный Аракчеевъ, находилъ время самолично присутствовать при наказаніяхъ, учиняемыхъ въ особо важныхъ случаяхъ, на порогѣ графскаго кабинета. У него же всегда въ сараѣ стояли наготовѣ бочки съ солянымъ растворомъ, въ который были опущены розги, предназначенныя для наказанія. Графъ Бутурлинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ злоупотребленія властью, съ которыми ему пришлось столкнуться, какъ должностному лицу. Такъ, о помѣщикѣ Толвугинѣ онъ разсказываетъ, что въ его имѣніяхъ не было опредѣленнаго размѣра оброковъ: сегодня получено сполна, а завтра, когда крестьянамъ были нужны паспорты, чтобы имъ идти на заработки, съ нихъ требовался еще добавочный по произволу оброкъ, и нерѣдко для вымогательства его сѣкли крестьянъ и отбирали ихъ имущество. Крестьяне дошли до такой крайности и страха, что перегоняли

свой скотъ въ сосѣднія селенія, не принадлежавшія помѣщику, и тамъ держали скотину на чужое имя. Нерѣдки были помѣщики, которые разоряли своихъ крестьянъ до того, что они ходили по міру по всему уѣзду. Тотъ же Бутурлинъ разсказываетъ о помѣщикѣ, который, разгнѣвавшись на плохую барщинную работу, запрягъ бабу въ борону и заставилъ ее бороновать, чѣмъ и подвергъ ее всеобщему позору. Съ отчаянія иногда крестьяне готовы были уйти въ рекруты, лишь бы избавиться отъ тираніи помѣщика. „Являются ко мнѣ, разсказываетъ Кошелевъ, какъ къ предводителю, предсѣдательствующему въ рекрутскомъ присутствіи, двое молодыхъ двороpыхъ людей С. и Ш. и объявляютъ мнѣ, что помѣщикъ моритъ ихъ голодомъ, даетъ имъ только по одному пуду муки въ мѣсяцъ, требуетъ работъ сверхсильныхъ и наказываетъ безщадно; почему они просятъ одной милости—забрить имъ лобъ, т. е. принять въ рекруты“.

Вообще записки современниковъ и особенно губернскіе архивы заключаютъ въ себѣ множество описаній наистовствъ, совершаемыхъ помѣщиками. Тамбовскій помѣщикъ К—чинскій почти наканунѣ освобожденія крестьянъ совершенно разорилъ и измучилъ свою вотчину. „Баринъ, жаловались на него крестьяне, переселялъ насъ съ мѣста на мѣсто семь разъ и совсѣмъ разорилъ и измучилъ. Когда мы упрашивали его не трогать насъ, онъ томилъ насъ голодомъ и сѣкъ розгами и плетьми, а избы наши велѣлъ разметать и сжечь“. Несмотря на то, что помѣщикъ былъ извѣстенъ своими жестокостями, все таки жалоба крестьянъ была оставлена безъ послѣдствій, просителей наказали розгами и посадили въ Елатомскій острогъ. У другого помѣщика той же губерніи К—рова не было ни одного битаго и не сѣченаго крестьянина. За все про все отдувалась терпѣливая мужицкая спина. Не было также у К—рова ни одной крѣпостной дѣвушки не поруганной. Въ имѣніи у К—рова заведены были самые строгіе порядки. За всякую неисправность крестьянъ, наказаніе производилось немедленно. Давали по 400 ударовъ кнутомъ, такъ что наказанные лежали больными мѣсяца по 3 и болѣе. Оного крестьянина К—ровъ высѣкъ въ теченіе великаго поста 16 разъ, каждый разъ по 100 ударовъ. Бывало и такъ, что наказанные уже не вставали съ мѣста и трупы ихъ безъ всякой огласки были препровождаемы на кладбища. Такой участи чаще всего подвергались дѣти. К—ровъ, наказывая, любилъ издѣваться надъ своими жерт-

вами. Такъ у одной дѣвочки послѣ сѣченія онъ сжегъ на головѣ волосы, а у другой обезобразилъ лице зажженной свѣчкой. У оброчныхъ крестьянъ К—ровъ обыкновенно отнималъ имущество и переводилъ ихъ въ дворовые. Онъ, напримѣръ, приказывалъ своимъ крѣпостнымъ женщинамъ кормить грудями щенятъ и неистовствовалъ въ своемъ крѣпостномъ районѣ. „Какъ безчеловѣчный бичъ,—жаловались на него графу Орлову, какъ тиранъ и пугачъ“.—„За каждыя малости били насъ,—показывали на слѣдствіи крестьяне жандармскому полковнику Ходневу,—къ намъ придирались и винили насъ за то, что не такъ подали, не такъ вошли, не такъ потрафили. Скотина была худа, за это скотниковъ сѣкли. Скотина потолстѣла и за это сѣкли. Баринъ былъ не въ духѣ, онъ сѣкъ съ досады; баринъ былъ веселъ—для потѣхи升 дралъ“.

Не меньшими жестокостями отличался довольно извѣстный въ свое время музыкантъ князь Ю. М. Голицинъ. Онъ, напримѣръ, приказывалъ своимъ провинившимся крестьянамъ давать по 1000 ударовъ розгами и потомъ къ избитымъ мѣстамъ прилагалъ шпанскіе мухи, онъ держалъ безъ пищи по нѣсколько дней своихъ крестьянъ въ башнѣ на крышѣ барскаго дома. Наказывая крестьянъ, онъ при этомъ глумился надъ ними, напримѣръ мазалъ дегтемъ или смолой. Только что крестьяне придутъ съ барщины, какъ онъ приказываетъ бить набатъ на пожаръ, усталые крестьяне принимаются совершать установленные пожарныя эволюціи, а баринъ потѣшается и въ заключеніе приказываетъ разобрать какую нибудь крестьянскую избу, чтобы крестьяне „не даромъ скакали по селу, все таки хоть немного похоже на пожаръ“. Издѣваясь надъ крестьянками, онъ заставлялъ ихъ бѣгать въ прародительскомъ видѣ по селу и т. п. Недаромъ одинъ изъ свидѣтелей показывалъ на судѣ, что крестьяне Голицына „самые несчастныя угнетенныя существа, которыя имѣютъ имущества свои и самую жизнь ежедневно въ опасности“. Впрочемъ это былъ самодуръ, какихъ даже въ то время было немного. Онъ напримѣръ приказывалъ начинать обѣдню въ первомъ часу и оканчивать не позже пятаго. Это дѣлалось главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы повредить винному откупу, съ которымъ Голицынъ былъ не въ ладахъ.

Почти такими же чертами отличался рязанскій помѣщикъ князь Гагаринъ. Въ его лицѣ помѣщичья власть достигла нео-

бычныхъ размѣровъ. Какъ вліятельный человѣкъ, онъ держалъ мѣстную администрацію въ сильной зависимости отъ себя. Свою власть онъ большей частью проявлялъ, когда „упражнялся въ нетрезвомъ видѣ“. На слѣдствіи вскрылось, что онъ „людей своихъ содержитъ весьма неприлично, какъ благородному человѣку (надлежитъ), люди не имѣютъ пристойной одежды, а особливо крестьяне—изнурены работой“. Дѣйствительно, крестьяне выгонялись на господскую работу не только въ праздники, но даже на Пасху, и т. п.

На ряду съ самыми разнообразными наказаніями, изувѣрство помѣщиковъ доходило до предѣловъ, какіе трудно себѣ представить въ обществѣ, которое дало Тургенева, Толстого, Аксакова и проч. Нѣсколько разъ упомянутый уже Кошелевъ передаетъ, напримѣръ, такой разсказъ: „Поселился въ с. Смыковѣ молодой помѣщикъ С., страстный охотникъ до женскаго пола и особенно до свѣженькихъ дѣвушекъ. Онъ иначе не позволялъ свадьбы, какъ по личномъ фактическомъ испытаніи достоинствъ невѣсты. Родители одной дѣвушки не согласились на это условіе. Онъ приказалъ привести къ себѣ и дѣвушку и ея родителей; приковалъ послѣднихъ къ стѣнѣ и при нихъ изнасильничалъ ихъ дочь. Объ этомъ много говорили въ уѣздѣ, но предводитель не вышелъ изъ своего олимпійскаго спокойствія; и дѣло сошло съ рукъ преблагополучно“.

Къ сожалѣнію, эта такая почва, на которой очень часто встрѣчались злоупотребленія. Даже очень мелкіе помѣщики, незначительные люди, незащищенные сильными, допускали самыя разнообразныя злоупотребленія. Всѣ дворовые люди и крестьяне саратовскаго помѣщика Попова показывали, что онъ растлѣвалъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, дѣтей же рождавшихся отъ этихъ растлѣній обыкновенно отвозили по приказанію помѣщиковъ въ Донскія степи и тамъ бросали.

Упомянутый уже нами тамбовскій помѣщикъ К—ровъ весьма неумѣренно пользовался своими правами надъ крѣпостными женщинами и дѣвушками, даже малолѣтними, отъ 7 и 8 лѣтъ. За несогласіе билъ кнутомъ, розгами и брилъ головы. Затѣмъ все-таки добивался своей цѣли и непослушныхъ отдавалъ впослѣдствіи замужъ нарочно за самыхъ безобразныхъ мужиковъ. Замѣчательно, что К—ровъ пользовался иногда правомъ primae noctis въ присутствіи своей жены... Вотъ еще другой случай: „Малоар-

хангельскій помѣщикъ Михаилъ М—невъ, писалъ И. В. Павловъ изъ Орла Лапатину въ Москву, запрегъ свою голую жену въ тарантасъ, въ корень, а дѣвокъ, тоже голыхъ, на пристяжку и на выносъ, да и поѣхалъ на сѣнокосъ, гдѣ велѣлъ всѣхъ голыхъ дѣвокъ и жену мужикамъ на кордѣ гонять“.

Помѣщику Адамовичу крестьянки для чего-то обязаны были доставлять „молоко изъ грудей“. Когда нѣкоторые изъ крестьянъ Адамовича пожаловались на него губернскому начальству, ихъ же самихъ сослали „великое число“ въ ссылку.

Вообще наши губернскіе архивы полны дѣлами, вскрывающими подобнаго рода темныя стороны крѣпостного права. Истязанія часто имѣли неизбѣжный исходъ—смерть крестьянина. Нѣкоторыя изъ дѣлъ вскрываютъ потрасающую картину жестокости. Самое громкое и извѣстное дѣло—это дѣло Салтычихи, относящееся къ 1756—1755 г. г. 21 разъ противъ нея начинались дѣла по обвиненію въ убійствѣ крестьянъ, но каждый разъ она оправдывалась. Въ конечномъ итогѣ она, однако, не избѣжала обвиненія, причемъ выяснилось съ положительностью, что она была причиной смерти, вслѣдствіе истязаній, 38 человѣкъ, а подозрѣвалась и въ смерти еще 26. Въ 1827 году помѣщикъ юнкеръ Рахмановъ засѣкъ до смерти больную трехлѣтнюю дѣвочку Ульяну. Отецъ убитой за обнаруженное имъ негодованіе подвергся страшнымъ истязаніямъ. Когда въ уѣздномъ судѣ спросили Рахманова: за что онъ убилъ дѣвочку, онъ отвѣчалъ: она наскучила мнѣ своимъ крикомъ. Въ 50-хъ годахъ XIX вѣка херсонскій помѣщикъ поручикъ Красовъ, какъ выяснило слѣдствіе, держалъ по пяти лѣтъ женщинъ прикованными цѣпью къ столбу, заставлялъ крестьянъ въ ножныхъ кандалахъ отбывать барщину и т. п.

Одинъ свидѣтель 40-хъ годовъ разсказываетъ „возмутительный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ также на охотѣ, заключался въ томъ, что сосѣдъ мой, пожилой помѣщикъ деревни Сафаровки, разсерженный на крестьянина моей бабки, за то что, проходя мимо острова, помѣшалъ ему затравить лисицу, приказалъ своимъ псарямъ раздѣть его до нага и долго окунать безъ перерыва въ находившуюся близъ острова рѣчку, а затѣмъ, не довольствуясь этимъ, велѣлъ сѣчь его чрезъ намоченный мѣшокъ арапельниками, дѣлая это до тѣхъ поръ, пока я не подъѣхалъ съ другой стороны острова, и поссорившись съ Г—мъ, не освободилъ измученнаго мужика“.

Надо однако помнить, что всѣ эти наказанія, какъ тяжелыя, такъ и относительно легкія, не только физически тяжело ложились на крестьянъ, не только разоряли ихъ матеріально, но, разумѣется, давали имъ рядъ тяжелыхъ моральныхъ ощущеній. Сами же помѣщики старались имѣть въ числѣ своихъ дворовыхъ болѣе или менѣе образованныхъ крестьянъ и крестьянокъ. Приниженность и безправность еще болѣе угнетали такихъ крестьянъ. Слѣдуетъ вспомнить о томъ мучительномъ состояніи, которое испытывалъ, прислуживая за столомъ своего барина, извѣстный впослѣдствіи актеръ Щепкинъ; чуткая душа этого артиста испытывала мученія, когда собравшіяся барыни при немъ разсказывали о томъ, какъ устаютъ ихъ барскія руки отъ обученія дворовыхъ крестьянъ. Конечно, далеко не всѣмъ, какъ это удалось Щепкину, судьба давала возможность освободиться отъ крѣпостного ига.

Вообще крѣпостническая среда создавала рабовладѣльца, у котораго притуплялись моральныя чувства въ отношеніи къ такому же человѣку—крѣпостному крестьянину. Рабство дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ, какъ на психологію раба, такъ и на психологію его владѣльца. Вотъ почему рабавладѣлецъ склоненъ видѣть въ рабѣ животныхъ, вещь и готовъ совершенно отказать въ признаніи человѣческихъ достоинствъ за рабомъ.

Недавно напечатаны записки одной крѣпостной крестьянки. Маленькой дѣвочкой она случайно попала на барскій дворъ, понравилась барышнѣ и была взята въ домъ. Въ первый же вечеръ ее посылаютъ отнести барынѣ губку.

„Когда я вошла въ спальню, мнѣ бросилась въ глаза зеленая ванна, стоявшая посрединѣ комнаты. Въ ванну два лакея наливали изъ ведеръ воду. Недалеко отъ нихъ въ креслѣ сидѣла наша барыня, она была совсѣмъ голая, только съ одной ноги еще не былъ снятъ чулокъ, и Аксюта, стоя передъ барыней на колѣняхъ, развязывала тесемки отъ подвязки. Я барынѣ поклонилась, подала губку, и уже хотѣла уйти изъ комнаты, когда Варвара Ивановна меня остановила". „Акулька, сказала она, вѣдь ты съ Устиньей нитки сучишь, вѣрно умѣешь развязать узлы; вотъ эта дура—и барыня ткнула ногой въ лицо Аксюты, такъ узелъ затянула, что его придется разрѣзать". Я припала лицомъ къ ногѣ барыни, и въ мигъ зубами, развязала узелъ. Когда я подняла голову то въ комнатѣ увидѣла стараго барина. Баринъ былъ въ халатѣ, а въ рукахъ держалъ газету. Лакеи тоже были въ ком-

натѣ и суетились возлѣ ванны. Баринъ, сморщившись, обвелъ глазами всю комнату, взглянулъ мелькомъ на лакеевъ, потомъ на меня, потомъ глаза остановилъ на барынѣ, и ласковымъ голосомъ сказалъ:

„Ты, Варвара Ивановна, хоть бы простыню на себя накинула“.

„Зачѣмъ? въ комнатѣ тепло, отвѣтила барыня“.

„Да видишь ли, замялся баринъ, и показалъ глазами на лакеевъ—тутъ на тебя мужчины смотрятъ“.

— Какіе мужчины? удивилась барыня. Здѣсь мои крѣпостные лакеи, развѣ смѣютъ они на меня, на ихъ барыню смотрѣть. Они же для меня все равно, что вотъ эти два стула“.

Та же бывшая дворовая крестьянка разсказываетъ еще одинъ любопытный фактъ изъ своей жизни. Ее начали обучать грамотѣ вмѣстѣ съ ея барышней—однолѣткой. Барышня учиться не любила и часто не знала урока, за что помѣщица наказывала разсказчицу: „барыня сожметъ мою голову въ своихъ колѣняхъ и бьетъ до крови“. Старшая дочь помѣщицы и гувернантка пробовали иногда заступаться за маленькую дворовую дѣвочку и получали отъ барыни объясненія ея педагогическихъ пріемовъ: „Вы меня не понимаете, я оттого Акульку сѣкла, чтобы Сонечку за лѣность пристыдить, и этимъ я бужу въ моей дочери благородныя чувства“.

Наблюдая судьбу крѣпостныхъ и отношеніе къ нимъ помѣщиковъ, приходится съ несомнѣнностью придти къ заключенію, что годы приближенія къ крестьянской свободѣ не только не уменьшали тяготы крестьянскаго положенія, но даже увеличивали его. Спрашивается, чѣмъ вообще можно объяснить столь некультурное отношеніе помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ? Тутъ можно указать на цѣлый рядъ условій. Надо принять во вниманіе общій низкій культурный уровень огромнаго большинства помѣщичьяго класса. Нельзя отказать также во вліяніи привычкѣ, внѣдрившейся въ эту среду. Мы видѣли, что и Тургеневъ, несмотря на высокій уровень своего образованія и моральнаго состоянія, тѣмъ не менѣе былъ сыномъ своего вѣка. Многія условія способствовали полной безнаказанности помѣщиковъ за всякаго рода злоупотребленія. Однимъ изъ такихъ условій несомнѣнно было состояніе нашего законодательства. Законъ нигдѣ не полагалъ предѣла въ формѣ наказанія помѣщику за то или иное злоупотребленіе властью. Только доказанное убійство крестьянина могло подлежать

карѣ на основаніи общихъ законовъ. Когда очевидныя дѣла объ истязаніяхъ доходили до правительства, а доходили они несомнѣнно рѣдко, потому что законъ воспрещалъ жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, то судъ оказывался въ крайнемъ затрудненіи въ нахожденіи подлежащей статьи и въ опредѣленіи мѣры наказанія. Такъ иногда подводили, особенно въ XVIII вѣкѣ, подобнаго рода преступленія подъ артикулы воинскаго устава. Съ конца XVIII вѣка къ помѣщикамъ, разоряющимъ своихъ крестьянъ, стали примѣнять ту статью учрежденія о губерніяхъ, по которой губернаторъ обязанъ былъ пресѣкать излишнюю роскошь. И это дѣлалось за ненахожденіемъ подходящей статьи, причемъ этому закону придавалось толкованіе, что слѣдствіемъ мотовства помѣщика является разореніе крестьянъ. Въ XIX вѣкѣ тѣ же случаи подводили подъ законъ объ опекахъ. Несмотря на сознаніе вреда подобнаго рода явленій, даже сильное Николаевское правительство не рѣшалось издать закона, который ограничивалъ бы злоупотребленія помѣщиковъ и налагалъ бы на нихъ какое либо наказаніе. Участіемъ къ крестьянамъ правительство боялось дать имъ поводъ мечтать о раскрѣпощеніи. Съ другой стороны, самодержавное правительство, безспорно боялось сильнаго и мощнаго дворянскаго класса.

Въ самомъ дѣлѣ, 9 февраля 1827 года состоялся Высочайшій указъ Сенату по поводу того, что одинъ арестантъ въ Донской области былъ посаженъ сотникомъ въ неподвижныя колодки, отчего онъ умеръ. По этому поводу въ общей формѣ строжайше воспрещаются подобнаго рода жестокости, и подтверждается „дабы никто нигдѣ“ не осмѣливался прибѣгать къ подобнаго рода мѣрамъ. Въ этой очень тонкой формѣ издается указъ, который касается не только администраціи, но и помѣщиковъ. По обыкновенію помѣщики разослали этотъ указъ съ соотвѣтствующими указаніями объ его исполненіи въ свои вотчины. Но конечно, онъ никакого дѣйствія не имѣлъ, и только еще разъ подтверждаетъ ту замѣчательную заботливость, которую проявляло Николаевское правительство, чтобы не дать крестьянамъ никакого повода думать объ облегченіи ихъ участи. Насколько безсиленъ былъ законъ, можетъ подтвердить слѣд. сенатское опредѣленіе, исполненное на чисто формальномъ дѣлопроизводствѣ.

По обвиненію Тверитинова Сенатъ призналъ, что его обвиняютъ пять крестьянскихъ дѣвокъ въ изнасилованіи ихъ, „пока-

занія ихъ единогласны и по свидѣтельству Рязанской врачебной Управы онѣ оказались лишенными дѣвства; сверхъ того обвиненіе этихъ дѣвокъ подтвердила и крестьянка Дарья Поликарповна, но какъ все это, по силѣ 1029 ст. 15 т. Зак. Угол., не можетъ составить полнаго доказательства для признанія Тверитинова прямымъ виновникомъ въ изнасилованіи“, то онъ освобожденъ отъ наказанія.

Кромѣ того, надо учесть удивительную сплоченность дворянства во всемъ томъ, что касалось его правъ на крѣпостного. Дворянинъ былъ рабъ своего государя, но въ отстаиваніи своего рабовладѣльческаго права онъ проявлялъ хитрость раба и настойчивость, которая очень была ясна для правительства. Дворянинъ охотно носилъ цѣпи рабства, пока правительство предоставляло ему быть рабовладѣльцемъ. Съ другой стороны, эта сплоченность объясняетъ намъ, что обнаруженіе дѣлъ по злоупотребленіямъ властью было весьма труднымъ и болѣе или менѣе случайнымъ. Рязанскій губернскій предводитель Реткинъ открыто заявлялъ одному изъ уѣздныхъ предводителей Кошелеву, что онъ готовъ лжесвидѣтельствовать, лишь бы укрыть дворянина и не дать ему необходимости предстоять на судѣ. Когда въ 40-хъ годахъ стали появляться либеральные дворяне, огромная масса консервативнаго дворянства занялась травлей молодежи, такъ что подымать такого рода дѣло не всякій рѣшался. Кромѣ того, вся администрація состояла изъ тѣхъ же представителей дворянства, при чемъ уѣздная—изъ худшихъ его элементовъ—наименѣе культурныхъ, бѣдныхъ и алчныхъ къ взяткамъ. Такая мѣстная администрація преклонялась предъ сильными помѣщиками и старались затереть всякое дѣло, возбуждавшееся противъ него. Между тѣмъ значеніе дворянина, да еще помѣщика, было очень велико. Графъ Девіеръ, при Екатеринѣ II, перестрѣлялъ изъ пушекъ ѣхавшій къ нему на слѣдствіе земскій судъ и остался безнаказаннымъ.

Даже заступничество высокопоставленныхъ лицъ не всегда спасало крѣпостныхъ отъ преслѣдованій господъ. Такъ въ журналѣ „Колоколъ“ Герцена разсказанъ слѣдующій случай:

Саратовскій помѣщикъ Поповъ отъ бездѣлья занимался растлѣніемъ крестьянокъ. Очередь дошла, наконецъ, до одной дѣвушки по имени Анны, которая наотрѣзъ отказалась отъ этой чести. Поповъ подвергъ ее заточенію, морилъ голодомъ. Отецъ дѣвушки приходилъ упрашивать его за дочь, и говорилъ: „Оставь это, вспомни своего дѣда, (дѣдъ Попова былъ убитъ крестьянами)“.

Дѣйствительно, Поповъ раскаялся, какъ видно: онъ промѣнялъ дѣвушку помѣщику Данилову на часы. Даниловъ, перевезя дѣвушку въ свою деревню, также подвергъ ее истязаніямъ, чтобы принудить жить съ собою, и наконецъ заставилъ покориться. Оправившись отъ первыхъ родовъ, дѣвушка объявила священнику, что не хочетъ продолжать грѣха, убѣжала въ свою деревню, и подала просьбу исправнику Корбутовскому, жалуясь на побои, насиліе и отнятіе у нея дочери. Корбутовскій — родственникъ Попову и Данилову; просьба осталась безъ послѣдствій. Тогда она подала просьбу уѣздному предводителю дворянства, Скибиневскому, онъ также оставилъ ее безъ вниманія. Наконецъ, дѣвушка подала просьбу саратовскому губернатору, Игнатьеву. Игнатьевъ поручилъ произвести слѣдствіе исправнику Корбутовскому. Во время производства дѣла, Поповъ ссылаетъ на поселеніе отца дѣвушки за то, что онъ показывалъ согласно съ ея жалобой, что она подвергалась истязаніямъ, а самую дѣвушку администрація посадила въ острогъ, какъ бунтовщицу.

Дѣвушка бѣжала изъ острога умѣла пробраться до Петербурга, и подала просьбу императрицѣ. Императрица отправила ее въ Саратовъ къ губернатору, давъ ей въ провожатые жандарма. Съ нею послано было отъ статсъ-секретаря императрицы отношеніе, которымъ она, отъ имени государыни, поручалась покровительству губернатора. Губернаторъ отправилъ дѣвушку въ Царицынъ, въ Царицынѣ посадили ее въ острогъ. Это было въ 1857 г. Съ той поры, пишетъ „Колоколъ“, до нынѣшняго времени (1860 г.) она все сидитъ въ острогѣ. Но кромѣ того, что посадили дѣвушку въ острогъ, губернаторъ велѣлъ начать новое слѣдствіе по ея дѣлу. Слѣдствіе было поручено кандидату на полицейскіе мѣста Андрееву, который обнаружилъ, что всѣ жалобы дѣвушки только „извѣтъ“, т. е. клевета, ябедничество.

Съ другой стороны законъ въ столь сильной мѣрѣ ограждалъ власть помѣщика и такъ мало давалъ орудій для борьбы съ произволомъ въ руки администраціи, что она часто при всемъ сознаніи невинности крестьянина, была въ затрудненіи относительно способовъ защиты крестьянъ. Вотъ любопытный примѣръ. Крѣпостной кн. Оболенской, крестьянинъ Ананьинъ, по навѣту управляющаго предназначенъ былъ помѣщицею къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Когда всѣ противузаконныя дѣянія управляющаго и невинность Ананьина были вполнѣ обнаружены,—

ссылка тѣмъ не менѣе не могла быть отмѣнена, безъ согласія помѣщицы, предъ которою и было заявлено ходатайство губернатора: „Не будете ли вы столь милостивы, писалъ онъ, чтобы возвратить крестьянина Ананьина въ семью, это зависитъ совершенно отъ васъ, ходатайство мое останется для всѣхъ тайною и крестьянинъ Ананьинъ въ возвращеніи своемъ будетъ видѣть только милость своей помѣщицы“.

Неудивительно поэтому, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, когда даже слѣдователи вскрывали дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, то резолюціи суда, если только въ концѣ концовъ дѣло переходило въ судъ, не ограничивалось однимъ разслѣдованіемъ, сводились къ внушеніямъ помѣщику или полнымъ его освобожденіемъ отъ суда.

Въ самомъ дѣлѣ, въ массѣ слѣдственныхъ дѣлъ, которыя сохранили намъ архивы, несмотря на, повидимому, непреложныя улики, смерть крестьянина объясняется самыми разнообразными причинами и дѣло предается волѣ Божіей. То крестьянинъ умеръ отъ горячки, то причиной смерти былъ апоплексическій ударъ, предполагаемое самоубійство, а еще чаще—слѣдователь и врачи пріѣзжаютъ для вскрытія тѣла такъ поздно, что разложившееся тѣло не давало никакой возможности опредѣлить причину смерти. Разумѣется, такимъ же образомъ покрывались и всякаго рода другія истязанія помѣщиками крестьянъ. Кромѣ того судъ охотно прибѣгаетъ къ опросу сосѣднихъ „благороднымъ дворянъ“, которые обычно даютъ самый лестный отзывъ о самыхъ удивительныхъ извѣрахъ. Мы только что говорили о тамбовскомъ помѣщикѣ К-ровѣ, неистовства котораго въ концѣ концовъ нашли себѣ судебное подтвержденіе. А между тѣмъ, когда началось дѣло, то мѣстные полицейскіе чиновники всячески препятствовали слѣдователю направить это дѣло. Большинство сосѣдей дало о К-ровѣ самый лестный отзывъ: „К-ровъ истинно благородный человѣкъ и о жестокостяхъ его мы не слышали“. Другіе прибавляли: „К-ровъ истинный христіанинъ и исполняетъ христіанскіе обряды“.

Рязанскій помѣщикъ Горяиновъ, какъ потомъ выяснилось, „почасту занимается хмѣльными напитками, въ каковомъ видѣ производитъ наказаніе людямъ своимъ“. Нѣсколько слѣдователей никакъ не могли уличить Горяинова при всей очевидности его противозаконныхъ поступковъ. При распросѣ у сосѣднихъ дворянъ, „благородные уѣзда сего дворяне 14 человѣкъ, знавшіе

Горяинова, единогласно отозвались, что онъ, Горяиновъ ведетъ себя прилично благородному дворянину, съ людьми своими обращается весьма милостиво и изнуренія и жестокихъ наказаній имъ не дѣлаетъ". А какъ иногда дворяне измѣряли благородство подобныхъ себѣ благородныхъ, объ этомъ даетъ понятіе характерное мнѣніе одного уѣзднаго предводителя дворянства, высказанное имъ по дѣлу объ истязаніи помѣщикомъ Климовымъ крестьянина Алексѣева: „на тѣлѣ Алексѣева найдено только 13 рубцовъ сѣченія розгами, слѣдовательно немилосерднаго сѣченія не было". Между тѣмъ крестьянинъ Алексѣевъ умеръ сейчасъ послѣ побоевъ. Характернымъ образчикомъ подобнаго отношенія дворянства и администраціи къ помѣщикамъ, отличавшимся жестокостью, является дѣло рязанскихъ помѣщиковъ Польскихъ. Они очень жестоко наказывали своихъ крестьянъ палками, розгами, плетьми, кулаками и т. п.

При разслѣдованіи возникшаго дѣла, „Данковскій уѣздный предводитель дворянства Бибиковъ, признавъ жалобу несправедливою, удостовѣрилъ, что со стороны Польскихъ особыхъ жестокостей имъ не обнаружено, поступки же съ Польскими исправника, первоначально обслѣдовавшаго это дѣло и удостовѣрившаго справедливость жалобы крестьянъ, по мнѣнію предводителя „могутъ подать поводъ крестьянамъ къ явному неповиновенію". Таково заключеніе, сдѣланное предводителемъ дворянства относительно помѣщиковъ, жестокость которыхъ все же была признана въ конечномъ итогѣ судебными властями.

Между тѣмъ суды относились съ крайней строгостью къ крестьянамъ, которые по ихъ мнѣнію оказали сопротивленіе помѣщичьей власти.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что понести наказаніе по суду было для помѣщика дѣломъ не легкимъ. Такъ, тамбовскій помѣщикъ Ахлебининъ несомнѣнно былъ выдающимся типомъ помѣщика-самодура. Въ 1812 году за его жестокости надъ крестьянами жаловалась на него правительству родная мать и только смутная пора спасла его отъ законнаго наказанія. Онъ былъ подъ судомъ 50 разъ. Вотъ еще два аналогичныхъ примѣра, приведенныхъ въ „Колоколѣ" Герценомъ.

Помѣщица Безобразова жарила дѣвокъ на солнцѣ, и гладила ихъ утюгами. Губернаторъ прислалъ молодого чиновника Мироненкова сдѣлать изслѣдованіе. При повальномъ обыскѣ

ближайшіе сосѣди показали, что Безобразова поведенія „религіознаго“, только двое, Чиркинъ и Мухортовъ сказали правду. Однако слѣдствіе ничѣмъ не кончилось. Въ той же Орловской губ. дворянскій предводитель Скарятинъ донесъ губернатору, что молодой помѣщикъ Хлѣбниковъ и молодая жена его, урожд. Козакова, ведутъ себя какъ настоящіе плантаторы. Онъ даже представилъ при рапортѣ своемъ косу, отрѣзанную Хлѣбниковымъ собственноручно у дворовой дѣвушки Анисьи Пахомовой. Защитникомъ Хлѣбникова явился старый лѣкарь Бурнашевъ, исправляющій должность губернскаго предводителя дворянства. Онъ представилъ губернатору записку, что „произвести надъ Хлѣбниковымъ слѣдствіе — значитъ оскорбить дворянъ, еще не лишенныхъ права сѣчь и могущихъ употреблять отеческія наказанія“.

Насколько суды строго относились къ крестьянамъ, обвиняемымъ въ неповиновеніи помѣщичьей власти, хотя бы это неповиновеніе произошло по недоразумѣнію, или имѣло причиной звѣрское обращеніе помѣщиковъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1834 г. произошло возмущеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ дер. Ахманово, Вятской губерніи. Оказывается, что помѣщики неправильно овладѣли этой деревней, но вмѣстѣ съ тѣмъ стали подвергать крестьянъ страшнымъ истязаніямъ. Они пробовали было обратиться къ защитѣ исправника, но въ результатѣ этой просьбы было „нещадное сѣченіе всѣхъ безъ изъятія“, такъ что нѣкоторые лежали больными до 6 мѣс., а другіе умерли. Крестьяне добились наконецъ того, что губернаторомъ былъ командированъ чиновникъ для изслѣдованія правъ помѣщиковъ на владѣніе. Владѣніе было признано бездокументнымъ. Но тогда помѣщики добились вторичнаго разслѣдованія. Новый слѣдователь прежде всего приказалъ разламывать дома всѣхъ крестьянъ—амбары и другія постройки, такъ что крестьяне должны были скрываться въ лѣсахъ. И всетаки въ концѣ концовъ крестьяне оказались виновными въ неповиновеніи и возмущеніи, при чемъ 10 чел. были наказаны прогнаніемъ сквозь строй въ 500 чел.

Крестьяне же чаще всего подвергались наказаніямъ за обнаруженное ими стремленіе жаловаться на помѣщика. Извѣстный Заблоцкій - Десятовскій разсказываетъ въ своей запискѣ объ одной саратовской помѣщицѣ, уличенной въ рядѣ преступленій. Земскій судъ разобралъ жалобу, прочелъ жалобав-

шимся крестьянамъ, какъ доносилъ онъ губернатору, законъ о повиновеніи крестьянъ помѣщику, сдѣлалъ съ нихъ же взысканіе за жалобу и отдалъ въ полную волю помѣщицѣ С., а она стала продолжать тиранить не только жаловавшихся, но даже всѣхъ ихъ родныхъ. Крестьяне снова подаютъ жалобу губернатору, при чемъ объясняютъ, какое взысканіе наложилъ на нихъ земскій судъ: „земскій судъ вмѣсто разбирательства справедливой жалобы, нѣкоторыхъ изъ насъ наказалъ жестоко, прочимъ перестригли (головы) до половины и наругавшись, какъ имъ было угодно и какъ только вздумать могли, отослали г-жѣ С., кромѣ одного, котораго посадили безъ всякой вины въ рабочій домъ на неизвѣстный срокъ". Это былъ, впрочемъ, довольно обычный исходъ крестьянскихъ жалобъ. Вотъ, напр., довольно характерное дѣло, относящееся къ 1827 году. Темниковскаго уѣзда, въ селѣ Сумеркахъ, крестьяне г. Танкачеева пользовались отъ своего барина только одною десятиною на тягло. Это обстоятельство не помѣшало г. Танкачееву отпустить своихъ крестянъ на оброкъ, по 50 рублей съ тягла, и кромѣ того потребовать отъ нихъ ежегодныхъ приношеній въ видѣ мяса, рябчиковъ, лыкъ, бревенъ, ягодъ, орѣховъ, холстовъ и т. д. А зимою оброчные крестьяне должны были, по приказанію барина, отправляться въ извозъ на своихъ лошадяхъ съ барскою поклажею и при томъ содержаться на свой счетъ. Мало того, разъ крестьяне Танкачеева поѣхали въ извозъ, при чемъ каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ рубля по два на харчи, а барину понадобились въ это время деньги и онъ отнялъ ихъ у своихъ извозчиковъ, такъ что они не поѣхали, куда имъ слѣдовало, а повернули прямо въ Темниковъ и пожаловались земскому суду на своего помѣщика. Не надѣясь на правосудіе темниковской администраціи, Танкачеевскіе крестьяне составили, при помощи кадомскаго мѣщанина Іевлева, прошеніе на Высочайшее имя и отправили съ нимъ въ Петербургъ своего односельца, крестьянина Тимофеева. А между тѣмъ въ ожиданіи несомнѣннаго улучшенія своей участи, отказались платить барину непосильный оброкъ, соглашаясь выплачивать ему только по 10 рублей съ тягла, не стали исполнять барскихъ приказаній и такимъ образомъ явились уже въ качествѣ „бунтовщиковъ".

Немедленно въ сумерки пріѣхалъ темниковскій земскій судъ и началъ, при помощи инвалидной команды, водворять порядокъ. При этомъ одна беременная женщина, Авдотья Агапова, была

такъ жестоко высѣчена, что выкинула младенца. Въ судьбѣ г. Танкачеева, при всей несправедливости его отношеній къ крестьянамъ, принимали самое горячее участіе предводители дворянства, губернскій предводитель Ознобишинъ и Темниковскій уѣздный Скуратовъ. Скуратовъ вотъ что писалъ тамбовскому губернатору Миронову: „крестьяне г. Танкачеева имѣютъ состояніе не бѣдное и даже нѣкоторые по званію ихъ всѣмъ для крестьянъ нужнымъ избыточествуютъ“. Между тѣмъ Ознобишинъ тому же губернатору писалъ: „обращеніе помѣщика Танкачеева съ крестьянами своими ничего предосудительнаго въ себѣ не имѣетъ, никакой не видно со стороны его жестокости и обремененія крестьянъ чрезмѣрными работами“. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, танкачеевскіе крестьяне оказались во всемъ виновными и были за „свой бунтъ“ примѣрно наказаны“.

Подводя итоги сказанному, приходится въ заключеніе отмѣтить тотъ грустный фактъ, что въ теченіе всего XIX вѣка, т. е. до момента освобожденія, крѣпостные находились въ положеніи совершенно безправномъ. По частямъ, съ большой осторожностью, иногда Николаевское правительство издавало нѣкоторые указы, которые должны были имѣть сдерживающее помѣщиковъ назначеніе. Но въ примѣненіи указа оно опиралось на ту же крѣпостническую среду, которая парализовала самыя благія намѣренія. Впрочемъ конечно и эти указы были мѣрами случайными или паліативами. Только Сводъ Законовъ, да и то преимущественно въ изданіи 1857 года, дѣлаетъ болѣе серьезные шаги въ опредѣленіи размѣра помѣщичьей власти, особенно въ дѣлѣ суда и наказанія. Но это уже было сдѣлано, когда толки объ освобожденіи были всеобщими и когда самый фактъ освобожденія началъ представляться и правительству и помѣщикамъ исторической необходимостью.

ГЛАВА III.

Поссессіонные и горнозаводскіе крестьяне.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы знакомились съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но былъ еще одинъ видъ зависимости крестьянъ, который по существу совпадаетъ съ крѣпостнымъ, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. Мы имѣемъ въ виду поссесіонныхъ и горнозаводскихъ крестьянъ. Поссесіонные крестьяне занимали середину между крѣпостными и государственными крестьянами.

Терминъ поссессія встрѣчается въ нашемъ законодательствѣ довольно поздно, именно въ одномъ изъ указовъ императора Павла. Тогда подъ именемъ поссесіи были опредѣлены всякаго рода вспоможенія отъ казны фабрикантамъ и заводчикамъ, именно вспоможенія лѣсами, землями и крестьянами. Хотя названіе это въ нашемъ законѣ поздняго происхожденія, но само явленіе, т. е. фактъ поддержки казной фабрикантовъ и заводчиковъ относится къ весьма давнему времени. Уже во 2-й половинѣ XVII вѣка иноземцы Виніусъ и Марселисъ получили приписныхъ крестьянъ къ арендуемымъ ими тульскимъ заводамъ. Съ Петра В. начинается быстрое развитіе поссесіонныхъ фибрикъ и заводовъ, Указъ 1721 года разрѣшаетъ заводчикамъ и фабрикантамъ изъ не-дворянъ покупать людей для работы. Это есть уже льгота, даваемая фабрикантамъ и заводчикамъ. Начиная съ Петра В. правительство часто само приписываетъ цѣлыя волости для вспоможенія рабочими людьми частныхъ фабрикъ и заводовъ. Иногда казенныя фабрики передавались на извѣстныхъ условіяхъ, съ приписанными къ нимъ крестьянами частнымъ лицамъ и компаніямъ. Но рядомъ съ этимъ на фабрики отправляется и всякій сбродъ. Такъ, игольный компанейщикъ Томилинъ получаетъ отъ Петра В. привилегію, по которой ему указывается брать для обученія на

фабрикѣ „изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню“. Часть фабричныхъ рабочихъ складывалась изъ бѣдныхъ, которыхъ указомъ 1722 года запрещено было забирать съ фабрикъ. Указъ 1719 г. разрѣшаетъ забрать на полотенную фабрику Турчанинова всѣхъ бабъ и дѣвокъ, приговоренныхъ въ Москвѣ къ тюремному наказанію. Какъ иногда набирались фабричные рабочіе, хорошо характеризуетъ указъ 1736 года: всѣ, кто въ этотъ моментъ окажется на извѣстной фабрикѣ, прикрѣпляются къ ней на вѣчныя времена. Причиной правительственной поддержки фабрикъ и заводовъ было стремленіе развить промышленность и удовлетворить надобности военнаго вѣдомства, такъ какъ поссессіонныя фабрики обязывались по извѣстной цѣнѣ поставлять свои произведенія для нуждъ войскъ. Преемники Петра В. шли по его стопамъ.

Правительственная поддержка фабрикъ приводила къ вмѣшательству правительства въ положеніе фабрики и въ ея отношенія къ рабочимъ. Правительство считало за собой право контролировать качество работъ и опредѣлять положеніе приписаннаго къ фабрикѣ рабочаго люда. Въ этомъ направленіи очень важенъ законъ 1740 года, такъ называемыя работныя регулы. Въ это время была назначена спеціальная комиссія для опредѣленія причинъ плохого качества сукна, поставляемаго на военныя нужды. Комиссія между прочимъ нашла, что причина неудовлетворительнаго состоянія фабрикъ заключается въ плохомъ положеніи рабочихъ. Фабричныя строенія плохи,—„валящіеся сквозь щели неплотныхъ потолковъ песокъ и соръ людямъ работу въ рукахъ мараютъ и портятъ“, говоритъ она. Свѣту не хватаетъ: „ткачи насилу денного свѣта имѣютъ, дабы тканье свое точно высмотрѣть, найменьшіе же сукну самовредительныя субтильныя худобы открывать“. Рабочіе плохо одѣты и, вѣроятно, рабочій день ихъ великъ, потому что комиссія устанавливаетъ рабочій день въ 14 часовъ. Начиная съ императрицы Елизаветы, дворянство высказывается противъ покупки купечествомъ людей на фабрики, но въ концѣ концовъ при Павлѣ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ пользу купцовъ. Такъ окончателвно сложился классъ поссессіонныхъ или фабричныхъ крестьянъ. Впослѣдствіи они были освобождены вмѣстѣ съ остальными крестьянами, а Нерчинскіе горнозаводскіе крестьяне 10-лѣтіемъ раньше, именно въ 1851 г.

Въ XIX вѣкѣ правительство не разъ старается опредѣлить

положеніе поссессіонныхъ крестьянъ. Назначаемыя по этому поводу правительственныя комиссіи выясняютъ намъ фактическое положеніе дѣла. Такъ, законъ 1825 года говоритъ о томъ, что крестьяне и мастеровые не могутъ быть отдѣляемы отъ фабрикъ, т. е. они имѣютъ исключительно обязанность работать на фабрикѣ. Затѣмъ этотъ законъ опредѣляетъ максимумъ покупаемыхъ на фабрики людей. Всѣ эти постановленія имѣютъ въ виду предотвратить злоупотребленія фабрикантовъ изъ числа купцовъ. Затѣмъ законъ опредѣляетъ положеніе рабочихъ: онъ устанавливаетъ, какая часть изъ нихъ должна быть на работахъ, и какая должна оставаться на землѣ. За притѣсненія рабочихъ законъ угрожаетъ отобраніемъ фабрики. На фабрикантовъ рабочіе имѣютъ право жаловаться правительству. Фабриканты обязаны за работу платить „достаточную плату", впрочемъ ближе не опредѣляемую. По отношенію къ рабочимъ фабриканты получаютъ право „домашнихъ наказаній", а непослушныхъ могутъ ссылать въ Сибирь, однако, съ разрѣшенія министерства. Такимъ образомъ поссессіонные крестьяне были крѣпки фабрикѣ, ихъ отношенія къ фабриканту контролировались правительствомъ. Въ этомъ заключалось отличіе ихъ отъ дворянскихъ правъ.

Выяснивъ генезисъ поссессіоннаго права, мы теперь перейдемъ къ знакомству съ фактическимъ положеніемъ поссесіонныхъ крестьянъ, причемъ сначала остановимся на положеніи фабричныхъ, а затѣмъ на положеніи горнозаводскихъ, такъ какъ въ положеніи тѣхъ и другихъ наблюдается немаловажное различіе.

По отношенію къ фабричнымъ крестьянамъ правительство вообще относилось строже, такъ какъ эти крестьяне принадлежали не господствующему классу, дворянству, а купечеству, и наконецъ потому, что фабрики были ближе къ правительственнымъ центрамъ. Однако уже наблюдатель XVIII столѣтія извѣстный князь М. М. Щербатовъ, писатель весьма внимательный, очень неодобрительно отзывается о положеніи фабричныхъ крестьянъ: „если разсмотримъ самое употребленіе и жизнь работниковъ (принадлежащихъ купцамъ), то увидимъ, что кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники... прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности... Отъ этого

поврежденія ихъ нравовъ, уменьшается многонародіе и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ“.

Дѣйствительно, уже съ конца XVIII вѣка наблюдается безконечная борьба фабричныхъ мастеровыхъ противъ фабрикантовъ. Ихъ положеніе было лучше положенія крѣпостныхъ, но все-же они не мирятся съ крѣпостнымъ рабствомъ и борются противъ него. Причиной неудовольствія и стачекъ является недоплата заработной платы, жестокое обращеніе фабрикантовъ, требованіе работы отъ женщинъ и дѣтей, начеты и т. п. Оффиціальные документы и другія свѣдѣнія подтверждаютъ правоту этихъ жалобъ.

Въ первые годы XIX вѣка мануфактуръ-коллегія собрала свѣдѣнія о положеніи рабочихъ на поссесіонныхъ фабрикахъ. Свѣдѣнія эти показываютъ далеко неудовлетворительное положеніе рабочихъ. Правда, средній рабочій день равенъ 12 часамъ и средняя заработная плата равна 60 руб. въ годъ, т. е. по тому времени довольно высока. Но былъ цѣлый рядъ условій, тяжело ложившихся на рабочихъ. Такъ, были фабрики, гдѣ плата совсѣмъ не выдавалась, а фабрикантъ кормилъ и одѣвалъ рабочихъ; были фабрики, гдѣ работали „братъ на брата“, т. е. одинъ рабочій изъ семьи былъ на фабрикѣ, другой—дома. Способъ оплаты труда преобладалъ задѣльный. Рабочій вырабатывалъ отъ 40 до 60 руб. въ годъ, мастеръ гораздо больше—отъ 50 до 120 руб. (ткачи на шелковыхъ фабрикахъ) и отъ 70 до 260 руб. (на стеклянныхъ заводахъ). Женскій трудъ оказывается очень развитымъ. Средняя зарабочая плата женщинъ—25 руб. въ годъ, поденно—отъ 2 до 15 коп. въ день. Количество рабочихъ часовъ весьма колеблется и достигаетъ иногда (на фабрикѣ Кузнецова въ Рязанской губерніи) 15—17 часовъ. Во всякомъ случаѣ положеніе поссессіонныхъ крестьянъ значительно хуже наемныхъ рабочихъ, работавшихъ на тѣхъ же фабрикахъ. Совмѣстная работа вольныхъ свободныхъ людей, лучше оплачиваемыхъ (тогда вольный трудъ былъ дорогъ), во всякомъ случаѣ возбуждала недовольство невольныхъ рабочихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ XIX вѣка фабриканты живутъ на вулканѣ. Невольный рабочій охотно обращается къ стачкѣ и другимъ средствамъ для того, чтобы улучшить свое положеніе. Въ жалобахъ рабочихъ иногда вскрываются картины дѣйствительно тяжелаго ихъ положенія.

Для того, чтобы понять, какъ на практикѣ складывались отношенія фабриканта и его поссессіонныхъ крестьянъ, можно при-

вести въ примѣръ рязанскую фабрику купца Markdown Markdown. Когда онъ задалъ рабочимъ непосильный урокъ и получилъ отъ нихъ отвѣтъ, что они не могутъ исполнить его, то всѣхъ наказалъ розгами. Вообще онъ производилъ наказанія съ необыкновенной жестокостью. Сынъ купца дѣйствовалъ въ другомъ направленіи: „Неоднократно призывалъ къ себѣ въ контору дѣвокъ и насиловалъ ихъ усильствомъ своимъ, а не по согласію, требовалъ къ себѣ дѣвокъ, которыхъ блудодѣяніемъ растлилъ ихъ дѣвство". Такихъ указывалось 8 человѣкъ. Вслѣдствіе пьянства онъ дошелъ до того, что ходилъ по конторѣ и по полямъ голый, а въ декабрѣ хотѣлъ броситься въ прудъ купаться. Всякую попытку жалосаться Козновъ объяснялъ дѣятельностью неблагонамѣренныхъ людей, побуждающихъ крестьянъ къ возмущенію, а мѣстная администрація по разслѣдованіямъ всегда подтверждала подобнаго рода предположенія Кознова. Крестьяне все-таки добились такого слѣдствія, которое выяснило положеніе дѣлъ. Между прочимъ слѣдствіе выяснило, что работа фабричныхъ должна производиться по ревизіи братъ на брата, но въ дѣйствительности выбраны лучшіе, какъ мужчины, такъ и женщины, а старые и малолѣтніе такимъ образомъ принуждены были кормить себя и ту половину, которая работала на фабрикѣ. Мало того, даже изъ оставшейся половины нѣкоторые были употребляемы на работы. Несмотря на выяснившееся положеніе дѣлъ, все-таки Козновъ въ концѣ концовъ добился своего. Ему было лишь объявлено, „чтобы онъ управлялъ своимъ посессіоннымъ имѣніемъ, какъ добрый и попечительный хозяинъ, соблюдая въ точности правила, въ мануфактурныхъ узаконеніяхъ изображенныя, чтобы имѣлъ стараніе, какъ о благоустройствѣ своего заведенія, такъ и благосостояніи принадлежащихъ къ оному крестьянъ":

Но чаще всего вымогательства фабрикантовъ касались числа рабочихъ часовъ и платы.

На фабрикѣ Вигеля, напр., пользовались весьма продолжительной работой малолѣтнихъ: даже 10-лѣтніе работали съ часу ночи до 10 часовъ вечера съ перерывомъ въ 3—4 часа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочіе жалуются на жестокое обращеніе и понужденіе къ дворовымъ господскимъ работамъ, къ чему они не были обязаны. Для примѣра остановимся на исторіи Казанской мануфактуры Осокина. Къ ней было приписано 1414 душъ мужского пола. Въ 1796 году рабочіе подаютъ прошеніе сенатору

Мавриву на низкую зарабочую плату. Они достигли увеличенія ея. Но въ 1798 году они жалуются императору Павлу на жестокое обращеніе владѣльцевъ; по разслѣдованіи жалоба признана неосновательной. Въ 1800 г. они подаютъ новую жалобу о томъ же и получаютъ обѣщаніе сослать зачинщиковъ въ Сибирь. Столкновенія продолжались и въ 1806 г. Осокину дано было право наказывать рабочихъ; тогда онъ сталъ заставлять работатъ женщинъ и дѣтей. Въ 1817 г. рабочіе подаютъ жалобу вел. князю Михаилу Павловичу съ просьбой освободить ихъ; имъ приказано повиноваться, о чемъ и велѣно взять подписку. Рабочіе подписки не дали и послали депутацію къ государю. Депутатовъ схватили, заковали въ кандалы и отправили обратно въ Казань. Впрочемъ, было составлено новое положеніе для фабрики, причемъ рабочій день уменьшенъ съ 14 до 12 часовъ. Тѣмъ не менѣе рабочіе въ 1818 году снова жалуются министру внутреннихъ дѣлъ: „Осокинъ усугубилъ надъ нами свои жестокости, пишутъ они, и черезъ побойства многимъ причинилъ насильственную смерть. Мы терпимъ неограниченную во всемъ нужду и жестокое обращеніе слишкомъ 23 года... Въ зимнее время мы производимъ работы въ промерзлыхъ мѣстахъ и въ жестокіе морозы, по неимѣнію у насъ теплаго одѣянія не только нельзя производить работу, но и рукъ обогрѣть негдѣ“. Жалоба 1819—20 г.г. кончилась постоемъ солдатъ. Затѣмъ они подаютъ около пяти жалобъ императору Николаю I, пока, наконецъ, въ 1849 году не получили свободы.

Волненія въ родѣ только что описанныхъ вліяли на правительственныя мѣропріятія и на фабрикантовъ. Въ правительственныхъ сферахъ замѣчаются колебанія, дѣлаются попытки создать особое положеніе для фабричныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, съ развитіемъ машиннаго производства, невольная фабрика представляла рядъ неудобствъ для самихъ фабрикантовъ. Они обязаны были давать работу рабочимъ и не могли сократить или измѣнить производство. Поэтому наблюдается слѣдующее явленіе. Законодатель стремится развязать руки фабрикантамъ, а сами фабриканты, въ виду неудобствъ крѣпостного труда, стремятся быть освобожденными отъ привилегій пользоваться невольнымъ рабочимъ. Законъ 1848 года даже разрѣшаетъ фабрикантамъ увольнять на свободу рабочихъ, при чемъ казна уплачиваетъ 36 р. за каждую ревизскую душу. Почти немедлено послѣ его изданія, съ 42 фабрикъ было отпущено 15 тысячъ душъ мужского

пола. Такимъ образомъ непригодность крѣпостного труда дѣлала для фабрикантовъ затруднительнымъ пользованіе имъ.

Иное положеніе вещей наблюдается на горныхъ заводахъ Урала. Тамъ заводы появляются еще въ концѣ XVII вѣка (Ниценскій въ Ирбитскомъ уѣздѣ и Пыскорскій), но вскорѣ эти заводы пришли въ упадокъ, вслѣдствіе „крамолы и великаго воровства". Такъ „воровство" и укоренилось на Уралѣ.

Петровское правительство очень было заинтересовано въ развитіи горныхъ заводовъ, а потому давало основателямъ ихъ широкія привилегіи. Здѣсь очень скоро замѣчается поразительное накопленіе богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Первымъ появляется на Уралѣ извѣстный Никита Демидовъ. Въ 1702 г. ему пожалованы заводы на рѣкѣ Нейвѣ и „гдѣ пріищетъ" на рѣкѣ Тагилѣ у Магнитной руды въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Демидовъ обязуется ставить въ казну пушки и другіе припасы по уговорной цѣнѣ. А „владѣть ему лѣсами, землями и угодьями всякими во всѣ стороны по 30 верстъ". Для работы приписаны казенные крестьяне двухъ слободъ, одного села и 12 деревень „со всѣми крестьяны, съ дѣтьми и съ братьями и съ племянниками и землей, со всякими угодьями". За все это не полагается никакой аренды. Черезъ нѣсколько лѣтъ Никита Демидовъ снова получаетъ новыя мѣста, еще съ пособіемъ отъ казны, и въ его рукахъ оказываются милліоны десятинъ. Юридически положеніе Демидова опредѣляется терминомъ „уговорщика" и „содержателя заводовъ". Но Петръ В. обѣщаетъ, „что оный заводъ не возьмется у него и у дѣтей и у наслѣдниковъ, покамѣстъ они оный заводъ въ добромъ состояніи содержать будутъ". Такимъ образомъ, признана условность владѣнія. Петръ В. однако осторожно раздавалъ поссессіи. Преемники его были гораздо щедрѣе. По регламенту Бергъ-коллегіи 1739 года—всякій можетъ получать землю „по усмотрѣнію"— „сколько къ какому заводу за потребное признано будетъ". Отсюда — развитіе монополій. Тотъ же регламентъ передаетъ всѣ казенные заводы частнымъ лицамъ. Появляются предприниматели, которые, благодаря придворнымъ связямъ, захватываютъ огромныя пространства Приуралья. Извѣстный Шембергъ, подставное лицо Бирона, получаетъ Гореблагодатскіе заводы съ ссудой отъ казны въ 50 тысячъ рублей съ 3000 приписныхъ крестьянъ и съ правомъ получать на будущее время изъ Екатеринбургской канцеляріи ссуды въ размѣрѣ до 20 тысячъ за одинъ разъ. Онъ обязанъ

платить въ казну 5000 руб. ежегоднаго оброку, но его не платилъ, и даже своихъ прикащиковъ содержалъ на казенный счетъ. При имп. Елизаветѣ на Уралѣ водворяются Шуваловы, далѣе Чернышевы, Гурьевы, Турчаниновы, Воронцовы и другіе представители русской знати; Яковлевъ выпросилъ себѣ вь 1775 году „во славу Россійской Имперіи“ огромную поссессію на Малой Рефтѣ. Такъ были захвачены казенныя земли, частныя крестьянскія, башкирскія и проч.

Такъ какъ на Уралѣ земли перешли съ крѣпостными поссесіонными крестьянами въ руки крупнѣйшихъ дворянъ, то положеніе здѣшнихъ крестьянъ оказалось въ высшей степени тягостнымъ. Уже Демидовъ получивши приписныхъ крестьянъ отъ Петра В., получилъ и право чинить порочнымъ людямъ наказаніе, но только „съ правдой, чтобы чрезмѣрной жестокостью ихъ врозь не разогнать“, памятуя лишь свою отвѣтственность предъ престоломъ Божіимъ. Какъ это нравоученіе Петра В. исполнялось въ дѣйствительности, показываютъ жалобы горнозаводскихъ крестьянъ на того же Демидова: „а мы нижайшіе не на то имъ (заводчикамъ) отданы, чтобы насъ имъ мучительски мучить... мы въ его (Демидова) и прикащиковъ его несносныхъ обидахъ и налогахъ и безвременныхъ работахъ домовъ своихъ лишились и многіе въ убожество и въ крайнее разореніе пришли“. Правда, указомъ импер. Екатерины II 1779 г. была сдѣлана попытка регулировать работу (опредѣлено количество работы заводчикамъ и раскладка ея на крестьянъ), но этотъ указъ, какъ и другія мѣры, оставался мертвой буквой, благодаря злоупотребленіямъ администраціи и боязни, чтобы крестьяне „не возмечтали“.

У крестьянъ было право жаловаться. Но управляющій Кыштымскими заводами Зотовъ разстрѣлялъ двухъ крестьянъ за „одно намѣреніе подать жалобу блаженныя памяти государю императору Александру I“. Поэтому въ конечномъ результатѣ положеніе рабочихъ было очень тяжелое. Заводчики затрудняли ихъ безполезными нарядами на работы, плохо продовольствовали; къ этому надо прибавить опасность, угрожавшую рабочимъ въ рудникахъ. Вообще условія рботы были очень тяжелыя. Надо помнить, что рабочіе приписывались къ заводамъ иногда находясь отъ нихъ на разстояніи 100—400 верстъ (къ Шуваловскимъ заводамъ въ Оренбургѣ были приписаны казанскіе крестьяне за 1000 верстъ). Поэтому очередные рабочіе должны были приходить изъ своихъ

деревень за много верстъ. Вотъ разсчетъ работы, сдѣланный по указанію одного рабочаго. Въ его семьѣ числилось 4 души, которые должны были отбыть три посохи, каждая по 56 дней, всего 168 дней. Разстояніе отъ завода 250 верстъ. На заводѣ рабочій получаетъ $1^1/_2$ фунта муки въ день и 25 коп. въ недѣлю на все прочее (фунтъ мяса въ заводской лавкѣ стоилъ 3—4 коп.). Работа полагалась урочная, наказаніемъ за неисполненіе работы служили плети. Управляющіе ходили по заводамъ со свитой казаковъ и тутъ же подвергали рабочихъ наказанію.

При заводахъ были свои тюрьмы и каторги. Наказанія были очень тяжелыя. Вотъ разсказъ одного изъ очевидцевъ: „Наказанія были жестокія. Уклоняющимся отъ работъ надѣвали на голову желѣзную рогульку, на ноги желѣзные кандалы, на шею привязывали двухсаженную цѣпь съ пудовой гирей или тяжелымъ деревяннымъ чурбаномъ на концѣ, такъ что наказанный лишь съ большимъ усиліемъ могъ, приподнявъ гири или чурбанъ, переходить съ одного мѣста на другое, и въ такомъ положеніи его заставляли работать. Не освобождались отъ работъ даже женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей. Наказанія для женщинъ были особаго рода: виновную садили въ рогатку, имѣющую видъ клѣтки, по бокамъ и на задней сторонѣ торчали желѣзныя спицы, препятствующія наклоняться“.

Одинъ современникъ говоритъ объ Ивановскомъ заводѣ: Въ памяти заводскихъ крестьянъ особенно сильно сохранился образъ приказчика Чижева, который наказывалъ рабочихъ положительно ради своего удовольствія и для поддержанія своего престижа. Осмотритъ онъ въ куреняхъ работы, все найдетъ исправнымъ и довольный отправится домой, въ Катавъ-Ивановскій заводъ. „Слава Богу,—думаютъ крестьяне,—проводили“. Но не тутъ то было. По дорогѣ онъ вспомнилъ: „Ахъ, чертъ возьми, какъ же такъ, сегодня ни одного мужика не отхлесталъ!“ и съ половины дороги возвращается назадъ. „Эй, Иванъ, возьми-ка розги, да отпори-ка вотъ Макара. Я, кажется, давненько его не билъ“.—„Помилуйте, Дмитрій Антонычъ! взмолится тотъ: за что же, чѣмъ я провинился?“—„Знаю, братъ, что ты не виновенъ, но нельзя же приказчику, побывавши на куреняхъ, не отпороть никого. Что же про меня будутъ говорить на заводѣ! пойми ты, дурья башка! Скажутъ, что приказчикъ не строгъ, плохо осматриваетъ работы, коли не побилъ никого. Нѣтъ, братъ, ложись!“

При такихъ условіяхъ жизнь не дорого цѣнилась. Бывали случаи, когда управляющіе приказывали бросать людей въ доменную печь. Во время ревизіи князя Вяземскаго, относящейся къ концу XVIII вѣка, у Акинфія Демидова люди, чеканившіе фальшивую монету въ подземельяхъ Невьянскаго завода, были залиты водой изъ пруда.

Какъ трудно было жаловаться, показываетъ дѣло управляющаго Кыштымскими заводами Зотова. Онъ ввелъ безчеловѣчныя наказанія, чтобы принудить мальчиковъ и дѣвочекъ 12 лѣтъ работать столько же, сколько и взрослые. Рабочихъ, подозрѣваемыхъ въ утайкѣ золота, подвергали пыткамъ. Когда крестьяне пробовали протестовать противъ отдачи дѣтей на работы, то зачинщикъ крестьянъ Сѣдельниковъ былъ высѣченъ плетьми и сосланъ въ Сибирь. То же испытали и нѣсколько другихъ крестьянъ. Упомянутый Сѣдельниковъ успѣлъ бѣжать изъ Сибири и подать жалобу государю.

Тогда Зотовъ приказалъ этого крестьянина за дерзость задушить. Въ результатѣ противъ крестьянъ было возбуждено преслѣдованіе по обвиненію въ бунтѣ. Только случайно подвиги Зотова вскрылись: чиновникъ Пасенко, командированный на Уралъ для изслѣдованія кражи золота, сдѣлалъ о его дѣяніяхъ докладъ. Дѣло было поручено крупному вельможѣ графу Строганову. Ознакомившись съ нимъ, Строгановъ былъ пораженъ: „не разъ приходилъ я въ смущеніе, и даже въ стыдъ, удостовѣрясь въ презрительной дерзости и самонадѣянности, съ какими богатые сіи купцы распоряжались дѣйствіями и совѣстью первыхъ лицъ тамошней губерніи, распространяя противозаконное вліяніе свое даже до самой столицы“. Пораженный такимъ открытіемъ, графъ Строгановъ, какъ самъ онъ объясняетъ въ своемъ докладѣ, и имѣетъ цѣлью сосредоточить наиболѣе выдающіеся факты злоупотребленій на горныхъ заводахъ. Такъ, онъ удостовѣряетъ, что Зотовъ приказалъ застрѣлить двухъ крестьянъ за ихъ намѣреніе подать жалобу. Далѣе, онъ разсказываетъ о скупкѣ золотоносныхъ башкирскихъ земель, при чемъ эта скупка сдѣлана совершенно противозаконнымъ способомъ. Дѣятельность Зотова на заводахъ заключалась въ томъ, что онъ стремился высылать какъ можно больше рабочихъ, заставляя 12-лѣтнихъ мальчиковъ и женщинъ исполнять

работы, одинаковыя съ взрослыми и опытными мастеровыми. Побужденія къ работѣ отличались замѣчательной безчеловѣчностью: „жестокости замѣнили искусство: обыкновенныя тѣлесныя наказанія показались недостаточными, розги смѣнились палками... наконецъ появились конскіе ѣзжалые кнутья, кандалы, однимъ словомъ всѣ принадлежности каторжнаго заведенія. Выборные приказчики, вполнѣ заслуживающіе названіе палачей, изобрѣтали способы къ отягощенію наказанія, начали съ разстановкой производить оное, бить по спинѣ, а потомъ по животу, у женщинъ же, дабы одежда ихъ не могла препятствовать наносимой боли отъ ударовъ, начали рубахи натягивать и даже обливать водою, дабы плотнѣе къ тѣлу приставали...“ Всѣ подчиненные Зотова дѣйствовали съ такою же жестокостью. Истязаніями дѣло не всегда оканчивалось: „послѣ таковыхъ мученій несчастные сіи заковывались въ кандалы и отправлялись въ острогъ, въ Соймоновскій рудникъ, или смотря по надобности, опредѣлялись къ тяжкимъ заводскимъ работамъ, въ которыхъ томились по нѣсколько мѣсяцевъ“. Наиболѣе неповиновавшіеся крестьяне были предаваемы суду, какъ бунтовщики. Большинство мѣстной администраціи было уличено при производствѣ слѣдствія въ лжесвидѣтельствованіи. Неудивительно поэтому, что и изслѣдованіе дѣла оказалось весьма не легкимъ. Не смотря на всѣ вскрытые ужасы, и самому Строганову удалось сдѣлать немного. По рѣшенію Сената, состоявшемуся въ 1830 году, Зотовъ отправленъ для покаянія въ Соловки, крестьяне же жестоко наказаны плетьми, каторгой и Сибирью. Вообще волненія и жалобы крестьянъ оканчивались для нихъ плохо. Мелкій заводчикъ Прокофьевъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, какъ говоритъ жалоба крестьянъ,—„обременялъ своихъ людишекъ непосильной работой, истощалъ ихъ нещадно, а бабъ и дѣвокъ бралъ себѣ на потребу“. Слѣдствіе подтвердило жалобу крестьянъ полностью, и судъ вынесъ резолюцію, по которой: крестьянъ, „которые изобличены въ неповиновеніи, рѣшено наказать плетьми, сдать въ солдаты. Дѣвокъ за блудодѣйство предать церковному покаянію, а Прокофьева поручить наблюденію предводителя дворянства и подтвердить, чтобы онъ безъ земскаго суда своихъ людей не наказывалъ“.

Вообще, одни только факты, вскрытые оффиціальными слѣдствіями, даютъ поразительную картину безправія, въ которомъ

находилось на заводахъ крестьянское населеніе. Никакая борьба была невозможна, потому что всякая попытка къ принесенію жалобы, превращалась въ бунты. На заводы Никиты Демидова были введены войска для усмиренія крестьянъ только потому, что крестьяне отказались давать своихъ 12-лѣтнихъ дѣтей на работы.

ГЛАВА IV.

Законодательная дѣятельность вотчинника. Барскій дворъ.

Извѣстный путешественникъ 40-хъ годовъ баронъ Гакстгаузенъ разсказываетъ, что одинъ нѣмецъ по имени Пирхъ, женившись на русской, вступилъ въ управленіе ея вотчинами. Онъ явился въ имѣніе, созвалъ сходъ крестьянъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой между прочимъ говорилъ: „Я вашъ господинъ, а мой господинъ царь. Царь можетъ мнѣ приказывать, а я долженъ ему повиноваться, но онъ не приказываетъ вамъ. Въ моемъ имѣніи я царь, я вашъ земной богъ, и я долженъ отвѣтствовать за васъ передъ Богомъ... Нужно десять разъ вычистить лошадь желѣзной скребницей, прежде чѣмъ начать чистить мягкой щеткой. Мнѣ придется сильно почистить васъ скребницей, и кто знаетъ, дойду ли я когда нибудь до щетки. Богъ очищаетъ воздухъ громомъ и молніей, въ моей деревнѣ я буду очищать его громомъ и огнемъ, пока буду находить это нужнымъ“.

Нѣмецъ со всей прямотою выразилъ взглядъ на вещи—тотъ, который дѣйствительно существовалъ. Всякій помѣщикъ въ своей вотчинѣ былъ маленькимъ царемъ и притомъ совершенно неограченнымъ. Само управленіе вотчиной и всѣмъ имѣніемъ мало походило на управленіе хозяйствомъ и поземельной собственностью: это было прежде всего управленіе людьми. Поэтому заботы помѣщика были, строго говоря, заботами не сельско-хозяйственнаго типа, но заботами администратора. Правда, въ XIX вѣкѣ, какъ увидимъ, крѣпостники стремятся соединить заботы того и другого рода, но огромное количество вотчинъ управлялось на прадѣдовскихъ началахъ до самаго момента раскрѣпощенія. Если помѣщикъ не жилъ въ своей вотчинѣ,—онъ управлялъ ею посредствомъ предписаній изъ Петербурга и Москвы. У всякаго болѣе или менѣе крупнаго помѣщика была въ городѣ, гдѣ онъ постоянно жилъ,

особая контора, представлявшая собою сколокъ съ правительственныхъ департаментовъ и канцелярій, при чемъ канцелярскіе порядки копировались съ пунктуальной точностью. Если помѣщикъ не жилъ въ вотчинѣ, онъ ввѣрялъ управленіе ею на мѣстѣ особому управляющему, прикащику, или, что дѣлалось гораздо чаще, ввѣрялъ управленіе міру съ выборными, или назначаемыми имъ самимъ начальниками—бурмистрами, старостами. Если онъ и жилъ въ вотчинѣ, то все же онъ опирался на цѣлый штатъ управляющихъ, прикащиковъ и судей. Всю эту сложную машину самъ помѣщикъ долженъ былъ направить, т. е. дать ей руководящія указанія. Помѣщикъ издаетъ предписанія самаго различнаго характера. Иногда помѣщики издавали цѣлыя уложенія, въ которыхъ опредѣляли не только ходъ управленія, но и тѣ нормы гражданскаго, уголовнаго, семейственнаго права, которыми опредѣлялась жизнь крестьянъ, а также и формы судебнаго процесса. Такія уложенія иногда издавались въ печатномъ видѣ, иногда—въ рукописномъ. Тогдашняя литература, особенно XIX вѣка, даетъ рядъ образцовыхъ регламентовъ для управленія вотчиною. Уже наканунѣ раскрѣпощенія крестьянинъ Ермаковъ издаетъ цѣлое руководство подъ заглавіемъ „Руководство къ образованію управленія въ вотчинныхъ поселеніяхъ. Книга для гг. помѣщиковъ и управляющихъ населенными имѣніями (1857 г.)“. Издавались и другія.

Сложный порядокъ вотчиннаго управленія издавна установился на Руси. Его можно прослѣдить гораздо глубже XVII вѣка. Московскій бояринъ управлялъ своими вотчинами точно также, какъ и его чиновный потомокъ въ XIX вѣкѣ. У вотчинника были свои приказы съ дьяками и подъячими. Въ вотчинѣ прикащики вѣдали судъ и управу, и бояринъ давалъ имъ такія же предписанія, какія царь давалъ своимъ судьямъ,—производить судъ „безволокитно, безпосульно, безкорыстно, судить въ правдѣ, праваго виноватымъ, а виноватаго правымъ не чинить“. Судъ прикащика происходилъ въ присутствіи старостъ, цѣловальника и выборныхъ отъ крестьянъ. Бояринъ издаетъ рядъ предписаній по полицейской части,—чтобы въ вотчину воровскимъ людямъ въѣзда не было, чтобы крестьяне изъ вотчины не выходили безъ крѣпостного „письма“, чтобы крестьяне табаку не курили и вина не пили. Все это тѣ же предписанія, какія и государственная власть издавала для своихъ судей и чиновниковъ. Помѣщикъ-бояринъ

уже тогда издаетъ и предписанія относительно суда. Одни требуютъ, чтобы судъ творился по Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, другіе пишутъ свои законы и устанавливаютъ свои мѣры наказанія. Такъ, знаменитый бояринъ Морозовъ, другъ и наставникъ царя Алексѣя Михайловича, приказывалъ по первой винѣ спустить, если небольшая, или словомъ побранить и дать на поруки. Если во второй разъ „своруетъ", т. е. сдѣлаетъ какой-нибудь проступокъ,—бить батогами, а по третьей винѣ бить кнутомъ. Но у него, впрочемъ, уже употреблялись и кандалы и пытки. Онъ, какъ и другіе, наблюдалъ и за религіознымъ настроеніемъ крестьянъ, и за ихъ нравственностью: за непосѣщеніе церкви въ праздничные дни полагались батоги.

Въ новѣйшее время вотчинное управленіе носитъ тотъ же характеръ, только власть помѣщика сказывается острѣе.

Даже переписка между помѣщикомъ и крестьянами носила такой же характеръ, какой въ письменныхъ отношеніяхъ усвоили царь и его рабы-бояре. Крестьяне писали „почтительнѣйшія" доношенія отъ „всепокорнѣйшихъ" рабовъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, обращались къ В. Суворову (отцу полководца) его крѣпостные: „Всѣ ваши Государскіе крестьяне Милостиваго Государя нашего батюшки всѣ покорные поданные, ваши рабы, покорно предъ честными вашими ногами кланяемся". Здѣсь, между прочимъ, отмѣтимъ еще одинъ чрезвычайно любопытный фактъ. Раньше уже намъ пришлось сдѣлать замѣчаніе, что иногда крѣпостные имѣли своихъ крѣпостныхъ рабовъ, т. е. рабы имѣли рабовъ. Въ сношеніяхъ между собой эти рабы рабовъ такъ себя и называли „всенижайшими рабами". Сохранилось одно такое весьма любопытное письмо. „Рабъ" Кондратій Васильевичъ обращается къ „рабу" Никифору Артемьевичу, крѣпостному графа Шереметева и пишетъ: „Милостивому государю и отцу нашему Никифору Артемьевичу, рабъ вашъ Кондратій Васильевъ всепокорнѣйше челомъ бьетъ. Которое вашимъ милосердіемъ къ намъ, нижайшимъ рабамъ, повелѣніе прислано, чтобы намъ, нижайшимъ рабамъ"... и далѣе идетъ изложеніе просьбы.

Помѣщики писали въ вотчины грозныя или милостивыя приказанія, глядя по обстоятельствамъ. Очень нерѣдко помѣщикъ именовалъ своихъ крестьянъ вѣрноподданными, а крестьяне подписывались вѣрноподданными всенижайшими рабами. Одинъ самодуръ помѣщикъ XIX вѣка издавалъ свои приказанія крестьянамъ, над-

писывая ихъ: „вѣрноподаннымъ моимъ подлецамъ“. Помѣщикъ если подозрѣвалъ какой-нибудь злой умыселъ со стороны своихъ управителей, старался, какъ это дѣлали цари XVII и начала XVIII вв., выражаться не только грозно, но и донять „коварнаго раба“ бранными выраженіями. Вотъ, наприм., какъ пишетъ своему прикащику извѣстный Никита Демидовъ въ 1788 году. „Проснись, отчаянной, двухголовой архибестія, торгашъ и промышленникъ озорной и явной клятвопреступникъ и ослушникъ, смѣло-отчаянной кыштымской Блиновъ. Ребра въ тебѣ, ей-же-ей, божусь, не оставлю за такіе паршивые малые выходы, за торги и промыслы съ озерами и за явную такую ослушность и клятвопреступство, и хотябъ у тебя десять головъ на плечахъ было, у смѣлоотчаяннаго скернавца Блиненка, то истинно, за всѣ такія вышеписанныя дурности и ослушности, всѣ головы твои посломаю и, какъ рака, раздавлю и вѣчно въ навозъ, какъ каналію, ввергну“. Это длинное письмо на протяженіи нѣсколькихъ страницъ испещрено ругательствами, изъ которыхъ далеко не всѣ годятся для печати, обѣщаніями раздавить „какъ лягушекъ“, и цѣлаго ряда всевозможныхъ другихъ карательныхъ мѣръ, плетей „и притомъ крѣпкихъ“ и т. п.

Надо замѣтить, что это довольно обычная форма нравоученія барина, съ которымъ онъ обращается къ своимъ управителямъ вотчиной. Извѣстный горнозаводчикъ Яковлевъ, получивъ отъ своего управляющаго сообщеніе о невозможности исполнить барское предписаніе, „душевно скорбитъ“ о томъ, что за дальнимъ разстояніемъ не имѣетъ настолько силы и власти, „чтобы сію минуту быть бы мнѣ такъ близко возлѣ тебя, чтобы руки мои на головѣ твоей не оставили не одного волоса, а спину твою сдѣлали мягче брюха“. Впрочемъ, баринъ находитъ одно утѣшеніе, что время еще впереди и скоро будетъ возможность привести въ исполненіе барское намѣреніе. Пока же онъ ограничивается градомъ ругательствъ: управляющій оказывается „въ высшемъ градусѣ злодѣемъ“, „извергомъ человѣчества“, обладающимъ „злодѣйскою медленностью“. Даже когда не было причинъ изливать барскій гнѣвъ на управителей, помѣщикъ обыкновенно считалъ нужнымъ дополнить свой указъ угрозой наказанія. Такъ князь Куракинъ, издавая приказъ въ 1799 году о назначеніи новаго бурмистра въ свою костромскую вотчину, на всякій случай шлетъ угрозы назначаемому начальнику именно тѣмъ, что „тогда въ наказаніе изъ твоей семьи будетъ взятъ въ рекруты“.

Или вотъ еще образчикъ искренняго возмущенія помѣщика крестьянскимъ „безразсудствомъ". Князь Б. Куракинъ наложилъ на всю вотчину солидный штрафъ за неправильную отдачу сына одного крестьянина въ рекруты. Крестьяне платили туго и, получивъ объ этомъ донесеніе вотчиннаго правленія, князь отвѣчалъ ему приказомъ: „Все сіе вышеозначенное донесеніе наполнено глупыми и ни съ чѣмъ несообразными нелѣпостями и потому спрашиваю вотчинное правленіе, какъ осмѣлились они не только донести мнѣ, что изъ числа оштрафованныхъ крестьянъ (слѣдуетъ перечень) отъ платежа отказались, но даже и принять отъ нихъ таковой дерзкій отзывъ, какъ будто платить, или не платить штрафъ зависитъ отъ ихъ воли? Неужели же вотчинное правленіе до того глупо и безразсудно, что дозволяетъ крестьянамъ подобнымъ образомъ своевольничать?" Поэтому баринъ изъявляетъ „величайшій гнѣвъ за такое безумное донесеніе" и шлетъ всевозможныя угрозы, если господское приказаніе не будетъ исполнено.

Вообще помѣщикъ считалъ нужнымъ писать приказанія точно и вразумительно въ смыслѣ того воздѣйствія, которое обѣщается за всякое неисполненіе барскаго приказанія. Генералъ Измайловъ предписываетъ своему управителю: „со 2 августа сѣять рожь; если не будетъ въ свое время посѣяна, посѣю на тебѣ" и далѣе угрожаетъ собственнымъ пріѣздомъ въ вотчину: „знай, пріѣздъ мой для тебя будетъ непріятенъ"!

Но бывали случаи, когда помѣщикъ очень учтиво обращался къ своимъ крѣпостнымъ. Это большей частью бывало тогда, когда помѣщикъ нуждался во взносѣ оброка не въ срокъ. „Многолюбивая васъ", т. е. крестьянъ, княгиня Н. Куракина ласково писала къ своимъ крестьянамъ, когда нуждалась въ деньгахъ и желала получить оброкъ ранѣе срока, называя ихъ „любезными моими крестьянами", „моими друзьями": „одолжите меня, мои друзья", пишетъ княгиня объ оброкѣ за будущій годъ, „а Богъ вамъ заплотитъ все то, что вы для меня въ теперешнемъ случаѣ здѣлаете".

Управленіе вотчиной представляло собой сложный механизмъ канцелярскаго управленія. Многіе вотчинники издавали по этому поводу обстоятельные уставы. Въ Москвѣ обыкновенно была главная вотчинная контора, иногда она бывала въ Петербургѣ.

Главная вотчинная контора представляла собой министерство и даже нѣсколько министерствъ. Вотъ, напримѣръ, какъ было поставлено дѣло въ главной конторѣ графа В. Г. Орлова. „Въ

главной конторѣ, изъ которой не только исходили приказы, но гдѣ обсуждались, по предначертанію, данному графомъ, многочисленныя дѣла управленія вотчинами его, начальствовавшіе были въ миніатюрѣ скорѣе государственными людьми, нежели агрономами и спеціалистами. Они докладывали о дѣлѣ вмѣстѣ съ своимъ проектомъ резолюціи, подписаннымъ или единогласно, или съ мнѣніями и представленіями, а графъ, по разсмотрѣніи всего дѣла и мнѣнія конторы, возвращалъ ихъ въ контору съ своимъ утвержденіемъ или съ измѣненными приказами въ другомъ смыслѣ. Эти должности конторщиковъ, которымъ присвоено было незначительное жалованье, были очень выгодными мѣстами. „Здѣсь въ конторахъ вырабатывали штаты, проекты, предположенія. Работы велись комиссіями, какъ и въ государственныхъ департаментахъ. Но только предметомъ обсужденія этихъ чиновничьихъ комиссій были вопросы, касающіеся театра, музыки, псовой охоты. „Положенный мною въ штатъ псовой охоты,—пишетъ одинъ изъ графовъ Шереметевыхъ своему управителю,—нынѣ разсматриванъ вновь, которой, какъ людьми, такъ и лошадьми укомплектованъ и остался во всемъ прежнемъ основаніи; неспособные же быть при той охотѣ псари отрѣшены, а на ихъ мѣста выбраны другіе, и та вся охота поручена отъ меня попрежнему въ полное смотрѣніе ловчему Андрею Бахтемирову, и велѣно ему въ содержаніи ея поступать по данной за моею рукою инструкціи“.

Въ каждой деревнѣ была мѣстная вотчинная контора. Во главѣ конторы стоитъ управляющій и главный прикащикъ. Въ качествѣ его помощниковъ—бурмистръ, конторщикъ, довольно значительное число писарей. Голицынское положеніе о вотчинной конторѣ Епифанскаго имѣнія подробно, напримѣръ, опредѣляетъ способы назначенія должностныхъ лицъ и ихъ число. Такъ, кромѣ управляющаго и бурмистра при конторѣ состоятъ: конторщикъ, писаря, смотрители полевыхъ работъ, господскаго дома, коннаго завода, лѣсной смотритель, фельдшеръ, коновалъ, старшіе садовники, огородники и проч.; затѣмъ смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, гуменщики, замолотчики. Далѣе, положеніе объясняетъ права и обязанности для всѣхъ этихъ лицъ, и особенно внимательно останавливается на характерѣ дѣлопроизводства. Тутъ все предусмотрѣно: когда и какія бумаги должно переписывать на-бѣло, гдѣ хранится и у кого печать, очень точно обозначено количество и характеръ книгъ, которыя ведутся въ вотчинѣ, способъ составленія отчетовъ, порядокъ покупокъ и починокъ вещей и пр.

Насколько сами управлявшіе помѣщичьими канцеляріями, такъ и управляемые ими рабы свыкались съ мыслью, что вотчинное правленіе является не столько управленіемъ хозяйствомъ, но и людьми, вскрываетъ одно любопытное прошеніе крестьянина къ князю Б. А. Куракину—„отцу покровителю и благодѣтелю“: „Простите дерзость скаковою (сохраняемъ правописаніе) я осмелился приступить къ стопамъ отеческимъ просить милосердія вашего и донести онижеслѣдующемъ. Хотя мы живемъ вдеревне и неучѣнныя люди, но каждой на свѣте христіянинъ долженъ дознаватся закону. Какъ въ црисудственныхъ местахъ стоитъ зерцало везде присудствуетъ имя Монарха нашего Государя, а вгосподскихъ вотчинныхъ правленіяхъ примерно томуже, присудствуетъ имя господина, чему каждый подданный рабъ долженъ иметь страхъ и повиноватся, темъ кому приказано“. Между тѣмъ, разсказываетъ это посланіе, въ вотчинное присутствіе пришелъ крестьянинъ Тимофеевъ для тяжбы о покосѣ съ просителемъ и тутъ произошло нѣчто такое, чему происходить предъ „зерцаломъ“ не пригоже: „и онъ тимофѣевъ, надеясь видно на силу свою, вдругъ подскочилъ комне и зачалъ драть забороду, и выдралъ слевой стороны бороды очень много, и которые волоса утащилъ врукахъ себе, а какъ дралъ и что упало на полъ я забралъ себе и тотъ мячикъ (волосъ) храню до воли вашего Сіятельства, ожидая разрешенія, о чемъ замечаю по крестьянству,—сіе за важной поступокъ, что вправленіи, где присутствуетъ имя Вашего Сіятельства, и где хранится должно тишине, въ такомъ месте дебоширить никому негодиться, начто уставлены начальства и правленія... какъ онъ дралъ за бороду больно и мне огорчительно, а болѣе мнѣ человѣку старому со стороны людей стыдно, что половина бороды выдрана“.

Направляя бумажное дѣлопроизводство, вотчина помѣщики иногда въ этомъ отношеніи доходила до замѣчательной мелочности. Чичеринъ въ своемъ предписаніи бурмистру и вотчинному управленію опредѣляетъ, чтобы донесенія писать на почтовомъ полулистѣ бумаги и не повторять въ бумагѣ по нѣсколько разъ „Вотчинное управленіе и Ваше Превосходительство“, во избѣжаніе излишнихъ почтовыхъ расходовъ. За исполненіемъ своихъ предписаній по бумажной части онъ слѣдилъ строго, взыскивая напримѣръ по 25 руб. со старосты за надписаніе бумаги не по указу.

Бумажнее производство, писаніе дѣлъ по вотчинному управленію составляло главнѣйшую сущность вотчиннаго управленія. Извѣстный образецъ такого увлеченія канцелярскимъ строемъ очень хорошо изображенъ Гоголемъ во 2-й части „Мертвыхъ душъ“ въ помѣщикѣ Кошкаревѣ. Обрисовка, данная знаменитымъ писателемъ, вовсе не является утрировкой помѣщичьяго быта: ее можно подтвердить историческими фактами. Сохранилось одно любопытное дѣлопроизводство въ дѣлахъ помѣщика Сологуба объ убитомъ глухомъ тетеревѣ. Крестьянинъ принесъ на поклонъ барину въ подарокъ—застрѣленнаго имъ на охотѣ глухого тетерева.

Хозяйственное отдѣленіе домового управленія сообщило графу объ этомъ событіи особымъ рапортомъ за № 3751. Послѣдовала благодарственная резолюція графа и при бумагахъ, отношеніяхъ, предложеніяхъ и пр. тетеревъ передавался изъ одной канцеляріи въ другую, для записи на приходъ и пр., такъ, что попалъ въ поварскую уже провонявшимъ и къ употребленію непригоднымъ, о каковомъ необыкновенномъ „произшествіи“ рапортомъ за № 3819 было доложено графу, который и распорядился произвести слѣдствіе по этому дѣлу, подозрѣвая злоупотребленіе.

Разумѣется, дѣятельность должностныхъ лицъ строго опредѣлялась вотчинными уложеніями.

Графъ В. Г. Орловъ въ своемъ уложеніи для имѣнія Порѣчья самыми подробными штрихами опредѣляетъ обязанности бурмистра и вотчиннаго правленія. Въ Румянцевскихъ имѣніяхъ домовая контора находилась подъ непосредственнымъ нанаблюденіемъ помѣщика. Она раздѣлилась на экспедиціи, вотчинную, экономическую и казначейскую. Вотчинная должна была вѣдать записями родившихся, умершихъ, раздачею земли, паблюдать за нечиненіемъ корчемствъ и исполненіемъ другихъ полицейскихъ предписаній. Экономическая экспедиція завѣдывала инвентаремъ имущества, заводами и т. п., казначейская—денежной частью. Порядокъ дѣлопроизводства былъ строго опредѣленъ, напримѣръ, содержаніе рапортовъ и т. д.

Иногда механизмъ вотчиннаго управленія пріобрѣталъ, въ виду дѣйствительныхъ размѣровъ селеній, весьма сложный характеръ. Одно изъ селъ гр. Шереметева Иваново (нынѣ городъ Ивановъ-Вознесенскъ) имѣло, напримѣръ, сложную администрацію, состоявшую изъ приказчика, выборнаго, полиціймейстера, его по-

мощника и другихъ лицъ. Въ 1817 году въ Ивановѣ была заведена особая сельская полиція, состоящая изъ полиціймейстера, брандмейстера, двоихъ частныхъ приставовъ и 8-ми квартальныхъ; первые четверо были изъ дворянъ, а остальные изъ отставныхъ солдатъ. Это нововведеніе было придумано нѣмцемъ управителемъ Гофманомъ. Полиція была наряжена въ особую форму, въ треугольную шляпу, получила шпаги, но вскорѣ одинъ изъ квартальныхъ оказался убитымъ, и въ 1820 гсду эта вотчинная полиція была упразднена и замѣнена опять крестьянскими выборными — полиціймейстеромъ и его помощникомъ. Сложность Ивановскаго управленія объясняется тѣмъ, что это крупное промысловое село вело обширныя торговыя предпріятія, многіе крестьяне заключали крупныя сдѣлки и пр.

Но надо имѣть въ виду одно очень важное обстоятельство. Измѣненія въ управленіи зависѣли отъ воли вотчинника и каждый новый владѣлецъ по своему его могъ устанавливать. Иные изъ крупныхъ помѣщиковъ, потерпѣвъ аварію на государственной службѣ, переселялись въ вотчину и тамъ примѣняли свои государственныя познанія въ управленіи вѣрноподанными рабами. Иногда эти вотчинники улучшали положеніе крестьянъ, иногда ухудшали, но во всякомъ случаѣ производили ломку порядковъ, къ которымъ уже успѣла привыкнуть темная крестьянская масса. Такъ, напримѣръ, графъ В. Г. Орловъ, вступивъ въ управленіе въ 1773 году своими ярославскими вотчинами, издаетъ цѣлый рядъ предписаній. Онъ издаетъ слѣдующія распоряженія: о порядкѣ построекъ въ деревняхъ, а именно: о выносѣ бань за черту селенія, о разстояніи между домами, о возведеніи въ переулкахъ каменныхъ стѣнъ для защиты отъ огня, о посадкѣ деревьевъ на улицахъ, о постройкѣ каменныхъ лавокъ, о способахъ тушенія пожаровъ; о раздѣлѣ земли, каковому быть „истинному по качеству земли, а не по числу, для чего должно въ удобное время выбрать къ тому совѣстныхъ и знающихъ крестьянъ“; объ ограниченіи крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, о назначеніи бѣднымъ вдовамъ пропитанія отъ міра, о выборѣ бурмистровъ; предоставленіе бурмистру и выборнымъ права рѣшать безъ міра маловажныя дѣла; „дѣла же большей важности, касающіяся всего общества, рѣшать при участіи выборныхъ отъ всѣхъ деревень“.

Во всѣхъ предписаніяхъ, опредѣляющихъ дѣятельность вотчиннаго управленія и мірскихъ выборныхъ властей сквозитъ одна

характерная черта: это управленіе, основанное на недовѣріи къ управителю. Помѣщикъ дорожитъ выборными мірскими властями, потому что за всякаго рода матеріальный ущербъ, который можетъ принести помѣщику выборное должностное лицо, отвѣчаетъ не только спина провинившагося, но и мірской карманъ. Напримѣръ, въ управленіи извѣстнаго графа П. А. Румянцева систематически проведено соединеніе выборныхъ и назначаемыхъ вотчинныхъ чиновъ. Такъ, для всякаго рода барскихъ закупокъ и продажъ, для наблюденія за барскимъ добромъ и т. п. отвѣтственныхъ лицъ долженъ былъ выбирать міръ за своей порукой.

Въ этомъ отношеніи довольно характерна переписка 30-хъ годовъ помѣщика Черемисинова съ своими вотчинными крестьянами. Она вся проникнута цѣлымъ рядомъ хозяйственныхъ наставленій и требованій. Помѣщикъ очень щедръ на нотаціи о крестьянской лѣности. Такъ, онъ совѣтуетъ крестьянамъ ходить въ отхожіе промыслы: „за лучшее вамъ скажу: чѣмъ лѣто лежать всѣмъ дома, да и самая выгода ничтожная отъ продажи лѣса (его крестьяне преимущественно занимались лѣсными работами) и слишкомъ трудна, не лучше ли вамъ, хотя и кажется по глупости вашей, медвѣдямъ, отойтить, гдѣ есть семейные, въ дальнюю работу“. Впрочемъ, этотъ совѣтъ заканчивается угрозой перевести оброчныхъ крестьянъ на барщину, если они не будутъ ходить въ отхожіе промыслы. Вообще онъ требуетъ, чтобы всѣ другъ за дружкой смотрѣли затѣмъ, чтобы не было въ селѣ нерадивыхъ крестьянъ. Донесенія крестьянъ не нравятся помѣщику: „къ барину писать донесенія не такія глупыя, какія вы ежегодно пишите, помѣщая только одно, что вы слишкомъ бѣдны и разорены—не имѣете ни лошадей, ни коровъ“. И далѣе онъ приказываетъ: „донесенія писать безъ обмана и не помѣщать въ каждомъ письмѣ, что по міру всѣ вы ходите, лошадей и коровъ всѣхъ продали. Вы все оное пишите ежегодно съ 1821 года по сей годъ, когда и урожаи хлѣба были. Только одно видно: ослушаніе и лѣность“.

Помѣщичій бытъ выработалъ цѣлый рядъ мѣръ побужденія для того, чтобы вотчинные управители лучше несли возложенныя на нихъ обязанности. Тогдашнія экономическія сочиненія очень серьезно обсуждали эти вопросы, и предлагали разнаго рода совѣты, въ числѣ коихъ нерѣдко встрѣчаются и совѣты жаловать знаки отличія—особое платье, шапку и т. д. Таковы были мѣры

поощренія. Мѣры наказанія само собой разумѣлись. Лишеніе знаковъ отличія считалось наказаніемъ. Графиня Самойлова въ 1838 году даетъ предписаніе по своему вотчинному управленію: бурмистра Тарабакина „лишить пожалованной бархатной бобровой съ золотой кистью шапки, взявъ оную на храненіе въ вотчинное управленіе.“

Уже нѣсколько разъ приходилось упоминать, что вотчинное управленіе или цѣликомъ передаваемо было міру, или же комбинировались мірскія и назначаемыя власти. Въ оброчныхъ вотчинахъ міръ вѣдалъ всѣмъ, выбирая даже бурмистра и старосту. Это былъ довольно распространенный обычай. Въ барщинныхъ имѣніяхъ преобладали назначаемыя власти. Во всякомъ случаѣ, въ крупныхъ имѣніяхъ мірской совѣтъ всегда принимался во вниманіе и ему отводилось большее или меньшее значеніе. Въ помѣщичьихъ уложеніяхъ нерѣдко встрѣчается опредѣленіе компетенціи мірского совѣта. Такъ, графъ Румянцевъ требовалъ, чтобы назначенный имъ вотчинный управитель „въ дѣла мірскія, т. е. въ выборы къ разнымъ моимъ дѣламъ, или при отдачѣ рекрутской, или въ ихъ свадьбы отнюдь не вступали подъ жесточайшимъ наказаніемъ“. Графъ Орловъ въ своемъ уложеніи для помѣстья требуетъ, чтобы бурмистръ совѣщался по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ съ лучшими людьми (особый совѣтъ при бурмистрѣ), или даже со всѣмъ міромъ. Онъ же опредѣляетъ подробно характеръ и порядокъ мірской сходки. На сходку являются всѣ крестьяне по повѣсткѣ бурмистра. Помѣщикъ требуетъ, чтобы на сходкѣ шуму и озорничества не было и чтобы мірскіе приговоры подписывались.

Извѣстный графъ Н. С. Мордвиновъ, вообще дорожившій участіемъ міра въ вотчинныхъ дѣлахъ, неоднократно въ своихъ приказахъ даетъ указанія, касающіяся мірскихъ сходокъ. Такъ, въ одномъ приказѣ онъ требуетъ: „на мірскія сходки не допущать тѣхъ изъ крестьянъ, которыя ходятъ въ кабакъ“; въ другомъ изъ указовъ онъ подтверждаетъ прежнее распоряженіе и объясняетъ, что на сходки не слѣдуетъ пускать „пьяныхъ и буяновъ“. Не слѣдуетъ начинать совѣщанія, пока не будутъ удалены со сходки всѣ посѣщающіе кабаки, недоимщики, а равно и тѣ, которые „на сходкахъ кричатъ и бранятся“. Въ такихъ оригинальныхъ чертахъ опредѣлялся цензъ, дающій право на участіе въ сходкѣ. Для соблюденія благочинія на сходкахъ, онъ же

предписывалъ, чтобы ставился столъ, за которымъ садится бурмистръ и 12 присяжныхъ стариковъ. Члены міра должны, если хотятъ говорить, подходить къ столу по-одиночкѣ и произносить свои рѣчи. Рѣшеніе произносится бурмистромъ и 12-ю присяжными стариками по большинству голосовъ; слѣдовательно, счета мірскихъ голосовъ не производилось.

Вообще значеніе міра и его компетенція, какъ въ чисто крестьянскихъ мірскихъ дѣлахъ, такъ и въ помѣщичьемъ управленіи опредѣлялась или безучастностью помѣщика къ крестьянской жизни, или регламентировалась особыми вотчинными уставами. Во всякомъ случаѣ въ болѣе или менѣе крупныхъ вотчинахъ міру предоставлялось извѣстное участіе въ судѣ. Тутъ разумѣется нормальный ходъ вещей, не нарушаемый помѣщикомъ-самодуромъ.

Такъ, графъ П. Б. Шереметевъ, издавая регламентъ для своей оброчной деревни Муромскаго уѣзда, села Карачарова, опредѣляетъ, что судъ находится въ вѣдѣніи прикащика, или въ его отсутствіи въ вѣдѣніи мірскихъ выборныхъ, какъ и все управленіе. Судъ долженъ быть чинимъ „безволокитно и безкорыстно по Уложенію и по графскому указу“. Тяжущіеся уплачиваютъ извѣстныя судебныя пошлины. Графъ Румянцевъ въ своемъ уложеніи для вотчины требуетъ, чтобы судъ производился прикащикомъ при первостатейныхъ крестьянахъ, при чемъ примѣняется исключительное письменное дѣлопроизводство. Въ вотчинахъ графа Орлова судъ былъ ввѣренъ крестьянскимъ выборнымъ, которые избирались ежегодно.

Такимъ образомъ составъ суда и формы процесса исключительно опредѣлялись волею помѣщика. Его же воля устанавливала кодексъ гражданскихъ, уголовныхъ и т. п. законоположеній, коими опредѣлялась жизнь крѣпостныхъ крестьянъ. Мы уже знаемъ, что помѣщики опредѣляли мѣру наказаній за тѣ или иные проступки. Гражданскія соотношенія точно также были подчинены регламентаціи помѣщика, почему многіе изъ нихъ писали пространные законодательные кодексы, предусматривающіе тѣ или другіе гражданскія или уголовныя правонарушенія. Кодексъ графа П. Б. Шереметева признаетъ за крестьянами право на имущество, напр. на пріобрѣтеніе крѣпостныхъ, на покупку скота и т. д. Тотъ же кодексъ опредѣляетъ право наслѣдованія крестьянскаго имущества. Въ области же семейнаго права уложеніе

рѣшительно высказывиется противъ раздѣла крестьянскихъ сомейcтвъ.

Графъ Н. С. Мордвиновъ строго взыскивалъ съ тѣхъ, которые допускаютъ раздѣлъ: „Какъ запрещенъ мною дѣлежъ семейный, а слышу я, что раздѣлился Артамонъ Федосѣевъ съ племянникомъ: то обоихъ ихъ переселить иа Иргизъ, а на мѣсто ихъ выключить изъ списка переселенцевъ Дмитрія Максимова, у котораго я слышалъ, есть въ заводѣ пчелы и имѣетъ онъ торгъ хлѣбный“.

Уложеніе графа Орлова опредѣляетъ въ области семейственнаго права условія раздѣла семей, объ опекѣ надъ малолѣтними, о заключеніи браковъ; оно же опредѣляетъ условія пріобрѣтенія крестьянами имущества, заключаетъ въ себѣ межевыя постановленія и т. д. Предписаніе П. Чичерина рѣшительно устанавливаетъ воспрещеніе раздѣла семействъ и за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда „общество старшинъ“ (особый органъ выборныхъ) высказывается за раздѣлъ. Тотъ же Чичеринъ предписываетъ почитаніе младшими старшихъ, а равно и наказаніе розгами для тѣхъ, кто этого не исполняетъ, опредѣляетъ правило опеки.

Однимъ словомъ всѣ гражданскія соотношенія вотчинныхъ крестьянъ зависѣли отъ воли и власти помѣщика. Онъ издавалъ постоянныя предписанія на этотъ счетъ или же являлся послѣдней инстанціей рѣшающей дѣла. Такъ, бывали напримѣръ случаи когда помѣщикъ разрѣшалъ или запрещалъ продавать крестьянамъ тотъ или иной продуктъ.

Бестужевъ-Рюминъ въ своей инструкціи Пошехонскому прикащику предписываетъ: „Велѣть объявить крестьянамъ, которые кузнечные промыслы имѣютъ„ чтобъ кузнецовъ и середовыхъ и молотовщиковъ мимо своихъ чужихъ не нанимали и уголья покупали по тому у своихъ, а когда своихъ не будетъ или цѣну работники и уголья выше своихъ держать станутъ, то можно нанимать и уголья покупать у чужихъ“.

Разумѣется, вся широкая область благочинія была подъ особой опекой помѣщика. Въ помѣщичьихъ уложеніяхъ или въ особыхъ указахъ встрѣчаемъ приказанія отправлять молебны о здравіи высочайшихъ особъ. Религіозное настроеніе крестьянъ очень интересовало помѣщиковъ. Поэтому они издавали правила, касающіяся поста, разумѣется и наказанія за уклоненія отъ этой обязанности.

Вообще даже хозяйственная литература того времени совѣтовала помѣщику особенно внимательно наблюдать за религіозностью крестьянъ. Авторъ сельско-хозяйственнаго руководства, „Карманной книги сельскаго и домашняго хозяйства“, даетъ помѣщикамъ такой совѣтъ: „Отъ священниковъ брать ежегодные списки о говѣвшихъ въ прошедшемъ году и бывшихъ у причастія; такъ же о родившихся, женившихся и умершихъ; такъ же о нерадивыхъ и лѣнивыхъ ходить въ церковь, которыхъ побуждать къ исправленію собственнымъ своимъ примѣромъ, а ослушныхъ наказывать“. Иные преслѣдовали суевѣрія. Знаменитый Суворовъ, узнавъ о томъ, что двое крестьянъ изъ его деревни, хотя и исполняютъ таинства и обряды, но все-таки держатся суевѣрій и раскольничьихъ правилъ, предписываетъ: „если правда, высѣчь ихъ въ мірскомъ кругу розгами, какъ глупыхъ ребятишекъ. Если же будутъ являться бродяги, кои станутъ совращать въ расколъ, то ихъ ловить и метлами, и вѣниками выгонять міромъ вонъ за свою межу“. Графъ Орловъ довольно терпимо, напримѣръ, относится къ раскольникамъ, и потому требуетъ, чтобы ихъ насильно не принуждали обращаться къ церкви, но зато и раскольникамъ запрещаетъ соблазнять православныхъ. „Довольно для раскольниковъ, что я оставляю ихъ жить въ покоѣ,“ предписывалъ графъ, а потому и требовалъ исполненія раскольниками касающихся ихъ постановленій.

Семейная жизнь, какъ мы уже знаемъ, подвергалась строгой регламентаціи со стороны помѣщика. Многіе охотно издавали строгія предписанія, касавшіяся охраны семейнаго очага. „Увѣдомился я, предписываетъ В. Суворовъ, отецъ полководца,— что мужики съ женами живутъ непорядочно и безвинно увѣчатъ, а особливо пьяные, то таковыхъ призывать въ земскую избу и наказывать самихъ нещадно, а буде которые и по наказаніи не поправятся въ обычаяхъ своихъ, таковыхъ присылать ко мнѣ“. Разумѣется, встрѣчаемъ и указы, охраняющіе и другіе стороны семейной нравственности. Еще Болотовъ въ своемъ примѣрномъ наказѣ для прикащика (1770 г.) совѣтуетъ: „Чтобъ никто не дѣлалъ никакова непотребства, и не имѣлъ бы съ кѣмъ непозволительнаго и беззаконнаго обхожденія. Преступники въ семъ случаѣ, а особливо обличенные въ прелюбодѣяніи, должны жестоко наказываемы быть, ибо извѣстно, что и сіе часто причиною разоренію домовъ, вѣчной ссоры и ненависти между ближайшими

родственниками бываетъ". Безстужевъ-Рюминъ въ своей инструкціи пошехонскому прикащику даетъ указаніе и мѣры наказанія, долженствующей быть примѣняемой въ подобныхъ случаяхъ: „Немало явилось, что жены отъ мужей своихъ, а мужья отъ женъ своихъ съ чужими женами впадаютъ въ прелюбодѣяніе.... и за то при собраніи людей биты кошками нещадно и впредь, чтобы такое беззаконное и богомерзкое дѣло пресѣклось, и тому старостѣ и десятскимъ провѣдывать и кто о томъ вѣдаетъ подлинно, чтобы доносили".

Что помѣщики были заинтересованы устроеніемъ крестьянскихъ браковъ и даже крестьянскимъ чадородіемъ, мы уже знаемъ. Впрочемъ, для обрисовки этой стороны дѣла весьма не безполезно познакомиться съ предписаніями извѣстнаго полководца Суворова, потому что въ этихъ предписаніяхъ отчетливо отлилось все міровоззрѣніе эпохи. Знаменитый вождь, какъ и его отецъ, былъ проникнутъ стремленіемъ увеличить количество своихъ имѣній и особенно прилагалъ заботы къ увеличенію населенія. Жизнь на бивуакахъ, видимо, давала ему время писать обстоятельныя наставленія и предписанія, касавшіяся брачной жизни крестьянъ. Онъ нерѣдко развиваетъ ту мысль, что крестьяне богатѣютъ не деньгами, а дѣтьми: „отъ дѣтей ему и деньги". Прибѣгалъ онъ и къ другимъ резонамъ, стараясь убѣдить крестьянъ плодить больше дѣтей: „Богу не угодно, что не множатся люди: не весьма взирать на богатство (при заключеніи браковъ), понеже у Бога богатый оскудѣетъ, а скудный обогатѣетъ". Впрочемъ, далѣе онъ говоритъ уже не тономъ наставленія, а приказанія: „Я посему впредь взыскивать буду. Въ этомъ особливо іереямъ, какъ отцамъ духовнымъ, не только увѣщевать, но рѣшать и утверждать". Впрочемъ, узнавая о томъ, что есть холостяки или незамужнія, т. е. иными словами о томъ, что его увѣщанія плохо дѣйствуютъ, Суворовъ немедленно издавалъ приказъ: повѣнчать. Онъ покупалъ невѣстъ для своихъ крестьянъ. Далѣе, онъ устанавливалъ нѣчто въ родѣ премій и наградъ за многоплодіе. Кухмистеру Сидору „съ его супругой" приказано выдавать на дѣтей провіантъ до пятилѣтняго возраста половинный, а послѣ полный, какъ взрослымъ, и кромѣ того за каждаго новорожденнаго по рублю—„для поощренія дѣторождства". Полякову за многоплодіе куплена и отдана въ подарокъ хорошая господская шляпа, а его женѣ—хорошій кокошникъ. Полагая, что крестьянское богатство

заключается въ дѣтяхъ, Суворовъ, подобно Аракчееву и другимъ, обращалъ особое вниманіе на дѣтей: по его собственнымъ словамъ онъ очень любилъ „ребятокъ“. Въ одномъ указѣ онъ пишетъ: „Указано моими повелѣніями соблюденіе крестьянскаго здоровья и особливо малыхъ дѣтей, прописанными въ нихъ лѣкарствами, какъ о находящихся въ оспѣ, чтобы такихъ отнюдь на вѣтеръ и для причащенія въ Божьи церкви не вносить“. Поэтому Суворовъ приказываетъ міру и бурмистру крѣпко смотрѣть за нерадивыми отцами. Онъ требуетъ, чтобы крестьяне были чадолюбивы и чтобы въ малыхъ дѣтяхъ не терпѣли „жалостнаго убытка“. Онъ даетъ и указаніе, какъ надо увѣщать: „небрежныхъ отцовъ должно сѣчь нещадно въ мірскомъ кругу, а мужья— тѣ съ ихъ женами управятся сами“. Суворовъ не только предписывалъ въ подобныхъ случаяхъ наказанія, такъ сказать, свѣтскаго характера, но опредѣлялъ и мѣру церковныхъ наказаній, и такимъ обрасомъ смотрѣлъ на свою власть съ теократической точки зрѣнія. У крестьянина Калашникова умерла малолѣтняя дочь, и отецъ при этомъ сказалъ: „я радъ, что Богъ ее прибралъ, а то она намъ связывала руки“. По этому поводу Суворовъ приказалъ: „Калашникова, при собраніи міра, отправить къ священнику и оставить на три дня въ церкви, чтобы священникъ наложилъ на него эпитимью... Старосту за несмотрѣніе поставить въ церковь на сутки, чтобы онъ молился на колѣняхъ и впредь крѣпко смотрѣлъ за нерадивыми о дѣтяхъ отцами“.

Обильный рядъ предписаній въ вотчинныхъ учрежденіяхъ встрѣчаемъ мы въ полицейской части. Положеніе гр. Орлова очень точно опредѣляетъ способъ выдачи крестьянамъ паспортовъ, предписываетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы подозрительные люди не пребывали въ вотчинѣ и т. п. Разумѣется, встрѣчаемъ приказы, касающіеся воздержанія отъ пьянства, о ненарушеніи тишины, порядка и т. п. требованій благочинія.

Такъ Бестужевъ-Рюминъ въ своей инструкціи совершенно воспрещаетъ держаніе и покупку вина, а равнымъ образомъ и хожденіе крестьянъ въ кабакъ. Съ виновныхъ предписывается взыскивать штрафъ въ размѣрѣ 5 руб. Князь А. Б. Куракинъ, усмотрѣвъ, что многіе изъ молодыхъ дворовыхъ „обращаются въ пьянство, своевольство, невѣжество и грубіянство“, обѣщаетъ „весь домъ и съ управителями всегда сѣчь“. Онъ же требуетъ „совершеннаго и безмолвственнаго послушанія и учтивости“ по

отношенію къ господамъ постороннимъ помѣщикамъ и всѣмъ начальникамъ, а отъ молодыхъ людей и по отношенію къ старшимъ. Иногда предписанія полицейскаго характера отличаются лаконической краткостью и выразительностью: „стараться очистить село Пушкино и деревни отъ всѣхъ дурного поведенія крестьянъ... объявить крестьянамъ, что если они не исправятся, то на ихъ счетъ я пришлю къ нимъ управителя“. Такъ приказывалъ по своей вотчинѣ адмиралъ Мордвиновъ.

Противопожарныя и санитарныя мѣры весьма озабочивали многихъ помѣщиковъ. П. Чичеринъ, огорченный извѣстіемъ о пожарѣ, серьезно увѣщевалъ крестьянъ, что „въ Господнемъ велѣніи сказано: береженаго коня и Богъ бережетъ“ и на основаніи этого „Господняго повелѣнія“ издалъ рядъ противопожарныхъ мѣръ. Самое устройство селеній, планы тоже всецѣло зависѣли отъ регламентаціи помѣщичьей власти. Только что упомянутый Чичеринъ предписываетъ, что новыя постройки избъ должны быть разстояніемъ одна отъ другой на 12 саж.; промежутки между избами ничѣмъ не должны быть застраиваемы. Селенія устраиваются по одной линіи, по которой должны быть разсажены березки. Онъ же предписываетъ сдѣлать росписаніе на случай пожара, кому выходить на пожаръ съ топоромъ, кому съ багромъ и т. д. Въ Голицынскомъ архивѣ встрѣчается очень подробный регламентъ, касающійся распланировки крестьянскихъ построекъ, расположенія надворныхъ построекъ и т. д. Извѣстно также, что у графа Аракчеева въ его Грузинской вотчинѣ вся деревня была построена по одному плану. Жизнь деревни регулировалась множествомъ письменныхъ приказовъ графа и даже печатныхъ сложныхъ регламентовъ. По этимъ регламентамъ, напримѣръ, улицы должны были содержаться въ чистотѣ и опрятности. Для этой цѣли графскимъ указомъ въ 1815 году крестьянамъ воспрещено было держать свиней. Среди полей и лѣсовъ вотчины были проведены шоссе. Было издано даже цѣлое положеніе о метелкахъ, коими подметались улицы. Указы содержали въ себѣ точное предписаніе относительно крестьянскихъ домовъ, когда и чѣмъ красить крыши, лѣтомъ воспрещалась топка печей въ избѣ (лѣтнія печи были на дворѣ), кровати должны быть съ занавѣсками, а форточки должны быть открытыми въ извѣстные часы дня; ежедневно требовалось подметаніе мостовыхъ; распредѣлены были работы въ крестьянской семьѣ: старшая хозяйка должна была смотрѣть за скотомъ и пр.

Само собою разумѣется, что помѣщики снабжали своихъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлымъ рядомъ иногда замысловатыхъ предписаній и требованій по хозяйственной части. Это особенно замѣтно, начиная съ 20-хъ годовъ XIV вѣка, когда у самихъ землевладѣльцевъ быстрымъ темпомъ растетъ интересъ къ увеличенію размѣровъ запашки, когда землевладѣльцы начинаютъ понимать, что пахарь безъ скота—голодный пахарь. Тутъ они стремятся то принимать мѣры борьбы съ предполагаемой крестьянской лѣностью, то составляютъ цѣлыя инструкціи относительно хозяйственныхъ пріемовъ. Авторъ „Карманной книги сельскаго и домашняго хозяйства", изданной въ 1793 г. въ руководство помѣщикамъ, совѣтуетъ „имѣть прилежное и неусыпное стараніе о воспитываніи дворовыхъ и крестьянскихъ дѣтей обоего пола; запрещать въ рабочіе дни всякую праздность и гулянье и пріучать отъ малыхъ лѣтъ къ принадлежности и трудолюбію; для чего отъ начальниковъ получать о нихъ по четвертямъ года свѣдѣнія; прилежныхъ награждать, а нерадивыхъ наказывать". Тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ пріучать дѣтей съ самаго ранняго возраста работать и днемъ и по вечерамъ, чтобы они не ложились „спать тотчасъ по захожденіи солнца подобно курамъ". Рязанскій помѣщикъ кн. В. за обработкою крестьянской земли также наблюдалъ, какъ и за обработкою земли его собственной; онъ слѣдилъ,—вся ли земля засѣяна; если кто не засѣялъ, требовалъ понужденія, возлагая отвѣтственность на старостъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны были слѣдить, чтобы чужіе люди не снимали крестьянскихъ земель, а свои крестьяне не поступали въ батраки къ крестьянамъ же. Онъ требовалъ своевременнаго обсѣва крестьянскихъ полей, не смотря на погоду, возлагая отвѣтственность за несвоевременный обсѣвъ на лицъ надзирающихъ. Требованіе, чтобы крестьяне сами обрабатывали землю, простиралось до того, что когда нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ ратники (въ Крымскую компанію), землю съ крестьянъ, поставленныхъ въ ратники, не велѣно было снимать, и бабъ ихъ высылать на работу обыкновеннымъ порядкомъ; у кого же некому вспахать и посѣять землю, тѣмъ приказано обработать ее міромъ, но въ наймы не отдавать ни въ какомъ случаѣ. Тотъ же порядокъ существовалъ и въ имѣніи образцоваго рязанскаго хозяина Семенова: крестьяне не имѣли права передавать земель, данныхъ имъ отъ помѣщика въ пользованіе. Вообще, многіе помѣщики

прилагали большую заботу о пріученіи крестьянскихъ дѣтей къ работѣ. Бестужевъ-Рюминъ требуетъ, чтобы его крестьяне обучали дѣтей въ возрастѣ до 10 лѣтъ грамотѣ, „въ которыхъ есть смыслъ“, другихъ кузнечной работѣ или другимъ разнымъ „промысламъ“. Еще въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка извѣстный агрономъ Рычковъ давалъ совѣтъ деревенскимъ прикащикамъ, чтобы дѣти свыше 10 лѣтъ уже работали что-нибудь на пользу господскую и крестьянскую, и чтобы они „никогда бъ не находились“ въ праздности. Разумѣется, взрослыхъ побуждали „не лѣниться„ разными другими способами. Въ предписаніяхъ хозяйственнаго характера помѣщики обыкновенно стремятся къ тому, чтобы побудить крестьянъ не только хорошо работать на барщинѣ, но и на крестьянской нивѣ. Такъ Бестужевъ-Рюминъ требуетъ отъ старостъ наблюдать за тѣмъ, чтобы крестьяне всѣ разомъ выходили на полевыя работы и работали бы всѣ въ одномъ полѣ, обработавъ которое, шли бы на другое, чтобы крестьяне равномѣрно, соотвѣтственно своему достатку, засѣвали поля и ихъ обрабатывали. „Кто лѣнивъ въ работѣ явится, тѣмъ чинить наказаніе“. Затѣмъ онъ требуетъ, чтобы крестьяне возможно больше держали скота. Отецъ знаменитаго Суворова очень часто въ своихъ приказахъ касается хозяйственной стороны дѣла. Онъ требуетъ, какъ это практиковали и другіе помѣщики, чтобы болѣе состоятельные крестьяне помогали оправиться менѣе состоятельнымъ: „крестьянъ какъ можно къ пашнѣ принуждать, неимущимъ сдѣлать подмогу, взявъ взаймы у тѣхъ, кто имѣетъ, а послѣ могутъ заплатить“. Онъ же требуетъ, чтобы крестьяне „лѣса какъ можно расчищали“ для увеличенія запашки. Его сынъ придерживался той же системы побужденія къ увеличенію крестьянской запашки, но въ своихъ приказаніяхъ былъ по обыкновенію короче. У крестьянина Михаила Иванова одна корова; „слѣдовало бы оштрафовать старосту и весь міръ за то, что это допустили“. На этотъ разъ онъ прощаетъ, и разрѣшаетъ купить корову на господскій счетъ. Онъ же запрещалъ своимъ крестьянамъ продавать скотъ, пока вся земля не будетъ покрыта навозомъ. Иногда помѣщики предписывали крестьянамъ заниматься тѣмъ или другимъ подспорнымъ промысломъ: „лыки продавать, у кого много хлѣба и семьи,—предписывалъ В. Суворовъ. Иногда помѣщикъ придетъ къ убѣжденію о непригодности того или другого типа крестьянскихъ орудій или утвари и о превосходствѣ

другого типа, и тогда немедленно издается предписаніе завести все по новому способу. „Телѣги, предписываетъ Бестужевъ-Рюминъ, конечно, которыя были одры двоеколесныя, всѣ изрубить безъ остатку, а держать телѣги четвероколесныя, что самимъ будетъ прибыльнѣе и лошадямъ легче, а ѣздить съ возжами, а будетъ верхомъ, подстилая подушку или войлокъ, а для навозу хотя и держать по одной малой телѣгѣ по одноколескѣ, возить однакожъ далѣ поля своего на нихъ нельзя, и кромѣ навозу и земли на нихъ не возить". Мордвиновъ, узнавъ о томъ, что у сосѣдняго помѣщика заведено раціональное пчеловодство, немедленно приказываетъ своимъ крестьянамъ обучиться ему и завести у себя.

Жизнь вотчины и ея управленіе нерѣдко осложнялись еще рядомъ вотчинныхъ учрежденій особаго рода. Такъ съ 20-хъ годовъ XIX вѣка помѣщики охотно заводили въ своихъ вотчинахъ банки, большею частью однако же на мірскія или пожертвованныя богатыми крестьянами средства. Тогда помѣщики уже начинали учитывать значеніе кредита въ крестьянскомъ хозяйствѣ и нѣкоторые старались развить его. Завѣдываніе этими банками ввѣрялось крестьянскому міру по той простой причинѣ, что онъ несъ отвѣтственность за банковыя суммы. Наконецъ составными частями вотчины, требовавшими также управленія, были нерѣдко вотчинныя фабрики, конскіе заводы и другія части хозяйства.

Такъ жизнь крестьянъ въ вотчинѣ всецѣло регулировалась предписаніями помѣщика, которыя проникали во всѣ сферы крестьянской жизни. Правда, помѣщики, уложенія которыхъ дошли до насъ, особенно крупныхъ помѣщиковъ, въ значительной мѣрѣ конструируютъ въ своихъ законодательныхъ опытахъ крестьянскіе обычно-правовые порядки, т. е. сравнительно мало нарушаютъ обычный укладъ крестьянской жизни. Были и такія уложенія, цѣль которыхъ заключалась въ предоставленіи крестьянамъ извѣстнаго рода гражданскихъ правъ, въ установленіи нормальнаго суда и т. п. Таково, наприм., уложеніе бѣлорусскихъ помѣщиковъ графовъ Хребтовичей, учрежденія, созданныя знаменитымъ основателемъ Харьковскаго университета Каразинымъ и нѣкоторыя другія.

Но всѣ эти попытки нѣкоторыхъ вотчинниковъ тонутъ въ томъ безправіи, которымъ отличалась крѣпостническая среда.

Но во всякомъ случаѣ, во всѣхъ распоряженіяхъ помѣщика,

касаются ли они хозяйства, управленія, благочинія и т. п., во всемъ сказывается мелочная опека. Въ настоящее время даже трудно себѣ представить до какихъ предѣловъ доходила эта мелочная опека надъ всѣмъ строемъ крестьянской жизни. Помѣщикъ, живя въ Петербургѣ или въ Москвѣ, старался установить контроль надъ всѣми сторонами жизни и крестьянскаго и своего личнаго хозяйства, которое велось также крестьянскими руками. Собранъ урожай, помѣщикъ требуетъ пробу умолота и немедленно высчитываетъ, сколько должно быть продано того или другого хлѣба, ибо боится, что часть хлѣба будетъ утаена. То вдругъ онъ вспоминаетъ, сидя въ столицѣ, объ битой птицѣ и начинается правильный сыскъ. Живя въ столицѣ, иногда по цѣлымъ годамъ не выѣзжая въ свою отдаленную вотчину, помѣщикъ однако шлетъ предписанія, когда надо начинать пахать и сѣять, не соображаясь съ мѣстными условіями. На все требовалось барское приказаніе, безъ котораго крестьянинъ даже у себя въ хозяйствѣ ничего не могъ сдѣлать. Такая опека производитъ деморализующее вліяніе на населеніе, она связываетъ дѣятельность, усыпляетъ его умъ, энергію. Кромѣ того, опека и весь механизмъ управленія тѣсно сплетались еще съ однимъ явленіемъ. Всякаго рода опека есть слѣдствіе недовѣрія къ опекаемому, къ его моральнымъ качествамъ и умственнымъ силамъ. Но мало того, она предполагаетъ и возможность злого умысла. Мы уже знаемъ, что помѣщикъ смотрѣлъ недовѣрчиво на крестьянъ, подозрительно. Это побуждало его зорко слѣдить за своими управляемыми, и многіе помѣщики оказывались мастерами сыска. Они окружали своихъ крестьянъ шпіонами, побуждали къ доносамъ, жестоко наказывали за недонесеніе и т. п. Такимъ образомъ создавалась тяжелая атмосфера, разрушавшая народную нравственность.

Отъ знакомства съ крѣпостническимъ законодательствомъ перейдемъ теперь къ знакомству съ жизнью той части крѣпостной вотчины, которая ближе всего соприкасалась съ особой помѣщика, именно къ его двору.

Домъ и дворъ крѣпостного барина, особенно изъ старинныхъ и крупныхъ, тянулся къ тому, чтобы скопировать обычаи и порядки Россійскаго двора. Еще съ XVIII столѣтія наше дворянство усвоило себѣ привычку къ роскошной жизни. Но это была своеобразная роскошь, гдѣ блескъ богатства, послѣдній крикъ парижской моды мирно уживался съ прадѣдовской грязью и вонью.

Подобно тому, какъ дворянская библіотека на своихъ полкахъ содержала произведенія Вольтера, Руссо и другихъ свободныхъ мыслителей, а самъ баринъ читалъ эти книги съ арапникомъ въ рукахъ, приготовленныхъ для какихъ нибудь Ваньки или Аришки,— точно также и барскій домъ отражалъ на себѣ съ одной стороны величіе царька маленькаго царства, а съ другой стороны приниженность раба.

Даже внѣшность барскаго дома представляетъ собою любопытныя особенности.

Барскій домъ представляетъ собою обыкновенно весьма большое по размѣрамъ и большею частью весьма безвкусное сооруженіе. Вообще помѣщики стремились строить возможно обширные по размѣрамъ дома, причемъ иногда домъ достраивался втеченіе нѣсколькихъ поколѣній: каждый изъ потомковъ хотѣлъ проявить въ постройкѣ свою затѣю. Но эти дома часто представляли собою, какъ снаружи, такъ и внутри всѣ признаки неряшества. Грязь снаружи и внутри большею частью характеризовала барскій дворъ. Иногда родовая гордость, остатки прежняго величія и богатства, чередовались въ барскомъ домѣ съ недостаткомъ самыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ потребностей. Огромный домъ князя Долгорукаго въ селѣ Знаменскомъ состоялъ изъ 40 комнатъ и былъ наполненъ фамильными портретами, занавѣсями изъ дорогихъ матерій, но уже потерявшихъ свой цвѣтъ и видъ; дорогая мебель попортилась и обветшала. Обширный передъ домомъ садъ засорился и пришелъ въ совершенное запустѣніе. И это обыкновенный типъ старинной барской усадьбы. Та или другая часть усадьбы имѣла болѣе нарядный видъ обычно только потому, что ею интересовался владѣлецъ. Такъ нерѣдко украшеніемъ дома служили парки съ тѣнистыми аллеями, бассейнами и каскадами. Бывали баре любителями аранжерей. Внутренняя обстановка дома соотвѣтствовала его внѣшности. Конечно, встрѣчались богатѣйшіе дворцы вродѣ Останкинскаго и другихъ Шереметевскихъ домовъ: здѣсь все утопало въ роскоши, но обычный типъ усадьбы средняго дворянина представлялъ собою довольно неуютный видъ. Огромныя постройки извѣстнаго Шеншинскаго дворца графа Каменскаго состояли изъ множества одноэтажныхъ строеній сѣрыхъ съ красными крышами и бѣлыми колоннами. Повсюду царствовала неописанная грязь и нечистота; большая половина оконъ была заткнута тряпками и подушками, замѣнявшими стекла. Огромный залъ въ

84 кв. саж. уставленъ кругомъ стѣнъ простыми стульями и въ тоже время украшенъ великолѣпными хрустальными люстрами. Въ другихъ комнатахъ великолѣпные персидскіе ковры уживались съ полинявшею шелковою обивкою мебели и венеціанскими зеркалами. Кругомъ было неопрятно и безвкусно. Кирѣевъ описываетъ свое посѣщеніе одного изъ подобныхъ барскихъ домовъ: „Я вошелъ въ залу, пишетъ М. Н. Кирѣевъ, и чуть на первомъ шагу не ушибъ себѣ ногу объ выпятившуюся половицу; полъ весь былъ покоробленъ; на подбѣленныхъ, но не штукатуренныхъ стѣнахъ были повѣшены каррикатурные портреты: кавалеры въ губернскихъ мундирахъ, дамы въ огромныхъ чепцахъ, а нѣкоторыя повязаны платочками; Ермакъ Тимофеевичъ глядѣлъ вытаращa глаза на какого то архіерея. Живописецъ, кажется, не богатъ былъ красками: сурикъ, вохра, сажа и бѣлила у него замѣняли все прочее; о правильности рисунка и говорить нечего.

При всемъ томъ въ барскомъ домѣ господствовала самая разорительная роскошь. Сколько нибудь обезпеченный помѣщикъ считалъ своимъ долгомъ прежде всего зазывать къ себѣ множество гостей. Каждый праздникъ у такого дворянина собиралось до 50 чел. разнаго рода людей. Все это наѣзжало съ людьми, лошадьми и прислугой и по деревенскому обычаю на нѣсколько дней. Начиналось безконечное кормленіе и напаиваніе гостей. У богатыхъ помѣщиковъ гостепріимство было развито въ болѣе широкихъ размѣрахъ. У гр. Чернышева въ его имѣніи Точино въ торжественные дни собиралось до 500 лошадей въ конюшнѣ и гости жили по нѣсколько недѣль. Недаромъ сохранилось письмо одной степной старушки, въ которомъ разсказывается, какъ къ знакомой разъ пріѣхалъ гость на нѣсколько часовъ и прожилъ у нея 40 лѣтъ до самой смерти. Многія состоянія были проѣдены и пропиты такимъ образомъ. У кн. Куракина въ его селѣ Надеждинѣ въ помѣщеніяхъ для гостей были вывѣшены особыя объявленія, въ которыхъ гостямъ хозяинъ предлагалъ распоряжаться своимъ временемъ, какъ угодно и жить сколько угодно и каждому почитать себя хозяиномъ. Пріемъ гостей заключался въ томъ, чтобы хорошо кормить. „Въ настоящее время, говоритъ одинъ современникъ, трудно понять до какихъ широкихъ размѣровъ простиралось это старинное гостепріимство“. Многіе богатые помѣщики сами были хорошими мастерами по части поварского дѣла. Хотя многое для этихъ пировъ было подъ

рукою, но каждый старался превзойти сосѣда пріобрѣтеніемъ разныхъ диковинныхъ вещей. „Я ѣлъ дыню въ 6 рублей, французскій пирогъ въ 30 руб. и англійскія устрицы по 12 руб. за сотню“,—съ удивленіемъ разсказываетъ о русскомъ гостепріимствѣ сардинецъ графъ Де-Местръ. Забота о развлеченіи гостей выражалась шумными празднествами, псовой охотой и разными другими затѣями. Для гостей держалась особая увеселительная прислуга, состоявшая изъ шутовъ, шутихъ, сказочниковъ, фокусниковъ и т. п.

Многіе дворяне буквально разорялись на гостепріимство, на содержаніе дворни или на возведеніе ненужныхъ построекъ. Графъ Бутурлинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ объ одномъ помѣщикѣ Чириковѣ, который при скромной жизни успѣлъ однако совершенно разориться. „Онъ вздумалъ выстроить громадный, двухэтажный деревянный домъ съ большимъ бальнымъ заломъ, съ хорами въ срединѣ зданія и пріемные, соотвѣтствующіе оному аппартаменты, годные для столичнаго какого-нибудь раута въ нѣсколько сотъ гостей, и я немногимъ ошибусь, если скажу, что въ этой храминѣ (стоившей ему, какъ я слышалъ, болѣе 50 тыс. руб. сер.), было до сорока комнатъ, меблировать которыя, какъ надлежало, средствъ у него не хватило, и потому бревенчатый его палацъ похожъ былъ на сарай“.

Современные наблюдатели прямо поражались этимъ необыкновеннымъ стремленіемъ дворянъ къ праздной и веселой жизни. „Въ Россіи, говоритъ одинъ современникъ, всѣ стремятся къ знати и богатству, все приносится въ жертву симъ кумирамъ, сердца всѣхъ къ нимъ только прилѣплены“. Стремленіе къ веселой и праздной жизни часто вело къ преступленію и пороку. Не единицами считались дворяне, которые держали у себя бѣглыхъ, пользовались ихъ трудомъ, вмѣстѣ съ ними пьянствовали и скрывали ихъ отъ полиціи; нѣкоторые занимались грабежомъ сосѣдей и даже встрѣчались такіе, которые становились во главѣ разбойничей партіи и грабили путешественниковъ, проѣзжавшихъ по ближайшимъ къ ихъ имѣніямъ дорогамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это блестящее съ внѣшней стороны дворянство представляло собою классъ мало культурный и грубый. „Тамбовское дворянство, говоритъ опытный знатокъ Тамбовскаго края, извѣстный поэтъ Г. Р. Державинъ,—было такъ грубо и необходительно, что ни одѣться, ни войти, ни обращаться, какъ должно

благоразумному человѣку, не умѣли, кромѣ нѣкоторыхъ, которые жили въ столицѣ". Передъ высшими оно раболѣптствовало, было грубо съ равными и надменно съ низшими. Но насъ конечно больше интересуетъ не эта сторона жизни, а отношеніе крѣпостного дворянства къ крестьянамъ.

Дворянинъ въ своей вотчинѣ старался копировать жизнь Двора. Извѣстный любимецъ императора Павла князь Куракинъ имѣлъ въ своемъ Саратовскомъ имѣніи Надеждинѣ особый штатъ, который состоялъ изъ разныхъ исключенныхъ изъ службы офицеровъ, чиновниковъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Князь устраивалъ особые выходы. Названный сбродъ лицъ составлялъ его свиту, они исполняли должности шталмейстеровъ, церемоніймейстеровъ, управителей и главныхъ дворецкихъ. У князя былъ личный секретарь, медикъ, капельмейстеръ, библіотекарь, множество приживалокъ и лицъ безъ всякихъ должностей, обязательно входившихъ въ его свиту. Другіе дворяне довольствовались устройствомъ двора изъ числа своихъ крѣпостныхъ. Одинъ изъ князей Голицыныхъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи учредилъ особый придворный штатъ изъ крѣпостныхъ, — „своихъ подданныхъ". Тутъ были гофмаршалы, камергеры, камеръ-юнкеры, фрейлины и даже статсъ-дама, полная и представительная вдова-попадья. Взамѣнъ ордена она носила на груди портретъ князя, осыпанный бриллiантами. Кромѣ парадныхъ выходовъ князь устраивалъ для своихъ придворныхъ изъ числа крѣпостныхъ особые балы. Яркоосвѣщенный залъ княжескаго дома наполнялся приглашенными рабами, одѣтыми въ купленныя на рынкѣ бархатныя и атласныя платья. Все происходило, какъ на настоящемъ балу, причемъ князь открывалъ его полонезомъ, въ которомъ шелъ со своею статсъ-дамою, которая предварительно цѣловала его руку.

Нѣчто подобное представлялъ собою и дворъ графа Каменскаго въ Орлѣ. Его любовница Курилова занимала мѣсто статсъдамы и въ парадныхъ случаяхъ являлась съ огромнымъ портретомъ графа на груди. Впрочемъ, она являлась съ этимъ портретомъ только тогда, когда графъ былъ ею доволенъ. Въ противномъ случаѣ портретъ отъ нея отбирался и на нее возлагали другой портретъ графа, точно также нарисованный, но безъ лица: „нарисована чья то спина и на спинѣ же Куриловой его вѣшали". Барскій домъ графа Каменскаго представлялъ собою шумную толпу людей.

Онъ былъ переполненъ разнымъ людомъ, составлявшимъ, какъ и во многихъ другихъ богатыхъ домахъ, прислугу и свиту графа. Няни, мамы, плѣнныя турчанки, крещеныя въ православную вѣру и кое-какъ воспитанныя, калмычка, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки—„все это сливалось, во многихъ знатныхъ домахъ, со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости". Въ домѣ былъ театръ, на которомъ любители, родственники и родственницы, играли комедіи Вольтера и другихъ французскихъ писателей. Когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, то горничныя дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни „ежедневно во все время между помолвкой и свадьбой, такъ что, наконецъ, графининъ попугай выучился напѣву и нѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ ихъ пѣть когда невѣста давно уже была замужемъ за Ржевскимъ.

Многіе баре въ деревенской глуши старались разнообразить свое времяпрепровожденіе. Такъ, владѣлецъ 12 тысячъ душъ премьеръ-маіоръ Собакинъ имѣлъ обыкновеніе передъ каждой всенощной иллюминовать всѣ находившіеся въ его имѣніи церкви. Онъ давалъ роскошные пиры, во время которыхъ игралъ великолѣпный оркестръ, а во время пѣнія хоромъ многолѣтія хозяину, давался 101 выстрѣлъ. Затѣмъ послѣ обѣда Собакинъ выходилъ на обширный дворъ, гдѣ его ожидала многочисленная толпа крестьянъ. Окруженный придворнымъ штатомъ вотчинныхъ начальниковъ, онъ устраивалъ торжественный пріемъ своихъ подданныхъ. Крестьяне подходили къ барину по одиночкѣ, цѣловали барскую руку и получали наградныя: сайку, водку и гривенникъ.

Въ настоящее время трудно представить себѣ то огромное количество труда, которое поглощала крѣпостная вотчина на удовлетвореніе многосложныхъ нуждъ ея хозяина. Количество дворовыхъ было, конечно, различно. Напримѣръ, у князя С. Н. Голицына было 800 человѣкъ. Средній помѣщикъ Свербеевъ имѣлъ 300 челов. дворни. Нѣсколько разъ уже упомянутый нами графъ С. Н. Каменскій, правда, потомъ разорившійся, при 7000 крѣпостныхъ въ одномъ Орлѣ держалъ 400 человѣкъ дворовыхъ. Про одного изъ князей Долгорукихъ разсказываютъ современники, что четвертая часть его крѣпостныхъ была въ дворнѣ. У генерала Измайлова въ дворнѣ было 800 челов. Однимъ словомъ число людей, требовавшихся для личныхъ услугъ помѣщика, было очень велико. Свербеевъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ,

что третья часть помѣщичьяго дохода уходила на содержаніе дворни. И это мнѣніе вовсе не слѣдуетъ считать преувеличеніемъ. Рязанскій помѣщикъ Серебряковъ имѣлъ 30 душъ крестьянъ, изъ которыхъ 15 человѣкъ было въ числѣ дворовыхъ. Извѣстный агрономъ и экономистъ того времени Шелеховъ не разъ возмущается непомѣрнымъ развитіемъ числа дворовыхъ, силы которыхъ пропадаютъ для народнаго хозяйства. Этотъ опытный помѣщикъ полагаетъ, что 100 человѣкъ обоего пола въ помѣщичьей усадьбѣ—это еще небольшая дворня: „такая дворня обыкновенно бываетъ при 300 душъ или при 150 тяглахъ. Прежде, вспоминаетъ онъ,—у порядочнаго помѣщика дворни бывало на третью часть помѣстнаго населенія“. Въ одной изъ своихъ статей онъ описываетъ имѣніе, въ которомъ на 300 десятинахъ земли работаетъ только 6 тяглъ, т. е. 6 работниковъ, а остальное населеніе въ количествѣ 6 мужскихъ душъ „играютъ на разныхъ инструментахъ, поютъ, пишутъ картины, малюютъ гербы на экипажахъ, рѣжутъ рококо и ренесансы, плетутъ клотильды, разсказываютъ сказки“. Все это дворовые люди. Изъ семидесяти двухъ душъ, живущихъ на трехстахъ десятинахъ—шестьдесятъ шесть художниковъ. Не мудрено, что земля запустѣла и залѣсѣла, когда на ней почти все народонаселеніе—маляры, стекольщики, рѣзчики, парикмахеры, обойщики, рапсоды,—и девять музыкантовъ,—три скрипки,—віолончель, - два кларнета, - флейта,—двѣ волторны. На этомъ веселомъ помѣстьѣ накопилось уже до десяти тысячъ рублей казенной недоимки: но это нимало не мѣшаетъ художественной дворнѣ пѣть, играть, расписывать, вырѣзывать, обивать, причесывать“.

Спрашивается теперь, что же дѣлала при помѣщикахъ эта многочисленная дворня? Она имѣла самое разнообразное назначеніе. Тотъ же Шелеховъ такъ опредѣляетъ работу дворни: „По старинному обычаю, изъ ста человѣкъ дворовыхъ людей большая часть находилась налицо дома, для господской прислуги: за бариномъ, во время стола, стояли три оффиціанта, и за каждымъ собесѣдникомъ по одному, непремѣнно; при выѣздѣ со двора, за каретой лѣпилось трое особыхъ лакеевъ; поваровъ, кучеровъ, горничныхъ всегда бывалъ двойной комплектъ, на случай болѣзни; а должностныхъ людей по хозяйству, скотниковъ, конюховъ, заводскихъ, садовниковъ, птичницъ, прачекъ, водилось безъ счету. Эта толпа низкой прислуги, отъ нечего дѣлать, плодилась, на

досугѣ, какъ тараканы. У иного конюха, обезпеченнаго съ ногъ до головы всѣмъ господскимъ, водилось по дюжинѣ ребятишекъ".

Барскій домъ и дворъ были устроены такъ, что вызывали нужду въ большомъ числѣ ремесленниковъ, управителей и вообще дворовыхъ. Поэтому при барскомъ дворѣ встрѣчаемъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій. Такъ, обширный барскій дворъ графа В. Г. Орлова въ Отрадѣ заключалъ въ своемъ составѣ всякаго рода секретарей, конторщиковъ музыкантовъ и артистовъ, изъ которыхъ большая часть исполняла также и служительскія обязанности. Тутъ же были портные мастера, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники, фельдшера, аптекари, часовщики, плотники, столяры, каменьщики, карпичники. Между дворовыми людьми находился архитекторъ и живописецъ. Былъ тутъ и человѣкъ, пріученный поджидать къ опредѣленному часу появленія звѣзды и планеты и докладывать объ этомъ господину; это былъ доморощенный астрономъ; былъ такой же и богословъ,—камердинеръ графа, начитанный въ религіозныхъ сочиненіяхъ и любившій религіозныя словопренія. У графа Н. П. Шереметева въ его имѣніи Останкино подъ Москвой въ концѣ XVIII вѣка былъ такой составъ дворовыхъ служителей: тутъ было 3 архитектора, кромѣ того помощникъ архитектора и ученикъ, прикащики, гардемебели, 3 живописца, капралъ, дозорный, сержантъ, значительная труппа актрисъ, танцовщицъ, фигурантокъ,—не говоря уже о соотвѣтственномъ количествѣ прислуги, начиная отъ камердинеровъ и лакеевъ, и кончая опредѣленными къ черной работѣ. Конечно, у помѣщиковъ попроще назначеніе прислуги заключалось, прежде всего, въ уходѣ за господами и затѣмъ въ знаніи того или другого ремесла. „Дворня Мѣщаниновыхъ, вспоминаетъ Гиляровъ-Платоновъ, какъ вѣроятно и вездѣ бывало въ состоятельныхъ домахъ, была на всѣ руки; были башмачники, столяры, шорники, цирульники и проч. Одинъ промышлялъ охотой, какъ отхожею, такъ и домашней: онъ былъ воспитатель канареекъ, которыхъ у него былъ цѣлый заводъ... Изъ дворовыхъ выходили мастера, почти художники, выходили и настоящіе художники". Штатъ дворни извѣстнаго уже намъ генерала Измайлова дѣлился такъ: онъ состоялъ изъ 271 мужчины и 231 женщины, кромѣ малолѣтнихъ и заштатныхъ; тутъ были писаря, казначеи, псари, слесаря, живописцы, повара, 138 женщинъ безъ опредѣленныхъ занятій, 30 женщинъ въ гаремѣ, 12 нянекъ незаконорожденныхъ дѣтей генерала и пр.

Спрашивается, что же дѣлала эта многочисленная дворня, обязанная обслуживать одну семью владѣльца? Вотъ нѣсколько картинъ того, какъ распредѣляемъ былъ трудъ дворовыхъ людей. „Толпа дворовыхъ людей,—наполняла переднюю: одни лежали на прилавкѣ, другіе, сидя или стоя, шумѣли, смѣялись и зѣвали отъ нечего дѣлать. Въ одномъ углу на столѣ кроились платья, въ другомъ—чинились господскіе сапоги; спертый и удушливый воздухъ царствовалъ въ этой комнатѣ. Рядомъ съ залой бывала обыкновенно дѣвичья, гдѣ сидѣло нѣсколько десятковъ дѣвокъ, кто за пяльцами, кто за шитьемъ бѣлья, кто за вязаньемъ чулокъ". Всякій актъ барской жизни требовалъ большого числа рабочихъ рукъ. У графа Каменскаго въ передней сидѣло 17 лакеевъ, готовыхъ къ услугамъ помѣщика. И вся эта многочисленная прислуга бѣгала, суетилась, вообще далеко не всегда и не вездѣ была праздной: Машка бѣгала искать Сашку, за Сашкой посылалась Акулька и т. п. Или вотъ какъ весьма наблюдательный Свербеевъ описываетъ сцену барскаго чаепитія: „длинную чайную процессію открывалъ сановитый, пузатый, напудренный и съ косой офиціантъ и несъ на серебряномъ подносѣ стариннаго саксонскаго фарфора чашку, за нимъ другой, еще осанистѣе, несъ огромный чайникъ съ кипяткомъ, четвертый сахарницу, пятый шелъ со сливками, шестой съ графиномъ рому, лимонами, вареньемъ и морсомъ, седьмой и восьмой съ кренделями и пр.".

Дворня должна была не только услуживать господину, но и удовлетворять разнообразныя его потребности, иногда потребности въ развлеченіи, а весьма часто и потребности самаго низменнаго свойства.

Къ числу послѣднихъ надо отнести такое печальное явленіе, какъ гаремы. Гаремъ генерала Измайлова, напримѣръ, занималъ особое помѣщеніе, окна котораго были снабжены желѣзными рѣшетками. Запертыя здѣсь дѣвушки лишены были всякаго сообщенія даже съ родственниками. Куда бы ни отправлялся генералъ, всюду его сопровождалъ его гаремъ.

„Въ составъ этого гарема поступали не однѣ дворовыя, но и крестьянскія дѣвушки, и горе было тѣмъ, кто бы ослушался приказанія барина о выдачѣ ему требуемой. „Измайловъ жегъ дома ослушниковъ и жестоко сѣкъ изъ крестьянъ третьяго, а изъ бабъ десятую. При деревнѣ Хитровщинѣ, гдѣ онъ жилъ, находился крестьянинъ по прозванію Гусекъ. Онъ обязанъ былъ на

тройкѣ собственныхъ лошадей, которыя содержались на помѣщичьемъ корму, разъѣзжать по деревнямъ и собирать дѣвокъ на генеральскія игрища. На такія игрища собирались толпы псарей и всякой челяди. Сюда же привозились въ особомъ экипажѣ, называвшемся лодкой, пѣсенницы и плясуньи, дворовыя и крестьянскія дѣвушки и женщины. Здѣсь, во время игрищъ, производили выборъ и комплектованіе гарема, которымъ, впрочемъ, Измайловъ не довольствовался и призывалъ къ себѣ на нѣсколько дней дѣвушекъ изъ деревень. Мало того, дѣвушекъ, по приказанію хозяина, приводили и для гостей“.

Тягота положенія затворницъ усугублялась еще однимъ весьма существеннымъ обстоятельствомъ, именно тѣмъ, что владѣльцы гаремовъ стремились привить его населенію извѣстнаго рода лоскъ и образованіе. Въ комнатахъ, занятыхъ дѣвушками, стояло піанино и можно было встрѣтить послѣднія новости литературы—Жуковскаго, Пушкина и т. п.

Болѣе безобидной барской затѣей, весьма распространенной въ XIX вѣкѣ, служившей для забавы гостей и для утѣшенія самихъ хозяевъ, были домашніе театры, балеты, хоры и оркестры. Иногда даже помѣщики средней руки и притомъ люди повидимому лишенные крайностей крѣпостнической среды, увлекались подобнаго рода затѣей. Средній помѣщикъ Свербеевъ покупаетъ, напримѣръ, квартетъ музыкантовъ за 4000 рублей, что было весьма значительной цѣной по тому времени.

Можно указать цѣлый рядъ театральныхъ труппъ, которыя въ то время пользовались извѣстностью. Такъ, большой извѣстностью пользовалась труппа князя Шаховскаго въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ началѣ XIX в. она состояла изъ 93 чел. артистовъ, артистокъ, музыкантовъ и прислуги. Многіе изъ нихъ въ то время пользовались большою извѣстностью въ артистическомъ мірѣ. Впрочемъ театръ Шаховскаго былъ не только забавой помѣщика, но и давалъ свои представленія публично, въ платномъ театрѣ. Но такихъ театровъ было сравнительно немного, т. к. большею частью они служили для развлеченія своихъ господъ и ихъ гостей.

Баронъ Гакстгаузенъ въ своемъ путешествіи разсказываетъ о впечатлѣніи, которое онъ вынесъ изъ посѣщенія Нижегородскаго театра. Прежде всего самый театръ, т. е. внѣшность его, произвелъ на нѣмца вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Давалась

опера Верстовскаго „Аскольдова могила". „Актеры играли недурно, нѣкоторые, въ томъ числѣ и пѣсенники, хорошо. Дѣвица пѣла отлично, теноръ и басъ очень хороши. Мимика и жестикуляціи пѣсенника вполнѣ народны". Но затѣмъ нѣмецъ описываетъ то впечатлѣніе, которое на него произвело извѣстіе о томъ, что артисты были крѣпостными людьми: „мнѣ сдѣлалось какъ то странно, неловко, когда я, сидя въ театрѣ, услышалъ, что всѣ эти актеры, пѣвицы, пѣвцы - крѣпостные. Примадонна, очень любимая публикой пѣвица, которой безконечно апплодировали,—крѣпостная, дочь рыбака. Актеры, представляющіе царей, князей, героевъ и т. д., и потому неизбѣжно имѣющіе извѣстное литературное образованіе, также крѣпостные. Какія безконечно противуположныя чувства должны они испытывать! Съ этого свободнѣйшаго изъ всѣхъ искусствъ они несутъ оброкъ своимъ помѣщикамъ, какъ самые обыкновенные ремесленники. Впрочемъ, даже публичныя женщины въ Петербургѣ и Москвѣ, къ позору своихъ помѣщиковъ, плотятъ имъ оброкъ".

Театръ гр. Н. П. Шереметева представлялъ собою довольно сложную организацію. Въ его труппѣ было 12 актрисъ, танцовщицы, 6 фигурантовъ; при актрисахъ было 3 надзирательницы и цѣлый штатъ женской прислуги, затѣмъ около 10 актеровъ. Управленіе этой труппы представляло собою сложное хозяйство. Ею завѣдывалъ особый человѣкъ Петръ Петровъ, который имѣлъ „смотрѣніе" надъ слугами, оффиціантами, лакеями, музыкантами, танцовщицами, а также надъ конюшней. Графъ издавалъ особыя инструкціи объ обученіи своихъ артистовъ. Такъ, графъ пишетъ завѣдующему: „здѣсь же (въ Останкинѣ) остаются дѣвушки актрисы танцовщицы, за которыми поручается „смотрѣніе" и къ нимъ заходить и сказать надзирательницамъ, чтобъ у нихъ никакихъ неблагоразумностей не было". Пѣвчимъ запрещается пьянствовать. Танцовщицамъ, актерамъ и актрисамъ назначаются учителя, русскіе и иностранцы, которые должны дѣлать репетиціи операмъ и комедіямъ. Музыканты должны были заниматься музыкой отъ 9 до 12, а отъ 2 до 5 заниматься мастерствомъ. Учителями музыки были иностранцы. Актрисы обучались кромѣ того italiанскому и французскому языкамъ.

У другихъ помѣщиковъ театръ былъ попроще. У болѣе бѣдныхъ помѣщиковъ лакеи, сапожники, кучера и горничныя по мѣрѣ надобности превращались въ героевъ и героинь различныхъ

пьесъ, или давали концерты. Г. В. Гладковъ въ Пензѣ выгонялъ на театральные подмостки всю дворню, отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки. Въ Москвѣ въ свое время славился театръ Апраксина, въ которомъ давалась недурно италіанская опера. Московскій же театръ Столыпина извѣстенъ многими талантливыми актерами, изъ которыхъ многіе потомъ были украшеніемъ императорскихъ театровъ; въ Москвѣ можно было насчитать до 20 барскихъ театровъ. Замѣчательнымъ любителемъ театральнаго дѣла былъ извѣстный самодуръ орловскій помѣщикъ графъ Каменскій. Онъ на театръ тратилъ огромныя деньги; такъ онъ однажды заплатилъ за двухъ талантливыхъ актеровъ, мужа и жену имѣніемъ въ 250 душъ крѣпостныхъ. Онъ имѣлъ оркестръ въ 80 человѣкъ, тратилъ огромныя деньги на перемѣну декорацій и пр.

Вообще увлеченіе театромъ было очень сильно. Знаменитый полководецъ Суворовъ, хотя обычно и находился вдали отъ своихъ имѣній, все же проявлялъ большую заботливость объ устройствѣ театральнаго и музыкальнаго дѣла. Онъ вообще считалъ нужнымъ обучать дворовыхъ музыкѣ и театральному дѣлу: „сіи науки у нихъ за плечами виснуть не будутъ“, — объяснялъ онъ въ своемъ приказѣ своему управляющему, будучи подъ Кременчугомъ, когда казалось бы ему было не „до сихъ наукъ“. По убѣжденію Суворова, „театральное нужно для упражненія и невиннаго веселья“. Поэтому онъ очень серьезно былъ занятъ вопросомъ о томъ, на какое амплуа пригоденъ тотъ или иной дворовый: „Васька комикомъ хорошъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—а трагикомъ лучше будетъ Никита; только должно имъ поучиться выраженіямъ, что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, вопросительнымъ и восклицательнымъ знакамъ“. Далѣе онъ преподаетъ наставленіе: „держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту, безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія“. Въ то же время онъ распоряжается, кого чему обучать: парикмахера Алексашку надо обучать французской грамматикѣ, а еще 4-хъ мальчиковъ—вообще „словесному“. Въ другомъ письмѣ къ управляющему встрѣчаемъ: „помни музыку нашу—вокальный и инструментальный хоры и чтобы не уронить концертное; простое пѣніе всегда было дурно и больше кажется испортилъ его Бочкинъ, веліимъ голосомъ съ кабацкаго“. Одинъ журналъ наивно отражаетъ радость

и гордость помѣщика, когда крѣпостные его удачно играютъ. Въ Петербургѣ давалась какая то пьеса, повидимому, оброчными актерами. Публика была довольна и много вызывала. Вдругъ поднимается господинъ, который радостно восклицаетъ: „это все мои дворовые ребята!"

Разумѣется, для того, чтобы изъ крѣпостного сдѣлать музыканта, актера и т. п. нужно было дать ему образованіе. Этого и достигали, или приглашая учителей на домъ, или отдавая крѣпостныхъ въ пансіоны. Г. И. Бибиковъ отдавалъ дѣтей своихъ лакеевъ, дворецкихъ и поваровъ на воспитаніе въ пансіоны, гдѣ ихъ учили иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, рисованію. Изъ получившихъ такимъ образомъ образованіе дворовыхъ составлялись труппы. Также поступали и другіе помѣщики. Тайный совѣтникъ П. И. Юшковъ, любитель танцевъ, выучилъ до 20 наиболѣе красивыхъ крѣпостныхъ дѣвушекъ танцевать вальсы, кадрили, экосезы и другіе танцы того времени. „Онъ одѣлъ ихъ въ бальныя туфли, штофные сарафаны, бархатныя повязки и въ лайковыя перчатки. Онѣ дѣйствительно танцевали лучше многихъ барышень и разговорами были совсѣмъ не похожи на крестьянокъ. Несмотря на это, они занимались всей крестьянской работой, но въ перчаткахъ и соломенныхъ шляпахъ, а волосы были въ папильоткахъ".

Но, конечно, обращеніе съ артистами изъ крѣпостной среды было такое же, какъ и со всякими другими рабами. Упомянутый нами гр. Каменскій въ своей ложѣ имѣлъ книгу, въ которой онъ записывалъ замѣченныя имъ на сценѣ ошибки и упущенія, а сзади него на стѣнѣ висѣло и нѣсколько плетокъ, съ которыми онъ ходилъ за кулисы и наказывалъ провинившихся. Князь Шаховской, вообще мягкій человѣкъ, не задумывался въ случаѣ провинности артиста, посадить его, только что воплотившаго на сценѣ роль Скопина-Шуйскаго, Юрія Милославскаго, на цѣпь въ стулъ, надѣть на него рогатки, а то и высѣчь. Онъ же имѣлъ еще одну характерную особенность—требовать отъ своихъ актеровъ величайшей благопристойности, состоявшей въ томъ, „чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе, какъ на аршинъ, а когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживать ее".

И все-таки даже и при такихъ условіяхъ въ крѣпостной средѣ проявлялись истинные таланты.

Особенно тяжелое положеніе выпадало на долю актрисъ. У кн. Н. Б. Юсупова въ Москвѣ былъ особый домъ, гдѣ помѣщались балерины его домоваго театра, обученныя лучшимъ танцмейстеромъ. „Великимъ постомъ, когда прекращались представленія на императорскихъ театрахъ, Юсуповъ приглашалъ къ себѣ закадычныхъ друзей и пріятелей на представленіе своего крѣпостного коръ-де-балета. Танцовщицы, когда Юсуповъ давалъ извѣстный знакъ, спускали моментально свои костюмы и являлись передъ зрителями въ природномъ видѣ, что приводило въ восторгъ стариковъ, любителей всего изящнаго“.

Въ сущности говоря, атмосфера барской дворни съ театральными и другими затѣями, была тяжелой и душной. Людей обучали и дрессировали, смотря по надобности для того, чтобы доставить удовольствіе, развлеченіе людямъ, изысканный вкусъ которыхъ стремился все къ болѣе и болѣе острымъ ощущеніямъ. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ въ этомъ обученіи видѣли простую цѣль — наживу, такъ какъ хорошо обученные ремесленники, выдающіеся актеры и прочіе охотно выпрашивались на оброкъ и давали за себя хорошій доходъ. Это было удобнымъ и для самихъ крѣпостныхъ, такъ какъ они избавлялись отъ тяжелой власти барина. Въ самомъ дѣлѣ, трудно теперь представить себѣ положеніе человѣка, получившаго образованіе: чаще всего крѣпостныхъ отдавали въ академію художествъ, — иногда бывшаго въ погонѣ за знаніями за границей, и въ то же время подверженнаго всякаго рода барскимъ прихотямъ, угрозамъ кнутомъ и т. д. Многія дарованія проявились въ крѣпостной средѣ, и если имъ удавалось выбраться изъ нея, то многіе обогатили искусство и поэзію и даже науку своими трудами. Стоитъ только вспомнить, что такой видный художникъ, какимъ былъ Тропининъ, человѣкъ графа Моркова, впервые проявлялъ свои дарованія при покраскѣ барскихъ колодцевъ. Крѣпостная среда дала нашему искусству и Кипренскаго, Щепкина и многихъ другихъ. Поэзіи она дала Шевченко, а наукѣ академика и профессора Никитенко. Но это случайности, правда счастливыя, потому что помѣщики весьма неохотно выпускали способныхъ крѣпостныхъ изъ своихъ рукъ, и только иногда участіе очень сильныхъ людей давало возможность избавиться отъ рабства. Тѣмъ печальнѣе то явленіе, что многія дарованія по-

гибли въ душной атмосферѣ рабства. Давно уже отмѣченъ историками тотъ несомнѣнный фактъ, что большая часть интеллигентныхъ крѣпостныхъ въ конечномъ итогѣ не переносила своего положенія и кончала самоубійствомъ, сумашествіемъ и алкоголизмомъ. Весьма талантливый художникъ Мясконовъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, какъ только узналъ рѣшеніе помѣщика, что ему пора покончить образованіе и возвратиться въ составъ дворни. И таковъ былъ, къ сожалѣнію, обычный исходъ.

Большое число дворни, кромѣ послѣдствій чисто моральнаго характера, имѣло еще одну важную сторону. Распредѣленіе труда столь значительнаго числа людей было по существу въ высшей степени непроизводительнымъ. Помѣщикъ напрягалъ доходы своихъ имѣній, увеличивалъ оброки или барщины для того, чтобы имѣть собственнаго парикмахера, живописца и т. п. Экономія народнаго труда безполезно теряла трудъ всѣхъ этихъ лицъ и въ то же время трудъ тѣхъ, которые должны были доставлять средства на ихъ содержаніе. Правда, въ крѣпостнической средѣ не разъ раздавались трезвые голоса, указывавшіе на эту потерю труда. Можно отмѣтить, что съ теченіемъ времени количество дворовыхъ замѣтно уменьшается подъ вліяніемъ проникающаго въ помѣщичью среду сознанія. Мы уже приводили отзывъ извѣстнаго агронома и экономиста 30-хъ годовъ Шелехова, который въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ неоднократно доказывалъ вредъ отъ большого числа дворовыхъ и необходимость перевода ихъ на болѣе раціональный трудъ. Постепенно всѣ эти указанія стали производить соотвѣтствующія дѣйствія. Свербеевъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ, что число дворовыхъ стало значительно уменьшаться къ эпохѣ освобожденія.

ГЛАВА V.

Противники и защитники крѣпостного права въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ.

Безправное положеніе крестьянъ и злоупотребленія помѣщиковъ ихъ властью съ очень ранняго времени стали обращать на себя вниманіе людей болѣе культурныхъ, или такихъ, въ которыхъ крѣпостные предразсудки были сравнительно слабѣе. Въ теченіе XVIII вѣка этотъ вопросъ отдѣльными лицами время отъ времени поднимается, а къ концу этого столѣтія уже можно намѣтить довольно значительное теченіе въ пользу крестьянъ. Разумѣется, нельзя ожидать, что мысль о крестьянской свободѣ способна была быстро охватить болѣе или менѣе широкіе круги тогдашняго дворянства. Оно такъ привыкло къ крѣпостному праву, такъ имъ дорожило, что только счастливо одаренные умы стали подымать этотъ вопросъ; но развиваясь, мысль съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ все бóльшее и бóльшее количество сторонниковъ, такъ что къ эпохѣ освобожденія крестьянъ извѣстная часть дворянства и правительства вполнѣ сознательно могла отнестись къ необходимости крестьянскаго раскрѣпощенія. Мысль о несправедливости крестьянскаго ига такимъ образомъ долго бродила и по петербургскимъ канцеляріямъ и въ умахъ отдѣльныхъ лицъ, пока наконецъ, не пріобрѣла реальнаго осуществленія. За этотъ періодъ были предложены различнаго рода формы освобожденія крестьянъ или измѣненія ихъ отношеній къ помѣщику, при чемъ надо сказать напередъ, что только къ концу крѣпостного права окончательно отлилась мысль о томъ, что крестьянину нужна не только свобода, какъ человѣку, но и матеріальное обезпеченіе въ видѣ земли. Правда, на зарѣ крестьянскаго вопроса были высказаны въ этомъ направленіи здоровыя мысли, потомъ на цѣлое полстолѣтіе забытыя.

Довольно сильнымъ толчкомъ къ развитію крестьянскаго вопроса послужило извѣстное письмо императрицы Екатерины II въ Вольное Экономическое Общество. Въ этомъ письмѣ императрица, прилагая деньги не премію, проситъ Общество объявить конкурсъ за сочиненіе во вопросу: „что полезнѣе для общества, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или только движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то и другое простираться должны“. Въ отвѣтъ на эту публикацію ученаго общества отозвалось до 170 авторовъ, изъ которыхъ семь было русскихъ. Получились самые разнообразные отвѣты, но изъ нихъ было нѣсколько такихъ, которые пришлись не по вкусу русскому крупному дворянству. Такъ, напримѣръ, отвѣтъ Полѣнова развивалъ мысль, что земля должна быть наслѣдственной собственностью крестьянъ, что крестьянскія повинности должны быть опредѣлены закономъ, для крестьянъ долженъ быть устроенъ особый сельскій судъ и, наконецъ, онъ считалъ необходимымъ запретить торгъ по одиночкѣ. Знаменитая Екатерининская коммиссія 1767 года представила собою любопытное отраженіе общественныхъ взглядовъ. Съ одной стороны, даже купечество стремилось къ пріобрѣтенію права владѣть крѣпостными крестьянами, тогда какъ родовитое дворянство желало отдѣлиться отъ неродовитаго и только за собой оставить и даже еще развить „изящнѣйшія“ права дворянства; но въ то же время съ другой стороны такіе депутаты, какъ Коробьинъ, Алейниковъ, напомнили представителямъ высшихъ сословій о томъ несправедливомъ угнетеніи, въ которомъ находились крестьянскія массы. Все это подготовило почву для самаго виднаго представителя борьбы за крестьянскія права, для Радищева. Это былъ человѣкъ воспитанный въ нѣмецкомъ университетѣ, человѣкъ проникнутый высшими идеалистическими побужденіемъ любви къ человѣчеству. Его знаменитая книга „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ произвела большое впечатлѣніе. Въ ней онъ даетъ рядъ яркихъ штриховъ, рисующихъ положеніе крестьянъ: они работаютъ очень много, по 6 дней въ недѣлю ходятъ на барщину, это—нищіе батраки. Крестьянъ продаютъ отдѣльно, даже немощныхъ стариковъ, всѣхъ подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ. Между тѣмъ рабъ является человѣческимъ существомъ. По мнѣнію Радищева, рабство надо уничтожить не только потому, что оно безчеловѣчно, но и потому, что оно не полезно для самихъ помѣщиковъ. Рабство вредно и для господина и для раба.

Рабство, наконецъ, противорѣчитъ „блаженному“ состоянію государства вообще. И Радищевъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ: освободить крестьянъ и непремѣнно съ землею, потому что можетъ вновь начаться явленіе въ родѣ Пугачевщины. Здѣсь замѣчательна черта—мысль освобожденія крестьянъ съ землею, которая впослѣдствіи на долгое время была забыта и которой многіе дворяне такъ боялись.

Въ XIX столѣтіи мысль объ освобожденіи весьма осложняется. Она проявляется какъ въ сферахъ правительственныхъ, такъ въ литературѣ и обществѣ и имѣетъ далеко не одинаковое направленіе.

Мы прежде всего разсмотримъ то теченіе аболюціонистской мысли, которое сказывалось въ правительственныхъ сферахъ и которое выразилось въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ правительства. Конечно, при этомъ мы будемъ помнить, что правительственныя начинанія въ этой области не были оторваны отъ жизни, что они шли параллельно завоеваніямъ въ томъ же направленіи въ средѣ самого общества, что, наконецъ, правительство слабѣе отражало въ своихъ мѣропріятіяхъ стремленія и идеи наиболѣе горячихъ поборниковъ идеи освобожденія.

Оживленіе первыхъ годовъ Александровскаго царствованія отразилось на правительственной дѣятельности въ томъ смыслѣ, что въ его средѣ нѣсколько разъ подымался вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Такъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ въ 1801 году, сейчасъ по восшествіи императора на престолъ, вноситъ въ Непремѣнный Совѣтъ записку, предлагающую воспретить продажу людей безъ земли и въ розницу. Правда, Непремѣнный Совѣтъ нашелъ этотъ вопросъ несвоевременнымъ, но въ результатѣ былъ изданъ указъ о запрещеніи Академіи Наукъ публиковать о продажѣ людей отдѣльно отъ земли. Въ ближайшемъ кругу къ Императору, въ такъ назыв. Неоффиціальномъ Комитетѣ, подымался вопросъ о дворовыхъ и т. п., но безрезультатно. Самымъ любопытнымъ явленіемъ этого періода надо признать „прошеніе“ знаменитаго графа Румянцева въ 1802 году, въ которомъ онъ предлагалъ правительству разрѣшить помѣщикамъ утверждать за каждымъ крестьяниномъ, или за цѣлыми обществами земли и угодья крѣпостнымъ порядкомъ; далѣе онъ предлагалъ разрѣшить помѣщикамъ отпускать крестьянъ съ землею цѣлыми селеніями или въ розницу, а также разрѣшить крестьянамъ откупаться у

помѣщика сразу или по частямъ. Проектъ Румянцева встрѣтилъ въ тогдашнемъ правительствѣ достаточный тормазъ. Однако Румянцевъ, при содѣйствіи государя, успѣлъ въ извѣстной мѣрѣ добиться его осуществленія. Въ 1802 году былъ изданъ, на основаніи этого проекта, указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, по которому крестьяне могли откупаться съ землею или быть отпускаемыми самимъ помѣщикомъ. Самъ по себѣ этотъ указъ мало вносилъ улучшенія въ крѣпостную среду, но тѣмъ не менѣе и онъ показался крѣпостническому дворянству не безопаснымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ издаетъ нѣсколько циркуляровъ „разъясняющихъ этотъ указъ“,—и въ результатѣ каждая попытка освободить крестьянъ на основаніи этого закона встрѣчаетъ рядъ тормазовъ. Неудивительно поэтому, что въ теченіе полустолѣтія дѣйствія этого закона было всего-на-всего 161 случай отпуска крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, въ количествѣ около полусотни тысячъ душъ мужского пола.

И въ послѣдующее время при Александрѣ I крестьянскій вопросъ нѣсколько разъ подымался. Знаменитый Сперанскій, составляя проектъ своей конституціи, правда, оставилъ въ ней и крѣпостное состояніе, т. е. не связывалъ изданіе конституціи съ освобожденіемъ крестьянъ; это онъ дѣлалъ съ цѣлью не раздражать консервативныхъ круговъ дворянства. Но зато въ своемъ проектѣ онъ предлагалъ опредѣлить закономъ повинности крестьянъ, а въ своей объяснительной къ проекту запискѣ высказывалъ мысль, что при такихъ условіяхъ крѣпостное право падетъ само собой въ скоромъ времени. Впрочемъ, извѣстно, что вторая половина этого царствованія не была благопріятна для освободительныхъ вопросовъ. Въ 1820 г. по совершенно случайному поводу вопросъ о непродажѣ людей въ одиночку дошелъ до Государственнаго Совѣта. С.-Петербургскій губернаторъ Милорадовичъ обратилъ вниманіе на широкую распродажу Лупандинымъ женщинъ изъ своего имѣнія и на то, что штабъ-ротмистръ Раздеришинъ составилъ себѣ изъ нихъ открытый гаремъ. Дѣло дошло до государя. Н. И. Тургеневъ, въ своихъ запискахъ сообщаетъ любопытную вещь. Государь былъ увѣренъ, что продажи людей въ одиночку не существуетъ, между тѣмъ продажа совершалась въ губернскомъ правленіи какъ разъ противъ дворца, а въ тотъ самый день, когда вопросъ разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ, съ публичнаго торга была продана старуха за 2 р. 50 к. Государь въ это

время уже не настаивалъ на либеральныхъ мѣрахъ, почему неудивительно, что въ Государственномъ Совѣтѣ холодно былъ встрѣченъ проектъ о воспрещенiи розничной продажи. Одинъ изъ его членовъ, адмиралъ Шишковъ, впослѣдствiи министръ народнаго просвѣщенiя, рѣзко возсталъ противъ проекта и достигъ того, что онъ былъ отклоненъ.

Вотъ все то немногое, что подымалось въ правительственныхъ сферахъ въ первую четверть вѣка по данному вопросу. Николаевское царствованiе было обильнѣе проектами, да и практическими результатами. Надо замѣтить что Николай I прекрасно сознавалъ вредъ крѣпостного права и былъ убѣжденнымъ сторонникомъ необходимости отмѣны его сверху, не дожидаясь движенiя снизу. Но такъ какъ при немъ, въ силу его же политики, господствовало крайне реакцiонное направленiе и только самые реакцiонные представители дворянства принимали участiе въ управленiи, то Николаю I не удалось осуществить свою мысль. Это объясняется и тѣмъ, что самъ Николай, при видимой твердости характера, былъ однако человѣкомъ колеблющимся, внимательно прислушивающимся къ различнымъ настроенiямъ; онъ обладалъ смѣлыми мыслями, но у него не доставало рѣшимости привести ихъ въ исполненiе. Наконецъ, въ кругу того дворянства, на которое онъ опирался въ правительственномъ дѣлѣ, вокругъ него не было сознательныхъ и обладавшихъ силой воли помощниковъ для такого дѣла. Правда, когда такiе помощники къ концу его царствованiя появились при государѣ, то Николай I все-же успѣлъ сдѣлать немаловажныя бреши въ крѣпостномъ строѣ. Поэтому первая половина царствованiя болѣе богата проектами и начинанiями, нежели дѣйствiями правительства. Вскорѣ по восшествiи на престолъ императоръ образуетъ такъ называемый Комитетъ 6 декабря 1826 года. Этотъ Комитетъ получаетъ очень широкое заданiе--исправить и пересмотрѣть весь государственный механизмъ. По обыкновенiю, этотъ Комитетъ, какъ и всѣ другiе николаевскiе комитеты, былъ секретнымъ и состоялъ изъ вельможъ, весьма консервативно настроенныхъ. Само собою разумѣется, что такiе члены старались всячески тормозить его дѣятельность. Такъ, на обсужденiе Комитета была представлена записка Сперанскаго о крѣпостномъ состоянiи въ Россiи. Теперь положенiе Сперанскаго, побывавшаго уже въ ссылкѣ, было далеко не прежнее. Здѣсь Сперанскiй развивалъ мысль, что классъ дворовыхъ

людей служитъ тормазомъ для экономическаго развитія и предлагалъ мѣры палліативнаго характера, именно, запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и земли безъ крестьянъ; далѣе онъ рекомендовалъ предоставить помѣщикамъ свободу увольнять крестьянъ и, наконецъ, какъ дальнѣйшую мѣру — опредѣленіе крестьянскихъ повинностей и работъ договорами. Для послѣдней цѣли необходимы нѣкоторыя пріуготовительныя мѣры, во первыхъ, устройство быта казенныхъ крестьянъ и во вторыхъ, приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ такое же положеніе, въ какомъ казенные крестьяне находятся по отношенію къ государству. Такимъ образомъ конечный результатъ мысли Сперанскаго заключался въ томъ, чтобы, поднявъ положеніе казеннаго крестьянина, приравнять къ нему положеніе крѣпостного. Это означало, что помѣщикъ, сохраняетъ полицейскую власть въ своей вотчинѣ и что оброкъ или работа крестьянъ опредѣляются условіями въ зависимости отъ размѣра земли. Записка эта, разсмотрѣнная въ Комитетѣ, подверглась дополнительнымъ заключеніямъ. Такъ, предлагалось запретить всякое отчужденіе крѣпостныхъ безъ земли и продажу ихъ на свозъ, уничтоживъ всякіе тормазы при увольненіи крестьянъ безъ земли, причемъ уволенные крестьяне могли обратиться въ свободныхъ арендаторовъ или въ свободныхъ казенныхъ крестьянъ. Затѣмъ проектировалось освобожденіе отъ всякихъ формальностей, при увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и, наконецъ, установленіе нѣкоторыхъ преградъ къ переводу ихъ въ дворовые.

Однако, проектъ, выработанный Комитетомъ 6 декабря, не получилъ никакого осуществленія; онъ остается для насъ лишь любопытнымъ памятникомъ правительственной мысли, а также и памятникомъ того, что при всей силѣ самодержавнаго правительства, оно однако не нашло въ себѣ рѣшимости провести этотъ проектъ. Онъ былъ готовъ, когда наступилъ 1830 годъ съ его революціонной бурей на Западѣ. Братъ государя, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, которому на просмотръ были посланы труды Комитета, готовъ былъ видѣть въ немъ продуктъ революціоннаго настроенія высшихъ сановниковъ. Мнѣніе старшаго брата повліяло на государя, и вся работа Комитета не получила законодательнаго осуществленія.

Послѣ этого нѣсколько разъ въ Николаевское время составлялись государемъ комитеты, имѣвшіе отношеніе къ крестьянскому дѣлу. Къ концу 30-хъ годовъ государь уже имѣетъ дѣятель-

наго помощника и убѣжденнаго сторонника эмансипаціи крестьянъ въ лицѣ генерала Киселева, перваго министра государственныхъ имуществъ въ Россіи. Записка Киселева, въ которой онъ указывалъ на печальное положеніе дворовыхъ, на неудобства, связанныя съ отдачею въ рекруты крестьянъ по усмотрѣнію помѣщика, въ которой онъ, наконецъ, предлагалъ опредѣлить размѣры крестьянскихъ надѣловъ и предоставить имъ право имѣть движимую собственность, ограничить право помѣщика наказывать крестьянъ, даже устроить сельское управленіе изъ крестьянъ, произвели на государя сильное впечатлѣніе. Государь на другой день возвратилъ Киселеву его докладъ съ надписью: „читалъ съ особеннымъ вниманіемъ и съ полнымъ удовольствіемъ; начала, на коихъ основанъ проектъ, мнѣ кажутся весьма справедливыми и основательными. Я не нашелъ сдѣлать ни одного замѣчанія и разрѣшаю внесть въ Комитетъ“.

Такъ эта замѣчательная попытка съ одобренія государя попала въ новый комитетъ о крестьянахъ, засѣдавшій въ 1839—42 г.г. Но несмотря на одобреніе государя, мысли Киселева встрѣтили въ комитетѣ разнаго рода опасенія. Такъ, казалось опаснымъ обезземеленіе дворянства и освобожденіе съ землей крестьянъ; съ другой стороны, казалось опаснымъ безземельное освобожденіе крестьянъ и созданіе крестьянскаго пролетаріата. Отсюда возникло среднее предложеніе—создать лично свободныхъ земледѣльцевъ, но обязанныхъ по отношенію къ помѣщику повинностями на основаніи закона; у помѣщика остается право собственности на землю, а повинности крестьянъ опредѣляются инвентарями для каждаго имѣнія. При этомъ настаивали на сохраненіи общиннаго землевладѣнія, круговой поруки, вотчинной юстиціи помѣщиковъ, однако на основаніи сельскаго устава. Все таки и въ такомъ видѣ проектъ встрѣтилъ сильную опозицію въ лицѣ сильнѣйшаго изъ людей Николаевскаго царствованія — извѣстнаго князя Меньшикова. Проектъ дошелъ до Государственнаго Совѣта. Въ засѣданіи его 30 марта 1842 г. Государь высказалъ многознаменательную мысль: „нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь, было бы зломъ еще болѣе видимымъ“. Эта краткая рѣчь императора вскрываетъ истинные мотивы тѣхъ противорѣчій, которыя мы наблюдаемъ въ его отношеніи къ крестьянскому дѣлу: и освобожденіе крестьянъ, и крѣпостное право онъ считалъ дѣломъ гибельнымъ.

При такихъ условіяхъ прошелъ законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Суть новаго закона заключалась въ томъ, что желающіе помѣщики могли заключать съ крестьянами договоры, на основаніи которыхъ крестьянскіе участки переходили въ собственность крестьянъ, повинности крестьянъ по отношенію къ помѣщику опредѣляются договорами, наконецъ, юстиція и полиція остается въ рукахъ помѣщика: отбываніе рекрутской повинности устанавливается среди крестьянъ по-очереди; наконецъ, помѣщикъ не обязанъ кормить крестьянъ въ голодный годъ.

Законъ этотъ, прошедшій съ столь большими треніями и колебаніями, на практикѣ оказался совершенно безрезультатнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, за 13 лѣтъ его дѣйствія воспользовались закономъ всего три владѣльца, переведшіе въ разрядъ обязанныхъ крестьянъ около 25 тысячъ душъ обоего пола.

Причина такого слабаго дѣйствія закона заключалась въ отношеніи къ нему какъ самого дворянства, такъ и представителей власти. Законъ произвелъ совершенный переполохъ въ дворянской средѣ и въ общемъ вызвалъ рѣзкое неудовольствіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ необходимымъ въ виду этого немедленно издать циркуляръ губернаторамъ, разъясняющій, что этотъ законъ ничего новаго не вводитъ и что ничего новаго подозрѣвать не слѣдуетъ, т. е. что законъ не является предвѣстникомъ дальнѣйнѣйшихъ освободительныхъ мѣръ. Допущено было гласное объясненіе этого закона въ газетахъ, но жандармскія власти должны были слѣдить, чтобы никакихъ толковъ въ обществѣ по поводу закона не было. На практикѣ попытки помѣщиковъ воспользоваться этимъ закономъ встрѣтили очень сильныя препятствія въ безконечной волокитѣ, которою сопровождалось примѣненіе закона. Наконецъ, самъ законъ былъ составленъ такимъ образомъ, что онъ не предоставлялъ крестьянамъ никакихъ серьезныхъ гарантій. Графъ Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ 40-хъ годовъ, черезъ руки котораго должны были проходить дѣла объ обязанныхъ крестьянахъ, такъ характеризуетъ юридическія послѣдствія закона: „Если помѣщикъ нарушитъ въ чемъ-либо условіе, то, конечно, крестьянинъ разорится прежде, чѣмъ найдетъ судъ и расправу, а если крестьянинъ обманетъ помѣщика, напр. покинетъ хлѣбъ на корню и не сожнетъ его, то и владѣлецъ съ своей стороны, вѣроятно, скорѣе успѣетъ выкосить на другой

годъ на этомъ полѣ самосѣйку, чѣмъ найти должное удовлетвореніе".

Послѣ изданія этого закона продолжается усиленная работа въ правительственныхъ сферахъ. Въ 1845 году министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій представилъ государю замѣчательную записку, въ которой онъ разбираетъ вредныя стороны крѣпостного права и указываетъ на то, что поднять крестьянина въ матеріальномъ отношеніи при крѣпостномъ правѣ нельзя, а съ другой стороны, состояніе крестьянской массы таково, что онъ внушаетъ министру большія опасенія. Въ своей запискѣ Перовскій не является защитникомъ полнаго освобожденія, но рекомендуетъ среднія мѣры, заключающіяся въ опредѣленіи повинностей крестьянъ на основаніи особыхъ инвентарей, затѣмъ предлагаетъ запретить отчужденіе людей безъ земли и нѣкоторыя другія ограниченія. Составленъ былъ особый комитетъ, который вновь занялся разсмотрѣніемъ крестьянскаго вопроса. Въ комитетѣ 1847 года настроеніе въ общемъ было болѣе благопріятное для крестьянъ. Киселевъ уже указывалъ на возможность „кровавыхъ событій", если крѣпостное право останется въ прежнемъ его состояніи. Вопросъ о правѣ собственности крестьянъ на землю подымался и въ Комитетѣ министровъ въ 1847 году. Однако Государственный Совѣтъ, въ который перешло дѣло, затормозилъ его. Вообще правительство въ эти годы оказалось въ весьма затрудненномъ положеніи. Оно составляетъ разнаго рода комитеты, но здѣсь встрѣчаетъ оппозицію въ средѣ дворянства. Иногда дворянство отдѣльныхъ губерній въ своихъ запискахъ обращается къ высшему правительству съ указаніемъ опасности, которая угрожаетъ государству въ случаѣ освобожденія крестьянъ. Въ самой крестьянской средѣ замѣтно сильное безпокойство, волненіе. Правительство успокаивали сообщеніями, что это „неблагонамѣренныя лица" подстрекаютъ крестьянъ не платить оброка помѣщикамъ. События 1848 года на западѣ произвели сильное впечатлѣніе на Николая I, а многіе изъ дворянъ склонны были воздѣйствовать на государя въ томъ смыслѣ, что революція можетъ быть тамъ, гдѣ отмѣнена помѣстная власть дворянства. Одна записка неизвѣстнаго лица, переданная императору, произвела на него сильное впечатлѣніе. Эта записка угрожала кровавымъ мятежемъ въ случаѣ освобожденія крестьянъ: „Предъ глазами всѣхъ кровавый мятежъ, грозящій гибелью всей Европѣ; онъ возникъ

тамъ, гдѣ давно уничтожена помѣстная власть дворянства, гдѣ раздроблена поземельная собственность. Неужели Господь прогнѣвался на Россію и попуститъ врагамъ увлекать ее по тѣмъ же гибельнымъ стезямъ? Нѣтъ, великъ Богъ земли русской, не совсѣмъ погибла надежда. Государь силенъ возстановить спокойствіе умовъ своего народа, взволнованнаго соблазномъ своеволія".

Подводя итоги дѣятельности Николаевскаго правительства по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ, мы можемъ сказать въ заключеніе, что его положеніе было крайне неблагопріятно вслѣдствіе того, что направитель политики, Николай, сознавая вредъ крѣпостного права, долженъ былъ, въ силу своихъ общихъ политическихъ взглядовъ, опираться какъ разъ на такую среду дворянства, которая была проникнута крѣпостническими тенденціями. Печать была сильно стѣснена, почему она не могла развивать въ обществѣ идей той небольшой группы интеллигенціи, которая въ этомъ смыслѣ могла бы весьма содѣйствовать взглядамъ государя. Тѣмъ не менѣе Николаевское время не прошло безплодно для развитія крестьянскаго вопроса. Уже самый фактъ неоднократнаго обсужденія вопроса хотя бы въ секретныхъ комитетахъ долженъ былъ повліять на крѣпостническую часть крупнаго дворянства. Съ другой стороны, все же Николаевскому правительству принадлежитъ изданіе нѣкоторыхъ мелкихъ законовъ, которые въ извѣстной мѣрѣ расшатывали устои крѣпостнической жизни, предвѣщая возможность и дальнѣйшаго развитія законодательства въ томъ же направленіи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ законодательныхъ мѣръ: такъ въ 1845 г. были изданы два закона о дворовыхъ, которыми разрѣшалось отпускать дворовыхъ безъ земли и затѣмъ разрѣшался отпускъ десяти дворовыхъ на сто крестьянъ изъ заложенныхъ имѣній. Затѣмъ неоднократно подтверждались законы, воспрещающіе право владѣнія крѣпостными крестьянами лицамъ, не принадлежащимъ къ дворянскому классу, переходъ по наслѣдству къ разночинцамъ и личнымъ дворянамъ населенныхъ имѣній. Издано было нѣсколько мѣстныхъ законовъ, напр. запрещеніе селит. крѣпостнымъ въ Бессарабіи, поселять крѣпостныхъ въ Сибири. Въ Сводѣ Законовъ, въ различныхъ его изданіяхъ, на которыя мы ссылались неоднократно въ предшествующемъ изложеніи, введенъ былъ рядъ законоположеній, несомнѣнно свидѣтельствовавшихъ о стремленіи правитель-

ства облегчить участь крестьянъ и нормировать ихъ отношенія къ помѣщику.

Но самое замѣчательное въ дѣятельности Николаевскаго правительства, что безусловно оказало огромное вліяніе на паденіе крѣпостного права, это были его мѣры по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ и по отношенію къ крестьянамъ западно-русскихъ губерній.

Извѣстному уже намъ Киселеву было трудно провести законодательныя мѣры общегосударственнаго характера, за то онъ добился ряда улучшеній въ положеніи государственныхъ крестьянъ. Дѣятельность Киселева начинается съ 1834 года и сначала проходитъ въ постоянныхъ его совѣщаніяхъ съ Сперанскимъ. Последнее обстоятельство уже само по себѣ является указаніемъ на то направленіе, какое могла принять эта дѣятельность. Въ 1836 году былъ составленъ особый комитетъ изъ Киселева, Сперанскаго Васильчикова, Дашкова и Канкрина по вопросу объ улучшеніи быта государственныхъ крестьянъ. Въ основу занятій комитета легла записка Киселева, въ которой онъ настаивалъ на улучшеніи управленія крестьянами, на переложеніи оброка на деньги, на увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ и на распространеніи среди крестьянъ образованія; здѣсь же онъ въ весьма мрачныхъ чертахъ представлялъ отношеніе администраціи къ казеннымъ крестьянамъ. Дѣйствительно, въ положеніи государственныхъ крестьянъ, лично свободныхъ, былъ рядъ серьезныхъ недостатковъ. Съ точки зрѣнія правительства, это были прежде всего плательщики налоговъ. Среди крестьянъ, несмотря на обиліе казенныхъ земель, замѣчалась крайняя неравномѣрность земельныхъ надѣловъ и скудость ихъ. Питейные откупщики и кабаки были язвами казеннаго крестьянства. Такъ, въ великорусскихъ губерніяхъ въ 1837 году въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ одинъ кабакъ приходился на 701 душу, тогда какъ въ помѣщичьихъ — на 2691 душу.

Крестьяне сильно страдали отъ вымогательствъ со стороны чиновниковъ. Не распространяясь, приведу одинъ примѣръ—прошеніе экономическихъ крестьянъ Орловскаго намѣстничества генералъ-губ. Балашеву: „Оглянись, государь Александръ Андреевичъ, на наши горькія слезы, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ, какъ они насъ разоряютъ, вѣдь намъ, г-рь, не вмочь стало; просить некого, кромѣ тебя, г-рь, нигдѣ суда не сыщешь,

хоть лобъ врѣжь, всѣ у нихъ на жалованьи; просили капитанъ-исправника, да онъ отказался, просили ревизора, тотъ сказалъ: „не мое дѣло“. Наставили, г-рь, выставокъ,—въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ, да и споили ребятъ (такъ), что доимки и податей платить некому, такъ что и бабы спились, все хозяйство пропили; а воры тому и рады, все берутъ въ закладъ, а вино держутъ доброе, да продаютъ его по 60-ти алтынъ на ведро; такъ нехотя пьешь... Получаетъ по 300 рублей въ годъ, да винца и водки что выпьетъ. Такъ они и живутъ, раздуй ихъ, душа въ душу; правды не сыщешь ни на алтынъ, - а просить некого; вотъ каково наше житье... Всякъ насъ знаетъ, бѣдныхъ, а просить (законнымъ порядкомъ) поди, такъ пропадешь вмѣсто собаки, бросятъ въ острогъ, такъ и умрешъ съ голоду; вѣдь у нихъ, у воровъ, во всѣхъ судахъ судьи, сказываютъ, подкуплены“.

Управленіе крестьянами было предоставлено цѣликомъ мѣстному органу—Казенной палатѣ. Земскій судъ для крестьянъ состоялъ изъ выборныхъ дворянъ. Сельская полиція была цѣликомъ подчинена уѣздному исправнику. Сборъ податей исключительно по подушной раскладкѣ тяжело ложился на крестьянъ. Наконецъ, способы собиранія податей были не изъ легкихъ. Баронъ Ховенъ вспоминаетъ по этому поводу слѣдуѣщее: „Сельскимъ начальникамъ предоставлялось собирать доходы всякими путями, какъ напримѣръ: а) отобраніемъ мірскихъ земель и отдачею ихъ подъ рукою въ оброкъ, б) сборомъ за пашпорты, билеты и въ родѣ аксиденціи за рѣшеніе дѣлъ по расправамъ, в) подъемнымъ, подушнымъ и другимъ тайнымъ налогомъ, г) полученіемъ платы за воинскіе постои безъ отдачи міру и т. д. Всѣ сіи дѣйствія дозволялись только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ жалобъ съ доказательствами до начальства окружного и губернскаго отнюдь не доходило, а чтобы всякое дѣйствіе было прикрыто бумажною формальностью; въ противномъ случаѣ должностные крестьяне облагались, какъ сказано выше, личными штрафами или замѣнялись другими болѣе ловкими“.

Проектъ Киселева заключался прежде всего въ выдѣленіи управленія государственными крестьянами въ особое учрежденіе. Во главѣ ихъ должно стоять верховное управленіе государственными имуществами, въ провинціи—особыя палаты государственныхъ имуществъ. Затѣмъ онъ настаивалъ на необходимости развить крестьянское самоуправленіе, сельское и волостное. Введен-

ный по мысли Киселева механизмъ волостного и сельскаго самоуправленія впослѣдствіи при освобожденіи крестьянъ былъ примѣненъ и къ освобожденнымъ крѣпостнымъ крестьянамъ, такъ что онъ въ основныхъ чертахъ сохраняется и по настоящее время. Затѣмъ Киселевъ считалъ необходимымъ изданіе полицейскаго и судебнаго уставовъ и, наконецъ, рекомендовалъ рядъ мѣръ къ поднятію хозяйственнаго и культурнаго уровня крестьянства, предлагая завести общія и сельско-хозяйственныя школы, сельскіе банки и т. п.

Въ 1838 году было учреждено особое министерство государственныхъ имуществъ во главѣ съ Киселевымъ. Намъ здѣсь нѣтъ нужды касаться тѣхъ мѣръ, которыя развивалъ онъ почти въ теченіе 20 лѣтъ. Надо уяснить только общее значеніе въ крестьянскомъ вопросѣ этихъ мѣропріятій. Впервые по отношенію къ крестьянскому сословію, хотя и иной категоріи, былъ примѣненъ принципъ законности. Затѣмъ крестьяне были призваны къ самоуправленію, правительство выказало дѣятельную заботу о крестьянскомъ образованіи и о народномъ здравіи. Оно побуждало самодѣятельность крестьянъ, заботилось объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи увеличеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, уравненіемъ податей и переложеніемъ ихъ на землю и т. д. Все это длительный рядъ мѣръ, которыя увеличивали съ каждымъ годомъ неравенство положенія крѣпостныхъ крестьянъ и государственныхъ, и, возбуждая и поддерживая въ средѣ первыхъ недовольство крѣпостнымъ игомъ, указывали имъ на естественный выходъ изъ крѣпостного состоянія. Кромѣ того, быстро растущее благосостояніе государственныхъ крестьянъ дѣлало для всѣхъ очевидною пользу хозяйственныхъ мѣропріятій и развитія самодѣятельности въ крестьянской средѣ. Все это сыграло очень крупную роль среди подготовительныхъ мѣръ къ освобожденію крестьянъ. Недаромъ крѣпостническое дворянство съ такой ненавистью отзывалось о Киселевѣ.

Другимъ актомъ чрезвычайной важности по своему значенію въ дѣлѣ освобожденія было введеніе такъ называемаго инвентарнаго положенія въ западныхъ губерніяхъ.

Здѣсь въ западно-русскихъ губерніяхъ положеніе вещей носило особый характеръ. Многочисленное крѣпостное крестьянство состояло изъ православнаго населенія, по своимъ симпатіямъ тянувшаго къ православнымъ же великороссамъ и ненавидѣвшаго

высшій помѣщичій классъ, состоявшій изъ поляковъ или ополяченныхъ русскихъ помѣщиковъ. По очень понятнымъ соображеніямъ, для правительства было дѣломъ политическаго такта поддерживать крестьянство противъ дворянства, мечтавшаго о возстановленіи Рѣчи Посполитой и охотно принимавшаго участіе въ возстаніяхъ противъ императорской власти [1]). Неудивительно поэтому, что и бѣлорусскіе губернаторы изъ великороссовъ охотно доводили до свѣдѣнія высшаго правительства объ угнетеніяхъ, претерпѣваемыхъ крестьянами въ западно-русскихъ губерніяхъ. Послѣ польскаго возстанія 1831 года положеніе вещей для крестьянъ оказалось особенно благопріятнымъ. Уже во время этого возстанія русскіе администраторы сообразили, что православные русскіе крестьяне представляютъ собою весьма удобный элементъ, на который слѣдуетъ опираться въ борьбѣ съ поляками и съ полонизаціей края. Въ разгарѣ возстанія, русскій главнокомандующій Остенъ-Сакенъ распространялъ среди крестьянъ воззваніе, призывая ихъ къ содѣйствію и завѣряя ихъ, что они никогда уже не будутъ принадлежать помѣщикамъ. Однако буря пронеслась и крестьяне опять оказались въ полной власти помѣщика.

Тѣмъ не менѣе въ настроеніи русскихъ губернаторовъ повсемѣстно замѣчалась перемѣна: они настойчиво обращали вниманіе правительства на крѣпостное право, пока наконецъ не былъ проведенъ вопросъ объ инвентаряхъ. Къ этому администраторы были побуждаемы установившимися ненормальными отношеніями между помѣщиками и крестьянами. Напряженное положеніе очень хорошо охарактеризовано въ циркулярномъ предложеніи уѣзднымъ предводителямъ дворянства минскаго губернатора Доппельмайера (1842 г.). Это предложеніе, еще нигдѣ не опубликованное, характерно, какъ оффиціальное признаніе ненормальности тогдашнихъ отношеній и какъ прекрасная ихъ иллюстрація. Губернаторъ пишетъ: „въ этой губерніи почти вездѣ существуетъ какое-то непріязненное расположеніе крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ. Вникая въ причины сего печальнаго явленія, я удостовѣрился, что неудовольствіе поселянъ къ ихъ помѣщикамъ возникаетъ иногда

*) Далѣе мы излагаемъ вопросъ объ инвентаряхъ такъ, какъ онъ былъ нами изложенъ въ историческомъ очеркѣ бѣлорусскихъ губерній, напечатанномъ въ IX томѣ „Россіи“ подъ редакціей В. П. Семенова.

отъ подстрекательства злонамѣренныхъ лицъ, но всего чаще оттого, что владѣльцы предаютъ крестьянъ своихъ въ руки жестокосердныхъ грубыхъ и корыстолюбивыхъ управителей и арендаторовъ, которые обременяютъ ихъ чрезмѣрными работами, истязаютъ безчеловѣчно наказаніями, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, ни на болѣзненное состояніе, и отказываютъ во всякомъ пособіи къ пріобрѣтенію необходимыхъ къ поддержанію быта крестьянскаго вещей. Все это дѣлается обыкновенно безъ вѣдома и вопреки воли владѣльца: въ нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ утѣсненіе происходитъ прямо отъ помѣщиковъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ ужасающія и неоднократно повторенныя убійства владѣльцевъ своими крестьянами и частыя донесенія по вѣдомству о происшествіяхъ, что такой-то крестьянинъ умеръ, а такая то беременная крестьянка сронила плодъ или кончила жизнь вслѣдствіе жестокаго наказанія за маловажные проступки,—обратили на себя вниманіе не только начальства, но и самого государя императора, и угрожаютъ поставить минское дворянство у высшаго правительства въ невыгодное объ образѣ ихъ управленія крестьянами мнѣніе, заслуженное только немногими изъ нихъ". Въ дальнѣйшей части циркуляра губернаторъ предлагаетъ предводителямъ наблюдать за помѣщиками, побуждать ихъ къ болѣе мягкому обращенію съ крестьянами и въ крайнемъ случаѣ конфиденціально доносить губернатору. Онъ предлагаетъ предводителямъ дворянства напоминать жестокимъ помѣщикамъ о „пагубныхъ послѣдствіяхъ" жестокости.

Но особенно богаты послѣдствіями оказались донесенія витебскихъ губернаторовъ. На вопросъ о томъ, какъ поднять благосостояніе края, витебскій губернаторъ въ 1835 г. доносилъ высшему правительству, что бѣдность крестьянъ объясняется ихъ рабствомъ: крестьяне „изнурены рабствомъ", помѣщики „ослѣплены духомъ преобладанія"; крестьяне не имѣютъ своей собственности, да и не желаютъ ее пріобрѣтать по „неувѣренности въ обладаніи оною"; для работъ на собственныхъ поляхъ у крестьянъ остается только праздничный день. Бѣлорусскій генералъ губернаторъ кн. Хованскій тоже представлялъ положеніе крестьянъ въ ужасающемъ видѣ. Въ 1839 г. витебскій губернаторъ Львовъ въ отчетѣ государю за 1839 г., описывая разстроенное экономическое положеніе губерніи, указывалъ и на причину его, заключающуюся въ

отягощеніи помѣщичьихъ крестьянъ несоразмѣрными повинностями въ пользу владѣльцевъ, и давалъ совѣтъ хотя-бы въ слабой мѣрѣ обезпечить крестьянскую собственность и свести повинности крестьянъ до размѣра, опредѣленнаго закономъ, т. е. къ трехдневной барщинѣ. Отчетъ Львова былъ переданъ на заключеніе комитета министровъ, въ томъ числѣ и знаменитому въ крестьянскомъ вопросѣ министру государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселеву. Въ своей запискѣ, поданной государю, гр. Киселевъ совѣтовалъ приступить къ составленію „положительныхъ инвентарей[1]) всѣмъ повинностямъ", которыя крестьяне обязаны отдавать своимъ помѣщикамъ. Но такъ какъ сразу нельзя было ввести инвентарей повсемѣстно, то Киселевъ совѣтовалъ на основаніи закона брать въ опеку имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ, и вводить здѣсь немедленно инвентари. Записка гр. Киселева была передана въ такъ называемый комитетъ западныхъ губерній (это былъ, собственно говоря, комитетъ вообще объ улучшеніи участи русскихъ крестьянъ). Комитетъ одобрилъ мысль Киселева, и государь 27 марта 1840 г. положилъ резолюцію на журналѣ комитета: „Полагаю, что можно рѣшительно велѣть ввести въ помѣщичьихъ владѣніяхъ тѣ инвентари, которыми само правительство довольствуется въ арендныхъ имѣніяхъ. Ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣсненіе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно отнюдь останавливать благой цѣли правительства".

Вообще сама мысль объ инвентаряхъ очень понравилась Николаю I, и онъ весьма торопилъ съ ея выполненіемъ: „дѣломъ симъ не медлите", положилъ онъ свою резолюцію на докладѣ 21 февраля 1841 г.,—„я считаю его особенно важнымъ, ожидая отъ сей мѣры большой пользы".

Однако дѣло двигалось довольно медленно. Только 15 апрѣля 1844 г. послѣдовалъ наконецъ указъ объ учрежденіи въ западно-русскихъ губерніяхъ особыхъ инвентарныхъ комитетовъ

---

[1]) Инвентари изстари велись въ западно-русскихъ имѣніяхъ. Въ инвентаряхъ помѣчались размѣръ надѣла, количество рабочихъ душъ, платежи и повинности. Въ древности эти записи имѣли большое значеніе, но съ развитіемъ крѣпостного права помѣщики перестали стѣсняться обычаями и стали измѣнять повинности въ инвентаряхъ.

подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, при участіи нѣсколькихъ мѣстныхъ чиновниковъ и трехъ депутатовъ, выбранныхъ дворянствомъ. На обязанности комитетовъ возлагалось собраніе и разсмотрѣніе инвентарей, доставляемыхъ помѣщиками; только въ крайнемъ случаѣ, если представленный инвентарь не соотвѣтствовалъ - бы видамъ правительства, предоставлялось комитетамъ право исправить и дополнить его. Главная цѣль инвентарей — опредѣлить отношенія крестьянъ къ владѣльцу, почему инвентари должны были содержать: 1) раздѣленіе семействъ на тяглыхъ, полутяглыхъ и огородниковъ, съ обозначеніемъ имущества ихъ вообще и хозяйственныхъ повинностей; 2) росписаніе уроковъ на хозяйственныя работы, съ исчисленіемъ количества работъ на извѣстную мѣру земли, съ опредѣленіемъ дневныхъ уроковъ для тяглыхъ работъ; 3) подробныя правила о хозяйственныхъ повинностяхъ крестьянъ. Составленные при такихъ условіяхъ инвентари предполагалось ввести въ дѣйствіе съ утвержденія генералъ-губернаторовъ, но на первый разъ срокомъ не болѣе шести лѣтъ.

Въ западныхъ губерніяхъ было тогда три генералъ-губернаторства: для Кіевской, Волынской и Подольской губерній,—Виленское (для губерній Виленской Ковенской, Гродненской и Минской) и Бѣлорусское (для Могилевской и Витебской), почему работы инвентарныхъ комитетовъ получили не совсѣмъ одинаковое направленіе, такъ какъ главными руководителями ихъ были генералъ-губернаторы. Такъ, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ было принято правиломъ для опредѣленія крестьянскихъ повинностей считать за основаніе одну треть дохода съ выдѣленныхъ крестьянамъ земель. Но со стороны дворянства высказано было явное нерасположеніе къ такому порядку и выражено было желаніе, чтобы повинность крестьянъ оставлена была по три дня въ недѣлю съ рабочей души. Вообще здѣсь дѣло составленія инвентарей шло туго, и въ большей части имѣній администраціи пришлось самой составить инвентари за счетъ владѣльцевъ. Мало того, когда приступлено было ко введенію инвентарей въ дѣйствіе, то оказалось, что въ составленныхъ инвентаряхъ надѣлы крестьянъ землею показаны безъ соотвѣтствія съ дѣйствительностью, и притомъ для всѣхъ семействъ показана равная доходность безъ соображенія съ количествомъ рабочихъ въ нихъ рукъ: выведенная треть крестьянскихъ доходовъ оказалась, въ

переложеніи на повинности, слишкомъ высокой и не соотвѣтствующей дѣйствительной доходности крестьянскаго хозяйства. Такъ это дѣло тянулось до 1852 г., когда, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ ген. Бибикова (бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора), въ этихъ губерніяхъ повелѣно было ввести инвентари на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были утверждены для Кіевскаго генералъ-губернаторства въ 1848 г., т. е. на основаніи правилъ о повинностяхъ, составленныхъ подъ руководствомъ самого Бибикова. Впрочемъ правила 1848 г. были вновь пересмотрѣны въ 1852 г. въ Государственномъ Совѣтѣ, и 14 мая этого года окончательно былъ утвержденъ для обѣихъ губерній законъ о введеніи инвентарей. Этотъ законъ однако не имѣлъ большого значенія въ виду скорой отмѣны крѣпостного права.

Что касается Минской губерніи, то работа инвентарныхъ комитетовъ Виленскаго генералъ - губернаторства пошла болѣе плавнымъ ходомъ. Замѣтно было только одно, что вмѣсто того, чтобы исходить изъ уже существующихъ нормъ повинностей, губернскіе комитеты занялись очень сложной работой для выясненія доходовъ съ крестьянскихъ участковъ, качествъ земли и пр. По мѣрѣ провѣрки инвентарей въ губерніяхъ Виленскаго генералъ-губернаторства, они вводились въ дѣйствіе, начиная съ 1845 г. За истеченіемъ въ 1852 г. перваго шестилѣтняго срока къ Виленскому генералъ-губернаторству, согласно вышеупомянутому докладу министра Бибикова, было примѣнено положеніе, выработанное для Юго-Западнаго края, а въ 1855 г. общій законъ былъ распространенъ и на весь Сѣверо-Западный край.

Мы видѣли, что инвентарныя правила, принятыя въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, не могли быть введены; правила, выработанныя комитетами Виленскаго генералъ-губернаторства, задуманы были очень сложно, разсчитаны на долгое время и потому оказались мало пригодными. Въ обоихъ случаяхъ правительству пришлось перейти къ правиламъ 1848 г. Суть этихъ правилъ заключалась въ болѣе точномъ обезпеченіи крестьянъ земельными надѣлами и въ урегулированіи ихъ повинностей. Такъ, надѣльная земля, означенная въ инвентарѣ, должна была оставаться въ постоянномъ пользованіи крестьянъ, и она даже переходила въ разрядъ мірской земли, еслибы крестьянинъ не запахивалъ всего надѣла. Крестьянскія повинности не должны были превышать съ

тяглаго семейства трехъ дней въ недѣлю мужскихъ и одного женскаго. Переводъ изъ дворовыхъ крестьянъ въ пахатные былъ воспрещенъ. Всякая работа, совершаемая крестьяниномъ для помѣщика, или оплачивалась деньгами по установленной таксѣ, или засчитывалась въ счетъ трехдневной барщины. Эти правила были весьма льготными сравнительно съ фактическимъ положеніемъ вещей. Извѣстный славянофилъ Юрій Самаринъ, хорошо знакомый съ положеніемъ вещей въ Западномъ краѣ, такъ объясняетъ различіе въ дѣятельности комитетовъ Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго краевъ: „Единовременно въ сѣверной половинѣ Западнаго края, которая управлялась по другой системѣ, также возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ крестьянъ, но на другихъ основаніяхъ. Тамъ предполагалось ограничиться провѣркой, исправленіемъ и узаконеніемъ инвентарей, т. е. отдѣльныхъ для каждаго имѣнія описей, опредѣлить въ нихъ подворные надѣлы и повинности; не вводя законодательнымъ порядкомъ общихъ обязательныхъ правилъ о самомъ существѣ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, предоставить это на мѣстахъ исполнительнымъ инстанціямъ, снабдивъ ихъ обстоятельными инструкціями. Очевидно, здѣсь вопросъ въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи становился вѣрнѣе; предъявлялось требованіе точнаго соразмѣренія повинностей съ надѣлами, требованіе измѣренія и кадастраціи; все это было очень тонко и заманчиво, но задуманная въ такихъ размѣрахъ операція должна была затянуться на безконечный срокъ и потеряться въ подробностяхъ, ускользающихъ отъ высшаго наблюденія; наконецъ, при этихъ условіяхъ успѣхъ предпріятія долженъ былъ почти безусловно зависѣть отъ исполнителей... Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ формировались коммиссіи, разумѣется подъ вліяніемъ мѣстныхъ польскихъ элементовъ, возникали вопросы за вопросами, инструкціи слѣдовали за инструкціями. Инвентари составлялись, повѣрялись, вводились и браковались; все дѣло шло крайне туго и вяло, по нѣскольку разъ передѣлывалось съизнова и не дало никакихъ результатовъ. Бытъ крестьянъ не улучшился; мѣстами ихъ положеніе даже стало хуже; они упали духомъ, и надежды стали потухать“.

Одновременно съ работами по введенію инвентарей и даже нѣсколько раньше правительствомъ были приняты нѣкоторыя болѣе мелкія мѣры касательно положенія крестьянъ. Такъ, еще въ 1835 г. были опубликованы правила объ отдачѣ помѣщиками бѣ-

лорусскихъ губерній своихъ крестьянъ въ наемъ на земляныя и другія работы. Этотъ законъ опредѣлялъ, чтобы помѣщикъ отдавалъ въ наемъ по контракту не болѣе половины каждаго семейства; затѣмъ помѣщикъ обязанъ былъ внести за отданныхъ подати въ казну, обезпечить имъ приличную одежду и продовольствіе; правила опредѣляли качество и количество пищи, продолжительность рабочаго дня и количество денегъ, которыя должны идти въ пользу самого крестьянина. Къ сожалѣнію, эти правила не исполнялись. Весьма важны заботы центральнаго правительства объ устраненіи нежелательныхъ посредниковъ въ управленіи помѣщиками своихъ крестьянъ. Такъ, въ 1840 г. евреямъ было воспрещено брать на откупъ доходы, поступающіе отъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Для огражденія крестьянъ отъ произвола помѣщичьихъ управителей постановлено было не иначе принимать экономовъ на службу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, какъ съ засвидѣтельствованіемъ уѣздныхъ предводителей объ ихъ поведеніи и нравственности; экономамъ-же воспрещено было подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію. Въ 1846 г. былъ поднятъ вопросъ о существовавшемъ среди владѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ обычаѣ сдавать имѣнія въ аренду. Этотъ вопросъ былъ поднятъ витебскимъ губернаторомъ въ его отчетѣ объ управленіи губерніею и затѣмъ былъ поддержанъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ генералъ-губернатора Бибикова. Имп. Николай I весьма заинтересовался этимъ вопросомъ, и, какъ видно изъ одного его разговора съ гр. Киселевымъ въ 1851 г., предполагалъ совершенно воспретить отдачу въ аренду или въ управленіе имѣній въ Западной Россіи: помѣщикъ долженъ былъ бы лично управлять, а въ противномъ случаѣ управленіе переходило бы къ палатѣ государственныхъ имуществъ. Законодательнымъ путемъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ 1853 г., когда воспрещена была вообще отдача въ аренду населенныхъ имѣній.

Подводя теперь итоги только что сказанному о попыткахъ къ улучшенію быта крестьянъ, мы можемъ отмѣтить, что и въ правительственныхъ сферахъ разработка этого вопроса весьма существенно подвинулась. Въ самомъ дѣлѣ, на умы высшаго дворянства не могло не вліять предупрежденіе, идущее съ высоты трона о томъ, что освобожденіе лучше начать сверху, нежели ждать его снизу. Дѣйствительно, около государя уже являются люди, которые сознательно готовы проводить политику освобожде-

нія. Нежелавшіе освобожденія должны были постепенно свыкаться съ мыслью о его неизбѣжности. Общихъ мѣръ было принято немного, но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ указываютъ на какое то движеніе въ средѣ правительства, распространяя предчувствіе о неизбѣжности реформы. Еще сильнѣе повліяли тѣ частныя мѣры, въ силу которыхъ правительство облегчило положеніе нѣкоторой части крестьянъ, т. е. крестьянъ государственныхъ и западно-русскихъ. Послѣ этихъ мѣръ уже самому правительству было бы трудно сдержать дружныя попытки со стороны остальной массы крестьянства.

Но мы разсмотрѣли только одну сторону вопроса—отношеніе правительственной власти къ крѣпостному праву; легко догадаться, что правительственные слои отражали эмансипаціонное движеніе далеко не въ полной мѣрѣ. Съ одной стороны на нихъ оказывали вліяніе такіе круги общества, которые дальше и рѣшительнѣе готовы были пойти въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, съ другой стороны—мощная крѣпостническая часть дворянства, тормозившая всякое начинаніе.

Мы уже видѣли, что при Екатеринѣ II, благодаря Радищеву, крестьянскій вопросъ былъ поставленъ въ литературѣ на широкую почву. Но въ ближайшій послѣ Радищева періодъ этотъ вопросъ довольно слабо разрабатывался именно въ литературѣ. При Александрѣ I, когда въ началѣ общество было объято либеральными стремленіями, крестьянскій вопросъ тѣсно связывался съ освобожденіемъ всего населенія отъ абсолютизма власти, почему частности мало его интересовали. Правда, время отъ времени появлялись спеціальныя сочиненія. Такъ, въ началѣ XIX вѣка выходитъ на латинскомъ языкѣ за границей сочиненіе русскаго ученаго Кайсарова, въ которомъ авторъ высказывается противъ крѣпостного права. Попытка другого литератора Пнина выступить съ требованіемъ ограниченія помѣщичьей власти и распространенія образованія среди крестьянъ, которое, по мнѣнію автора, должно предшествовать освобожденію, окончилось неудачей по чисто цензурнымъ условіямъ. Вольное Экономическое Общество въ 1812 году подымаетъ вопросъ о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда. Признанное лучшимъ сочиненіемъ на эту тему было сочиненіе харьковскаго профессора Якоба, который доказывалъ невыгодность крѣпостного труда для самыхъ владѣльцевъ и такимъ образомъ подрывалъ сознаніе необходимости для

помѣщиковъ крѣпостного права; но въ то же время Якобъ проповѣдывалъ безземельное освобожденіе крестьянъ—мысль, прельщавшая многихъ, но весьма опасная. И въ нѣкоторыхъ другихъ научныхъ сочиненіяхъ того времени появляется мысль о правахъ крѣпостного, какъ человѣка. Однако, можетъ быть бо́льшее вліяніе имѣла книга графа Стройновскаго, переведеная съ польскаго— „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами"; въ ней авторъ рекомендуетъ безземельное освобожденіе крестьянъ и заключеніе между помѣщиками и крестьянами добровольныхъ соглашеній, причемъ онъ предполагаетъ типъ долгосрочной аренды, которая могла бы обезпечить и крестьянъ и владѣльцевъ земли.

Но какъ эти книги, такъ и нѣкоторыя другія были учеными трактатами, которые по своему назначенію не могли быть доступны широкой публикѣ. Болѣе мощное движеніе шло въ Александровскую эпоху изъ другой среды, именно изъ среды декабристовъ. Они связывали освобожденіе крестьянъ съ необходимостью общей реформы государственнаго строя, причемъ одни изъ нихъ стремились къ республикѣ, другіе—къ ограниченной монархіи. Поэтому они прежде всего признавали общечеловѣческія права за крестьянами. Въ средѣ декабристовъ крестьянскій вопросъ былъ самымъ острымъ, и многіе, по ихъ собственному признанію, примкнули къ тайнымъ обществамъ именно для того, чтобы содѣйствовать освобожденію крестьянъ. Широко занимаясь въ тогдашнемъ обществѣ проповѣдью своихъ политическихъ идеаловъ, декабристы вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывали и идею освобожденія крестьянъ, облегченія ихъ участи и старались распространять негодованіе въ обществѣ по поводу фактовъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами. Декабристы (пришлось намъ характеризовать въ другомъ мѣстѣ) отчетливо сознавали ужасъ крѣпостного права и признавали въ крѣпостномъ крестьянинѣ человѣческое достоинство, указывали на его способность пользоваться гражданской и политической свободой. Они старательно собрали цѣлый рядъ аргументовъ для того, чтобы съ помощью ихъ подрывать въ обществѣ основы крѣпостного права. Декабристы мрачно смотрѣли на современное имъ дворянство, видѣли его невѣжество, косность, отсутствіе элементарныхъ нравственныхъ устоевъ, его рабовладѣльческіе инстинкты и прекрасно понимали, что причина такихъ явленій кроется въ томъ же крѣпостномъ правѣ, въ отсутствіи свободы просвѣщенія и, наконецъ, въ поддержкѣ, которую невѣже-

ственное и грубое дворянство встрѣчаетъ въ лихоимствующей администраціи, вышедшей изъ той же дворянской среды. Городскіе классы пользуются гражданской свободой, но они находятся въ фактическомъ порабощеніи администраціи. Страшный произволъ, отсутствіе элементарныхъ правъ личной неприкосновенности въ показаніяхъ декабристовъ отзывается глубокой скорбью. Для нихъ совершенно понятна и причина произвола, насилія и проч. Они отлично сознаютъ недостатки административной машины, недостатки законодательства; они прекрасно понимаютъ вредъ различныхъ мѣропріятій правительства—военныхъ поселеній, цѣлаго похода всѣхъ темныхъ силъ просвѣщенія и печати, отрицательныя черты внѣшней политики и т. д. Но въ ихъ показаніяхъ сквозитъ, несомнѣнно, и еще одна черта: суть дѣла не въ колесахъ машины, не въ винтахъ, ее скрѣпляющихъ: отсутствіе народнаго участія въ управленіи страной является основнымъ недостаткомъ, изъ котораго истекаютъ всѣ остальные.

Въ самомъ дѣлѣ, декабристы въ своей критикѣ крѣпостного права выдвинули цѣлый рядъ мощныхъ аргументовъ. Ихъ искреннее, правдивое возмущеніе крѣпостными порядками несомнѣнно производило въ тогдашнемъ обществѣ сильное впечатлѣніе. Даже и теперь, когда читаешь записки, письма или показанія декабристовъ, проникаешься уваженіемъ къ ихъ скорби о бѣдствіяхъ крестьянъ. Другіе изъ декабристовъ обращались къ правительству съ рядомъ докладныхъ записокъ, въ которыхъ побуждали его облегчить участь крестьянъ. Это дѣлалъ, напримѣръ, Николай Тургеневъ, занимавшій видное мѣсто въ правительственныхъ сферахъ. Тотъ же Николай Тургеневъ въ своей книгѣ „Общая теорія налоговъ“ подчеркиваетъ несправедливость, проистекающую изъ преобладанія одного класса гражданъ надъ другимъ, указывая на возможность народныхъ возмущеній при такихъ условіяхъ. Нѣкоторые изъ декабристовъ, какъ, напримѣръ, И. И. Пущинъ составляли особое общество съ исключительной цѣлью способствовать освобожденію крестьянъ. Иные своимъ примѣромъ личныхъ отношеній къ крестьянамъ старались внѣдрить въ сознаніе общества тѣ же мысли. Но затѣмъ, въ своихъ разговорахъ въ тогдашнемъ обществѣ декабристы старались разбить сложившіяся исконныя представленія о сущности крѣпостныхъ отношеній. Такъ, тогда многіе были глубоко убѣждены въ большой древности крѣпостного права и, слѣдовательно, въ изстаринности патріархальныхъ отно-

шеній между помѣщикомъ и крестьянами. Баронъ Штейнгель еще въ 1823 году въ одной изъ своихъ записокъ доказываетъ, что крѣпостное право водворилось только съ Бориса Годунова и что даже долго послѣ него было большое различіе между холопомъ и крестьяниномъ, такъ что рабство крестьянъ, въ сравненіи ихъ съ холопами, оказывается явленіемъ новымъ. На такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Тургеневъ. Эти историческія доказательства въ то время были большою новостью, такъ какъ исторію тогда еще плохо знали. Князь Трубецкой разсказываетъ о томъ, что въ своихъ разговорахъ въ обществѣ декабристы нерѣдко выдвигали опасность, грозящую дворянамъ, если они сами не займутся освобожденіемъ крестьянъ. Иные выдвигали вредъ крѣпостного труда.

Дѣятельность декабристовъ — была живой пропагандой въ обществѣ, на балахъ, въ военномъ лагерѣ и т. п. Она замѣняла собою газетную дѣятельность, тогда совершенно стѣсненную, а такъ какъ значительная часть декабристовъ сами принадлежали къ крупному дворянству, то такого рода дѣятельность, разумѣется, производила сильное впечатлѣніе. Мало того, они взывали не только къ чувству современниковъ, но и къ ихъ уму, доказывая невыгодность или вредъ крѣпостного права для самихъ помѣщиковъ, наконецъ указывали на возможность вести хозяйство и при вольномъ трудѣ. Нѣкоторые изъ декабристовъ опредѣляли и условія, при которыхъ должно произойти освобожденіе крестьянъ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ проектъ полковника Пестеля, который въ своей знаменитой „Русской Правдѣ", т. е. въ трактатѣ, объясняющемъ будущую конституцію республиканской Россіи, предполагалъ не только личное освобожденіе крестьянъ, но даже экспропріацію поземельной собственности отъ крупныхъ владѣльцевъ съ тѣмъ, чтобы каждый гражданинъ государства, въ томъ числѣ и крестьяне, былъ навсегда обезпеченъ землей. Такъ какъ декабристы представляли собой очень многочисленное сообщество, имѣвшее огромныя связи, то ихъ вліянію, ихъ пропагандѣ несомнѣнно слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что мысль о свободѣ крестьянъ въ Николаевское время разливается болѣе широкой волной. На самого императора идеи декабристовъ безспорно оказали большое вліяніе, такъ какъ императоръ къ этимъ идеямъ отнесся весьма внимательно и старался извлечь все то, что пригодно для исправленія государства, впрочемъ, безъ на-

рушенія самодержавнаго режима. Очень возможно, что и та свобода, съ которой этотъ вопросъ трактовался въ обществѣ, въ сильной мѣрѣ ведетъ свое начало отъ той пропаганды, которую начали декабристы. Нѣкоторымъ наблюдателямъ даже казалось, что все общество было проникнуто сознаніемъ вреда крѣпостного права. Французскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ баронъ Барантъ въ своихъ донесеніяхъ 1836—1837 гг. французскому правительству говоритъ о петербургскомъ обществѣ: „нѣтъ человѣка, кто бы думалъ, что крѣпостное состояніе всегда будетъ поддерживаемо; всѣ, какого бы образа мыслей они не были, постоянно говорятъ, что будущее Россіи зависитъ отъ неминуемаго своевременнаго перехода къ свободѣ крѣпостныхъ. Но такъ какъ это на самомъ дѣлѣ представляетъ задачу, рѣшеніе которой въ настоящее время въ высшей степени трудно и запутано, то проекты очень различны, и конечно русская партія болѣе другихъ настаиваетъ, что надо вести это дѣло медленно и оттягивая время“.

Въ печати однако эти толки почти не могли отражаться. Всякаго рода даже незначительныя попытки заговорить о крѣпостныхъ отношеніяхъ въ освободительномъ направленіи вызывали цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ въ цензурномъ отношеніи. Въ концѣ концовъ въ 1848 году совсѣмъ были запрещены всякаго рода статьи о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства, при чемъ тутъ разумѣлись главнымъ образомъ разсужденія, касающіяся условій труда. Въ 1850 г. запрещено было въ печати изъявлять сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ. При какихъ условіяхъ иногда издавались жестокія цензурныя правила, можно видѣть изъ слѣдующаго напримѣръ факта. Крестьяне въ имѣніяхъ графа Кочубея въ Полтавской губерніи отказались повиноваться помѣщику. Полтавскій губернаторъ, не зная какъ выйти изъ затрудненія, рапортовалъ въ министерство, что крестьяне возмутились подъ вліяніемъ ученой статьи, переведенной съ нѣмецкаго, о сельскомъ хозяйствѣ и помѣщенной въ ученомъ журналѣ. Дѣло кончилось строжайшими циркулярами по адресу печати. Только весьма немногія произведенія, слегка подымающія крестьянскій вопросъ, по существу въ самой невинной формѣ, появились въ это время въ печати, вѣроятно въ силу случайнаго пропуска. Такъ увидѣли свѣтъ „Записки охотника“ Тургенева, хотя впрочемъ это былъ цензурный промахъ. Когда Тургеневъ напечаталъ письмо по по-

воду смерти Гоголя, по существу весьма невинное, онъ былъ посаженъ на гауптвахту и потомъ сосланъ въ деревню. Самъ Тургеневъ увѣрялъ, что его сослали не за этотъ некрологъ, но за пропущенныя ранѣе цензурою „Записки охотника". Увидѣли свѣтъ нѣкоторыя изъ повѣстей Григоровича и немногія другія. А между тѣмъ самъ Императоръ Александръ II впослѣдствіи велѣлъ передать Тургеневу, что его книга „Записки охотника" „была однимъ изъ главныхъ двигателей" въ его рѣшеніяхъ освободить крестьянъ.

Но зато въ Николаевское время мощный призывъ къ крестьянской свободѣ и непреложное убѣжденіе въ ея необходимости стали наростать въ обществѣ инымъ путемъ. За отсутствіемъ свободы печати, въ тогдашнемъ обществѣ, особенно въ московскомъ, были весьма развиты собранія кружковъ интеллигентныхъ людей, гдѣ, вмѣстѣ съ бесѣдами о злобахъ текущаго дня, обсуждались и вопросы высокой важности. Эти бесѣды въ литературныхъ и философскихъ кружкахъ 20 и 30-хъ годовъ въ конечномъ итогѣ привели къ тому, что въ обществѣ образовались два крупныя теченія, одинаково благопріятныя крестьянскому вопросу, именно теченіе славянофильское и западническое. Между ними было глубокое различіе въ вопросахъ, касавшихся политики, философіи и религіи, но въ конечномъ итогѣ крестьянское дѣло объединило обѣ группы литераторовъ и ученыхъ.

Основной чертой славянофильскаго ученія было въ высшей степени теплое отношеніе къ крестьянской массѣ. Въ ихъ представленіи крѣпостной мужикъ олицетворялъ собою все лучшее, что сохранилось въ русскомъ народѣ; онъ сохранилъ всѣ лучшія черты русской народности, которыя эта народность изстари выработала. Поэтому приверженность мужика къ религіи, его общинное устройство, его душевныя качества, народныя пѣсни, сказки —все это славянофилы противопоставляли какъ идеалъ, идеаламъ той части русской интеллигенціи, которая по ихъ мнѣнію, слишкомъ преклонилась и усвоила идеи, по ихъ словамъ, „гнилого" Запада. По представленію славянофиловъ, и правительство и часть интеллигенціи, усвоивъ западно-европейское образованіе и обычаи, измѣнили русскому народу, и это измѣненіе оказалось къ худшему, какъ въ моральномъ, такъ и въ религіозномъ и даже въ политическомъ отношеніи. Идеалъ славянофиловъ—возвращеніе къ мужику, его морали, философіи, къ религіи въ той формѣ, какъ она имъ понимается, — вплоть до возвращенія къ ношенію русскаго

платья и бороды (то и другое строго воспрещалось для чиновниковъ и дворянъ въ Николаевское время). Такой идеалистическій взглядъ на мужика само собой разумѣется находился въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактическимъ положеніемъ крѣпостного раба, что вызывало негодованіе славянофиловъ. Недаромъ одинъ изъ старѣйшихъ представителей этого ученія А. С. Хомяковъ писалъ о Россіи въ 50-хъ годахъ, что она

„Въ судахъ черна неправдой черной
„И игомъ рабства клеймена".

Съ точки зрѣнія славянофиловъ, русскій народъ, обладающій столь высокими качествами, конечно, уже созрѣлъ для свободы. „Не только я не раздѣляю,—писалъ Кирѣевскій, — мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ будто бы нашъ народъ еще не созрѣлъ для законности (подъ этимъ словомъ осторожно скрывается слово освобожденіе), но думаю, напротивъ, что онъ стоитъ на той степени, что еще не утратилъ къ ней способности, которую (подъ вліяніемъ крѣпостного права) утрачиваетъ все больше и больше".

Славянофилы съ любовью изучали бытъ крестьянъ и остановили свое вниманіе на крестьянской общинѣ. Они считали ее исконнымъ русскимъ учрежденіемъ, въ которомъ отразился духъ народа. „Община, писалъ Хомяковъ, есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи. Отними ее и не останется ничего; изъ ея же развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ". Тотъ гражданскій міръ, который можетъ развиться изъ общины, представлялся славянофиламъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ: во-первыхъ, община есть учрежденіе политическое, въ которомъ свободная личность можетъ осуществить свои права. Во-вторыхъ, община является важнымъ экономическимъ учрежденіемъ: при ней невозможенъ пролетаріатъ, потому что каждый крестьянинъ имѣетъ хотя бы клочекъ общинной земли, а славянофилы очень боялись переноса въ Россію пролетаріата. При такихъ условіяхъ вытекалъ одинъ практическій выводъ, чрезвычайно важный по тому времени, именно, что освобожденіе крестьянъ только и возможно съ землей. „Всѣ мы, пишетъ одинъ изъ славянофиловъ Кошелевъ, были согласны въ томъ, что крестьяне должны быть надѣлены землей и что птичья свобода для крестьянъ была бы не добромъ, а величайшимъ бѣдствіемъ, не шагомъ впередъ, а страшнымъ шагомъ назадъ". Отсюда ясна программа славянофиловъ, выраженная словами К. Аксакова въ

слѣдующей формѣ: „Нужно не уничтоженіе названія крѣпостного, не возвращеніе только его личной свободы: ему нуженъ бытъ свободный, самостоятельный, обезпеченіе этого быта... ему нужна земля, обезпеченіе земли, которую онъ считаетъ своею и которою владѣетъ онъ и при помѣщичьей власти, по его твердому убѣжденію, какъ своею. Ему необходима земля, безъ которой этотъ бытъ невозможенъ“.

Другое теченіе, о которомъ мы упомянули, западническое, несмотря на рядъ различій отъ славянофиловъ, въ конечномъ итогѣ пришло къ тѣмъ же заключеніямъ. Западники исходили изъ другихъ принципіальныхъ убѣжденій. Для нихъ западно-европейская философія, наука и политическая жизнь были такими сторонами народной жизни, къ которымъ въ конечномъ итогѣ стремится развитіе каждаго народа, въ томъ числѣ и русскаго. Въ этой западно-европейской наукѣ и политическомъ положеніи есть хорошія черты, потому что въ концѣ концовъ Западъ пришелъ къ политической свободѣ, низвергнувъ иго абсолютизма. Къ этому должна стремиться и Россія, причемъ образованіе есть тотъ истинный путь, который можетъ ускорить переходъ къ высшимъ формамъ политическаго быта. Это — общая точка зрѣнія. Само собой разумѣется, что въ ней не можетъ имѣть мѣста крѣпостное рабство. И въ средѣ западниковъ мужикъ является объектомъ самой искренней теплой любви къ человѣчеству. Біографія одного изъ виднѣйшихъ представителей западничества, знаменитаго Герцена, полна весьма трогательными штрихами въ этомъ отношеніи. Въ молодости это былъ человѣкъ, цѣликомъ отдавшійся изученію отвлеченной философіи и совершенно не интересовавшійся матеріальнымъ бытомъ. Но ссылка по самому пустому поводу, знакомство съ мѣстной администраціей и помѣщичьимъ бытомъ, цензурный гнетъ и т. п. явленія, произвели переломъ въ душѣ этого чуткаго человѣка. Въ его дневникѣ все чаще и чаще попадаются замѣтки, изъ которыхъ видно, что Герценъ начинаетъ очень внимательно слѣдить за тѣми явленіями жизни, въ которыхъ вырисовывается положеніе крѣпостного мужика. И молодой философъ дѣлаетъ очень интересное и важное для своей будущей дѣятельности открытіе: „Низшіе классы,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ дневника за періодъ перелома его душевнаго настроенія, —ужасно оклеветаны: посмотрите, какъ добръ, какъ весь предается ласкѣ простолюдинъ, разумѣется, исключая дворовыхъ“.

И затѣмъ далѣе: „А какъ взглянешь около себя... бѣдный, бѣдный русскій мужикъ! И что досаднѣе всего видѣть средство поправить его состояніе по большей части подъ руками, алчность помѣщиковъ и неустройство государственныхъ крестьянъ повергаетъ ихъ въ это положеніе. Глядя на ихъ жизнь, кажется чѣмъ то чудовищно-преступнымъ жить въ роскоши... Возлѣ ихъ бѣдныхъ полей, богатыя поля помѣщика, обработанныя его руками, скирды хлѣба, копны сѣна... Какое ангельское самоотверженіе...“ И эти замѣтки о мужикѣ становятся все теплѣе и теплѣе, наблюденія въ этой сферѣ какъ бы согрѣваютъ душу автора, вносятъ лучъ надежды въ его пессимистическое міровоззрѣніе: „Да, этотъ простой добрый народъ, я полюбилъ его... сколько надеждъ на эти умныя, развязныя, бойкія физіономіи“.

Для человѣка того времени, при тогдашнихъ общественныхъ и образовательныхъ условіяхъ — открыть душу въ мужикѣ, найти въ немъ вѣру и успокоеніе за будущую судьбу государства,— является великимъ шагомъ впередъ. Насколько страстно, болѣзненно страстно пробудилось это чувство любви къ народу въ сердцахъ культурныхъ людей того времени, показываетъ письмо другого западника, извѣстнаго критика Бѣлинскаго, который говоритъ, что Россіи прежде всего нужно „пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ попираемаго въ грязи и невѣжествѣ, права и законы сообразныя не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто того, она (Россія) представляетъ собою ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ не человѣкъ. Эта страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками,—Ваньками, Степками, Палашками, — страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые національные вопросы теперь: уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть“. Такъ Бѣлинскій готовъ былъ помириться на самой минимальной программѣ—единственно на освобожденіи крестьянъ.

Но во взглядахъ западниковъ для насъ важна и еще одна

сторона. Покидая Россію и эмигрируя во Францію, Герценъ уѣзжалъ съ вѣрой въ цѣлительное значеніе французскаго соціализма. Непосредственное знакомство съ Западомъ привело его къ инымъ мыслямъ: экономическое спасеніе не только Россіи, но и Запада возможно лишь въ русской общинѣ; поэтому въ своихъ статьяхъ и письмахъ, написанныхъ уже въ изгнаніи, Герценъ со всею мощью своего таланта высказывается за освобожденіе крестьянъ, и главнымъ образомъ за освобожденіе съ землей. Даже въ самодержавіи, противъ котораго онъ борется, онъ однако увидѣлъ силу, при помощи которой возможно освобожденіе крестьянъ именно съ землею: „теперь, писалъ онъ въ это время, земли, земли и еще земли для крестьянъ. Вотъ мое глубокое убѣжденіе". Будущее Россіи заключается въ мужицкомъ тулупѣ. Наиболѣе подробно свои идеи о формахъ крестьянскаго раскрѣпощенія Герценъ развилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Крещенная собственность" (1853 годъ). Здѣсь онъ высказывается за необходимость полной ликвидаціи крѣпостного права. На полумѣрахъ нельзя останавливаться потому, что „изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средства обойти законъ". „Полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ, должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Если крестьяне не будутъ освобождены, дѣло можетъ кончиться кровавымъ возстаніемъ. Освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землей. Сочувствіе обезземеленію народа съ радикальной точки зрѣнія—нелѣпость. Необходимо сохранить за крестьянами всю ту землю, которою они теперь пользуются". Затѣмъ Герценъ высказывается за необходимость сохраненія общиннаго землевладѣнія и за предоставленіе въ дѣлѣ освобожденія иниціативы правительству, если дворянство не возьметъ этого дѣла въ свои руки. Такъ въ конечномъ итогѣ представитель западническаго направленія пришелъ къ тѣмъ же мыслямъ о способахъ освобожденія, къ какимъ подошли и славянофилы.

Такъ, въ половинѣ XIX вѣка уже чувствовалась по крайней мѣрѣ въ средѣ извѣстной части общества мысль о необходимости раскрѣпощенія крестьянъ. Были намѣчены и формы великаго дѣла. Упомянутая статья Герцена,—„Крещеная собственность", легла въ основу той программы, на которую стало правительство императора Александра II. Мы учтемъ въ послѣдующемъ изложеніи значеніе въ крестьянскомъ дѣлѣ только что выясненныхъ идей,

а теперь намъ надо остановиться еще на одной сторонѣ дѣла. Мы уже и раньше замѣчали, что сознаніе необходимости раскрѣпощенія имѣло своихъ прочныхъ и сознательныхъ противниковъ. Надо присмотрѣться къ ихъ мнѣніямъ и сужденіямъ для того, чтобы освѣтить въ полной мѣрѣ настроеніе общества наканунѣ реформы.

Интересъ, который побуждалъ огромную массу крѣпостническаго дворянства защищать институтъ крѣпостного права, былъ весьма простъ. Онъ базировался прежде всего на унаслѣдованной отъ дѣдовъ и прадѣдовъ привычкѣ къ способу жизни, къ условіямъ хозяйства, наконецъ, къ безграничной власти надъ сѣрою крестьянскою массою. Въ обществѣ людей складываются извѣстнаго рода привычки, потребности, съ которыми люди не такъ легко разстаются, особенно когда съ ними связанъ еще и матеріальный интересъ. А классовый интересъ былъ прежде всего интересомъ матеріальнаго порядка, округляемый интересами классоваго самосознанія и классовыхъ навыковъ. Между тѣми особенности русской экономической жизни къ началу XIX вѣка въ широкой мѣрѣ способствовали развитію въ дворянствѣ интереса къ сельскому хозяйству, именно къ добыванію въ наибольшемъ количествѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Извѣстно, что императрица Екатерина II въ 1765 году жалованной грамотой дворянству освободила его отъ обязательной службы. Дворянинъ получилъ возможность не служить и, слѣдовательно, могъ отправиться въ въ провинцію и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Этотъ моментъ совпалъ съ очень важнымъ поворотомъ въ исторіи русской торговли: русскій хлѣбъ началъ въ большомъ количествѣ отпускаться за границу, преимущественно въ Англію и цѣны на него стали быстро расти. Отсюда и ростъ тѣхъ выгодъ, которыя предоставляло развитіе сельскаго хозяйства. Немного позже начинаетъ расти свекло-сахарное производство и другія отрасли промышленности. Богатыя южно-русскія степи открылись для колонизаціи. Однимъ словомъ, вездѣ нуженъ былъ трудъ, и трудъ интенсивный. Крѣпостникъ оказался въ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны идеи эмансипаціи будили мысль людей того времени, съ другой стороны пріобрѣтатель учитывалъ значеніе или совершенно дарового труда (за исключеніемъ содержанія) или вообще труда, дешево стоющаго, такъ какъ помѣщикъ давалъ крестьянамъ лишь извѣстную часть земли, преимущественно такой, которую онъ

самъ не былъ въ силахъ обработать. Вотъ при этихъ условіяхъ мысль крѣпостническая начинаетъ особенно усиленно работать: крѣпостникъ чувствуетъ потребность оправдать свои рабовладѣльческіе инстинкты и выгоды, наконецъ, чувствуетъ необходимость защищать крѣпостное право въ виду тѣхъ слуховъ, которыми постепенно проникается общество и которые будятъ общественное сознаніе въ эмансипаціонномъ направленіи.

Различныхъ оттѣнковъ крѣпостники различными способами защищали фактъ рабовладѣнія. Среди нихъ были и беллетристы, и публицисты, и государственные дѣятели, и экономисты. Всѣ они сообразно своимъ наклонностямъ и спеціальностямъ успѣли высказать аргументы въ пользу сохраненія крѣпостного права. Тутъ является столь длинная фаланга писателей, что съ ними можно познакомиться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Едва ли не самымъ любопытнымъ образчикомъ крѣпостнической мысли и при томъ болѣе ранняго времени является идеологія знаменитаго историка Н. М. Карамзина. Воззрѣнія Карамзина на крѣпостное право имѣютъ основой своей общеполитическій горизонтъ его взглядовъ. Этотъ горизонтъ сводился къ очень простой мысли о вредѣ всякой перемѣны въ гударственномъ и соціальномъ строѣ. Жить „тихо“ въ россійскомъ смыслѣ этого слова—признакъ величайшей мудрости, дѣятельнымъ проповѣдникомъ которой явилъ себя Карамзинъ.

Съ этой точки зрѣнія понятно, что Карамзинская идеологія совершенно оправдывала крѣпостное право, видѣла даже въ немъ счастье для крестьянина: помѣщикъ безконечно добръ, проникнутъ любовью къ крестьянамъ, а крестьянинъ—въ общемъ довольно жалкое безпомощное животное, которое никакъ не можетъ обойтись безъ помѣщичьей доброты и безъ наказаній, хотя и смягченныхъ. Помѣщикъ, такъ сказать, существуетъ только для пользы крестьянъ: „Главное право русскаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должность его—быть добрымъ помѣщикомъ; кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху какъ вѣрный подданный“.

Вообще въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ Карамзинъ рисуетъ идиллическія отношенія между помѣщикомъ и крестьянами. Напротивъ, въ своей знаменитой запискѣ о древней и новой Россіи, переданной императору Александру I и оказавшей на него сильное впечатлѣніе, Карамзинъ принимаетъ другую по-

зицію: древность крѣпостного института священна, нарушеніе его угрожаетъ опасностью государству и государю. Карамзинъ именно старается подтвердить и выяснить особливую древность крѣпостного состоянія. Изначальнымъ источникомъ его являются рабы, поселенные на пашнѣ, затѣмъ другую группу крѣпостныхъ составили свободные поселяне, принятые землевладѣльцами на извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ и затѣмъ прикрѣпленные закономъ Бориса Годунова. Первые—представляютъ законную собственность владѣльца, но отличить первыхъ и вторыхъ уже нѣтъ никакой возможности, почему государственная польза требуетъ сохраненія крѣпостного состоянія. Карамзину даже представляется неяснымъ: что значитъ у насъ освободить крестьянъ? Это значило бы дать волю крестьянамъ жить, гдѣ угодно, и подчинить ихъ власти одного правительства. Но тогда крестьяне останутся безъ земли, которая составляетъ неотъемлемую дворянскую собственность. Карамзинъ предвидитъ, что оставленнымъ безъ земли крестьянамъ помѣщики предпишутъ самыя тягостныя условія: „дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность,—тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы“. Карамзинъ боится, что многія поля останутся необработанными, начнутся ссоры между крестьянами. „Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности. Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства! отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ возметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли?.. Паденіе страшно“... Земледѣльцы не будутъ счастливы, попавъ въ руки откупщиковъ и безсовѣстныхъ судей. Противъ отрицательныхъ проявленій крѣпостного права слѣдуетъ бороться при помощи „умныхъ“ губернаторовъ и „подъ рукой“ принимать мѣры. Обязанностью государя является блюсти цѣлость государства, которую Карамзинъ соединяетъ съ сохраненіемъ крѣпостного права. Вообще, у него немного аргументовъ въ пользу государственнаго значенія крѣпостного права и въ концѣ концовъ Карамзинъ рѣшается выска-

зать мысль, „что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во время свободу“ и въ заключеніе Карамзинъ взываетъ къ государю не нарушать крѣпостныхъ устоевъ, угрожая ему отвѣтственностью передъ Богомъ, совѣстью и потомствомъ.

Та же эпоха выдвинула не только литераторовъ и публицистовъ, но и государственныхъ мужей, съ своей стороны выдвинувшихъ аргументы для защиты крѣпостного права. Членъ государственнаго совѣта и министръ народнаго просвѣщенія въ концѣ царствованія Александра I адмиралъ Шишковъ, самъ по себѣ человѣкъ добрый и дѣйствительно добрый и мягкій помѣщикъ, былъ, однако, горячимъ защитникомъ крѣпостного права. Когда въ 1820 году въ Государственномъ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о правѣ продажи крестьянъ безъ земли, Шишковъ выступилъ съ обычною горячностью противъ этого законопроекта. Прежде всего онъ полемизируетъ противъ употребленія словъ о продажѣ людей „какъ скотовъ“: „въ Россіи продаются люди, какъ люди, а не какъ скоты“. Онъ не можетъ понять, почему, продажа нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ не свойственна „духу нынѣшняго времени“, на что опирались его опоненты, а продажа людей отдѣльно является продажей „безсловесныхъ животныхъ“. Онъ усматриваетъ въ выраженіи „духъ времени“ стремленіе къ своевольству и неповиновенію. Онъ даже считаетъ, что для человѣка уничижительно, когда судьба его связана съ землей,—„когда полагается, что онъ безъ земли уже не человѣкъ и долженъ непремѣнно, какъ бы дерево, посажанъ быть въ оную, дабы пребывать на ней неподвижно“. Ничего ужаснаго Шишковъ не видитъ и при разлученіи семей при продажѣ, ибо разлука родственниковъ представляетъ необходимое зло въ жизни. Нѣтъ нужды приводить всей аргументаціи Шишкова, иногда довольно курьезной, въ защиту крѣпостного права. Достаточно лишь указать, что адмиралъ оказался далеко не одинокимъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ концѣ концовъ самый проектъ о непродажѣ людей безъ земли не прошелъ.

Другой современникъ эпохи, человѣкъ съ широкимъ государственнымъ взглядомъ по разнымъ вопросамъ, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, былъ защитникомъ крѣпостного права, исходя изъ совершенно другихъ побужденій. Онъ былъ весьма свѣдущъ въ вопросахъ финансовыхъ и экономическихъ и былъ горячимъ и

убѣжденнымъ сторонникомъ необходимости широкаго экономическаго развитія Россіи. Этотъ умнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ того времени смотрѣлъ на крѣпостное право, какъ на печальную необходимость: съ измѣненіемъ экономическихъ отношеній и съ развитіемъ человѣческой культуры, по его убѣжденію, крѣпостное право само собой падетъ. Но его нельзя отмѣнить сразу, потому что въ мало населенной странѣ, гдѣ рѣдки денежные капиталы, гдѣ слабо развита городская промышленность, гдѣ, наконецъ, недостаточно еще число рабочихъ рукъ, свобода крестьянъ, связанная съ свободой перехода, можетъ вызвать разнаго рода осложненія. Да и вообще никакіе законы (разсуждалъ онъ) не сдѣлаютъ бѣднаго независимымъ отъ богатаго, и бѣднякъ, живущій въ деревнѣ, если не будетъ зависѣть отъ помѣщика, то будетъ зависѣть отъ болѣе богатаго своего сосѣда. Мордвиновъ не отрицалъ необходимости ускоренія процесса перехода отъ крѣпостного состоянія въ свободное, но этотъ процессъ онъ хотѣлъ связать съ пробужденіемъ въ крестьянской средѣ работоспособности. Поэтому онъ проектировалъ изданіе особыхъ законовъ касательно освобожденія крестьянъ и развивалъ ту мысль, что свободу надо давать не сразу, а постепенно, „въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку: ибо симъ только ознаменовывается всегда зрѣлость гражданская“. Вотъ почему Мордвиновъ въ своемъ проектѣ устанавливаетъ различную расцѣнку, по которой крестьяне могли бы выкупаться на волю и такимъ образомъ дѣлаться свободными.

Но ставя освобожденіе крестьянъ въ зависимость отъ выкупа, и, слѣдовательно, накопленія извѣстнаго рода богатства въ крестьянской средѣ, Мордвиновъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о томъ, какъ поднять сельское хозяйство, а, слѣдовательно, и благосостояніе крестьянъ. Такими мѣрами онъ, напримѣръ, считалъ заведеніе школъ, гдѣ преподавались бы преимущественно прикладныя знанія, изданіе для крестьянъ наставленій по сельскому хозяйству, заведеніе сельскихъ банковъ, считалъ нужнымъ вывести изъ деревень кабаки, принимать мѣры противъ смертности дѣтей и т. д.; наконецъ, онъ настаивалъ на нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ совѣтахъ, какъ наприм., на уничтоженіи паренины, на введеніи въ крестьянской средѣ домашнихъ работъ для пріученія ихъ къ болѣе экономному использованію труда и т. п.; наконецъ, проектировалъ цѣлый рядъ финансовыхъ мѣропріятій,

преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли—поднятіе крестьянскаго благосостоянія. Такъ смотрѣлъ Мордвиновъ на крѣпостное право, какъ на печальную необходимость данной эпохи.

Были и другого рода крѣпостники, которые, не одобряя современнаго имъ положенія крѣпостныхъ, именно того, что крѣпостное право отлилось въ рабское состояніе, смотрѣли, однако, на крѣпостной институтъ какъ на такой, который возлагалъ на самихъ помѣщиковъ высокія обязанности государственнаго и филантропическаго характера. Таковъ былъ, напримѣръ, основатель Харьковскаго Университета Каразинъ. Онъ передалъ всю землю своего имѣнія крестьянамъ, учредилъ у нихъ особую сельскую думу и судъ, поручивъ все управленіе крестьянскому міру, только подъ своимъ наблюденіемъ. Однимъ словомъ, въ филантропіи помѣщика онъ видѣлъ возможность улучшенія быта крестьянъ. Каразинъ смотритъ на свои имѣнія, какъ на маленькое государство, управлять которымъ призванъ помѣщикъ. Онъ не отказывается отъ этого призванія, но старается выполнить его наилучшимъ образомъ.

Наконецъ, длинный рядъ крѣпостниковъ стоитъ на точкѣ зрѣнія экономической. Писатели этого направленія стараются выяснить, при какихъ условіяхъ трудъ крестьянъ можетъ явиться наиболѣе продуктивнымъ для помѣщика, а съ другой стороны стараются доказать, что крестьяне или сами виновны въ томъ, что имъ плохо живется, т. е. что они не достаточно трудолюбивы и рачительны, или, наконецъ, что крестьянинъ даже слишкомъ хорошо живетъ, будучи обезпеченъ отъ помѣщика землею, полицейскимъ наблюденіемъ и заботами о крестьянахъ въ голодное время. Этими аргументами писатели даннаго направленія стараются разбить мнѣнія тѣхъ, которые смотрѣли на крѣпостное право, какъ на несправедливое явленіе. Конечно, статьи указаннаго направленія печатались въ тогдашнихъ книгахъ и журналахъ, тогда какъ противоположныя мысли могли быть передаваемы лишь устно и то съ большимъ опасеніемъ. Крѣпостники стараются доказать, что въ государствѣ всякій классъ гражданъ имѣетъ то или другое призваніе, изъ котораго выходить ему вовсе не полагается. Удѣлъ крестьянъ, т. е. гражданъ низшаго класса состоитъ лишь въ земледѣльческой работѣ. Земледѣльцу никакого „стяжанія“ не нужно: „земля, тѣлесныя силы, работа и простота нравовъ,—вотъ прочный капиталъ полезнѣйшаго класса людей.

Всякая излишность въ достоянiи его влечетъ къ прихотямъ, праздности, порокамъ". Такъ разсуждаетъ одинъ авторъ „Земледѣльческаго Журнала", при чемъ онъ сильно возмущается „алчностью крестьянъ", которые занимаются не только хлѣбопашествомъ, но и другими промыслами. Крѣпостники даже доходили до мысли о томъ, что въ общемъ крестьяне слишкомъ много имѣютъ земли, которую они обрабатываютъ плохо, а по лѣности своей и вообще не склонны развивать своего хозяйства. Поэтому многiе даже совѣтовали уменьшить до одной десятины въ полѣ количество крестьянской земли.

Такъ крѣпостническая мысль выдвигала самые разностороннiе аргументы для того, чтобы объяснить справедливость и необходимость сохраненiя крѣпостного института. Она, наконецъ, указывала всякаго рода недостатки крестьянъ, закрывая глаза на самую сущность вопроса, именно на положенiе раба. Безспорно, вся эта защита крѣпостного состоянiя была полемикой съ проникающими въ общество эмансипацiонными идеями.

Но законность и пользу рабскаго состоянiя крѣпостники должны были доказывать не только болѣе культурной части дворянства и разночинцевъ, но и самой рабской массѣ. Въ теченiе всего XIX вѣка, особенно же въ 40-хъ и 50-хъ годахъ (мы это впослѣдствiи увидимъ), рабъ плохо повинуется помѣщику, чувствуется движенiе въ крестьянской средѣ, правда глухое, неопредѣленное, но оно было. Движенiе сдерживалось кнутомъ, каторгою, тяготою труда, но среди крѣпостниковъ были люди, которые понимали, что однѣхъ этихъ мѣръ еще мало: нужно — понимали они—чтобы самъ рабъ почувствовалъ прелесть рабства, надо было это понятiе внѣдрить въ его сознанiе. Крѣпостники дошли до мысли путемъ особой популярно-народной литературы, предназначенной для крестьянской среды, или какъ образецъ для священническихъ проповѣдей, проводить подобнаго рода идеи въ крестьянскiя массы. Сущность этой идеологiи чрезвычайно проста: крестьянское состоянiе, соединенное съ безусловнымъ повиновенiемъ помѣщичьей власти и съ тяжелымъ трудомъ, есть наилучшее, одобряемое божескими и человѣческими законами, лучшаго и искать нечего, надо только благодарить Бога за возложенное Имъ на поселянина иго рабства. Какъ эта литература могла въ дѣйствительности проникать въ безграмотную крестьянскую массу — это другой вопросъ; влiяла ли она въ дѣйствительности на кре-

стьянъ и какъ вообще крестьянская масса реагировала по отношенію къ помѣщичьей власти—объ этомъ намъ еще придется говорить. Сейчасъ для насъ эта популярно-народная крѣпостническая литература имѣетъ значеніе, какъ извѣстнаго рода отраженіе взглядовъ крѣпостнической среды на рабство и какъ любопытная попытка объяснить его сладость самимъ крестьянамъ.

Надо замѣтить, что попытки такого рода литературы относятся еще къ послѣднимъ годамъ XVIII вѣка.

Въ 1798 году подъ эгидой Вольнаго Экономическато Общества вышла замѣчательная книга, озаглавленная „Деревенское Зеркало, или общенародная книга“. Это одна изъ первыхъ попытокъ, шедшая изъ среды крѣпостниковъ, пустить въ народное обращенје особаго типа популярную литературу, которая убѣдила бы крестьянина въ благодѣтельной сущности крѣпостного права. Правда, она довольно объективна. Сначала она описываетъ хозяйство Честана, прозваннаго Малоумомъ, при управленіи котораго крестьяне чувствовали „на хребтахъ своихъ награду“ за ихъ труды въ пользу помѣщика. Но вотъ въ управленіе хозяйствомъ вступаетъ сынъ Малоума Вечеславъ Честановичъ и производитъ цѣлый рядъ реформъ въ хозяйствѣ: частью распускаетъ, частью превращаетъ въ ремесленниковъ дворовыхъ; онъ задается цѣлью „совершенно преобразовать духъ своихъ крестьянъ и вмѣсто непокорныхъ, лѣнивыхъ и развратныхъ людей“ сдѣлать ихъ честными и прилежными. Вечеславъ Честановичъ издаетъ правила для вотчины, коими награждается трудолюбіе, грамотность, усосершенствованіе въ техникѣ земледѣлія и хозяйства. Помѣщику помогаетъ его пріятель Правдининъ и сельскій священникъ. У богатыхъ помѣщикъ поуменьшалъ земли, обѣднѣвшихъ успѣлъ поправить. Среди наставительныхъ разсказовъ преподаются и правила техническаго характера, касающіяся обработки земли, сельско-хозяйственныхъ орудій. Вотъ любопытный образчикъ той популярной литературы, которую предупредительные крѣпостники думали пустить въ обращеніе среди безграмотной народной массы.

Но появленіе „Деревенскаго Зеркала“ въ столь раннее время было дѣломъ случайнымъ и все-таки эта книга имѣла не только моральное значеніе, но и хозяйственно-техническое. Иными чертами отличается литература 40-хъ и 50-хъ годовъ, т. е. періода, когда уже чувствовалась крестьянская свобода. Крѣпостники дѣлаютъ какъ бы послѣднія усилія, чтобы сдержать въ крестьян-

ской массѣ развивающееся стремленіе къ ней. Является рядъ анонимныхъ книжекъ, авторы которыхъ совершенно неизвѣстны. Но книги эти трактуютъ о такихъ предметахъ, о которыхъ въ то время по цензурнымъ условіямъ говорить воспрещалось. Это подсказываетъ возможность оффиціальнаго происхожденія этихъ брошюръ. Мало того, въ нихъ встрѣчаются иногда, напримѣръ, молитвы и другія обращенія къ Богу. Это, по тогдашнимъ временамъ, такая смѣлость, которая тоже можетъ быть объяснена участіемъ въ ихъ распространеніи высокихъ лицъ и притомъ несомнѣнно изъ духовнаго званія. Очень возможно, что подобнаго рода брошюрки появлялись съ благосклоннаго покровительства или даже участія виднѣйшаго изъ іерарховъ Николаевскаго времени, знаменитаго московскаго митрополита Филарета (Дроздова). Митрополитъ Филаретъ всегда стоялъ на стражѣ и всегда подавалъ свой вѣсскій въ оффиціальныхъ сферахъ голосъ, какъ только замѣчалъ какую нибудь либеральную тендецію въ дѣлѣ образованія крестьянскихъ массъ. Онъ, напримѣръ, рѣзко высказывался по поводу проектируемаго Киселевымъ обученія государственныхъ крестьянъ въ народныхъ школахъ улучшеннымъ способамъ земледѣлія. Митрополитъ Филаретъ весьма не одобрялъ обученіе крестьянскихъ дѣвушекъ, а обученіе мальчиковъ допускалъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно было необходимо для чтенія и пѣнія въ церкви; даже обученіе письму онъ считалъ необязательнымъ. По настоянію митр. Филарета было предпринято не одно цензурное давленіе въ вопросахъ, касающихся религіи и просвѣщенія.

Не будемъ настаивать на связи имени маститаго іерарха съ этой литературой, и обратимся къ ней. Такъ, въ 1857, году была напечатана „Ручная книжка для грамотнаго поселянина“, около того же времени—„Памятная книжка для православныхъ христіанъ изъ крестьянскаго званія“. Повидимому, то же происхожденіе имѣетъ и произведеніе, авторомъ котораго значится крестьянинъ Гавріилъ Ермаковъ,—„Руководство къ образованію управленія въ вотчинныхъ поселеніяхъ, Книга для г.г. помѣщиковъ и управляющихъ населенными имѣніями“ и нѣкоторыя другія.

Присмотримся къ содержанію нѣкоторыхъ изъ этихъ книжекъ.

Особенность этихъ книжекъ заключается прежде всего въ томъ, что церковь съ ея ученіемъ является краеугольнымъ камнемъ крестьянской добродѣтели. Аскетическій идеалъ ставится на первомъ планѣ. Брошюры ратуютъ противъ роскоши, пьянства,

лѣни, праздношатанія. Подчиненіе приходскому священнику и безпрекословное повиновеніе всѣмъ властямъ -- составляетъ другую сторону этой оффиціальной морали: „исполняй волю начальниковъ со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца, не испытывая, для чего повелѣно дѣлать тако, а не иначе“.

Вмѣсто угрозъ кнутомъ—угрозы судомъ Божіимъ, который представляется въ весьма матеріальныхъ очертаніяхъ, въ видѣ скованныхъ грѣшниковъ и зубовнаго скрежета. Положительные идеалы состояли въ безусловной покорности судьбѣ и довольствѣ настоящимъ. Такимъ образомъ, проповѣдуется самый грубый фанатизмъ. Даже объ избраніи въ сельскіе сотскіе и десятскіе говорится, какъ о божественномъ предопредѣленіи: „хотя и бѣгать будешь чести,—не убѣжишь“ (ибо все это предопредѣлено промысломъ Божіимъ). Были составлены особыя молитвы, которыя рекомендовались къ усердному повторенію. Таковы, наприм., молитвы: молитва мірянъ за священника, молитва къ Богу начальствующаго, молитва за начальниковъ, возношеніе мыслей и сердца къ Богу супруга-христіанина, возношеніе мыслей и сердца къ Богу жены-христіанки, возношеніе мыслей и сердца къ Богу христіанина изъ крестьянъ. Такъ, крестьянинъ молится за то, что онъ, обрабатывая землю, исполняетъ опредѣленіе Праведнаго Судьи. Начальникъ изъ крестьянъ благодаритъ Бога за то, что „Ты избралъ меня начальникомъ надъ братьями моими“. Подчиненный благодаритъ Бога за то, „что Ты сподобилъ меня быть въ томъ званіи, въ коемъ я, занятый работою, трудами для собственной моей пользы, во исполненіе воли начальниковъ, имѣю менѣе случаевъ къ праздности—матери всѣхъ пороковъ“. Крестьянинъ-мужъ проситъ Отца всѣхъ благъ: „наставь меня благоразумно обращаться съ моей женой, какъ слабѣйшимъ сосудомъ, но не допускай меня, дражайшій мой Спаситель, быть рабомъ жены моей, удержи меня отъ безразсуднаго ей угожденія“. Есть и молитвы, опредѣляющія обязанности и качества жены-христіанки. Она должна „разливать невинное веселіе и пріятность“. Ей вмѣняется въ обязанность молиться между прочимъ о слѣдующемъ: „даруй мнѣ благодать съ покорностью исполнять волю его (мужа), уважать какъ начальника семейства, почитать какъ главу мою, утверди въ моемъ сердцѣ слова св. Апостола: не полагать своего украшенія въ плетеніи волосъ, въ многоцѣнныхъ обрядахъ и нарядахъ“.

Такова оффиціальная мораль, преподносившаяся крѣпостнымъ крестьянамъ въ моментъ, когда крѣпостное право переживало послѣднюю агонію. Видимо, крѣпостническая мысль ухватилась за послѣднее средство, которое только было въ ея арсеналѣ.

Но теперь спрашивается, какъ и чѣмъ отвѣчала темная крестьянская масса на всѣ эти поученія, шедшія изъ крѣпостнической среды,—на поученія кнутомъ и словомъ.

ГЛАВА VI.

Настроеніе крестьянской массы.

„Нѣтъ такого нелѣпаго слуха, нѣтъ такого неправдоподобнаго повода, который бы не служилъ для крѣпостныхъ достаточнымъ предлогомъ для предъявленія старинныхъ притязаній на освобожденіе,“ писалъ въ 1855 году К. Д. Кавелинъ въ своей знаменитой запискѣ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи.

Эти слова знаменитаго борца за крестьянскую свободу имѣли за собою наблюденіе, относящееся не только къ тому моменту, когда была составлена записка, но въ такихъ словахъ съ увѣренностью можно характеризовать настроеніе русскаго крестьянства въ теченіе всего XIX вѣка вплоть до момента раскрѣпощенія.

Послѣ Пугачевщины крестьяне на короткое время какъ бы успокоились. — Но широкое національное движеніе, охватившее все государство въ 1812 году, явилось новымъ моментомъ сдвига въ крестьянской средѣ, и съ этого времени народная масса, раскинутая на необъятномъ пространствѣ Россіи, проявляла всѣ признаки глухого ропота, иногда молчаливаго, но нерѣдко выражавшагося и въ активныхъ дѣйствіяхъ. Многіе писатели крѣпостническаго направленія отмѣтили, что 1812 годъ является моментомъ „охлажденія“ въ простомъ народѣ старыхъ добрыхъ правилъ. Правда, они злобно объясняли, что въ народѣ развилось,— какъ это, напримѣръ, говорится въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ за 1832 годъ, своеобразное представленіе о вольности: „пить и гулять сколько душѣ угодно, не давая никому въ поведеніи своемъ отчета“. Однимъ словомъ, авторъ цитируемой статьи очень мрачно смотритъ на современное ему положеніе русскаго крестьянства и на его отношенія къ помѣщику: крестьянинъ уже далеко не такъ, какъ раньше, трудолюбивъ (подразумѣвается на барской

работѣ); „вмѣсто усердія и опытной вѣрности, каковыми отличался всегда нашъ русскій народъ, заступила хитрость, ложь, обманъ и скрытая какая то ненависть къ помѣщику. Наконецъ, роскошь, глубоко пустившая свои корни даже и въ крестьянскомъ быту“. Въ этой характеристикѣ убѣжденнаго крѣпостника отмѣченъ рядъ важныхъ явленій. Такъ называемая помѣщиками „роскошь“ крестьянъ относится къ той группѣ крѣпостного крестьянства, которая, не имѣя пашни, усердно занялась отхожими промыслами, ремеслами, что при тогдашнемъ оживленіи русской промышленности и торговли дѣйствительно могло давать извѣстнаго рода избытки, наконецъ, поднявшійся въ цѣнѣ хлѣбъ тоже могъ давать избытки крестьянской массѣ. Разумѣется, все это характеризовало только тѣ имѣнія, гдѣ алчность помѣщика, въ силу его богатства или въ силу его апатіи, еще не добралась до мужицкой мошны. Приливъ нѣкотораго рода избытка въ крестьянскую массу отразился въ крестьянской массѣ на стремленіи ея къ улучшенію бытовой обстановки. Конечно, это были еще очень примитивныя улучшенія, но все же они рѣзали глаза душевладѣльцевъ. Вѣрно также и то, что настроеніе въ крестьянской массѣ по отношенію къ помѣщику отличалось крайней недоброжелательностью, выражавшеюся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Уже самый 1812 годъ повелъ за собой усиленные толки о грядущей свободѣ крестьянъ. Во многихъ губерніяхъ распространялись слухи о томъ, что „французы скоро ихъ освободятъ отъ зависимости помѣщику и что господскіе крестьяне оброку платить имъ не будутъ“. Такъ характеризуютъ настроеніе крестьянъ официальные акты того времени.

Съ каждымъ десятилѣтіемъ, а затѣмъ къ эпохѣ освобожденія, и съ каждымъ годомъ, настроеніе крестьянской массы выясняется все болѣе и болѣе опредѣленно. Съ 30-хъ годовъ уже высшее правительство принуждено отмѣчать, что въ этомъ отношеніи не все обстоитъ благополучно. Несмотря на запрещеніе подавать жалобы, губернскіе органы и министерства, особенно министерство внутреннихъ дѣлъ, заваливаются жалобами крестьянъ на помѣщиковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ ежегодныхъ отчетахъ государю уже принужденъ отмѣчать это явленіе. Такъ, въ отчетѣ министра за 1842 годъ указывается, что до мѣстныхъ властей дошло значительное число жалобъ крестьянъ на обременительность оброка и барщины, жестокое обращеніе и недоста-

токъ продовольствія, но „по строгому изслѣдованію“, жалобы эти, по словамъ министра, оказались „неосновательными“: „означенныя жалобы на помѣщиковъ приносимы были преимущественно крестьянами Смоленской губерніи; и замѣчательно, что для сего они являлись тамъ каждый разъ толпами отъ 15 до 40 человѣкъ, въ губернскій городъ къ самому губернатору“. Такъ, министръ не можетъ не отмѣтить того новаго факта, что крестьяне являются къ самому губернатору для подачи жалобъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ такимъ потокомъ жалобъ принуждаемо было къ производству изслѣдованій и министерскіе отчеты далеко не правы, считая жалобы крестьянъ неосновательными. Одно только количество имѣній, которое правительство должно было брать въ опеку, т. е. признаніе правительствомъ фактовъ жестокаго и обременительнаго отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, ежегодно возрастаетъ и представляетъ собой внушительную цифру, если учесть ту осторожность, съ которой правительство дѣйствовало въ подобныхъ случаяхъ и ту безнаказанность помѣщиковъ, которою они пользовались въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣются свѣдѣнія о томъ, что въ 1838 году отдано въ опеку 140 имѣній, въ 1840 году—164 имѣнія, а въ 1852 г.— уже 193 имѣнія.

Извѣстный Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ отчетѣ государю за 1842 г., заявляетъ, „что многочисленныя жалобы крестьянъ вызвали необходимость приводить въ извѣстность... побудительныя причины, особенно въ томъ отношеніи, не происходятъ ли онѣ отъ злоупотребленія помѣщичьей властью и не допускается ли въ семъ послѣднемъ случаѣ послабленіе помѣщикамъ со стороны мѣстнаго начальства“. Вообще при Перовскомъ министерство, учитывая настроеніе крестьянской массы, должно было внимательно относиться къ жалобамъ и, дѣйствительно, сравнительно строго относилось къ злоупотребленіямъ помѣщичьей властью.

Крестьянская масса давала о себѣ знать не только жалобами, но и волненіями. Правительство сочло даже нужнымъ еще въ 1826 году издать манифестъ, успокаивающій помѣщиковъ и отнимающій у крестьянъ надежду на освобожденіе. Тѣмъ не менѣе неспокойное настроеніе крестьянъ выражалось массой волненій, при чемъ волненія теперь начинаются по такимъ поводамъ, какіе ранѣе не были извѣстны. Послѣднія четыре десятилѣтія

предъ освобожденіемъ крестьянъ окрашиваются цѣлымъ рядомъ волненій, ежегодно увеличивающихся какъ по числу мѣстъ, такъ и по числу крестьянъ, принимающихъ въ нихъ участіе. Такъ, въ 1846 году, волненія охватили 17 губерній, въ 1846 году—16 губерній, въ 1847 году—22 губ. и т. д. Что касается мѣстъ, въ которыхъ проявлялись волненія, то, по подсчету г. Семевскаго, всѣхъ волненій въ Николаевское время было 556. Но эти свѣдѣнія, повидимому, относятся только къ тѣмъ матеріаламъ, которые хранятся въ центральныхъ учрежденіяхъ, т. е. къ болѣе крупнымъ мѣстнымъ движеніямъ, и въ него не входятъ болѣе мелкіе случаи столкновеній, относительно которыхъ губернская и уѣздная власть считали ненужнымъ или неудобнымъ сообщать въ министерство.

Причины народныхъ волненій, крестьянскихъ бунтовъ, были весьма многообразны. Страстное желаніе свободы—основной мотивъ этихъ волненій. Немалая доля ихъ падаетъ на темноту крестьянской массы. То кто нибудь растолкуетъ крестьянамъ, что помѣщикъ не имѣетъ документовъ на владѣніе ими, то найдется благодѣтель, который разскажетъ содержаніе завѣщанія умершаго помѣщика, будто-бы освобождающаго крестьянъ отъ перехода къ новому владѣльцу, то неопредѣленные слухи о волѣ, царскомъ указѣ—и подымается темная крестьянская масса, отказываетъ въ повиновеніи помѣщику—и начинается то печальное явленіе, которое на оффиціальномъ языкѣ называется крестьянскимъ бунтомъ, со всѣми его послѣдствіями. Чувствуется одно, что страшная жажда свободы проснулась въ крестьянахъ. Издается, напримѣръ, извѣстный указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, и жаждущая свободы крестьянская масса толкуетъ его, какъ указъ объ обязанности помѣщика освобождать крестьянъ. Немедленно начался рядъ волненій. Въ Нижегородской, наприм., губерніи было охвачено этими слухами три уѣзда; въ другихъ мѣстахъ замѣтно то же явленіе. Или вотъ еще моментъ. Въ 1856 году былъ изданъ указъ о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ, при чемъ увольняемые крестьяне должны были переходить въ составъ государственныхъ. Этотъ указъ подалъ поводъ въ народѣ говорить, что вышелъ указъ о вольности крестьянъ. Въ теченіе трехъ дней народъ толпился на Сенатской площади передъ Сенатской лавкой, гдѣ продавались указы, указъ быстро перешелъ для продажи въ мелочныя лавки и т. д. Полиція расте-

рялась, а министръ юстиціи графъ Панинъ пришелъ въ такую ярость, что приказалъ отбирать отъ крестьянъ этотъ указъ. Около 150 крестьянъ, читавшихъ указъ, было задержано въ Петербургѣ и высѣчено при полиціи.

Разумѣется, причиной волненій были не одни только слухи. Не менѣе значительная часть волненій происходила вслѣдствіе того, что крестьянамъ уже было не вмоготу выполнять требованія, предъявляемыя помѣщиками. Тягота оброковъ и барщины, истязанія, излишніе поборы и т. п.—все это служило матеріаломъ, подымавшимъ крестьянскую массу противъ помѣщика.

Нерѣдко жажда свободы настолько увлекала крестьянъ, что у нихъ являлась мысль, что слѣдуетъ только подать прошеніе монарху, надо только разсказать ему свои нужды—и крестьяне будутъ свободны. Такъ иногда они и дѣлали. Вотъ прошеніе группы дворовыхъ крестьянъ Нижегородской губерніи—наивное и простое, теплое по той надеждѣ, съ которой крестьяне обращались: „Милостивый Государь Миколай Павлавичъ (сохраняемъ орфографію) Ваше Императорскаго Величества, — говорится въ прошеніи, — просимъ Васъ отгосподъ нельзе аслабадить, господъ всѣхъ на жалованя посадить на насъ всю (землю) по душамъ раздѣлить а потомъ просимъ Васъ Ваше Императорскаго Величества нельзе какъ-нибудь солдатства аслабадить насъ прощайте Миколай Павловичъ дай Богъ вамъ щеслива оставаца пращай радимай нашъ залатой".

Кромѣ жалобъ и волненій крестьяне выказывали свое недовольство еще и другими способами. Участились случаи убійства крестьянами помѣщиковъ, при чемъ эти убійства часто сопровождались истязаніями; покушенія на жизнь помѣщика, особенно посредствомъ отравленія, сдѣлались обычнымъ явленіемъ и росли съ каждымъ годомъ въ такомъ количествѣ, что помѣщики имѣли много побужденій бояться своихъ „вѣрноподданныхъ". Не менѣе часто крестьяне прибѣгали къ примѣненію къ своимъ господамъ различныхъ формъ тѣлесныхъ наказаній. Такъ, въ 1835—43 г.г. сослано 416 душъ крестьянъ мужского пола, обвиненныхъ въ убійствѣ своихъ помѣщиковъ. Одна Рязанская губернія насчитываетъ за 15 лѣтъ (1845—1860 г.г.) 23 случая убійства и покушеній. Особенно практиковались случаи отравленія мышьякомъ и покушенія на отравленіе. Причинами расправы крестьянъ съ помѣщиками служили многообразныя проявленія крѣпостного быта—

переводъ съ оброка на барщину, усиленіе барщины, ненависть къ помѣщикамъ, притѣсняющимъ крестьянъ. Количество убійствъ или покушеній, можетъ быть, относительно не велико. Но всякая попытка въ средѣ крестьянъ къ проявленію неудовольствія, или къ активнымъ дѣйствіямъ производила сенсацію въ помѣщичьей средѣ, всякій отдѣльный случай немедленно изъ одной губерніи переходилъ въ другую и производилъ сильное впечатлѣніе. Графъ Бутурлинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что „въ Рязанской губерніи, во все время тамошней моей службы, не проходило года, чтобы крѣпостные люди не расправлялись съ своими барами убійствомъ, или сѣченіемъ, или побоями". Онъ самъ приводитъ рядъ случаевъ, которые побуждали крестьянъ къ подобнаго рода расправамъ. Такъ, одинъ титулованный молодой господинъ былъ избитъ своими дворовыми людьми, показавшими при слѣдствіи, что хотя они не принадлежали собственно ему, а старому еще барину, но что избили молодого, чтобы онъ впослѣдствіи не могъ владѣть ими. На вопросы слѣдователя, какимъ образомъ они могли помѣшать наслѣднику владѣльца потомъ вступить въ управленіе ими, крестьяне объяснили, „что когда московскій баринъ Базилевскій былъ высѣченъ своими людьми, то царь велѣлъ отобрать отъ него всѣ имѣнія". Такимъ образомъ слухъ о высѣченномъ камергерѣ, у котораго дѣйствительно было отнято имѣніе и передано по высочайшему повелѣнію сыну, облетѣлъ всю Россію, при чемъ въ крестьянской средѣ онъ претворился уже въ слухъ объ освобожденіи крестьянъ высѣченнаго владѣльца. Бутурлинъ знаетъ и другихъ великосвѣтскихъ и титулованныхъ владѣльцевъ, подвергшихся такой же расправѣ: „нѣкая великосвѣтская и титулованная дама С...го уѣзда была высѣчена своими людьмы; но какъ умная баба она не пикнула о томъ никому и не потребовала отъ губернатора, чтобы произведено было о томъ слѣдствіе", и вельможа Николаевскаго времени дѣлаетъ тотъ выводъ изъ этихъ воспоминаній, „что крѣпостное право отжило свое время". Дѣйствительно, не всѣ факты расправы крестьянъ съ помѣщиками становились извѣстными администраціи. „По частнымъ но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ,—говоритъ извѣстный славянофилъ Ю. Самаринъ,—въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковскихъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ, чего прежде не бывало.

Едва ли это, прибавляетъ онъ, не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти.

Но мало того, всякій фактъ насилія крестьянъ надъ помѣщиками приводилъ послѣднихъ въ движеніе. Малѣйшій слухъ, и дворяне изъ своихъ медвѣжьихъ угловъ бѣгутъ въ столицу. Нерѣдко по губерніи разносились слухи, оказывавшіеся потомъ ложными, о томъ, что помѣщиковъ рѣжутъ крестьяне. Одинъ изъ крупнѣйшихъ вельможъ этого періода баронъ Корфъ разсказываетъ о настроеніи 1848 года: „настоящее представлялось какимъ то тяжелымъ сномъ, а близкое прошедшее — отдалившимся на цѣлые годы. Всѣ ходили озабоченными въ какомъ то неопредѣленномъ страхѣ. Болѣе всего страшились и, можетъ статься, имѣлъ поводъ страшиться классъ помѣщиковъ передъ вѣчнымъ пугалищемъ нашего крѣпостного состоянія". Помѣщики принимали на всякій случай мѣры охраны своихъ особъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ орловскихъ помѣщиковъ графъ Каменскій охранялъ свой кабинетъ огромными собаками. Гакстгаузенъ разсказываетъ, что курскіе помѣщики снисходительно относились въ его время къ крестьянамъ потому, что къ этому ихъ побуждали безконечные крестьянскіе бунты.

Такъ постепенно сгущалась атмосфера.

Былъ еще способъ у крестьянъ оказывать сопротивленіе помѣщичьей власти. Этотъ способъ — бѣгство. Конечно, оно не всегда удавалось, но тѣмъ не менѣе бѣга были налаженнымъ путемъ освобожденія отъ крѣпостного ига. Иногда бѣгство имѣло массовый характеръ. Слабо заселенныя южныя пространства особенно привлекали бѣглецовъ. Такъ, въ 1832 г. обнаружилось бѣгство многочисленныхъ толпъ крестьянъ изъ Воронежской, Саратовской губерній и изъ земли Войска Донского. Крестьяне направлялись на Кавказскую линію, такъ что пришлось оградить ее кордономъ. Въ 1836 году помѣщики Херсонской губ. просятъ правительство принять мѣры противъ бѣгства ихъ крестьянъ въ Бессарабію. 1840 годъ ознаменовался бѣгствомъ многихъ крестьянъ въ Галицію. Не проходило года, когда вслѣдствіе тѣхъ или другихъ слуховъ крестьяне не старались бы бѣжать на то или иное пограничье, или за границу. Нерѣдко толпы бѣглецовъ достигали до 1000 челов., а изъ Курской губерніи въ 1847 году собралось бѣжать до 20.000 душъ. Разумѣется, бѣглецовъ ловили, но попытки къ бѣгству характеризуютъ жажду свободу.

Особенно усилилось бѣгство, когда первые слухи о свободѣ стали проникать въ крестьянскую массу. Князь В. И. Барятинскій писалъ своему брату изъ Одессы, что изъ пограничныхъ имѣній множество крестьянъ убѣжало въ сосѣднюю Молдавію. Князь съ огорченіемъ лично убѣдился, что бѣжали не какіе нибудь „негодяи или лѣнивцы“, а прекрасные домохозяева. Это явленіе въ Новороссійскомъ краѣ было всеобщимъ въ эти годы. Свербеевъ сообщаетъ, что въ 1856 году десятки тысячъ крестьянъ изъ Екатеринославской губерніи вслѣдствіе какихъ то слуховъ отправились по направленію къ Крыму, за что жестоко поплатились.

Правда, одиночные бѣглецы успѣвали ускользать и пробирались въ Черноморье и другія мало заселенныя мѣста. Вообще въ Черноморье побѣги крестьянъ въ теченіе XIX столѣтія были такъ сказать нормальнымъ явленіемъ.

Южно-русскія степи—своего рода историческій притонъ для всѣхъ людей, не мирившихся съ экономической долей и стремившихся къ свободѣ.

Притокъ бѣглыхъ въ Черноморье начался одновременно съ заселеніемъ края и такимъ образомъ Черноморье сдѣлалось преемникомъ Запорожья.

Въ виду потребности въ заселеніи края, здѣшніе казацкіе старшины уже съ конца XVIII стол. довольно уклончиво относятся къ требованіямъ помѣщиковъ и властей о выдачѣ бѣглецовъ изъ Черноморья. По словамъ одного оффиціальнаго рапорта, войсковые старшины, объясняя таврическому губернатору факты пребыванія бѣглыхъ въ Черноморьи, указываютъ, что старшины „такъ заняты домостроительствомъ и хлѣбопашествомъ“, что не имѣютъ рѣшительно времени „пересматривать постороннихъ людей“. Правда, въ войско черноморское присылаютъ россійскіе помѣщики примѣты своихъ бѣглецовъ, но по этимъ примѣтамъ, объясняютъ старшины, распознать бѣглецовъ трудно, а имена они мѣняютъ; поэтому рапортъ предлагаетъ самимъ помѣщикамъ являться въ черноморскую степь и здѣсь самимъ разыскивать своихъ бѣглецовъ. Съ начала XIX вѣка Иваны, непомнящіе родства, наполнили Черноморье. Здѣшніе степные помѣщики охотно не разбирали, кому принадлежитъ пришедшій къ нимъ бѣглецъ, и зачисляли себѣ въ подданство. Войско черноморское съ своей стороны „посредствомъ своихъ повѣренныхъ находило способъ увлекать на землю свою людей тайно“, по словамъ одного импе-

раторскаго указа. Неудивительно поэтому, что указы о непринимaнiи бѣглыхъ людей въ Черноморье при такихъ условiяхъ практическаго смысла не имѣли. Зато съ другой стороны любопытно, какъ въ крестьянской массѣ быстро разносились слухи о возможности устроиться на свободѣ на земляхъ черноморскаго войска, или у здѣшнихъ помѣщиковъ. Особенно это замѣтно съ 30-хъ годовъ XIX вѣка. Тогда отъ многихъ южныхъ помѣщиковъ поступаютъ жалобы на уходъ толпами крестьянъ въ Анапу. Въ крестьянской массѣ разносится слухъ, что „будто бы крѣпость Анапа есть мѣсто, дарующее всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, туда уходящимъ, вольность и свободу". Слухъ этотъ варьировался разсказами о томъ, что въ Анапѣ „открыта вольница для всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ". Положенiе бѣглыхъ, пока дѣйствительно эти Иваны непомнящiе родства не успѣвали какъ нибудь себя легализовать въ Черноморьѣ, было далеко не изъ легкихъ. Они долгое время обыкновенно бродяжничали среди станицъ, вооруженные при томъ ружьями, постолетами и пиками. Бродяги занимались разбойничествомъ, рыболовствомъ, нанимались въ батраки, пока, наконецъ, имъ не удавалось приписаться къ какой нибудь станицѣ и окончательно прiобрѣсти легальное положенiе.

Но всѣ описанныя явленiя движенiй въ крестьянской средѣ въ сильной мѣрѣ сгущаются, становятся рѣзче съ самаго начала 50-хъ годовъ. Къ этому времени напряженiе массъ дошло до столь высокой степени, что по существу государство находилось въ состоянiи революцiи. Частныя лица и оффицiальныя данныя отмѣчаютъ необычное обостренiе между помѣщиками и крестьянами. Слухи о вольности, какъ эпидемiи, охватываютъ цѣлые уѣзды и даже губернiи.

Внѣшнимъ толчкомъ къ этому движенiю было обнародованiе манифеста объ ополченiи въ 1854 году. Льготы, обѣщанныя ополченцамъ, немедленно претворились въ народныхъ умахъ въ форму вольностей. Цѣлый рядъ центральныхъ губернiй былъ охваченъ слухами, разсказываетъ въ своихъ запискахъ Бутурлинъ, что „кто только поступитъ въ ряды ополченцевъ, тотъ уже навсегда увольняется отъ крѣпостного состоянiя, и вотъ крестьяне гурьбою направлялись черезъ Рязанскую губернiю въ Москву, гдѣ, какъ они увѣряли, должно собираться все ополченiе. Толпы изо ста и болѣе крестьянъ являлись одна за другой къ графу Закревскому, который высылалъ ихъ обратно по этапу на ихъ мѣста житель-

ства. Когда одна таковая партія бѣжала по шоссе между Баграмовскою почтовою станціею и селомъ Луховицами, въ участкѣ Зарайскаго уѣзда, тамошній исправникъ Дмитрій Васильевичъ Улитинъ, изъ себя колосъ и силачъ, вздумалъ было одинъ и Геркулесовою своею персоною преградить ей путь. Его сшибли съ ногъ и порядочно, кажется, намяли ему бока".

Въ Рязанской, напр., губерніи вся крестьянская масса пришла въ движеніе, направившись по дорогѣ въ Москву и Петербургъ. Крестьяне шли цѣлыми толпами и чувствовали себя совершенно свободными, будучи, какъ докладывалъ губернатору касимовскій предводитель дворянства, „заражены духомъ своеволія и неповиновенія правительству". Всѣ собрались въ ополченіе; въ Касимовскомъ, напр., уѣздѣ уходили въ возрастѣ отъ 14 до 40 лѣтъ. Бѣгство было настолько значительно, что потребовало вмѣшательства министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ Рязанскую и Тамбовскую губерніи былъ отправленъ по высочайшему повелѣнію, флигель-адъютантъ Альбединскій, для содѣйствія къ удержанію крестьянъ. Крестьянъ пришлось удерживать силою. Съ особенной рѣзкостью движеніе сказалось въ малорусскихъ губерніяхъ. Среди крестьянъ Кіевской губ. откуда то появились слухи, разсказываетъ Воропоновъ,—„будто настоящая царская грамота о томъ получена въ церквахъ, и только духовенство, стакнувшись съ помѣщиками, скрываетъ ее отъ крестьянства. Массы отказались отъ работы, собирались огромными толпами, требовали грамотъ отъ священниковъ и, не вѣря ихъ клятвеннымъ отрицаніямъ, подвергали священниковъ тяжкимъ истязаніямъ. Посланныя противъ крестьянъ воинскія команды встрѣчали упорное сопротивленіе. Много хлопотъ принесло это волненіе всякимъ мѣстнымъ начальствамъ, но, разумѣется, все кончилось жестокимъ усмиреніемъ и традиціонными расправами".

Это движеніе оказалось очень значительнымъ. Въ мѣст. Корсунь (Каневскаго уѣзда) выступила противъ военной команды толпа въ 4000 челов. Слухи о волѣ поддерживались революціонными дѣйствіями, шедшими, повидимому, изъ польской среды, такъ какъ въ крестьянской средѣ появились и интеллигенты изъ числа поляковъ. Такъ, въ Таращанскомъ уѣздѣ студентъ Розенталь предлагалъ крестьянамъ побить москалей и отложиться отъ царя; коегдѣ у крестьянъ появилось оружіе. Вообще это движеніе въ од-

ной Кіевской губ. потребовало въ тяжелую годину Крымской войны присутствія для усмиренія крестьянъ 16 эскадроновъ кавалеріи, двухъ ротъ саперъ, резервнаго баталіона и нѣкоторыхъ другихъ войскъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ должно было разсылать объяснительные циркуляры о томъ, что крестьяне по окончаніи службы въ ополченіи опять обязаны будутъ вернуться въ зависимость отъ помѣщика.

Вообще, не было губерніи, гдѣ бы призывъ въ ополченіе не вызвалъ волненія, при чемъ замѣчательно то, что во многихъ случаяхъ толкователями манифеста явились, какъ и въ Кіевской губерніи, лица изъ не-крестьянской среды. Въ Нижегородской губерніи, напримѣръ, волненія поддерживалъ своими толкованіями свящ. Никольскій. Въ Саратовской губ. такое же положеніе занялъ свящ. села Александровки Камышинскаго уѣзда. Изъ Петербурга было приказано Симбирскому епархіальному начальству о принятіи мѣръ къ прекращенію всякихъ толкованій манифеста приходскими священниками и т. п.

Подъ вліяніемъ происшедшаго сдвига во многихъ мѣстахъ крестьяне просто отложились отъ повиновенія господамъ и прекратили работу. Въ Воронежской губерніи въ разныхъ мѣстахъ крестьяне заявили отказъ являться на барскія работы. Мѣстная администрація не могла справиться и губернатору пришлось лично объѣзжать бунтовавшія мѣстности.

Движеніе, начавшееся въ годъ Крымской войны, разрасталось затѣмъ съ каждымъ годомъ. Послѣ окончанія Крымской войны, разсказываетъ Воропоновъ, безъ всякой подготовки появились слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Неудивительно поэтому, что первые же рескрипты императора Александра II встрѣчены были въ народной массѣ, какъ акты давно ожидаемые.

Правда, помѣщики, дорожа своей властью, старались высоко поднять знамя сѣченія, чтобы удержать крестьянъ; но и сѣченіе далеко не дѣйствовало. Даже становой Петербургской губерніи Кирилловъ, и тотъ замѣтилъ, что времена перемѣнились: „время теперь самое трудное,—разсказываетъ онъ пріятелю въ письмѣ,—не знаешь, что случится завтра. Все тихо спокойно какъ передъ бурей. Но какая то особенность замѣчается въ народѣ; онъ чего то ждетъ въ будущемъ и много нелѣпыхъ слуховъ ходитъ по деревнямъ“. И, конечно, прибавляетъ: „надо умѣть сдерживать всѣхъ

въ границахъ и въ самомъ началѣ разсѣивать безполезную молву, чтобы нѣкоторыхъ невѣждъ невинно не подвергать той же участи, которую многіе уже здѣсь испытали". И переписка помѣщиковъ изъ отдаленныхъ угловъ провинціи подтверждаетъ наблюденія становаго. „Хотя у насъ все спокойно, но народъ ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, не отдавая себѣ отчета, что хотятъ для него сдѣлать; въ немъ есть, однако, твердая надежда на освобожденіе. Эту надежду опасно уничтожить,—ее слѣдуетъ по крайней мѣрѣ чѣмъ-нибудь удовлетворить". Такъ съ большой горечью прибавляетъ убѣжденный крѣпостникъ. Другой его единомышленникъ, казанскій помѣщикъ, прямо заявляетъ, что крестьяне ждутъ не только освобожденія, но и освобожденія съ землею: „мы приходили въ крѣпость съ землей, какъ же насъ гнать на волю безъ земли",—разсуждаютъ, по словамъ этого помѣщика, крестьяне.

Дѣйствительно, на мѣстахъ народное возбужденіе сказывалось съ большой силой.

Крестьяне, хотя и сдержанно, но проявляли свое нетерпѣніе. Изслѣдователь крѣпостного права въ Рязанской губ. отмѣчаетъ, что съ половины 50-хъ годовъ здѣсь особенно учащаются случаи расправы крестьянъ съ помѣщиками. Иногда довольно обычные инциденты при прежнихъ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ, теперь вызывали ихъ къ нападеніямъ на помѣщика. Такъ, встрѣчаются случаи къ покушенію на убійство, случаи сѣченія помѣщиковъ крестьянами, особенно часты случаи покушенія на отравленія.

Крестьянство Рязанской губерніи наканунѣ освобожденія все находилось въ тревожномъ настроеніи. Уѣздные предводители дворянства были часто въ полномъ недоумѣніи, не зная какъ поступить въ пререканіяхъ, возникающихъ между помѣщиками и крестьянами. Крестьяне обращаются къ администраціи съ массой жалобъ, большей частью далеко не несправедливыхъ. Эта назойливость крестьянъ раздражала дворянство и ихъ предводителей изъ числа крѣпостниковъ. Пронскій уѣздный предводитель дворянства пишетъ губернскому рѣзкое письмо въ отвѣтъ на предложеніе губернскаго предводителя произвести негласное слѣдствіе по одному дѣлу, и требуетъ въ этомъ письмѣ, чтобы губернскій предводитель не принималъ отъ крестьянъ жалобъ и просто задерживалъ ихъ въ губернскомъ городѣ. На это губернскій предводитель отвѣчаетъ, что если задержать всѣхъ крестьянъ, кото-

рые приходятъ въ губернскій городъ съ жалобами, то „въ Рязани не достало бы мѣста ихъ содержать и благоразумно ли было бы сосредоточить въ губернскомъ городѣ такое количество недовольныхъ, которые могутъ сговориться и во всѣхъ уѣздахъ разомъ сдѣлать то, что наша обязанность предупредить“.

Рязанскіе помѣщики подъ вліяніемъ слуховъ объ освобожденіи, сдѣлались весьма чуткими ко всякому проявленію недовольства въ крестьянской средѣ. Они во всемъ готовы были видѣть бунтъ. Въ имѣніи Слесаревой произошло какое-то недоразумѣніе по поводу распредѣленія работъ. Она потребовала войскъ для усмиренія бунтующихъ крестьянъ, заявляя губернскому предводителю дворянства, что со времени обнародованія высочайшихъ рескриптовъ у нея въ вотчинѣ „правленіе сдѣлалось совершенной республикой“. При разслѣдованіи никакого неповиновенія не оказалось.

Помѣщикъ Сѣровъ той же губерніи, получивъ отъ губернскаго предводителя пакетъ съ бумагами объ улучшеніи быта крестьянъ, испугался, вообразивъ, что всѣ крестьяне знаютъ объ этомъ и что въ пакетѣ видятъ вольную. Всякое самое резонное возраженіе со стороны крестьянъ онъ считалъ дерзостнымъ неповиновеніемъ. Такъ, когда онъ хотѣлъ наказать одного крестьянина будто бы за неповиновеніе, и тотъ заявилъ ему, что совершенно не виновенъ, Сѣровъ немедленно потребовалъ въ имѣніе полицію. Наряжено было слѣдствіе, судъ нашелъ крестьянъ виновными именно потому, „что они говорили ему, когда онъ приказывалъ имъ раздѣваться для сѣченія, что они не виноваты и сѣчь ихъ не за что“, а равно сдѣлали ослушаніе противъ пристава „тѣмъ, что говорили, что они правы, что ослушаній противъ помѣщика никакихъ не дѣлали и не дѣлаютъ и наказывать себя не дадутъ“. Когда настоящее дѣло дошло до Сената, то онъ отмѣнилъ рѣшеніе низшихъ инстанцій, такъ какъ не нашелъ въ заявленіи крестьянъ объ ихъ невиновности никакихъ признаковъ неповиновенія.

То же сказывается и въ другихъ мѣстахъ. Для примѣра остановимся еще на состояніи крестьянъ въ Нижегородской губ.

Когда сталъ извѣстенъ рескриптъ 1857 г., то въ разныхъ мѣстахъ губерніи крестьяне стали оказывать помѣщикамъ сопротивленіе. Бывали случаи, когда крестьяне въ ожиданіи воли и въ увѣренности, что съ ней вся земля перейдетъ въ распоряженіе

крестьянъ, „съ топорами и дубинами“ не допускали продажи лѣсовъ. Вообще толки о волѣ сдѣлались повсемѣстными. Изо всѣхъ глухихъ угловъ губерніи идутъ сообщенія въ уѣздные города и въ губернскій о „неблагопріятныхъ слухахъ о волѣ“. Во всѣхъ этихъ сообщеніяхъ чувствуется сильное раздраженіе помѣщичьихъ круговъ. Становые пристава и исправники почти не возвращались на свои квартиры. Помѣщики, привыкшіе почти къ неограниченной власти надъ крѣпостными и къ ихъ безусловной покорности, раздражались и озлоблялись на своихъ рабовъ. Иногда самые толки въ крестьянской средѣ о свободѣ принимали за крестьянскіе бунты. Кн. Мышецкій жалуется на своихъ крестьянъ Горбатовскаго уѣзда въ томъ, что и они „огласили себя вольными“. По изслѣдованіи оказалось, что крестьяне изъ повиновенія не выходили и „не думали оглашать себя свободными“. Помѣщица Постникова заявила администраціи о неповиновеніи крестьянъ, между тѣмъ оказалось, что крестьяне отказались ѣхать въ чужой лѣсъ воровать для помѣщицы дрова. Слово „бунтъ“ сдѣлалось самымъ обычнымъ въ перепискѣ между властями. Рапорты въ губернію всѣхъ уѣздныхъ предводителей и другихъ административныхъ чиновъ свидѣтельствуютъ о настроеніи крестьянской массы. Васильскій предводитель дворянства Сущовъ сообщаетъ губернатору, что „распространившіеся вообще между крестьянами превратные толки о предоставленіи имъ свободы чрезвычайно усилились“. Толки эти между прочимъ состояли въ томъ, что крестьяне вѣрили, что вся господская земля перейдетъ къ крестьянамъ. Это было уже въ началѣ 1858 г. Въ 1860 г. тотъ же предводитель обращаетъ вниманіе губернатора, что „духъ народа въ уѣздѣ чрезвычайно дуренъ и неблагопріятенъ спокойствію; во многихъ имѣніяхъ возникаютъ безпрерывно безпорядки и неповиновеніе властямъ, такъ что приходится почти безпрестанно разъѣзжать мнѣ самому, и только благодаря моему вліянію (не забываетъ аттестовать себя предводитель) на крестьянъ, возстановляется порядокъ и спокойствіе“. И далѣе предводитель прямо признаетъ: „крѣпостныя отношенія на самомъ дѣлѣ уже рушились, хотя законъ этотъ еще существуетъ“. Такіе же отзывы идутъ и изъ другихъ уѣздовъ.

Въ Тамбовской губерніи, кромѣ волненій, замѣчается еще одна особенность въ настроеніи крестьянъ. Въ 1860 г. по всей губерніи пронеслась эпидемія пожаровъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ,

напримѣръ въ самомъ Тамбовѣ, Козловѣ и друг. особенно пострадали улицы, носившія названіе Дворянской. Впрочемъ, пожарная эпидемія охватила и другія губерніи. Такъ, въ 1858 г. губернскій предводитель дворянства писалъ губернатору: „Скопинскій предводитель дворянства сообщилъ мнѣ, что въ Скопинскомъ уѣздѣ неизвѣстно отъ кого происходящіе пожары, вотъ уже во многихъ имѣніяхъ, истребили озимый и яровой хлѣба во многомъ количествѣ. Не признаете ли вы полезнымъ при повтореніи таковыхъ случаевъ испросить высочайшее повелѣніе судить поджигателей военнымъ судомъ, съ предоставленіемъ права начальнику губерніи конфирмовать дѣла эти и немедленно приводить конфирмаціи въ исполненіе, дабы этимъ уменьшить зло, насколько это возможно“.

Движеніе крестьянъ въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ передъ волей,—надо отдать справедливость,—не отличалось значительнымъ массовымъ характеромъ. Поэтому, вѣрнѣе, вездѣ сказывалось недовольство въ крестьянской массѣ, глухой ропотъ, который администрація и помѣщики принимали за проявленіе бунта. Масса понимала значеніе совершающихся событій и угрюмо молчала. Въ Симбирской губерніи, напримѣръ, характеризуетъ одинъ современникъ, „мужики много толкуютъ про новое распоряженіе“ (рескриптъ объ улучшеніи быта крестьянъ). Одни мужики ждутъ улучшенія, другіе, напротивъ, мрачно смотрятъ на дѣло, главнымъ образомъ, потому, что оно все предоставлено помѣщикамъ, отъ которыхъ ожидать добра не приходится.

Мужики были угрюмы, а помѣщикамъ приходилось жутко. Слухи о вольности раздражали и помѣщиковъ и крестьянъ. Герценъ очень мѣтко охарактеризовалъ это напряженное состояніе: „А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другого цѣпами и вилами, тамъ-то прикащика задушили бабы на полѣ, тамъ-то камергера высѣкли розгами и взяли съ него подписку молчать“. „Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ, они только не умѣютъ приняться сообща за дѣло“.

Люди, даже весьма консервативнаго направленія, служившіе Николаевской политикѣ, тѣмъ не менѣе предупреждали правительство, что такое положеніе крестьянъ является опаснымъ для государства,—„заварится каша крутая“,—писалъ въ своей запискѣ

М. П. Погодинъ. И дальше онъ продолжаетъ: „Да и теперь, не убиваютъ ли ежегодно до 30 помѣщиковъ... Вѣдь, это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобы получить значеніе особаго рода. Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи?"

При такихъ условіяхъ мѣстная администрація терялась, предлагая иногда самые удивительные проекты, въ родѣ расправы военнымъ судомъ за поджоги, въ родѣ требованія пріостановить переселеніе, къ чему обратился, напримѣръ, рязанскій губернаторъ и т. д. Правда, полиція не забывала прибѣгать къ обычнымъ средствамъ успокоенія народа. Какъ только началась выработка проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, помѣщики-крѣпостники начали,—пишетъ одинъ наблюдатель,—„безчинствовать, полиція въ угоду помѣщикамъ начала безъ милосердія сѣчь народъ". Наканунѣ раскрѣпощенія, сѣченіе, можно сказать, было повсемѣстнымъ. „Исправникъ,—пишетъ въ Москву одинъ вяземскій помѣщикъ,—какъ только узнаетъ, что говорятъ о вольности, такъ сейчасъ пороть, хотя это нисколько не прекращаетъ слуховъ. Мужики терпятъ пока всѣ неистовства земской полиціи, ожидая и уповая, что недолго имъ придется терпѣть, помѣщики упорно молчатъ". Почти въ такомъ же духѣ пишетъ другой современникъ изъ Смоленска: „звѣрства и притѣсненія здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу и между мелкими и между большими владѣльцами", хотя особыхъ возмущеній нѣтъ нигдѣ. Нѣкоторые здѣсь выработали главное правило: „сѣчь и сѣчь", такъ что вся губернія „уже давно пересѣчена; впрочемъ, вѣроятно, то же дѣлается и въ Московской",—справедливо догадывается авторъ письма.

Во всемъ и вездѣ видѣли крестьянскій бунтъ въ преувеличенномъ размѣрѣ. „Къ несчастью, говоритъ Самаринъ, у насъ власть никогда не говоритъ съ народомъ, она только кричитъ на него". И онъ былъ совершенно правъ. Рязанскій губернаторъ Кожинъ пріѣхалъ въ деревню Колодезь; по существу здѣсь никакого бунта не было, но всетаки экзекуція была учинена: „вы всѣ, голицынскіе крестьяне,—обратился съ рѣчью этотъ администраторъ,—хотѣли видѣть губернатора, но это не обходится даромъ. За то, что меня потревожили, оторвали отъ дѣла вашимъ

непослушаніемъ, вы будете наказаны, какъ уже наказаны за это и прочіе". И распорядился о всеобщей поркѣ.

При условіяхъ такого напряженнаго состоянія охрана крѣпостного права въ послѣдніе годы его существованія была дѣломъ труднымъ и составляла главную заботу правительственныхъ властей. „Охраненіе крѣпостного права, признаваемое особенной необходимостью при охраненіи всего общественнаго порядка, -вспоминаетъ извѣстный славянофилъ Кошелевъ, — было одною изъ главнѣйшихъ заботъ губернской администраціи. Эта забота была на виду у всѣхъ, чуть ли даже не стояла во главѣ всего,—и шла она издалека, имѣла свои крѣпкія преданія, сложившіяся, думается мнѣ, не безъ вліянія воспоминаній о страшномъ пугачевскомъ бунтѣ. Но, какъ бы тамъ ни было, а то уже вполнѣ несомнѣнно, что при всякомъ волненіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ всегда администрація крѣпко озабочивалась на счетъ размѣровъ движенія".

Такъ, крѣпостное право ко времени его отмѣны обветшало, сдѣлалось тягостнымъ и крестьянамъ, и помѣщикамъ и правительству.

ГЛАВА VII.

Экономическое положенiе крестьянъ.

Въ предыдущихъ очеркахъ намѣченъ рядъ условiй, характеризующихъ крѣпостное право. Внимательно вглядываяясь въ эти условiя, не трудно замѣтить, что крѣпостное право наканунѣ раскрѣпощенiя, теряетъ свою прежнюю прочность, устойчивость, въ немъ замѣтенъ сдвигъ. Несомнѣнно, оно не удовлетворяетъ ни барина, ни мужика. Баринъ начинаетъ по многимъ причинамъ выказывать свое недовольство даннымъ состоянiемъ крѣпостного права. Съ точки зрѣнiя помѣщиковъ, крѣпостной для нихъ плохо работаетъ, имѣнiе не даетъ той доходности, которую жаждалъ бы получить землевладѣлецъ, наконецъ, помѣщики начинаютъ чувствовать физическiй страхъ передъ народной массой, предъ проявленiемъ недовольства въ ея средѣ. Все это тяготитъ помѣщика. Въ крестьянствѣ тоже замѣчается рѣзко выраженное движенiе. Крестьянинъ началъ ощущать моральную и физическую тяготу крѣпостного права, въ немъ пробуждаются такiя чувства, проблески такого сознанiя, именно сознанiя своего человѣческаго достоинства,—которыя раньше онъ не проявлялъ, или не сознавалъ; вообще крестьянская масса, безспорно, выказываетъ всѣ признаки недовольства своимъ положенiемъ, она жаждетъ освобожденiя, и притомъ нетерпѣливо жаждетъ его. Все это указываетъ на обветшалость крѣпостного права, на несоотвѣтствiе его даннымъ жизненнымъ условiямъ. Такъ всегда бываетъ съ старинными, исторически сложившимися институтами правовой или общественной жизни, когда они приходятъ въ негодность: когда они не соотвѣтствуютъ общественнымъ и матерiальнымъ соотношенiямъ эпохи: общество глухо выражаетъ свое недовольство даннымъ состоянiемъ. Иногда еще нѣтъ опредѣленной идеи, не появилось опредѣленной мысли, чѣмъ долженъ быть замѣненъ обветшалый обще-

ственный строй, а въ массахъ уже чувствуется броженіе, признаки раздраженнаго недовольства. Такъ всегда бываетъ, такъ было и въ данномъ случаѣ. Но если общественное самосознаніе, находясь въ броженіи, не всегда сознаетъ, или по крайней мѣрѣ основная его масса не всегда способна дать отвѣтъ о конструкціи тѣхъ общественныхъ или политическихъ измѣненій, которыми должно его замѣнить, то тѣмъ болѣе ея сознаніе не отражаетъ со всей необходимой отчетливостью причинъ, приводящихъ массу въ движеніе,—причинъ недовольства настоящимъ и стремленія къ его измѣненію. Иногда эти причины неясно или неполно отражаются въ общественномъ самосознаніи. Человѣкъ въ массѣ склоненъ объяснять настроеніе свое и подобныхъ себѣ индивидуумовъ тѣми причинами, которыя ему ближе видны, которыя на поверхности, которыя ближе къ его духовной организаціи. Между тѣмъ въ дѣйствительности, причины, опредѣляющія крупныя измѣненія въ государственномъ или общественномъ строѣ, лежатъ глубже того уровня пониманія, на которомъ находится въ данный моментъ массовое самосознаніе. Это замѣчаніе съ особенной вѣрностью относится къ пониманію причинъ экономическаго характера. Измѣненіе матеріальныхъ соотношеній, среди которыхъ мы присутствуемъ, живемъ и дѣйствуемъ, въ силу ихъ сложности, далеко не такъ рельефно отражается въ народномъ массовомъ самосознаніи; даже интеллектуальные верхи общества не всегда бываютъ способны уразумѣть характеръ происходящихъ на изъ глазахъ матеріальныхъ измѣненій, и только исторія способна въ такихъ случаяхъ вскрыть истинную причину происшедшаго переворота.

Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Недовольство крѣпостнымъ правомъ ясно сказывалось и въ крестьянской массѣ и въ средѣ помѣщиковъ, хотя и та и другая сторона выходили изъ неодинаковыхъ взглядовъ на положеніе вещей. Между тѣмъ истиннымъ двигателемъ надвигающейся перемѣны была та капитальная перестройка экономическихъ соотношеній, которую переживала Россія въ первой половинѣ XIX столѣтія. Эту эпоху можно назвать эпохой переходной, подготовительной къ переходу къ капиталистическому современному намъ строю; она разрывала съ натуральнымъ строемъ прежняго времени, въ которомъ обмѣнъ и обрабатывающая промышленность играли незначительную роль, и быстро переходила къ расширенію обмѣна и къ увеличенію фабрично-заводскаго производства.

Въ самомъ дѣлѣ, конецъ XVIII и начало XIX столѣтія (пришлось намъ характеризовать эту эпоху въ другомъ мѣстѣ) въ исторіи русской промышленности имѣютъ огромное значеніе. Это періодъ поворота въ сторону усиленнаго производства. Денежное обращеніе усилилось. Торговый капиталъ къ концу XVIII столѣтія въ достаточной мѣрѣ уже наросшій, дѣлаетъ попытки превратиться въ болѣе совершенныя производственныя формы. Цѣлый рядъ условій способствовалъ особенно быстрому росту торговли и промышленности. Развитіе обрабатывающей промышленности, связанное съ ростомъ городскихъ поселеній, дало особый рынокъ для сбыта сельско - хозяйственныхъ продуктовъ. Свобода торговли и именно свободныя сношенія съ внѣшнимъ рынкомъ дали возможность быстро наладиться мощнымъ торговымъ связямъ. Но при всемъ томъ необходимо учесть тотъ чрезвычайно важный фактъ, что развитіе обрабатывающей промышленности въ Западной Европѣ создало, особенно въ Англіи, обширный рынокъ для сбыта русскихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Ростъ торговыхъ оборотовъ оказывается весьма интенсивнымъ. О немъ можно судить по росту русскаго отпуска, сопровождавшагося неизмѣнно весьма выгоднымъ торговымъ балансомъ. Такъ, до половины XVIII стол. (1725—1749 г.г.) русскій отпускъ доходилъ всего до 5 съ полов. мил. руб. Затѣмъ онъ начинаетъ расти, и ростъ его становится особенно ощутительнымъ къ концу этого столѣтія. Русскій отпускъ около 1800-го года возросъ, при повышательномъ движеніи съ 1750 года, почти втрое сравнительно съ отпускомъ половины столѣтія и болѣе чѣмъ въ 10 разъ сравнительно съ отпускомъ 20-хъ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія; въ 1800 году онъ равнялся уже 61 съ половин. мил. Успѣхъ русскаго вывоза продолжался и въ послѣдующія десятилѣтія: до 1808 г., онъ имѣетъ слабое повышеніе, а иногда и нѣкоторое паденіе, что вполнѣ понятно въ виду тогдашнихъ политическихъ осложненій. Но уже въ 1812 г. онъ доходитъ до 139 мил., а въ 1820 г. почти до 250 милліон. Но кромѣ того весьма знаменательны колебанія въ размѣрахъ отпуска. Такъ, въ 1800 г. было вывезено 345 т. четвертей пшеницы и около 55 т. остальныхъ хлѣбовъ, а черезъ 3 года, въ 1803 г. общій вывозъ хлѣба уже равнялся 2832.000 четвертей. Правда, это былъ довольно исключительный годъ, но мы именно и подчеркиваемъ фактъ неравновѣрности роста вывоза, его паденіе и возвышеніе. Въ самомъ дѣлѣ, между

1810—15 г.г. вывозилось всего около 1 мил. четвертей всѣхъ хлѣбовъ. Въ 1816 г. уже вывезено болѣе 2 мил., а въ слѣдующемъ году болѣе 5 мил. четвертей. Такую же неравномѣрность, при общемъ повышательномъ движеніи, можно отмѣтить и за послѣдующіе годы. Значеніе вышеприведенныхъ фактовъ будетъ еще болѣе ясно, если мы отмѣтимъ, что далеко не всѣ мѣстности въ одинаковомъ размѣрѣ участвовали въ этомъ ростѣ ввоза и вывоза. Огромное участіе въ немъ получаютъ новыя мѣстности и особенно Одесскій портъ, къ которому тянулъ югъ Россіи: достаточно сказать, что въ 1816 г. изъ Одесскаго порта на 862 корабляхъ различныхъ націй вывезено товаровъ болѣе, чѣмъ на 62 съ полов. мил. руб. Ростъ одесскаго отпуска не менѣе отчетливо можно прослѣдить по приливу иностранной монеты, получаемой въ Одесской гавани и Одесской почтовой конторой: въ 1803 году въ Одессу ввезено монеты всего на 721 съ полов. тыс. р. на ассигнаціи, въ слѣдующемъ году уже почти на 5 мил. руб., а послѣ 1810 г. ввозъ ея равняется 10 съ полов. мил. въ 1812 г. и 20 мил. въ 1813 г. Въ такомъ количествѣ плыли въ Одесскій портъ голландскіе червонцы, испанскіе піастры и турецкая монета. Десятки милліоновъ рублей черезъ Одесскій портофранко переходили въ карманы землевладѣльцевъ юга.

Соотвѣтственно размѣру отпуска замѣчается и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ. Не будемъ приводить среднихъ данныхъ по всей Россіи, потому что при разницѣ географическихъ и климатическихъ условій огромнаго государства, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, разница въ цѣнѣ на хлѣбъ иногда доходила до 30% и такимъ образомъ среднее соотношеніе не способно сколько нибудь точно характеризовать создавшееся положеніе вещей. Очень интересно и точно составленная табличка повышенія цѣнъ на хлѣбные и мясные продукты въ одной мѣстности, именно въ Ярославской губерніи, даетъ очень любопытную картину. Правда, эта табличка относится только къ началу изучаемаго нами періода, охватывая 1760—1802 г.г. Такъ, оказывается, что въ 1760 году цѣна четверти пшеницы колебалась отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 92 к. и цѣна четверти ржи—отъ 62 к. до 1 р. 12 к. При неизмѣнномъ повышательномъ движеніи цѣнъ, иногда не безъ рѣзкихъ колебаній, черезъ 25 лѣтъ, т. е. въ 1785 г. средняя цѣна четверти пшеницы уже колебалась отъ 4 до 6 руб. и четверти ржи—отъ 2 р. 20 к. до 4 р. 20 к.; черезъ 10 лѣтъ, въ 1795 г., колеба-

нія въ первомъ случаѣ выражались: за четверть пшеницы—5 р. 30 к.—8 р. 75 к., за четверть ржи—4 р.—5 р. 50 к.; въ 1802 г.: четверть пшеницы—8 р. 20 к.—8 р. 75 к., четверть ржи—4 р. 40 к.—5 р. 35 к. Ярославская губернія тогда была одной изъ губерній, въ извѣстной мѣрѣ уже нуждавшихся въ привозномъ хлѣбѣ. Одинъ тверской помѣщикъ, старожилъ, жалуясь на возвышеніе цѣнъ въ 1832 г., вычисляетъ, что въ 1800 г. за пудъ сахару помѣщикъ платилъ 19 четверик. ржи, а въ 1830 г.—уже 46 четвериковъ ржи, за 3 аршина сукна на кафтанъ въ 1800 г. онъ платилъ 4 четверти ржи, а въ 1830 году — уже 8 съ полов. четвертей. Это сопоставленіе сдѣлано очень удачно, такъ какъ въ него вошли какъ разъ всѣ тѣ 3 продукта, цѣны на которые быстро росли въ первые 30 лѣтъ XIX вѣка. Ростъ цѣнъ, ростъ внутренняго потребленія и отпуска создавалъ особаго рода атмосферу въ помѣщичьей средѣ—атмосферу алчнаго стремленія къ соучастію въ тѣхъ прибыляхъ, какія давала тогдашняя торговля.

Въ самомъ дѣлѣ, только что отмѣченный ростъ нашего вывоза, характеризующій начало столѣтія, неизмѣнно продолжался до эпохи раскрѣпощенія, захвативъ и эту послѣднюю. Соотвѣтственно росту вывоза нарасталъ и ввозъ иностранныхъ товаровъ. Мы представимъ эти соотношенія въ одной общей таблицѣ, выразивъ тогдашнія ассигнаціи и серебряные рубли въ рубляхъ, равныхъ $^{1}/_{15}$ имперіала:

Годы:	Вывозъ Тысячи руб.	Ввозъ Тысячи руб.
1801—1805	75.108	52.765
1812—1815	61.986	39.106
1816—1820	91.712	70.049
1821—1825	81.372	72.250
1826—1830	85.715	79.687
1831—1835	94.319	80.999
1836—1840	118.435	101.096
1841—1845	132.323	119.864
1846—1850	151.757	131.522
1851—1855	133.173	129.962
1856—1860	225.594	205.866
1861—1865	225.852	206.703

Такимъ образомъ цѣнность вывоза въ теченіе 60 лѣтъ выросла въ три раза, а цѣнность ввоза одновременно увеличилась въ четыре раза за тотъ же періодъ. Кромѣ того слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на быстрое увеличеніе отпуска, начиная

съ 30-хъ годовъ, потому что какъ разъ съ этого времени до начала 60-хъ годовъ онъ выросъ въ $2^1/_4$ раза. Мы сейчасъ увидимъ, что это увеличеніе отпуска падало главнымъ образомъ на хлѣбные продукты. Оживленіе сказывалось вездѣ и повсемѣстно. Въ началѣ XIX вѣка въ годъ приходило къ русскимъ торговымъ портамъ до 3.780 судовъ, вмѣстимостью 581.754 тонны, а отходило изъ Россіи 3750, вмѣстимостью въ 585.400 тоннъ. Между тѣмъ въ половинѣ того же вѣка количество прибывающихъ судовъ почти удвоилось, а вмѣстимость ихъ увеличилась въ $2^1/_2$ раза. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ періодъ прибывало въ Россію 6780 судовъ, вмѣстимостью—1.254.000 тоннъ.

Ростъ новыхъ мѣстностей продолжался и оживлялъ цѣлые края. Черноморская торговля въ 40-хъ годахъ уже вбирала въ себя третью часть ввоза, а въ 60-хъ подошла почти къ половинѣ всего морского фрахта.

Въ этомъ оживленіи вывозъ хлѣба занялъ первенствующее мѣсто. Это мы уже отмѣтили. Теперь же сказанное нами только что подтвердимъ указаніемъ на процентное отношеніе хлѣбнаго отпуска къ цѣнности всего вывоза. Такъ, въ первое же десятилѣтіе XIX вѣка хлѣбъ составлялъ 18,7% всего отпуска. Послѣ нѣкотораго паденія, вызваннаго эпохой 12-го года, онъ въ 1816—20 гг. составляетъ уже 31,2%, затѣмъ отпускъ до начала 40-хъ годовъ падаетъ почти вдвое въ виду неблагопріятно сложившихся условій международнаго рынка, и опять начинаетъ быстро расти къ 60-мъ годамъ. Въ пятилѣтіе 1841—45 гг. отпускъ хлѣба составлялъ 16,4% всего отпуска, а въ 1861—65 гг.—уже 33,2%.

Однимъ словомъ къ эпохѣ освобожденія отпускъ хлѣбовъ достигалъ 200 мил. пудовъ — цифра громадная для того времени, потому что въ 1900 г. при удвоившемся населеніи вся внутренняя торговля главными хлѣбами достигала 750 мил. пудовъ. Но кромѣ хлѣбнаго отпуска надо учесть отпускъ другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ 60-хъ годахъ Харьковъ продавалъ на 17 мил. рублей овечьей шерсти. Между тѣмъ какъ въ первые пятнадцать лѣтъ XIX в. отпускъ всей шерсти въ среднемъ не превышалъ 20 т. пудовъ; въ 1855 г. ея вывезено 568 тыс. пудовъ, т. е. возросъ въ $22^1/_2$ раза. Къ вывозу заграницу шерсти надо прибавить потребленіе ея на русскихъ шерстяныхъ фабрикахъ, число которыхъ въ 1828 г. уже возросло до 400. Однимъ

словомъ, уже въ 40-хъ годахъ сельскохозяйственные продукты составляли 86% всего вывоза.

Для насъ теперь совершенно ясно, что отмѣченный ростъ вывоза произвелъ громадное впечатлѣніе на землевладѣніе и сельское хозяйство. Экономическое оживленіе въ области сельскаго хозяйства соотвѣтствовало общему оживленію торговли и фабричнаго производства.

Дѣйствительно, первая половина XIX вѣка—это эпоха быстраго развитія фабрикъ и заводовъ. Тогда наша промышленность росла съ поразительной быстротой, вбирая въ себя ежегодно многія тысячи новыхъ рабочихъ. Достаточно привести слѣдующую таблицу роста фабрично-заводскихъ предпріятій, чтобы уяснить быстрый темпъ экономической эволюціи, которая совершалась въ первой половинѣ столѣтія. Такъ, общее число фабрикъ въ XVIII и XIX вв. выражается въ слѣдующихъ данныхъ:

Въ	1724 году	233				
„	1762 „	984				
„	1804 „	2423	съ	95,2	тыс.	рабочихъ.
„	1815 „	4184	„	172,8	„	„
„	1833 „	5664	„	274,0	„	„
„	1843 „	6813	„	466,6	„	„
„	1858 „	12259	„	548,9	„	„

Въ ростѣ фабрично-заводскаго производства дворянство принимало участіе. Правда, сравнительно съ концомъ XVIII вѣка его участіе относительно слабѣе, т. е. недворянскіе классы открываютъ большее число фабрикъ, нежели дворяне. Это наблюдается къ 40-мъ годамъ, послѣ которыхъ снова замѣтенъ усиленный ростъ дворянскихъ фабрикъ, соотвѣтствующій развитію свеклосахарнаго производства. Но во всякомъ случаѣ фабрики отвлекали извѣстную часть населенія отъ земледѣлія и, слѣдовательно, фабрики являлись потребителями сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Такимъ же потребителемъ явилось быстро нарастающее городское населеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, процентъ роста городского населенія ко всему населенію можетъ быть признанъ достаточно интенсивнымъ за послѣдніе 70 лѣтъ предъ паденіемъ крѣпостного права. Такъ, въ 1851 г. процентъ городского населенія ко всему остальному

населенію составлялъ 5,2%; между тѣмъ въ 1782 г. этотъ процентъ выражался всего въ 3,6%. По сравненію съ ростомъ сельскаго населенія, ростъ городского населенія выражался вдвое быстрѣе. Мало того, этотъ ростъ былъ значительно болѣе интенсивнымъ сравнительно съ ростомъ населенія въ теченіе XVIII вѣка. Однимъ словомъ, замѣтенъ приливъ въ города сельскаго населенія, а, слѣдоватяльно, и увеличеніе потребленія сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Если къ этому прибавимъ потребленіе сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ качествѣ фуража, развивающееся винокуреніе, неразлучно связанное съ ростомъ избытка въ населеніи и городского класса въ частности, то станетъ яснымъ, что въ теченіе всей первой половины XIX вѣка какъ внутреній, такъ и внѣшній рынокъ мощно побуждалъ къ напряженію въ области сельскохозяйственнаго производства.

Всѣ эти наблюденія даютъ возможность учесть одно чрезвычайной важности явленіе. Оно заключается въ томъ, что въ теченіе первой половины XIX вѣка московскій центръ и сѣверъ являются такими районами, которые отъ земледѣлія быстро переходятъ къ преобладанію неземледѣльческихъ промысловъ. Значительная часть крестьянскаго населенія приливаетъ въ города и ищетъ здѣсь заработка на фабрикахъ, заводахъ, въ ремеслахъ. Отсюда вытекаетъ рядъ существенныхъ явленій экономической жизни, связанныхъ съ крѣпостнымъ правомъ. Разъ населеніе не могло питаться земледѣльческой промышленностью, то оно уходило на оброкъ, добывая себѣ средства на фабрикахъ, заводахъ и проч. Этимъ именно объясняется развитіе оброчнаго крестьянства въ центрѣ и на сѣверѣ. Напротивъ, вся южная полоса, начиная съ мѣстностей великорусскаго чернозема и вплоть до Черноморья и кавказской линіи, представляетъ собою мѣстность исключительнаго преобладанія земледѣлія.

Чтобы рельефно представить себѣ картину тѣхъ видоизмѣненій въ сельскохозяйственномъ строѣ, которыя сейчасъ освѣщены нами при помощи цифръ, слѣдуетъ только обратить вниманіе хотя бы на отзывы, идущіе отъ конца XVIII вѣка, о положеніи сельскаго хозяйства въ плодородныхъ провинціяхъ юга. Тогда, до начала развитія черноморской торговли, богатый южный черноземъ не представлялъ ничего заманчиваго для сельско-хозяйственнаго предпринимателя. Прекрасной земли много, но цѣн-

ность ея незначительна въ виду отсутствія вывоза. Такъ, Веберъ, описывавшій для Вольнаго Экономическаго Общества Екатеринославское намѣстничество, съ грустью „присовокупляетъ", что „цѣна хлѣба при хорошей жатвѣ весьма маловажна; что часто совершенно добытаго продать нельзя; и что многія вѣтви земледѣльческаго обрабатыванія еще доселѣ будущаго исправленія ожидаютъ". Это писалось въ 1795 году. Немного ранѣе (1768 г.) авторъ описанія Слободской Украинской провинціи замѣчаетъ, что въ этой провинціи пшеницы, т. е. того самаго хлѣба, который съ 30-хъ годовъ на милліоны рублей вывозился за границу, въ этой провинціи сѣютъ немного—столько, сколько нужно для каждаго семейства; разсматривая причины, по которымъ земледѣльцы въ этой провинціи „не прилежатъ къ размноженію" хлѣбныхъ продуктовъ, авторъ заявляетъ, что „никакой иной (причины) не предвидится кромѣ того, что они не имѣютъ способа, куда оной съ прибылью отпускать, потому что въ близости сихъ странъ никакого порта нѣтъ". Почти такія же извѣстія идутъ изъ Сумской провинціи, и изъ Изюмской съ тѣмъ разнообразіемъ, что кой-гдѣ здѣсь хлѣбъ продается на ярмаркахъ для винокуренныхъ заводовъ.

Теперь не трудно себѣ представить, какое оживленіе охватило югъ, когда въ немъ нашлись порты и когда милліоны пудовъ потянулись къ нимъ.

Но спрашивается, какое положеніе заняли въ этомъ быстромъ экономическомъ подъемѣ страны землевладѣльцы и ихъ крѣпостные земледѣльцы?

Можно считать безспорнымъ, что отъ оживленія торговли и промышленности крѣпостной мужикъ не только ничего не выигралъ, но многое прогадалъ: мы сейчасъ увидимъ, что на его плечи свалилось бремя новыхъ формъ труда. Несомнѣнно также и то, что мелкопомѣстное дворянство отчасти и среднепомѣстное или ничего не выгадало въ этомъ процессѣ усиленнаго производства, или даже ихъ имущественное положеніе пошло на убыль въ силу измѣнившихся привычекъ дворянской жизни, не соотвѣтствовавшихъ доходности ихъ имѣній. Съ формальной стороны въ этомъ процессѣ выгадало одно крупное дворянство, частью среднепомѣстное, но именно только съ формальной стороны, т. е. въ его карманы прилили тѣ милліоны, которые уплочены были англичанами и другими иностранцами за хлѣбъ, пеньку и сало, но затѣмъ эти милліоны немедленно перешли въ карманы французовъ,

частью тѣхъ же англичанъ въ возмездіе за предметы роскоши, которыми поспѣшило обставить себя крупное дворянство.

Непомѣрное стремленіе къ роскоши въ средѣ нашего дореформеннаго дворянства представляетъ собой выдающееся и весьма важное явленіе въ экономической жизни страны. Отчасти это нами уже было отмѣчено. „Сластолюбіе“ дворянства, какъ выражались писатели-моралисты конца XVIII вѣка, беретъ свое начало отъ блистательной эпохи Екатерины II и усиливается по мѣрѣ приближенія къ моменту раскрѣпощенія крестьянъ. Весьма свѣдущій экономистъ 30-хъ годовъ, Шелеховъ, съ грустью говоритъ, что помѣщикъ, имѣющій отъ 200 до 1000 душъ, желаетъ никакъ не хуже жить того, который ихъ имѣетъ 10.000. Онъ приводитъ примѣры ненужныхъ затратъ на піаниста, на наемъ француза, на ливреи и проч., на хрусталь, бронзу и т. п., что каждый считаетъ своимъ долгомъ пріобрѣтать. Самъ императоръ Николай I, дворянинъ россійской имперіи и петербургскій помѣщикъ (какъ онъ самъ подчеркивалъ), способствуя расширенію кредитныхъ операцій, съ сомнѣніемъ относился однако къ тому, на какой предметъ пойдутъ деньги, полученныя подъ залогъ дворянскихъ имѣній. Гакстгаузенъ, свидѣтельства котораго вообще очень цѣнны, съ удивленіемъ обращаетъ вниманіе на ту роскошь и комфортъ, къ которымъ стремится дворянство. Это стремленіе ввело его въ непомѣрные долги. Дворянскія имѣнія пошли въ продажу и попали въ руки „выскочекъ, составившихъ себѣ состояніе спекуляціями или воровствомъ на службѣ“. Наблюдательный экономистъ очень хорошо учитываетъ, что смѣна господъ и роскошь дворянства тяжело отражается на крѣпостныхъ крестьянахъ, потому что на нихъ смотрятъ ихъ господа уже исключительно, какъ на средства, „какъ на машины для добыванія денегъ“. Это положеніе „стало неестественнымъ, и скоро станетъ невозможнымъ удержать эти отношенія въ ихъ настоящемъ положеніи и тѣмъ болѣе сохранить ихъ на будущее время“.

Въ самомъ дѣлѣ, для подкрѣпленія того впечатлѣнія, которое можно составить себѣ на основаніи отзывовъ современниковъ, приведемъ одно мощное цифровое доказательство. Мы напомнимъ, что ввозъ иноземныхъ товаровъ росъ, какъ это нами указано, интенсивнѣе вывоза. А такъ какъ этотъ ввозъ представлялъ собою готовые фабрикаты, именно главнымъ образомъ предметы роскоши (изъ необработанныхъ фабрикатовъ только хлопокъ имѣлъ

серьезное значеніе въ качествѣ предмета ввоза), то слѣдовательно весь ввозъ и распредѣлялся въ дворянской средѣ, поглощая не только нарастающіе доходы, но и банковыя ссуды (въ 50-хъ годахъ ввозъ винъ, кофе, фруктовъ и табаку составлялъ 37,8⁰/o, а шелковыя издѣлія—22,6⁰/o всего ввоза).

Съ другой стороны приростъ дворянства и характеръ его землевладѣнія самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ положеніемъ крестьянства. „Имѣнія быстро дробились—говоритъ Самаринъ,—и съ каждымъ новымъ раздѣломъ средства владѣльцевъ уменшались, потребности ихъ, какъ существенныя, такъ и искуственныя, порожденныя непомѣрнымъ развитіемъ роскоши, не только не ограничивались, но возрастали въ изумительной прогрессіи“.

Можно признать совершенной аксіомой, не требующей никакихъ доказательствъ, что положеніе крѣпостныхъ у крупныхъ владѣльцевъ искони было болѣе сноснымъ, нежели положеніе ихъ у мелкихъ. При всеобщемъ стремленіи къ роскоши въ средѣ дворянства, очень понятно, что мелкое и среднее дворянство напрягало всѣ силы для того, чтобы извлекать наибольшій доходъ изъ того небольшого числа крѣпостныхъ, которымъ оно владѣло. Между тѣмъ общая масса русскаго дворянства была дворянствомъ мелкопомѣстнымъ, частью среднепомѣстнымъ. Такъ, въ 1858 г. крупное дворянство, имѣвшее свыше 500 душъ крѣпостного населенія, владѣло почти половиной крѣпостныхъ крестьянъ (47,5⁰/o), среднепомѣстное, частью уже приближающееся къ мелкопомѣстному владѣло 1/3 крѣпостныхъ (33,9⁰/o), и совсѣмъ мелкіе помѣщики, имѣвшіе до ста душъ крѣпостного владѣнія, владѣли почти 1/5 частью крестьянъ (18,6⁰/o). Положеніе крестьянъ у послѣднихъ было въ высшей степени тяжелымъ.

Правда, изслѣдователи отмѣчаютъ извѣстнаго рода дифференціацію въ русскомъ землевладѣніи какъ разъ въ первой половинѣ XIX вѣка, т. е. нѣкоторое увеличеніе числа крупныхъ владѣній и уменшеніе мелкихъ. Но этотъ процессъ сравнительно незначителенъ и кромѣ того онъ имѣетъ мѣсто въ общей картинѣ русскаго землевладѣнія. Такъ, число самыхъ мелкихъ владѣній, размѣромъ до 21 души, въ періодъ съ 1835 г. по 1858 г. пало во всей Россіи почти на 11⁰/o—съ 53,9⁰/o всѣхъ владѣльцевъ до 43,0⁰/o. Но зато количество владѣльцевъ отъ 21 до 100 душъ за тотъ же періодъ поднялось почти на тотъ же процентъ—

съ 24,0% до 34,2%. Это понятно, потому что такія мелкія владѣнія, какъ владѣнія до 21 души, въ XIX вѣкѣ уже не имѣли физической возможности существовать и должны были перейти въ болѣе крупныя.

Не вдаваясь въ подробности, во всякомъ случаѣ на основаніи сказаннаго можно настаивать на томъ выводѣ, что мелкое землевладѣніе, и даже весьма мелкое, играло очень серьезную роль въ составѣ русскаго крѣпостного душевладѣнія. Мало того, въ среднемъ каждый дворянинъ изъ группы владѣвшихъ до 21 души, по даннымъ 1858 годи владѣлъ всего восьмью душами, а изъ группы владѣвшихъ 21—100 душъ, на каждагэ въ среднемъ приходилось всего почти 47 крѣпостныхъ.

Наконецъ, надо учесть и порайонное распредѣленіе крупныхъ и мелкихъ помѣщиковъ. Оно заключается въ томъ, что наиболѣе крупныя владѣнія находились на окраинахъ, такъ какъ здѣсь они составились изъ сравнительно недавнихъ пожалованій въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Московскій центръ съ его исконнымъ крѣпостническимъ строемъ, не представлялъ собою уже мѣстности, гдѣ были крупныя владѣнія. Въ немъ гнѣздилась масса мелкаго чиновнаго дворянства, у котораго положеніе крѣпостныхъ было въ высшей степени тяжелымъ.

Къ этому надо прибавить, что часть крестьянъ находилась во владѣніи безземельныхъ дворянъ, т. е. въ личномъ услуженіи. Такъ, по 10-й ревизіи число такихъ дворянъ было 3703, владѣвшихъ 12286 крѣпостныхъ душъ. Правда, это число невелико, но подобнаго рода рабство даже для небольшой группы людей было, безъ сомнѣнія, очень тяжелой формой. Но еще замѣчательнѣе слѣдующее явленіе. Крѣпостная эпоха знаетъ и такіе факты, когда нѣсколько дворянъ владѣютъ однимъ и тѣмъ же рабомъ. Въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ" помѣщена статья о крѣпостномъ населеніи Саратовской губерніи. Авторъ этой статьи приводитъ изъ ревизскихъ списковъ очень любопытные факты: „Много въ этихъ спискахъ интереснаго: Напримѣръ, по городу Хвалынскому числится у штабсъ-капитана Ивана З... и дѣтей его, малолѣтняго сына Ивана и дочери, совершеннолѣтной дѣвицы А. З., 1 душа; у губернскаго секретаря П..., у коллежской регистраторши Т..., у поручика Д..., у титулярной совѣтницы К... и многихъ другихъ по одной душѣ. Всего по губерніи 115 одиночекъ, изъ которыхъ одинъ крѣпостной принадлежитъ губернскому секретарю вмѣстѣ

съ коллежской секретаршей, одинъ двумъ роднымъ братьямъ, а одинъ матери съ сыномъ. У сына съ матерью одна душа (Дай Богъ, чтобы это было, какъ можно чаще въ переносномъ смыслѣ). Одиночки, считая только мужскій полъ, большею частію у дворянокъ—помѣщицъ, между которыми есть и протоіерейша М. Въ Саратовскомъ уѣздѣ такихъ помѣщиковъ 38. Есть случаи, что 3 крѣпостныя души принадлежатъ тремъ братьямъ вмѣстѣ; а другія 3 даже четыремъ нераздѣльно".

Для того, чтобъ болѣе рельефно познакомиться съ составомъ центральнаго землевладѣльческаго дворянства, мы обратимся отъ общихъ соотношеній къ весьма типичной въ этомъ отношеніи мѣстности—именно къ Рязанской губерніи. Въ этомъ случаѣ, намъ кажется, что примѣръ отдѣльной губерніи способенъ дать болѣе точное представленіе о ходѣ вещей, нежели выводы, основанные на цифрахъ, являющихся слагаемыми изъ такихъ исторически неравномѣрно росшихъ частей, какъ центръ, Поволжье и бѣлорусскія губерніи. Въ миніатюрѣ Рязанская губернія типична для всей Россіи, потому что почти половина ея охватываетъ полосу великорусскаго чернозема, а другая примыкаетъ къ великорусскому суглинку и супеску, такъ что въ ней на небольшомъ районѣ отражаются всѣ тѣ экономическія соотношенія, какія характеризуютъ центральное нечерноземное пространство и южное—черноземное.

Рязанская губернія отличалась крайней мелкопомѣстностью имѣній. Такъ, по 5-й ревизіи въ среднемъ на каждое имѣніе приходилось 39 душъ крестьянъ и дворовыхъ. Это соотношеніе нѣсколько измѣнилось къ половинѣ XIX столѣтія, такъ какъ по 10-й ревизіи на каждое имѣніе приходится уже 62 души.

Такимъ образомъ въ началѣ XIX столѣтія дробленіе имѣній было весьма значительно и оно нѣсколько уменьшается вслѣдствіе поглощенія въ половинѣ столѣтія мелкихъ владѣній болѣе крупными.

Но въ общемъ эта губернія все-же оставалась весьма мелкопомѣстной. Такъ, по ревизіи 1815 года число имѣній съ населеніемъ не свыше 100 душъ составляло 90%, при чемъ ко времени ревизіи 1857 года, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ процентъ понизился до 81,3%. Но надо замѣтить, что въ этомъ числѣ немалую цифру даютъ совсѣмъ мелкія владѣнія съ населеніемъ до 20 душъ крѣпостныхъ. При сравненіи этихъ мелкихъ имѣній съ

имѣніями отъ 20 до 100 душъ, оказывается такая любопытная картина: имѣнія размѣромъ до 20 д., составлявшія при 7-й ревизіи 67,9% всѣхъ мелкопомѣстныхъ владѣній, падаютъ ко времени 10-й ревизіи до 40,4%. Между тѣмъ имѣнія съ 20—100 душъ съ 22,1% по 7-й ревизіи подымаются до 40,9% при 10-й ревизіи. Такимъ образомъ, совсѣмъ мелкія владѣнія были поглощаемы болѣе крупными. Замѣчается также нѣкоторый ростъ владѣній среднихъ съ 100—500 душъ, т. е. поглощеніе мелкихъ происходило въ пользу обоихъ видовъ болѣе крупныхъ.

Эти соотношенія нѣсколько умѣряются тѣмъ, что иногда въ однѣхъ рукахъ было нѣсколько владѣній. Имѣющіяся данныя только по 7-й ревизіи даютъ это соотношеніе въ томъ смыслѣ, что на 100 помѣщиковъ приходилось 138 имѣній. Но во всякомъ случаѣ это не уничтожало мелкопомѣстности Рязанской губерніи, такъ какъ крупныхъ и среднихъ помѣщиковъ всетаки было очень немного: такъ, число помѣщиковъ, имѣвшихъ свыше 1000 душъ, т. е. крупныхъ помѣщиковъ, составляло всего 0,61%. Число помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1000 душъ, составляло 1,11%. Если обѣ группы считать за представителей крупнаго землевладѣнія, то въ общемъ обѣ эти группы по 7-й ревизіи составляли 1,72% всѣхъ помѣщиковъ, при чемъ имъ принадлежало болѣе трети всѣхъ крестьянъ (35,65%). Между тѣмъ помѣщики средніе составляли всего 9,92 общаго числа и владѣли почти 40% крѣпостныхъ (39,38%). Помѣщики съ имѣніями 20—100 душъ составляли 14,52% общаго числа и владѣли 12,18% общаго числа крѣпостныхъ.

Самые мелкіе помѣщики, имѣвшіе до 20 душъ крестьянъ, составляли немного менѣе 3/4 общаго числа помѣщиковъ (73,84%), причемъ они владѣли только седьмою частью общаго числа крѣпостныхъ (12,79%). Таково было положеніе въ 1815 г. По даннымъ 1857 г. оказывается значительное увеличеніе болѣе крупныхъ владѣній и паденіе числа мелкихъ. Такъ, помѣщиковъ, имѣвшихъ до 20 д. числится теперь уже только 50%, владѣющихъ 3,77% крѣпостныхъ. Но сверхъ того Рязанская губернія имѣла помѣщиковъ, которые владѣли имѣніями не свыше 10 душъ. Въ 1857 г. такихъ было 710 семействъ.

Вообще мелкія владѣнія по своей обстановкѣ почти ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ. О такихъ помѣщикахъ Кошелевъ пишетъ: „немалое количество сихъ владѣльцевъ обитаетъ съ своими

крестьянами на одномъ и томъ же дворѣ и даже въ одной и той же избѣ. У всѣхъ мелкопомѣстныхъ поля совершенно перепутаны съ крестьянскими участками, у многихъ же изъ нихъ имѣются одни господскія поля, а крестьяне ихъ или на мѣсячинѣ, или на застольной, или ѣдятъ за однимъ столомъ съ своими господами. Многіе мелкопомѣстные дворяне сами извозничаютъ, ямщичествуютъ, пашутъ вмѣстѣ съ своими крестьянами, носятъ одни и тѣ же кафтаны, полушубки, тулупы и сапоги. У многихъ мелкопомѣстныхъ во всемъ домѣ одинъ или два тулупа, кафтанъ, одна пара сапогъ, которые служатъ то барину, то мужику, глядя по тому, кто ѣдетъ въ дорогу, въ лѣсъ, на мельницу и проч". Въ 1807 году рязанское дворянство вынуждено было оказать пособіе 800 такимъ дворянамъ, а съ 1843—1852 г. даже высшее правительство принимало мѣры къ переселенію этихъ дворямъ въ Симбирскую губ. Разумѣется, положеніе крестьянъ у такихъ дворянъ было въ высшей степени печальнымъ. Они или отдавали своихъ крестьянъ на работы, или же держали ихъ въ качествѣ батраковъ-мѣсячниковъ, однимъ словомъ, по словамъ всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетовъ, эти мелкіе владѣльцы—„исторгаютъ изъ имѣній своихъ и крестьянъ все, что только можно".

Такъ, слѣдовательно, хотя въ области дворянскаго землевладѣнія и наблюдается извѣстнаго рода эволюція, заключающаяся въ поглощеніи весьма мелкихъ владѣній болѣе крупными, но во первыхъ, это поглощеніе не столь значительно, а во вторыхъ, нарастающія потребности не избавляли крестьянина, принадлежащаго среднему помѣщику, отъ напряженія труда.

Теперь, уяснивъ сущность экономической эволюціи и положеніе дворянскаго землевладѣнія въ его отношеніи къ крѣпостному труду, необходимо задаться вопросомъ о томъ, какую позицію заняло дворянство въ виду наростающаго спроса на сельскохозяйственные продукты.

Ростъ цѣнъ на хлѣбъ, ростъ отпуска сказался прежде всего въ необыкновенномъ оживленіи интересовъ къ сельскому хозяйству. Тысячи помѣщиковъ покидаютъ столицу и коронную службу, направляясь въ свои медвѣжьи углы для того, чтобы посвятить себя сельскому хозяйству. Для всякаго понятенъ матеріальный интересъ, выдвигаемый даннымъ положеніемъ вещей, но дворянство отправляется въ свои имѣнія, а иногда и изъ столицъ пытается руководить ими безъ достаточныхъ знаній сельскохо-

зяйственныхъ условій, рынка и т. д. Оживляется литература, появляется цѣлый рядъ спеціальныхъ журналовъ, посвященныхъ сельскому хозяйству, иногда въ очень глухихъ углахъ заводятся сельско-хозяйственныя общества. Ихъ, напримѣръ, выросло до 15 къ половинѣ столѣтія. Появляется обширная сельскохозяйственная литература, часто съ большимъ успѣхомъ и вниманіемъ слѣдящая за способами улучшенія хозяйства на Западѣ. Даже общая журналистика и та подчиняется господствующему теченію, отводя на своихъ страницахъ много мѣста вопросамъ сельскаго хозяйства съ точки зрѣнія экономической и технической. Многія изъ этихъ свѣдѣній, сообщеній раздражали мысль сельскохозяйственнаго предпринимателя. Въ корреспонденціяхъ журналовъ изъ разныхъ глухихъ угловъ встрѣчаемъ радостныя свѣдѣнія о томъ, что вездѣ кипитъ дѣятельная работа—„сражаемся съ природой", —пишетъ псковскій помѣщикъ Мининъ,—„и землю созданную неплодною, оплодотворяемъ". Понятенъ интересъ къ такому „оплодотворенію": тотъ же Мининъ сообщаетъ, что его имѣніе приносило 2000 доходу, а онъ повысилъ доходы до 14.000 руб.

И доходность имѣній, конечно, росла. Одинъ средній помѣщикъ Елецкаго у., т. е. мѣстности, служившей центромъ экспорта, подвелъ итоги доходности своего имѣнія за 30 лѣтъ. Онъ велъ хозяйство старинными способами. Капиталовъ у него не было. Между тѣмъ за 20 лѣтъ доходность его имѣнія удвоилась, доходъ съ десятины удвоился. Въ частности цѣна четверти пшеницы утроилась, гречихи—удвоилась, ржи—почти удвоилась. Въ особенности подъемъ цѣнъ относится къ 1830—1850 г.г.

При такой экономической горячкѣ всякій стремился не только извлечь выгоды изъ своего имѣнія, но извлечь ихъ въ возможно большей степени. Сначала наши сельскіе хозяева увлекались почти исключительно вопросами техническаго характера, полагая, что именно при помощи техническихъ усовершенствованій можно поднять доходность имѣній. Журналы и книги заняты горячими спорами о многопольномъ и плодосмѣнномъ хозяйствѣ, о выгодахъ того и другого сравнительно съ трехпольемъ; съ большимъ интересомъ трактуются вопросы, касающіеся употребленія сельскохозяйственныхъ машинъ, навоза и т. д.

Наконецъ, съ большимъ интересомъ относятся къ вопросамъ, трактующимъ о такихъ сторонахъ сельскаго хозяйства, какъ развитіе раціональнаго скотоводства или фабрично-заводскихъ пред-

пріятій, оправдываемыхъ условіями данной мѣстности. Въ послѣднемъ направленіи дѣйствительно многое сдѣлано. Такъ, напримѣръ, на югѣ развилось съ этого времени овцеводство. Въ самомъ началѣ XIX вѣка во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, было выписано изъ Испаніи 100 штукъ мериносовъ; въ 50-хъ годахъ южно-русскія степи покрылись милліонами овецъ. Особенно посчастливилось свеклосахарному производству, которое съ того именно времени заняло столь прочную позицію. Многіе помѣщики были въ восхищеніи отъ тѣхъ доходовъ, которые давали свеклосахарные заводы, причемъ при эксплоатаціи заводовъ примѣнялись иногда очень замысловатые способы. Помѣщикъ Лялинъ сообщаетъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1835 года, что его заводъ Сумскаго уѣзда при 16.000 основного капитала и при такой же суммѣ оборотнаго капитала, даетъ чистаго доходу почти 49.000 руб. Въ другой статьѣ того же автора приводится указаніе о доходности одного таганрогскаго имѣнія, доходъ съ котораго съ 7500 руб. возросъ до 300.000 рублей вслѣдствіе развитія въ имѣніи не только хлѣбопашества, но и фабрично-заводскихъ предпріятій. Однимъ словомъ, иногда прямо невѣроятные подсчеты успѣховъ доходности свеклосахарной промышленности приводятъ тѣ или другіе авторы. Конечно, даже южный черноземъ не могъ дать такихъ доходовъ. Одинъ авторъ, называетъ цѣны на хлѣбъ, существующія въ Малороссіи, „оскорбительными для человѣческихъ трудовъ“ и потому совѣтуетъ переходъ къ сельскимъ фабрикамъ.

Тутъ же мы отмѣтимъ и еще одну очень любопытную черту дворянской экономики. Ей такъ хотѣлось найти покупателя на продукты сельскаго хозяйства и притомъ покупателя, предлагающаго „неоскорбительную цѣну“, что помѣщики додумались до той мысли, чтобы „поставить крестьянина въ возможность покупать хлѣбъ у своего помѣщика на деньги“, разумѣется, по высокой цѣнѣ, фиксированной помѣщикомъ. Это означало отнятіе у крестьянина плодородной черноземной земли, переводъ его на фабрику, оплату на фабрикѣ его труда по цѣнѣ угодной помѣщику, каковая оплата возвращается въ помѣщичій карманъ, какъ выручка отъ продажи хлѣба.

Во всякомъ случаѣ свеклосахарное производство сдѣлало быстрые успѣхи. Въ 1800 году открыты были два завода, въ 1852 году уже дѣйствовали 427 заводовъ съ производствомъ болѣе

милліона пудовъ рафинада. При запретительномъ тарифѣ на сахаръ, доходъ получался дѣйствительно значительный и во всякомъ случаѣ десятина свекловицы по расчетамъ очень умѣренныхъ практиковъ давала не менѣе 30 руб. въ годъ.

Такъ несомнѣнны за это время успѣхи въ области дополнительныхъ производствъ въ сельскомъ хозяйствѣ, особенно къ земледѣлію. Разумѣется, заводскія предпріятія или обширное скотоводство требовали примѣненія капитала, котораго однако у огромнаго большинства помѣщиковъ не было, да и не вездѣ эти стороны хозяйства могли быть развиваемы. Улучшеніе техники земледѣлія, конечно, было болѣе простымъ способомъ увеличенія доходовъ отъ сельскаго хозяйства. И въ этомъ отношеніи, безспорно, успѣхи были сдѣланы, но они не въ одинаковой мѣрѣ, затронули да и могли затронуть Московскій центръ и окраины.

Дѣло въ слѣдующемъ. Въ старинномъ Московскомъ центрѣ къ концѣ XVIII вѣка развилось трехполье и дошло до своего предѣла, такъ что уже чувствовалась выпаханность полей. Въ дѣйствительности, къ концу XVIII вѣка у государственныхъ крестьянъ процентъ пашни составилъ 35,7%, а у оброчныхъ помѣщичьихъ крестянъ—32,9% всей удобной земли. Хотя процентъ распаханной удобной земли относительно невеликъ, но хозяйственныя условія того времени, пріемы хозяйства и проч., въ сравненіи съ плотностью населенія, дѣлали то, что этотъ раіонъ уже тогда не могъ производить потребнаго количества хлѣба для прокормленія населенія всего раіона. Съ этимъ связанъ рядъ неурожаевъ, постигшихъ центръ въ дореформенную эпоху: достаточно сказать, что за полустолѣтіе XIX вѣка центръ былъ постигнутъ 12 разъ неурожаемъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличались особенной силой.

Неудивительно поэтому, что южныя и приволжскія мѣстности подвергались особенно усиленной эксплоатаціи, но здѣсь еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка господствовала переложная система, частью только перемежающаяся трехпольемъ. Площадь засѣва на югѣ быстро растетъ. Такъ, въ 1778 году въ Новороссіи засѣвали всего 115.000 четвертей, а въ 1851 г. уже 2.000.000, т. е. площадь засѣва въ теченіе 70 лѣтъ увеличилась болѣе чѣмъ въ 20 разъ. Увеличеніе размѣровъ площади засѣвовъ на югѣ соотвѣтствуетъ быстрому торговому росту южныхъ портовъ Одессы и Таганрога.

Увеличеніе площади посѣвовъ, какъ легко ожидать, относится къ увеличенію не крестьянской запашки, а барской, т. е. расширялась площадь засѣва, непосредственно эксплоатируемая помѣщикомъ при помощи барщиннаго труда.

Дѣйствительно, въ концѣ XVIII вѣка помѣщики сравнительно мало занимались земледѣліемъ, поэтому болѣе двухъ третей всей земли представляли собой крестьянскую запашку и около одной трети—помѣщичью. При этомъ въ оброчныхъ имѣніяхъ вся пашня была въ пользованіи крестьянъ, а въ барщинныхъ на 2 дес. крестьянской запашки приходилась 1 дес. помѣщичьей. Эти процентныя соотношенія выясняются еще болѣе въ пользу крестьянъ, если принять во вниманіе то фактическое количество земли, которымъ пользовались крестьяне, и количество распахиваемое на помѣщиковъ. Оказывается, что въ 18 губерніяхъ (Новгородскій районъ, Московскій промышленный и Средне-волжскій) крестьяне распахиваютъ около 82,3% всей земли, а на помѣщика—17,7%. Эти соотношенія приблизительны, но все же они рисуютъ дѣйствительное положеніе вещей. Къ половинѣ XIX столѣтія соотношенія измѣняются и не въ пользу крестьянъ. Такъ, въ земледѣльческихъ губерніяхъ, гдѣ земледѣліе давало особенныя выгоды, помѣщикамъ уже принадлежитъ около половины пашни, а въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣліе не могло имѣть широкаго примѣненія, тамъ помѣщичья пашня составляетъ отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ всей земли. „Нѣкогда оброчныя деньги были самымъ вѣрнымъ доходомъ—замѣчаетъ по поводу такой перемѣны Шелеховъ,—а оброчные крестьяне самыми зажиточными. Теперь наоборотъ. Въ наше время никакое помѣстье такъ легко не можетъ разстроиться и крестьяне такъ скоро оскудѣть, какъ оброчные. Бывало, чтобъ избавиться отъ хлопотъ хозяйства и имѣть вѣрные доходы, помѣщики, отъѣзжая на службу, или переселяясь на житье въ столицу, тотчасъ уничтожали въ усадьбахъ господское хлѣбопашество и сажали крестьянъ на оброкъ. Нынче нарочно пріѣзжаютъ со службы и изъ столицъ въ оброчныя деревни, чтобъ снова заводить господскія запашки, кторыя въ наше время, даже при заглазномъ управленіи, доставляютъ вѣрнѣйшіе доходы, нежели оброчный порядокъ“.

Такимъ образомъ интересъ къ земледѣлію въ конечномъ итогѣ повелъ и къ абсолютному увеличенію площади засѣва и къ относительному въ смыслѣ увеличенія помѣщичьей запашки и

уменьшенія крестьянской. Помѣщикъ вообще стремился какъ можно больше засѣвать. Свербеевъ разсказываетъ о мелкопомѣстныхъ помѣщикахъ, которые не имѣли средствъ и знаній для перехода къ болѣе раціональнымъ способамъ земледѣлія, что они по крайней мѣрѣ стремились какъ можно больше засѣвать, плохо обрабатывали пашню и затрачивали на нее громадную массу дарового крестьянскаго труда.

Такъ, помѣщичье хозяйство къ половинѣ XIX вѣка осложнилось. Оно превратилось въ большую сельско-хозяйственную фабрику, гдѣ требовалось не только большое количество труда, но и труда, сопровождаемаго новыми пріемами, труда технически усовершенствованнаго—труда, который былъ непривыченъ для пахаря. Съ другой стороны неподготовленность русскаго дворянства къ раціональному хозяйству, нервность его въ поискахъ системъ хозяйства, дающихъ не сбывающіеся на практикѣ доходы, наконецъ, ростъ расходовъ,—все это привело нѣкоторую часть дворянства къ разочарованію въ техническихъ усовершенствованіяхъ, ихъ примѣнимости къ русскому хозяйству, осложненному крѣпостнымъ трудомъ. Въ этомъ разочарованіи были стороны, которыхъ естественно слѣдовало ожидать. Отсюда и замѣтное охлажденіе и къ плодосмѣнному хозяйству и къ употребленію машинъ, что замѣчается уже съ начала 30-хъ годовъ. Разочарованіе основывается на рядѣ неудачныхъ опытовъ. Изъ этой производительной горячки выживаютъ здоровыми только тѣ хозяйства, къ которымъ могли примѣнить капиталы и развить фабрично-заводскія предпріятія. Напротивъ, чисто земледѣльческія хозяйства, подъ вліяніемъ колебанія цѣнъ и неудачи опытовъ, терпятъ иногда сильное пораженіе. Вотъ почему и замѣчается поворотъ въ настроеніи сельскихъ хозяевъ. Шелеховъ, на котораго мы не разъ ссылались и хозяйственная опытность котораго проходила не безъ вліянія на русское сельское хозяйство, въ одной изъ статей, относящихся къ 1835 году, предостерегаетъ отъ безусловняго подражанія западно-европейскимъ порядкамъ и заявляетъ, что русское сельское хозяйство во многомъ отличается отъ западно-европейскаго.

Во всякомъ случаѣ этотъ поворотъ, это разочарованіе новыми пріемами хозяйства означали возрастающій интересъ помѣщика къ усиленію эксплоатаціи крѣпостного труда. Опытъ съ машинами и плодосмѣномъ не удался. Это требовало денегъ, знаній, труда. Несмотря на интересъ къ повышенію доходности помѣстья,

дворянинъ не любилъ напрягать свою мысль, а деньги поглощались выписанными изъ-за границы предметами. Тогда весь интересъ помѣщика обращается къ старинному средству—къ стремленію напречь крѣпостной трудъ. Тотъ же Шелеховъ въ статьѣ, относящейся уже къ 1841 году, совсѣмъ иронически говоритъ о значеніи въ хозяйствѣ химическихъ, физическихъ и тому подобныхъ свѣдѣній: „въ русскомъ хозяйствѣ крѣпостная собственность—основа домоводства". Поэтому помѣщикъ долженъ быть прежде всего искуснымъ распорядителемъ въ своей вотчинѣ. Это очень знаменательный поворотъ мысли, и притомъ мысли вполнѣ доступной и удобной для крѣпостника.

Правда, при напряженіи крѣпостнаго труда помѣщикъ сталкивался съ весьма сложнымъ и трудно поборимымъ явленіемъ—съ малой продуктивностью подневольнаго труда.

Одинъ изъ очень извѣстныхъ экономистовъ этого направленія, Вилькинсъ въ одной изъ своихъ работъ замѣчаетъ, что „въ пословицу уже вошло называть барщиной все то, что медленно, нерадиво и безъ всякой охоты дѣлается". Бар. Гакстгаузенъ мрачно смотритъ на крѣпостного работника даже на своей пашнѣ. „Что касается сельскаго хозяйства крестьянъ въ этой губерніи (Ярославской), то оно ограничивается только необходимостью,—говоритъ изслѣдователь.—Ихъ хозяйство вполнѣ подчиняется неблагопріятнымъ условіямъ почвы и климата. Почва скупо оплачиваетъ трудъ, продукты приходится возить на отдаленный рынокъ и они притомъ стоятъ дешево. Крестьянскій рабочій скотъ слабъ, а русскій рабочій не на столько любитъ земледѣліе, чтобъ употреблять на него продолжительныя и тяжелыя усилія. Чтожъ послѣ этого удивительнаго, что русскій крестьянинъ этихъ мѣстностей занимается земледѣліемъ не съ разсчетомъ на полученіе прибыли, а чтобъ собрать хлѣбъ, нужный для пропитанія семьи и кормъ для скота. Да и едва ли достижима тутъ прибыль. Въ интересахъ крестьянина лежитъ не наибольшее, а наименьшее приложеніе человѣческаго и животнаго труда къ земледѣлію: поселянинъ обработываетъ возможно большую площадь самыми первобытными и по возможности легкими пріемами и поэтому собираетъ ничтожное количество зеренъ"

Съ другой стороны, учитывая ростъ доходовъ отъ земли, ростъ цѣнъ на землю, помѣщики-крѣпостники дѣлаютъ еще новое открытіе,—что крестьянскій трудъ дорогъ, принимая во вниманіе

доходность той земли, которою пользуется крестьянинъ. Однимъ словомъ, крестьянинъ получаетъ отъ земли, по расчетамъ помѣщиковъ этого направленія, больше, нежели даетъ помѣщику своимъ трудомъ.

Надо замѣтить, что въ этой мысли заключается очень вѣрная характеристика положенія вещей. Дѣйствительно, въ общей экономіи труда при принудительномъ трудѣ пропадало очень много народнаго труда. Кіевскій губернаторъ Фундуклей, издавшій описаніе Кіевской губерніи, дѣлаетъ между прочимъ подсчетъ, что въ Кіевской губерніи въ его время помѣщиками требовалось отъ крестьянъ 61.418.000 дней работы. Между тѣмъ на обработку того количества пашни, на которую требовался этотъ трудъ, при болѣе раціональномъ хозяйствѣ, т. е. при наемномъ трудѣ, надо было бы употребить только 17.511.691 день. Онъ приводитъ примѣръ одного имѣнія, имѣющаго 843 ревизскихъ души. Въ этомъ имѣніи мужскихъ рабочихъ 476, женскихъ—414. Барщина полагается: 248 мужскихъ дней и 257 женскихъ. Въ теченіе года рабочіе даютъ 45.000 дней. Изъ этой работы 11 тысячъ дней, т. е. 25°/o, поглощается обработкой продуктовъ, потребныхъ для содержанія многочисленной дворни, часть дней пропадаетъ вслѣдствіе неинтенсенсивности крѣпостного труда. По словамъ записки Кавелина, экономія народнаго труда теряла половину его при условіяхъ барщиннаго труда.

Всѣ эти разсужденія, наблюденія и выводы приводили сельскихъ хозяевъ къ той мысли, что необходимо поставить крѣпостной трудъ въ такія условія, при которыхъ онъ былъ бы наиболѣе интенсивнымъ и затѣмъ крестьянинъ для собственныхъ нуждъ пользовался бы наименьшимъ количествомъ земли.

Безспорно, были такіе хозяева, которые видѣли улучшеніе крѣпостного труда въ томъ, чтобы поставить крестьянина въ болѣе сносныя экономическія условія и сдѣлать его болѣе культурнымъ работникомъ. Отсюда стремленіе нѣкоторыхъ открывать въ селахъ школы, устраивать сельскіе банки, больницы, заводить запасные хлѣбные магазины, или мірскія запашки на случай голодовокъ; сюда же относится принудительное введеніе болѣе раціональныхъ способовъ земледѣлія въ крестьянской средѣ и т. п. Но громадное большинство помѣщиковъ проще смотрѣло на дѣло, приписывая малую продуктивность крѣпостного труда лѣни и другимъ врожденнымъ порокамъ крестьянина. По мнѣнію Вилькинса,

крестьяне вообще слишкомъ много имѣли своей земли, съ которой не могли справиться, почему и не имѣли времени работать на барщинѣ, или къ этой работѣ не прилагали должнаго труда. Поэтому крѣпостники придумывали иные способы экономіи крѣпостного труда.

Эти способы во-первыхъ заключались въ развитіи такъ назыв. мѣсячины. Уже въ концѣ XVIII вѣка нѣкоторые помѣщики начали переводить барщинныхъ крестьянъ въ число постоянныхъ рабочихъ, давая имъ содержаніе хлѣбомъ и сверхъ того иногда разрѣшая имѣть огороды и скотъ. Въ 30-хъ годахъ проповѣдь въ этомъ направленіи дѣлается особенно усиленой, и количество мѣсячниковъ въ нѣкотор. губ. достигаетъ до 1,74% крѣпостныхъ крестьянъ. Это было такимъ образомъ обезземеленіе крестьянина и переводъ его въ совершенно рабское состояніе.

Положеніе такихъ крестьянъ было тяжелымъ. Самаринъ такъ ихъ характеризуетъ: „Не имѣя ни собственныхъ избъ, ни земли, ни хозяйства, они получаютъ отъ своего помѣщика помѣщеніе, обыкновенно въ нарочито выстроенныхъ флигеляхъ или казармахъ, по нѣскольку семействъ въ одной избѣ, получаютъ опредѣленное продовольствіе, одежду и за то круглый годъ работаютъ на него цѣлой семьею... Этотъ классъ въ общей массѣ крѣпостного сословія теперь еще незначителенъ по своей числительности, но,—подчеркиваетъ Самаринъ,—онъ обращаетъ на себя вниманіе по самой недавности его происхожденія, какъ классъ новѣйшаго образованія. Въ его лицѣ предъ нами является послѣднее произведеніе крѣпостного права и грозный намекъ на дальнѣйшій путь его развитія“. Предсказаніе совершенно вѣрное.

Съ другой стороны, въ стремленіи усилить барщинный трудъ помѣщики отягчаютъ его тѣмъ, что съ поденной работы переводятъ на поурочную работу. Разумѣется, опредѣленіе урока зависитъ отъ усмотрѣнія помѣщика. Въ общемъ переходъ къ поурочной работѣ очень тяжело отразился на крестьянскомъ трудѣ.

Таковы были многообразные способы, къ которымъ пришла крѣпостническая мысль въ цѣляхъ большей утилизаціи крѣпостного труда. Но само собою разумѣется, что на ряду съ этимъ крѣпостническая среда на практикѣ очень обычно прибѣгала, для увеличенія доходности имѣній, къ простому способу — къ требованію увеличенія оброка, или дней барщины, доводя это тре-

бованіе до размѣровъ, опредѣляемыхъ вкусами и потребностями помѣщика.

Такъ мы подошли къ ряду весьма важныхъ соотношеній, которыя требуютъ дальнѣйшаго развитія и обоснованія. Выводъ изъ предыдущаго заключается въ томъ, что количественное увеличеніе дворянскаго класса и увеличеніе его потребностей только въ относительно немногихъ и болѣе счастливыхъ сочетаніяхъ находили себѣ удовлетвореніе въ такомъ трудѣ крѣпостныхъ, который не былъ тяжелымъ напряженіемъ ихъ силъ. И количество дворянства въ соотношеніи съ количествомъ крѣпостныхъ, и обиходъ его жизни, и отсутствіе у него капитала, и, наконецъ, отсутствіе у него устойчиваго и увѣреннаго стремленія къ постановкѣ раціональнаго хозяйства, отсутствіе способности и спокойствія выжидать увеличенія доходности имѣній, какъ отдаленнаго результата ума, энергіи и капитала, вложенныхъ въ землю—вотъ тотъ рядъ условій, который неминуемо отражался на экономическомъ и моральномъ строеніи крѣпостного класса. Сельскій хозяинъ нервно стремился къ превращенію своего имѣнія въ обширную сельско-хозяйственную фабрику, примѣнялъ плантаторскіе пріемы эксплоатаціи, уставалъ отъ работы мысли и обращался къ такому способу эксплоатаціи крѣпостного труда, который наиболѣе соотвѣтствовалъ даннымъ физико-географическимъ условіямъ.

Эти условія намѣтились уже къ концу XVIII столѣтія, а въ извѣстной мѣрѣ и ранѣе. Въ зависимости отъ физико-географическихъ условій, основной фонъ экономической жизни образовался въ томъ смыслѣ, что помѣщики центральныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, слѣдовательно губерній не черноземныхъ, считали для себя невыгоднымъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, предоставляя всю или значительную часть земли въ пользованіе крестьянъ; но съ другой стороны мало плодородная почва этихъ мѣстностей, въ связи съ относительной перенаселенностью, не давала возможности и крестьянину базировать свое благосостояніе, даже оплачивать подати и оброки, земледѣльческимъ трудомъ. Поэтому кустарные и отхожіе промыслы здѣсь всегда были крупнымъ явленіемъ, а система помѣщичьяго хозяйства заключалась во взиманіи съ крестьянъ оброка деньгами и частью натурой. Напротивъ, на черноземѣ даже экстенсивное хозяйство давало больше выгодъ, почему и привлекало вниманіе помѣщичьяго класса.

Такое положеніе вещей обусловливалось физико-географическими и климатическими причинами. Такъ, слѣдовательно, въ центрѣ и на сѣверѣ преобладалъ оброкъ, въ черноземной полосѣ—барщина. „Опытъ долженъ былъ показать помѣщикамъ, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, что получить доходъ отъ земледѣлія было выгоднѣе, овладѣвая получаемыми съ нея произведеніями крѣпостного труда, въ промыслахъ же наоборотъ предоставить свободу крестьянину,обложивъ его только надлежащимъ оброкомъ“, Съ теченіемъ времени весь сѣверъ сталъ оброчнымъ, а черноземный югъ—барщиннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже къ концу XVIII вѣка такое раздѣленіе можно считать намѣченнымъ. Такъ, въ этотъ періодъ сѣверный районъ имѣлъ 81,7% оброчныхъ крестьянъ и только 18,3% барщинныхъ; московскій центръ по числу оброчныхъ крестьянъ даетъ 57,7% и барщинныхъ 42,3%. Напротивъ, центральный земледѣльческій районъ насчитываетъ только 22,9% оброчныхъ и 77,1% барщинныхъ крестьянъ; въ сѣверо-западномъ районѣ, впрочемъ, только около трети крестьянъ были на оброкѣ, остальные—на барщинѣ.

Впрочемъ, эти общія соотношенія нѣсколько блѣднѣютъ сравнительно съ отдѣльными погубернскими данными. Такъ, напримѣръ, въ Костромской губ. въ это время считалось 85% оброчныхъ крестьянъ, въ Вологодской 83% и даже въ Нижегородской 82%. Въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ процентъ оброчныхъ опускался до 26%. Между тѣмъ къ 60-мъ годамъ по матеріаламъ редакціонныхъ комиссій получается картина увеличенія оброчныхъ крестьянъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и уменьшенія ихъ въ губерніяхъ черноземныхъ. Рядъ южныхъ губерній даетъ процентъ оброчныхъ крестьянъ менѣе 10, въ Новороссіи ихъ было всего 0,8%, въ восточной Малороссіи—0,7%, а въ западной ея половинѣ—1,9%. Однимъ словомъ, гдѣ былъ черноземъ, особенно свѣжій невыпаханный еще, тамъ господствовало исключительно барщинное хозяйство. Въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ, въ средне и нижне-волжскомъ, т. е. въ мѣстностяхъ, гдѣ захватъ чернозема совершился раньше, гдѣ населеніе было гуще и гдѣ черноземные уѣзды перемежались съ нечерноземными,—тамъ процентъ оброчныхъ крестьянъ колеблется отъ 22,9 до 26,8%, падая иногда даже до 14% (Казанская губернія). Напротивъ, количество оброчныхъ въ Московскомъ промышлен-

номъ центрѣ къ половинѣ столѣтія значительно выросло, поднявшись до 61,4% (вмѣсто 57,7 въ концѣ XVIII вѣка). Сѣверноволжскія промысловыя губерніи даютъ процентъ оброчныхъ отъ 84 до 88% (кромѣ Тверской).

Однимъ словомъ, соотношенія, намѣтившіяся еще къ концу XVIII вѣка, къ эпохѣ раскрѣпощенія опредѣлились рѣзче. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ увеличеніе оброчныхъ крестьянъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ сдѣлало очень большіе успѣхи, напримѣръ, въ Московской оно дало увеличеніе на 32%, во Владимірской на 20%.

Такимъ образомъ сказанное можно резюмировать словами депутатовъ 2-го призыва, характеризовавшихъ положеніе вещей такъ: „Тамъ, гдѣ ремесла, торговля или фабричная промышленность представляютъ болѣе выгодъ, чѣмъ хлѣбопашество, значительная часть труда крестьянъ употребляется не на обработку земли, а на эти промыслы, и оказывается болѣе удобнымъ или выгоднымъ прикупать самый хлѣбъ на продовольствіе. Понятно, что въ такихъ имѣніяхъ оброкъ зависитъ не отъ качества земли, предоставленной крестьянамъ въ пользованіе, а отъ мѣстныхъ выгодъ и развитія промысловъ. Близость города, пристани судоходной рѣки, большой фабрики, проведеніе шоссейнаго или желѣзнаго пути, способствуя возвышенію благосостоянія жителей, обусловливали и самый размѣръ оброка“.

Хозяйство въ оброчныхъ губерніяхъ было чрезвычайно просто: По словамъ одного изъ членовъ редакціонныхъ комиссій Шишкова, оброчныя имѣнія большей частью находятся въ мѣстностяхъ неплодородныхъ; въ такихъ имѣніяхъ крестьяне пользуются всею землею, принадлежащей имѣнію, и помѣщикъ получаетъ свой доходъ безъ всякихъ расходовъ на управленіе, ремонтъ и проч.

Въ барщинныхъ хозяйствахъ, напротивъ, всѣ усилія помѣщика сводятся къ тому, чтобы поднять интенсивность подневольнаго труда. „Рабочія силы,—говоритъ очень компетентный наблюдатель Самаринъ,—состоящія въ распоряженіи помѣщика, напрягаются до-нельзя, повинности крестьянъ, особенно подводныя, въ имѣніяхъ издѣльныхъ, увеличиваются и взыскиваются, хотя правильнѣе прежняго, но зато строже; крестьянскія поля уменьшаются до послѣдней возможности, и лучшія земли отходятъ отъ нихъ подъ господскую пашню“.

Такова общая картина.

Но подтвержденіе ея въ высшей степени любопытно при сопоставленіи нѣкоторыхъ частностей. Вотъ примѣръ.

Часть уѣздовъ Рязанской губерніи занимаетъ черноземное пространство, другая часть примыкаетъ къ великорусскому суглинку и супеску. Оказывается такая любопытная картина, что количество барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ различныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи наканунѣ реформы было прямо пропорціонально качеству почвы, и чѣмъ хуже почва даннаго уѣзда, тѣмъ больше въ немъ оброчныхъ крестьянъ и наоборотъ. Вотъ любопытная табличка съ указаніемъ % барщинныхъ крестьянъ:

Егорьевскій уѣздъ	3,35%
Касимовскій „	21,60%
Зарайскій и Рязанскій уѣзды	25%
Спасскій уѣздъ	39,58%
Михайловскій уѣздъ	72,14%
Пронскій „	73,02%
Сапожковскій „	76,75%
Раненбургскій „	79,35%
Скопинскій и Данковскій уѣзды	83%
Ряжскій уѣздъ	89,83%

Иногда отдѣльныя мѣстности, дававшія поводъ къ развитію той, или другой отрасли хозяйства, или промысла направляли свою дѣятельность въ сторону того, или иного типа хозяйства. Въ Кологривовскомъ уѣздѣ Костромской губ., вообще выдѣлявшейся по большему количеству оброчныхъ, на одного свободнаго человѣка въ 40-хъ годахъ приходилось 7 крѣпостныхъ, т. е. въ уѣздѣ совершенно доминировало крѣпостное населеніе. Здѣшнее крѣпостное крестьянство было исключительно оброчное, дворяне въ уѣздѣ не жили, предоставивъ всю землю крестьянамъ. Оказывается, что здѣсь былъ весьма распространенъ лѣсной промыселъ, въ особенности постройка судовъ, затѣмъ гонка дегтю. Чухломской уѣздъ по одной замѣткѣ, относящейся даже къ началу XIX вѣка, большею частью былъ населенъ ремесленниками и торговцами. По словамъ Гакстгаузена, въ Ярославской губерніи лишь меньшая часть крѣпостного населенія занимается хлѣбопашествомъ, остальные посвящаютъ свой трудъ промысламъ, и состоятъ на оброкѣ. Напротивъ, въ Вологодской губерніи процентъ оброчныхъ весьма умѣренный. Это, казалось, не соотвѣтствовало

бы почвѣ этой губерніи, но дѣло въ томъ, что здѣсь развитъ сыроваренный промыселъ, которымъ заняты сами помѣщики и на который они употребляютъ трудъ своихъ крестьянъ.

Напротивъ, въ черноземныхъ губерніяхъ все хозяйство приспособлялось къ земледѣлію. Гакстгаузенъ съ немалымъ удивленіемъ описываетъ сельскохозяйственное оживленіе въ этихъ мѣстностяхъ. Въ Казанской губерніи „вообще всѣ здѣшніе помѣщичьи крестьяне состоятъ на барщинѣ, — результатъ непомѣрнаго плодородія почвы и легкаго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, вслѣдствіе близости Волги. Въ губерніяхъ неплодородныхъ, съ дурными путями сообщенія, и потому съ затрудненнымъ сбытомъ, какъ во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, которыя я до сихъ поръ проѣзжалъ, помѣщики охотно отдаютъ всю свою землю крестьянамъ и переводятъ ихъ на оброкъ, но крестьяне тѣхъ губерній не могли не выплачивать настоящаго оброка съ одного земледѣлія безъ помощи промышленности“. Тотъ же наблюдатель сообщаетъ, что въ здѣшнихъ мѣстностяхъ помѣщики оставляютъ на себя отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ всей пашни и что помѣщики даже считаютъ, что здѣшняя земля настолько дорога, что крестьянскій барщинный трудъ не оправдываетъ капитала, который онъ заимствуетъ у помѣщика въ видѣ земли.

Уже рядъ предыдущихъ замѣчаній и наблюденій подсказываетъ, что для крестьянъ экономическія соотношенія къ концу эпохи сложились съ крайней невыгодой, ибо всѣ выгоды отъ экономическаго подъема страны оказались въ рукахъ дворянскаго класса.

Мало того, въ предшествующемъ изложеніи было сдѣлано нѣсколько указаній на обезземеленіе крестьянства въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе давало наибольшій доходъ. Эти указанія мы теперь подтвердимъ болѣе прочными цифровыми данными. Размѣръ надѣловъ довольно трудно опредѣлить въ общихъ данныхъ для XVIII вѣка. Изслѣдователи высказываютъ предположеніе, что во 2-й половинѣ XVIII вѣка въ оброчныхъ губерніяхъ центральной Россіи приходилось около $13^1/_2$ дес. удобной земли на душу, хотя въ зависимости отъ различныхъ условій этотъ средній надѣлъ подвергался значительнымъ колебаніямъ, падая до 6,5, напримѣръ въ Ярославской губерніи, и подымаясь до 28 десятинъ въ Новгородской; даже въ черноземныхъ губерніяхъ надѣлъ у оброчныхъ крестьянъ на душу равенъ былъ $9-15^7/_{10}$ дес. на душу. Эти соотношенія вообще можно признать выгод-

ными для крестьянъ, если припомнимъ, что тогда лѣсу не придавалось большого значенія, т. е. крестьяне могли имъ пользоваться по мѣрѣ своихъ силъ и нуждъ, и что пользованіе сѣнокосными угодьями едва ли находило себѣ ограниченіе въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ его было достаточно. И тѣ свидѣтельства, которыя у насъ имѣются, въ общемъ подтверждаютъ выгодность такихъ соотношеній.

Увлеченіе хозяйствомъ, стремленіе къ извлеченію наибольшихъ отъ него выгодъ къ половинѣ XIX вѣка въ сильной мѣрѣ повліяли на размѣры крестьянской надѣльной земли. Разумѣется, тамъ, гдѣ помѣщикъ находилъ невыгоднымъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, количество надѣльной земли не только было велико, но иногда насильственно набрасывалась крестьянамъ, такъ какъ для интеллигентнаго человѣка 40-хъ и 50-хъ годовъ утѣшеніемъ являлось иногда то соображеніе, что имѣющій большой надѣлъ песчаной земли крестьянинъ можетъ и обязанъ давать помѣщику большіе оброки. Поэтому, напримѣръ, такія губерніи, какъ Ярославская, Костромская, въ которыхъ наиболѣе сильно была развита оброчная система, даютъ и показатель наибольшаго надѣла на одну ревизскую душу: въ первой, напримѣръ, надѣлъ составлялъ 6,8 десят., во второй 5,2 дес. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оброчныхъ, очевидно, въ виду густоты населенія, размѣръ надѣла не отличался значительной высотой. Такъ, напримѣръ, въ Московской губерніи на одну душу приходилось 2,6 дес., въ Калужской—2,5 дес., во Владимірской — 3,1 дес. и т. д. Напротивъ, въ черноземныхъ губерніяхъ замѣчается во всякомъ случаѣ картина болѣе мелкихъ надѣловъ. Кромѣ того надо еще сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: въ первомъ поясѣ колонизаціи чернозема, т. е. въ болѣе старинномъ (Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Пензенская, Воронежская, Казанская, Харьковская, Екатеринославская, Симбирская губ.), размѣръ надѣловъ падаетъ до 2,3—3,1 дес. на душу; изъ этой цѣпи только Тамбовская и Казанская губерніи имѣютъ надѣлъ въ 3,1 и 3,0 дес., остальныя въ общемъ имѣютъ 2,6 дес. Напротивъ, пространства болѣе поздней колонизаціи съ относительно болѣе рѣдкимъ населеніемъ даютъ надѣлы сравнительно болѣе высокіе (Пермская г. и Подольская 5,5 дес., Кіевская 6,6 дес.).

Однимъ словомъ, количество находящейся въ пользованіи крестьянъ земли соотвѣтствуетъ общему направленію хозяйства.

Такимъ образомъ тамъ, гдѣ земли у крестьянина было много, или по крайней мѣрѣ достаточно, тамъ она была мало плодородна и крестьянинъ долженъ былъ изыскивать средства на покрытіе оброка путемъ отхожихъ или иныхъ промысловъ въ виду плохого качества земли. Тамъ, гдѣ земля была хороша—ея у крестьянина было такъ мало, что онъ не могъ нормально питаться.

Но распредѣленіе земли имѣетъ связь съ самой важной стороной крѣпостного быта,—именно съ размѣрами оброковъ и барщины.

Мы уже подготовлены къ тому, что XIX вѣкъ отличается ростомъ оброка и барщины. Самаринъ, какъ и другіе наблюдатели свидѣтельствуетъ, что въ концѣ XVIII вѣка помѣщики довольствовались умѣреннымъ оброкомъ, собираемымъ съ крестьянъ. Это подтверждается новѣйшими изслѣдованіями, которыя хотя и отмѣчаютъ ростъ оброка во второй половинѣ XVIII вѣка, все же опредѣляютъ средній размѣръ денежнаго оброка даже для 90-хъ годовъ этого столѣтія въ среднемъ около 5 рублей. Въ половинѣ же XIX вѣка средній оброкъ равнялся въ великорусскихъ губерніяхъ не менѣе 20 руб. съ тягла. Но въ дѣлѣ оброка цифровыя данныя для столь обширнаго пространства почти не представляютъ возможности составить себѣ сколько-нибудь опредѣленное впечатлѣніе, такъ какъ оброкъ налагался въ силу многоразличныхъ причинъ и въ зависимости отъ экономическихъ условій, характеризующихъ каждую данную мѣстность, а иногда и отъ условій, характеризующихъ зажиточность крестьянина. Отдѣльные факты въ этомъ отношеніи болѣе отчетливо уясняютъ сущность дѣла. Прежде всего очень опытные наблюдатели того времени, какъ, напримѣръ Заблоцкій-Десятовскій и друг., отмѣчаютъ, что съ 1810 года паденіе денежнаго курса оригинальнымъ образомъ повліяло на размѣры оброка: помѣщики стали разсчитывать ассигнаціонные рубли по серебрянному рублю, отъ чего, разумѣется, фактическій оброкъ поднялся въ нѣсколько разъ. Каждая выгодная конъюнктура въ торговомъ отношеніи давала помѣщикамъ поводъ увеличить оброки, какъ свидѣтельствуетъ названный авторъ, въ томъ предположеніи, что крестьянинъ используетъ подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ, выгоды измѣненій тарифа и т. п. при продажѣ своего хлѣба. Неудивительно, поэтому, что уже въ 20-хъ годахъ XIX вѣка размѣры оброковъ въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаютъ цифры 75 руб. асс. съ тягла и даже 110 руб. съ

тягла и т. д. Но во всякомъ случаѣ замѣтно повышеніе оброковъ въ различныхъ губерніяхъ соотвѣтственно экономическимъ условіямъ каждой данной губерніи.

Обратимся, напр., къ Нижегородской губ. Здѣсь въ общемъ съ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія наблюдается быстрый подъемъ оброка, который съ 90-хъ годовъ этого столѣтія въ среднемъ былъ равенъ 4 р. 75 к. съ души мужского пола, къ 20-мъ годамъ слѣдующ. стол. поднялся до 14 р. 40 к., въ 40-мъ—до 25 р. 83 к. и къ 60-му году доросъ до 35 р. 60 к. Переводъ на серебряный рубль этого роста оброковъ даетъ тѣ же соотношенія роста, т. е. въ общемъ, можно утверждать, что оброкъ съ 20-хъ годовъ XIX в., т. е. къ 1860 году возросъ въ 3 раза.

Но кромѣ денежнаго оброка, во многихъ имѣніяхъ взимаются нѣкоторые поборы натурою, или же существуетъ одновременно и небольшая господская запашка.

Размѣръ оброка имѣетъ весьма слабое соотношеніе съ размѣрами надѣльной земли. Можно здѣсь же указать примѣры, когда крупный оброкъ въ 10 р. 30 к. серебр. съ души комбинировался съ обязательствомъ крестьянъ обработать полдесятины господской пашни (съ тягла), въ уборкѣ сѣна при двухъ десятинахъ надѣльной земли. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ замѣтно стремленіе помѣщиковъ къ увеличенію господской запашки и къ уменшенію крестьнской надѣльной земли до полуторы десят.

Между тѣмъ каково было матеріальное положеніе крестьянъ, имѣвшихъ даже $2^1/_4$ дес. на душу надѣльной земли, сѣнокосъ и дровяной лѣсъ, показываетъ одинъ любопытный примѣръ, интересный еще и потому, что имѣніе находилось въ опекѣ и опекунскій совѣтъ въ конечномъ итогѣ высчиталъ тотъ средній размѣръ оброка, который крестьяне при благосостояніи могутъ платить. Въ имѣніи Тевяшевыхъ, о которомъ мы говоримъ, въ 1830 г. было произведено обслѣдованіе имущественнаго положенія крестьянъ. Изъ 50 дворовъ, 5 оказалось безлошадныхъ; въ остальныхъ 45 оказалось 55 лошадей, приблизительно по одной коровѣ и по $2^1/_2$ овцы на дворъ. Обревизованный запасъ хлѣба показалъ тяжелую картину положенія крестьянъ: въ мартѣ мѣсяцѣ 30 дворовъ совсѣмъ не имѣли запасовъ никакого хлѣба, пять дворовъ могло продержаться до новаго урожая, и остальные—одинъ-два мѣсяца. Опекѣ пришлось констатировать „крайнюю бѣдность крестьянъ“.

При помощи понятыхъ опека выяснила, что крестьяне могутъ платить оброка всего отъ 10 до 15 руб. въ зависимости отъ благосостоянія каждаго двора. Такимъ образомъ въ черноземныхъ губерніяхъ при двухъ десятинахъ надѣла, только 10% крестьянъ не нуждалось въ хлѣбѣ до новаго урожая и почти $^2/_3$ голодали съ марта мѣсяца. Это было въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ доводилъ оброкъ до средней нормы, существующей въ губерніи.

Иногда наложеніе оброка было дѣломъ простой случайности, опредѣляющей настроеніе рабовладѣльца.

Конечно, единичные случаи увеличенія оброковъ столь многоразличны и причины ихъ настолько разнообразны, что нѣтъ никакой возможности (впрочемъ, нѣтъ и особенной нужды) услѣдить за ними. Надо, однако, помнить, что увеличеніе оброковъ было не только дѣломъ помѣщичьяго самоуправства, но даже такъ называемые „добрые помѣщики“ вообще считали своимъ правомъ требовать отъ крестьянъ оплаты различныхъ экстраординарныхъ расходовъ, своихъ личныхъ или связанныхъ съ имуществомъ. Князь Б. Куракинъ, мягкій помѣщикъ, насколько можно судить по сохранившимся документамъ, возлагалъ однако на крестьянъ своей костромской вотчины иногда расходы самого разнообразнаго характера. Въ 1833 году онъ предписываетъ собрать мірской сходъ и объявить ему, что онъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ и что скоро потребные акты будутъ подтверждены судомъ. „Само собой разумѣется, что расходы по сему предмету (т. е. по укрѣпленію за нимъ имѣнія) относятся къ мірской суммѣ“,—добавляетъ новый владѣлецъ. Имъ же было освобождено на волю 15 крестьянъ, которые платили 825 руб. оброка. Само собой разумѣется, что онъ требуетъ отъ оставшихся крѣпостныхъ весь оброкъ полностью и за тѣхъ, которые освобождены княземъ. Его предшественникъ по владѣнію той же вотчиной, князь А. Куракинъ, получивъ донесеніе о происшедшемъ пожарѣ и просьбу о сбавкѣ съ погорѣльцевъ оброка, милостиво соглашается на просьбу, „естли мірская складка оноя (т. е. оброкъ) мнѣ замѣнитъ“. Онъ же, узнавъ въ Петербургѣ о томъ, что нѣкоторые крестьяне его вотчины устроили на свои средства мельницы, полагаетъ, что „справедливость требуетъ“, чтобы владѣльцы мельницъ начали вносить оброкъ. Онъ требуетъ къ себѣ на работы въ петербургскій домъ плотниковъ изъ своей же крѣпостной вотчины; баринъ добрый, почему онъ за употребленный на

ремонтъ матеріалъ заплатилъ самъ, а за работу плотникамъ 50 р. обязываетъ уплатить міръ. И всѣ такія мелочи понемногу увеличивали оброчную тяготу крестьянъ, все это ложилось на міръ. Или вотъ еще образчикъ той случайности, въ силу которой повышался оброкъ. Крестьянинъ Шиповъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о томъ, какъ ихъ барыня пріѣхала въ свою крѣпостную вотчину. Господъ встрѣтили крестьяне въ лучшихъ нарядахъ. „Барыня съ любопытствомъ все разсматривала и потомъ, обратясь къ своему мужу, сказала: „у нашихъ крестьянъ такія нарядныя платья и украшенія: должно быть они очень богаты и имъ ничего не стоитъ платить намъ оброкъ". Не долго думая, помѣщикъ тутъ же увеличилъ сумму оброка". Въ этомъ имѣніи оброкъ доходилъ до 110 руб. съ ревизской души.

Параллельно съ оброками постепенно увеличивалась и барщина и не только въ количествѣ дней, но главнымъ образомъ по своему качеству. Въ концѣ XVIII вѣка 3-дневная барщина была можно сказать обычной; но и тогда уже, по свидѣтельству Болтина, были помѣщики, заставлявшіе работать по 4 дня и болѣе, почти всю недѣлю. Тогда уже крестьянинъ былъ очень сильно отягченъ барщиной работой. Во всякомъ случаѣ сверхъ барщины помѣщики взимали и нѣкоторые поборы—полотномъ, грибами, мясомъ и проч. Въ XIX вѣкѣ законъ считалъ нормальнымъ три дня барщины, но въ отдѣльныхъ случаяхъ она была болѣе 3 дней, при чемъ количество жалобъ и указаній на увеличеніе теперь значительно больше, нежели въ концѣ XVIII вѣка. Но кромѣ того, помѣщикъ, если даже у него оффиціально требовалось 3-хъ дневная барщина, отягчалъ крестьянъ требованіемъ сгона, т. е. работъ, на которыхъ поголовно всѣ работали. Затѣмъ мы отмѣтили уже расширяющійся принципъ требованія вмѣсто поденной барщины поурочной работы. Наконецъ, много крестьянскихъ жалобъ было въ XIX вѣкѣ на такой типъ барщины, какъ извозная повинность, главнымъ образомъ употреблявшаяся на доставку хлѣба къ центральнымъ рынкамъ, наконецъ, гонка дегтю и т. д.

Разумѣется, барщинные порядки въ различныхъ мѣстностяхъ и губерніяхъ бывали весьма неодинаковы. Такъ, напримѣръ, въ Нижегородской губерніи число барщинныхъ крестьянъ наканунѣ реформы было немного—около 12%. Отношеніе между барской запашкой и крестьянской сводится въ общемъ къ тому, что бар-

ская запашка въ среднемъ была менѣе крестьянской и именно почти на половину менѣе. Очень трудно учесть среднее количество работы, требуемой помѣщиками отъ крестьянъ. Она не поддается никакому среднему учету, такъ какъ въ каждомъ имѣніи были свои порядки. Но въ общемъ жалобы отъ барщинныхъ крестьянъ идутъ интенсивнѣе, нежели отъ оброчныхъ, и указываютъ на болѣе тяжелое положеніе барщинныхъ крестьянъ. То крестьяне имѣютъ только 1—2 дня въ двѣ недѣли на свою работу, то ихъ выгоняютъ на работу даже въ двунадесятые праздники; есть случаи, когда крестьяне работаютъ по 6 дней въ недѣлю, воскресенье же остается для ихъ работы; есть доказанные случаи ночной работы на поляхъ крестьянъ; жалобы на то, что крестьяне питаются часть года мякиной, которой не хватаетъ на то, что сверхъ барщины крестьяне должны давать разнаго рода поборы натурою и т. п. проходятъ по разнымъ городамъ и разнымъ мѣстностямъ Нижегородской губерніи.

Напротивъ, по сдѣланнымъ подсчетамъ для Рязанской губерніи, здѣсь на помѣщика приходилось около 140 дней съ тягла; однако, многолѣтній опытъ А. И. Кошелева, записавшаго число отбываемыхъ крестьянами дней, удостовѣрилъ его, что въ среднемъ крестьянинъ съ тягла отбывалъ 120 мужскихъ дней въ году и 40 женскихъ.

Но, конечно, здѣсь общихъ нормъ не было.

Во всякомъ случаѣ, всѣ тѣ данныя, при помощи которыхъ мы только что старались охарактеризовать положеніе крѣпостного крестьянина наканунѣ реформы, вѣско говорятъ намъ о томъ, что положеніе крестьянина съ теченіемъ времени ухудшилось и что наканунѣ раскрѣпощенія оно достигало ужасающихъ размѣровъ. Выгоды отъ подъема торговли и промышленности не только не переходили въ карманы крестьянъ, но оказались роковыми для ихъ матеріальнаго положенія. Отовсюду, какъ изъ среды помѣщиковъ-крѣпостниковъ, такъ и изъ среды людей, иными глазами смотрѣвшихъ на крѣпостное право, слышатся жалобы на обѣднѣніе и оскудѣніе крестьянства. Добродѣтельные политико-экономы крѣпостной эпохи писали цѣлые трактаты о печеніи хлѣба изъ различныхъ суррогатовъ, напр., изъ исландскаго моха и т. п. А. И. Кошелевъ, наблюдательности котораго можно вѣрить, въ своей запискѣ свидѣтельствуетъ объ обѣднѣніи крестьянства Рязанской губерніи, ближе ему извѣстной. И тогда уже кре-

стьянинъ спѣшилъ отвезти на рынокъ сборъ урожая для того, чтобы оплатить подати, продавалъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ, а къ веснѣ покупалъ его по высокой.

Въ исторіи крѣпостного крестьянства есть еще одинъ печальный фактъ, который мощно говоритъ намъ объ обѣднѣніи крестьянъ. Онъ извлекается изъ сопоставленія данныхъ о ростѣ крѣпостного населенія.

Цифры вскрываютъ чрезвычайно важное явленіе—именно то, что крѣпостное населеніе въ своемъ численномъ составѣ за послѣднее полустолѣтіе почти не увеличивается. Это особенно сказывается въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ крѣпостное право было исконнымъ, давнимъ явленіемъ. Такъ, напримѣръ, въ Московскомъ центрѣ, состоявшемъ изъ Московской, частью Калужской, Тульской, Владимірской, Рязанской, Костромской и Ярославской губ., населеніе за 1¼ вѣка (съ 1724 по 1858 г.) должно было бы увеличиться на 8,4 милліона, на самомъ дѣлѣ оно увеличилось только на 1,1 милліона, т.-е. приростъ менѣе нормальнаго на 7,3 мил. Въ 1724 г. крѣпост. населенія здѣсь было 3,4 мил., а въ 1858 г. только 4,5 милліона.

Въ мѣстностяхъ Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой и Петербургской губерній., т-е. опять таки въ старомъ Новгородскомъ центрѣ, разница между естественнымъ приростомъ и дѣйствительнымъ выразилась въ 1,3 мил. Сопоставленіе этихъ двухъ цифръ уже сразу вскрываетъ цѣлую картину ненормальнаго состоянія прироста населенія: наиболѣе старинный крѣпостническій центръ дастъ совершенно ничтожный приростъ за столь продолжительное время, мѣстность, гдѣ крѣпостное право, по крайней мѣрѣ частью (Петербургская губ.), позже водворилось, тамъ все-таки приростъ населенія значительно выше. Правда, изъ центра крѣпостное населеніе отливало на югъ, въ Поволжье и частью въ Сибирь. Такъ, губерніи къ югу отъ Тулы (Харьковская, частью Курская и Пензенская, Воронежская, южная часть Тульской, Рязанская, Тамбовская и Орловская) даютъ усиленный приростъ населенія: здѣсь населеніе увеличилось за тотъ же періодъ на 4,1 мил. болѣе нормальнаго прироста, поволжскія губерніи, начиная отъ Нижняго Новгорода, а также Прикамскія (Вятская и Пермская) даютъ приростъ на 4,8 мил. болѣе нормальнаго.

Это значитъ, что изъ центральныхъ губерній, гдѣ крѣпостное право сгустилось до высшихъ предѣловъ, замѣчается отливъ

въ Поволжье, на югъ и въ Сибирь (въ Сибири населеніе выросло на 0,3 мил. болѣе нормальнаго прироста). Но отливъ населенія во вновь колонизуемыя мѣста въ количественномъ отношеніи вовсе не покрываетъ естественнаго роста населенія во всей Россіи. Дѣйствительный приростъ крѣпостного населенія поражаетъ своею медленностью: оно почти не увеличивается. Это особенно сказывается рельефно, если приростъ крѣпостного населенія сравнивать съ приростомъ населенія государственныхъ крестьянъ. Такъ, на территоріи 27 великорусскихъ губерній за 3/4 вѣка, (съ 1782 по 1858 г.) приростъ населенія въ средѣ государственныхъ крестьянъ далъ увеличеніе на 77,8%; приростъ же въ составѣ помѣщичьихъ крестьянъ далъ увеличеніе населенія всего на 26,5%. Но еще болѣе замѣчательно то обстоятельство, что приростъ крѣпостного населенія съ 1835 г. совсѣмъ падаетъ. Такъ, напримѣръ, въ Московскомъ промышленномъ центрѣ къ 1858 г. помѣщичьихъ крестьянъ убыло на 5,2%, въ сѣверо-западной области, т.-е. въ старомъ Новгородскомъ раіонѣ тоже на 5,1%, въ сѣверо-восточномъ районѣ (Вятская, Пермская, Оренбургская, Уфимская губ.)—даже на 16¼% и т. д.

Такимъ образомъ, не только пріостановился ростъ крѣпостного населенія, но оно уменьшалось, и съ довольно внушительной быстротой. Отливъ его на югъ, случайное бѣгство и т. д. вовсе не объясняютъ такой убыли населенія. Уже статистики 50-хъ годовъ пытались найти причину уменьшенія крѣпостного населенія. Нѣкоторые готовы были видѣть ее (Тройницкій) въ рекрутской повинности, но и послѣдняя отвлекала слишкомъ незначительное число людей для того, чтобы дать столь плачевный результатъ. Поэтому скорѣе можно согласиться съ Н. Х. Бунге, который тогда уже объяснялъ уменьшеніе крѣпостного населенія повышеніемъ эксплоатаціи крѣпостного труда со стороны помѣщиковъ. По его наблюденіямъ, въ болѣе отдаленную эпоху примѣненіе обязательнаго труда было менѣе обременительно для крестьянъ, между тѣмъ къ эпохѣ паденія крѣпостного права стремленіе въ средѣ помѣщиковъ къ извлеченію выгодъ стало сказываться съ особенною силою. Это значитъ, что тяжелая работа на помѣщиковъ и недостатокъ времени для обработки собственныхъ полей отражались на уменьшеніи питанія крестьянскаго населенія и вообще ослабляли его физическія силы. Населеніе вымирало точно также, какъ вымирали негры, какъ вымираютъ и другія усиленно эксплоатируемыя европейцами инородческія племена.

Эту причину уменьшенія крѣпостного населенія слѣдуетъ признать основной, но не надо забывать и дополняющихъ ее обстоятельствъ, именно рекрутчины, тяготы государственныхъ податей и повинностей, преслѣдованія раскольниковъ. Однимъ словомъ, рядъ этихъ причинъ давалъ ужасающее явленіе, учтенное еще въ 50-хъ годахъ, т. е. наканунѣ раскрѣпощенія, пріостановку роста и даже вымираніе крѣпостного населенія.

Въ заключеніе нашего обзора экономическаго строя крѣпостного крестьянства наканунѣ раскрѣпощенія, считаемъ необходимымъ привести общія числовыя данныя о числѣ крѣпостныхъ и о распредѣленіи ихъ по губерніямъ. Учетъ крѣпостного крестьянства послѣдній разъ былъ сдѣланъ наканунѣ реформы по 10-й ревизіи, въ 1858 году. Въ разработкѣ Тройницкаго эти данныя даютъ число крѣпостного населенія Россіи въ 23.069.631 душъ обоего пола (въ томъ числѣ 11.244.913 м. п. и 11.824.718 ж. п.). По отношенію ко всему населенію Россіи крѣпостное крестьянство составляло 34,39% (все народонаселеніе тогда исчислялось въ 67 милліоновъ). По составу своему въ крѣпостномъ крестьянствѣ того времени основную группу составляли помѣщичьи крестьяне (22.284.876 душъ о. п.), затѣмъ заводскіе и фабричные крестьяне (542.599 д. о. п.) и наконецъ крестьяне разныхъ казенныхъ вѣдомствъ (242.156 д. о. п.). Распредѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ на крестьянъ надѣльныхъ и дворовыхъ представляло собой соотношеніе, въ силу котораго дворовыхъ числилось 6,79% (1.467.378 д. о. п.) и надѣльныхъ—93,21% (20.158.231 д. о. п.), т. е. иными словами дворовые составляли около четырнадцатой части всѣхъ крѣпостныхъ. Въ это число не входитъ 354.324 душъ обоего пола крѣпостныхъ крестьянъ, состоявшихъ за ихъ владѣльцами на такъ наз. условномъ правѣ (въ западно-русскихъ губерніяхъ). Всѣ эти крестьяне, за ничтожнымъ исключеніемъ, сидѣли на землѣ.

Что касается распредѣленія крѣпостного населенія по губерніямъ и районамъ, то въ этомъ отношеніи надо замѣтить, что наименьшее количество крѣпостныхъ было въ губерніяхъ, гдѣ крѣпостное право не составляло исконнаго института. Такъ напримѣръ въ Сибири, въ Закавказскомъ краѣ, на крайнемъ югѣ (губ. Таврическая, Ставропольская, Астраханская, Оренбургская) крѣпостныхъ крестьянъ было немного; въ Сибири, напр., ихъ числилось всего 4 съ небольшимъ тысячи. Русскій сѣверъ также да-

валъ сравнительно небольшое число крѣпостныхъ крестьянъ (въ Олонецкой губ. было $11^{1}/_{2}$ тысячъ, въ Вятской 56 тысячъ, въ Архангельской ихъ совсѣмъ не было). Наибольшее количество крѣпостныхъ было въ губерніяхъ, гдѣ крѣпостные порядки установились изстари, наконецъ первый поясъ южной колонизаціи уже давалъ довольно значительное число. Во всякомъ случаѣ 17 губерній Московскаго центра, Юго-западнаго края, три губерніи бѣлорусскія въ составѣ своего населенія имѣли болѣе 50% крѣпостныхъ. Замѣтимъ, что Московская губернія (36,84%) и Петербургская (24,03%) имѣли сравнительно небольшой процентъ, что объясняется привлеченіемъ въ столицы самаго разнообразнаго люда. Во всякомъ случаѣ только 6 губерній имѣли крѣпостныхъ крестьянъ менѣе 5% (Таврическая, Олонецкая, Вятская, Астраханская, Ставропольская, Бессараб. обл.); шесть губерній имѣли отъ 25 до 30% крѣпостныхъ и 20 отъ 25 до 50% крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ, болѣе трети населенія Россіи состояло въ крѣпостной зависимости отъ 112.560 помѣщиковъ (м. п.). Разумѣется, и такое соотношеніе очень значительно. Но оно будетъ гораздо рельефнѣе, если мы припомнимъ, что въ составъ русской территоріи и населенія того времени входитъ рядъ пространствъ, гдѣ крѣпостного права или не было, или гдѣ оно не развилось. Такимъ образомъ основныя русскія губерніи Московскаго центра и Юго-западнаго края рѣзко выдѣляются по значительному количеству въ нихъ крѣпостного населенія. Такъ въ общемъ вся коренная Россія окрашивалась въ крѣпостническій цвѣтъ.

Цѣлый рядъ наблюденій, которыя только что мы сдѣлали, подводятъ насъ къ выводу, опредѣляющему причины паденія крѣпостного права. Огромное государство переживаетъ очень сложную эволюцію перехода къ новому для него капиталистическому строю. Нарождающіяся новыя экономическія соотношенія не могутъ улечься въ рамки старинныхъ отношеній между землевладѣльцемъ и крѣпостнымъ работникомъ. Крѣпостное право вырождается, ветшаетъ. Въ крестьянской средѣ оно вызываетъ такое настроеніе, которое ясно указываетъ на невозможность дальнѣйшаго его существованія. Съ одной стороны крѣпостное крестьянство бѣднѣетъ и, какъ слѣдствіе его матеріальнаго оскуденія, въ его средѣ наблюдается вымираніе. Всѣ отрицательныя черты крѣпостного быта сгущаются къ моменту раскрѣпощенія. Относительно значительной доли крестьянства крѣпостное право превращается въ оголенное душевладѣніе.

Если душевладѣніе въ чистой формѣ выгодно для одной части помѣщиковъ, то для другой оно представляетъ весьма сомнительныя выгоды. Дѣйствительно, великорусскіе помѣщики, гдѣ преобладала оброчная система, крѣпче другихъ въ эпоху освобожденія отстаивали принципъ владѣнія личности. Когда же это отстаиваніе оказалось безнадежнымъ, помѣщики этихъ губерній по крайней мѣрѣ стремились провести ту мысль, чтобы крестьяне были выкуплены съ надѣлами и на такихъ условіяхъ выкупа, который оплачивалъ бы не только землю, но и обязательный трудъ крестьянина, то есть его личность. Напротивъ, помѣщики черноземныхъ губерній слишкомъ дорожили землею, готовы были разстаться съ крѣпостнымъ правомъ, при условіи безземельнаго освобожденія, или такого, который удерживалъ бы крестьянъ въ предѣлахъ имѣнія (усадебной осѣдлости), побуждая въ тоже время крестьянъ искать работы на помѣщичьихъ земляхъ.

Такова была та экономическая почва, которая подготовляла и обосновывала закрѣпощеніе: раскрѣпощеніе было или выгодно, или прямо въ интересахъ извѣстной части помѣщиковъ, со всей очевидностью не противорѣчило интересамъ другихъ, и во всякомъ случаѣ интересы выкупа примирили ту часть помѣщиковъ, у которой крѣпостное право превратилось въ чистое рабство.

Въ самомъ дѣлѣ, мы уже нѣсколько разъ отмѣчали, что несмотря на широкій подъемъ, далеко не всѣ слои дворянства использовали результаты этого подъема. Дѣйствительно, благосостояніе дворянъ не улучшается, но въ общемъ падаетъ.

Благодаря массовой раздачѣ земель при Екатеринѣ II при ея преемникѣ появляется къ концу XVIII с. рядъ новыхъ крупныхъ состояній, или увеличиваются прежнія. Дворянство принимаетъ большое участіе въ промышленности страны. Въ 1773 году одна треть фабрикатовъ, даваемыхъ полотняными и суконными фабриками, единственно развитой въ то время промышленности, получается на дворянскихъ фабрикахъ. Уральскіе горные заводы исключительно находятся въ рукахъ того же класса. Но при дальнѣйшемъ ростѣ промышленности это господство дворянскаго класса быстро падаетъ. Въ 1832 году дворянскія фабрики составляютъ не болѣе 15 % всѣхъ, а въ 40-хъ годахъ, по подсчетамъ Гакстгаузена, количество дворянскихъ фабрикъ не превышало 5 % всѣхъ.

Все это означаетъ, что дворянство, не смотря на то, что обладаетъ обширнымъ поземельнымъ и движимымъ капиталомъ, не можетъ конкурировать и не умѣетъ конкурировать съ наростающей вольной фабрикой. Съ другой стороны эти соображенія являются указаніемъ на фактъ обѣднѣнія дворянства къ концу крѣпостной эпохи, такъ какъ участіе ихъ въ ростѣ промышленности не только относительно, но и абсолютно падаетъ.

Фактъ обѣднѣнія дворянства вскрывается еще при помощи одного важнаго показателя—именно къ 60-мъ годамъ быстрымъ темпомъ растетъ задолженность дворянскаго землевладѣнія. Въ 1859 году въ залогѣ оказывается 39,54% всѣхъ имѣній и 64,54% всего крѣпостного населенія имперіи. Среди наиболѣе задолженныхъ губерній оказывается рядъ губерній перваго пояса колонизаціи чернозема и нѣкоторыя наиболѣе промышленныя, то есть такія губерніи, гдѣ хозяйственныя условія были найлучшими; въ нѣкоторыхъ изъ такихъ губерній % заложеннаго крѣпостного населенія доходилъ до 80—82%. Кромѣ того въ залогѣ были наиболѣе крупныя имѣнія. Такимъ образомъ какъ положеніе дворянства, такъ и положеніе крестьянства наканунѣ реформы было таково, что ликвидація долга представлялась для него вопросомъ въ высшей степени серьезнымъ.

Таковы были экономическія соотношенія, которыя застаетъ періодъ реформъ. Эти соотношенія отражались на настроеніи и дворянскаго общества и крестьянскихъ массъ. Послѣднія глухо выражали свое недовольство, въ дворянской средѣ замѣтна растерянность; съ одной стороны оно боится разстаться съ крѣпостнымъ правомъ, съ другой стороны начинаетъ сознавать необходимость этого момента и даже его полезность. Но разставаясь съ крѣпостнымъ правомъ, дворянство употребило всѣ усилія, чтобы сдѣлать это съ наибольшей для себя выгодой.

ГЛАВА VIII.

Настроеніе общества наканунѣ реформъ.

„Сверху блескъ; внизу гниль. Въ твореніяхъ оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины“,—характеризовалъ Валуевъ въ своей „Думѣ русскаго“ Николаевскій режимъ.

Въ эпоху Севастопольской войны Россія переживала тяжелыя испытанія. Николаевскій режимъ нашелъ въ ней заслуженную оцѣнку. Независимо отъ партій, настроеній, мнѣній, люди переживали тяжелую національную обиду. „Вѣсть о паденіи Севастополя,—писалъ одинъ изъ интеллигентнѣйшихъ людей того времени Т. Грановскій, заставила меня плакать. А какія новыя утраты и позоры готовитъ намъ будущее! Будь я здоровъ, я ушелъ бы въ милицію безъ желанія побѣды Россіи, но съ желаніемъ умереть за нее. Душа моя наболѣла за это время. Здѣсь всѣ порядочные люди поникли головами“. И независимо отъ партій для всѣхъ были ясны причины національнаго паденія. „Ахъ, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело порою жить въ Россіи, въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмана, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ-мерзавцевъ, хлѣбосоловъ-взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ—отцовъ и благодѣтелей взяточниковъ!... Въ моемъ воображеніи представляется весь образъ управленія, всей махинаціи административной“. Такъ писалъ И. С. Аксаковъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые такъ горячо и чисто любили родину. И этотъ человѣкъ, проникнутый идеей величія Россіи въ прошломъ, съ такой вѣрой и любовью относившійся къ русскому народу, въ отчаяніи высказываетъ мысль, его самого ужасающую: „Чего можно ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство?“ Люди вѣрующіе готовы были видѣть Божью кару, постигшую народъ: „Благословеніе Божіе не знаменуется бѣдствіями“,—характеризуетъ Валуевъ. Старожилъ, прожившій всю жизнь въ глухой

провинціи, не принадлежавшій ни къ какимъ партіямъ, не зараженный никакими теоріями, обыкновенный средній помѣщикъ—Пушечниковъ, среди замѣтокъ о наиболѣе интересовавшихъ его урожаѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ и пр.,—и тотъ не выдерживаетъ, дѣлаетъ отступленія, задаваясь тревожными размышленіями. Народъ, разсуждаетъ онъ, все принесъ государству; но „только государственные сановники и царедворцы оставались равнодушными свидѣтелями гибели отечества и ничѣмъ не жертвовали... Всѣ способности этихъ бездушныхъ, пресмыкающихся у трона, тварей употреблены были на разныя интриги противъ людей благонамѣренныхъ и способныхъ, на расхищеніе государственной казны и на вымаливаніе наградъ безъ заслугъ“. И этотъ провинціалъ угадалъ: ни въ письмахъ, ни въ запискахъ сановитыхъ современниковъ Николаевской эпохи вы не найдете ни одной строчки искренняго, теплаго сожалѣнія о постигшемъ горѣ. А между тѣмъ сколько горя, сколько болѣзненнаго страданія за родину, сколько отчаянія о современномъ состояніи встрѣчаемъ мы въ интимной перепискѣ тѣхъ самыхъ людей эпохи, большая часть которыхъ была на учетѣ въ III Отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи.

И при такихъ то условіяхъ со всею поражающею ясностью во многихъ умахъ созрѣла мысль, что реформы необходимы и что прежде всего необходима *реформа*—необходимо сбросить прежде всего рабство, въ которомъ находились крестьяне.

Дѣйствительно, слухи какъ-то сразу, сами собой стали проникать въ общество уже съ перваго момента восшествія на престолъ Александра II. Правда, сначала положеніе новаго правительства было довольно неопредѣленно. Во главѣ его стоялъ человѣкъ, уже ранѣе подготовленный къ дѣлу раскрѣпощенія. Одинъ изъ первыхъ же манифестовъ императора Александра II (19 марта 1856 года) современникамъ могъ казаться намекомъ на раскрѣпощеніе, потому что въ немъ каждому подданному обѣщана охрана „подъ сѣнію закона“. Во время коронаціи въ Москвѣ были произнесены слова, обращенныя къ дворянству,—такія, которыя явились прямымъ отвѣтомъ на ожиданія. Государь сказалъ московскому дворянству: толки о раскрѣпощеніи не основательны, но, „конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“. Здѣсь ска-

залась отчетливая программа новаго правительства, къ выполненію которой оно начинаетъ постепенно приступать. 3 января 1857 г. государемъ учрежденъ секретный комитетъ для разсмотрѣнія вопроса „объ улучшеніи“ быта крѣпостныхъ крестьянъ, а 21 ноября 1858 года правительство сдѣлало уже публичное заявленіе о своемъ намѣреніи радикально пересмотрѣть крѣпостной вопросъ: тогда былъ изданъ высочайшій рескриптъ на имя виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора Назимова.

Такъ положено было начало, отступить отъ котораго уже не было возможности.

Изданіе первыхъ же рескриптовъ, первыхъ же заявленій государя, учрежденіе секретнаго комитета, о которомъ всѣ, однако, знали,—все это произвело сильное впечатлѣніе на общество, всѣ заговорили.

И обѣ столицы и глухая провинція оживились. „Здѣсь въ Петербургѣ,—писалъ Кавелинъ Погодину,—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества“. Разумѣется, толки главнымъ образомъ касались крестьянскаго вопроса. „Великому дѣлу положено начало. И какое прекрасное начало! Господь умудряетъ слѣпцовъ“, писалъ князь Д. Оболенскій А. В. Головнину, получивъ первое извѣстіе о грядущемъ раскрѣпощеніи. „Главное—приступъ сдѣланъ и назадъ идти нельзя“,—записалъ въ своемъ дневникѣ профессоръ и академикъ Никитенко, самъ случайно избавившійся отъ крѣпостного ига. Но въ своемъ дневникѣ тотъ же Никитенко отмѣчаетъ, что приступъ къ реформѣ всколыхнулъ общество, все заговорило, но такъ заговорило, что бывшій крѣпостной высказываетъ не разъ опасенія за исходъ реформы: „Безконечные толки о свободѣ крестьянъ. Правду сказать, есть о чемъ потолковать. Тутъ затронуты самые существенные интересы общества, многія симпатіи и антипатіи, до сихъ поръ таившіяся въ умахъ. Но, Боже мой, сколько же и нелѣпостей въ этихъ толкахъ!“

Въ самомъ дѣлѣ, въ настроеніи общества чувствовался распадъ съ момента первыхъ рескриптовъ. „Крѣпкій тормазъ лопнулъ, повозка понеслась съ горы... Для насъ наступила переходная эпоха“, пишетъ одинъ современникъ. Все заволновалось, все заговорило, всякій стремился высказать свое мнѣніе. Люди старые,—характеризуетъ тотъ же современникъ.—недовѣрчиво присматри-

ваются къ новому направленію общественнаго мнѣнія. Молодежь окрылена новыми надеждами. Было немало и „крикуновъ“, не умѣвшихъ доказать средствъ къ достиженію лучшаго, но усердно ораторствовавшихъ. Между тѣмъ старое сочеталось съ новымъ: „а подъ этотъ всеобщій шумъ надеждъ и ожиданій, воры по-прежнему ощипываютъ казну, какъ курицу, по-прежнему ночныя дульцинеи ворочаютъ министрами.“

Неудивительно поэтому, что въ эту эпоху подъема многіе безнадежно смотрѣли кругомъ. „Сѣро, сѣро! Глухо, дико, глупо и почти безнадежно,—пишетъ Н. А. Некрасовъ И. С. Тургеневу лѣтомъ 1857 года“. Русская жизнь, разсуждаетъ онъ далѣе, способна поминутно сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, напоминая ему, „какая онъ дрянь и все прочее“. Немалое количество „водовозовъ“, не умѣющихъ писать по-русски, трактуетъ о той или другой сторонѣ реформы. Все общество распалось какъ бы на два слоя: одни съ страшнымъ порицаніемъ и негодованіемъ говорили о реформѣ, другіе ликовали. Надо сказать правду, что негодовавшихъ было значительно больше. Недовольство въ крѣпостнической средѣ достигало необычныхъ для русскаго общества размѣровъ и выказывалось въ очень рѣзкой формѣ. Одни критиковали рескриптъ, другіе предвидѣли всевозможныя бѣдствія, которыя постигнутъ Россію. Дворянская опозиція вездѣ чувствовалась открытая, или замаскированная. Конечно, начали искать виновныхъ.

Такъ, какъ только въ Нижнемъ Новгородѣ получилась копія рескрипта, одинъ изъ тамошнихъ дворянъ пишетъ С. П. Бестужеву-Рюмину: „я не предвижу ничего добраго, въ особенности на первыхъ порахъ не обойдется безъ чувствительныхъ безпорядковъ, которые и теперь появляются.“ Такъ въ первыхъ приступахъ къ освобожденію готовы были видѣть предзнаменованіе печальныхъ грядущихъ событій и это было мнѣніе значительнаго большинства. Немедленно заговорили о томъ, что мысль объ эмансипаціи, „раздута разными говорилами, запала, искоренить ее нѣтъ возможности и во многихъ мѣстахъ открылись даже безпокойства“. Немало было и такихъ консерваторовъ, которые усмотрѣли особый элементъ, опорочивающій первые приступы къ крестьянскому дѣлу,—неумѣстность бюрократическаго начала въ составѣ комитетовъ: „это вмѣшательство назначаемыхъ вноситъ чиновничій элементъ и парализуетъ всякое свободное выраженіе мысли. Неужели безъ этого бѣдственнаго чиновничьяго элемента

не можетъ быть ничего сдѣлано?“ спрашиваетъ авторъ одного письма изъ Москвы въ Парижъ.

Люди, ухватившіеся за эту мысль, готовы были во всемъ обвинять Петербургъ и петербургскую бюрократію. Нѣкто Г. въ письмѣ къ Т. съ большимъ недоброжелательствомъ говоритъ, что новыя начинанія правительства,—„это новый шагъ къ централизаціи и породятъ только хаосъ въ управленіи помѣщичьими крестьянами. Ничего добраго и хорошаго нельзя ожидать, пока не отречетесь отъ Петербурга: для него все, для Россіи – ничего“.

Тутъ готовы были видѣть во всемъ угодничество низшихъ чиновниковъ передъ высшими. Это угодничество ведетъ къ тому что чиновники готовы создать законы для крестьянъ. Изъ этого ничего не выйдетъ—разсуждали тогда многіе: „мужика хотятъ ставитъ подъ защиту закона, а гдѣ онъ, законъ? сказать, что мы находимся подъ защитой: гдѣ у насъ правда, гдѣ право человѣка?“, такъ пишетъ М. изъ Парижа къ своему брату. И далѣе онъ возмущается тѣмъ низкопоклонствомъ, съ которымъ низшіе чиновники относятся къ высшимъ. Очевидно, полагая, что дѣло эмансипаціи выдумано людьми учеными, онъ возмущается,—„какъ ученые, съ высокими воззрѣніями кланяются какому нибудь попечителю, дурню, неучу, вполнѣ сознавая его ничтожество“. Въ этомъ едва ли не слѣдуетъ видѣть намекъ на знаменитаго тогда одесскаго попечителя учебнаго округа Пирогова, кажется, единственнаго либеральнаго и открыто сочувствовавшаго идеѣ реформы попечителя учебнаго округа.

Поиски виновниковъ мысли объ эмансипаціи были среди крѣпостниковъ всеобщими. Ихъ нашли въ чиновникахъ, но были и такіе, которые кромѣ чиновниковъ, указывали еще на учителей. Одинъ нижегородскій помѣщикъ съ большой злобой говоритъ, что учителя и приказные „съ жаромъ защищаютъ эмансипацію“. Конечно, они это дѣлаютъ для того, чтобы „въ мутной водѣ ловить рыбу“. Имъ вѣрятъ мелочные лавочники, цырюльники, ихъ подслушиваютъ извощики, ямщики и проч. Помѣщикъ въ ужасѣ отъ этихъ толковъ и у него остается только слабая надежда: не будетъ ли изданъ высочайшій манифестъ для подавленія всѣхъ этихъ разговоровъ?

Для многихъ проповѣдники эмансипаціи представлялись опасными революціонерами. Тульскій помѣщикъ Ш. очень просто рѣшилъ вопросъ о томъ, кто руководитъ дѣломъ эмансипаціи: „въ

этомъ дѣлѣ, кажется, дѣйствуетъ шайка цѣлая враговъ Россіи для общественнаго спокойствія, и именно такихъ людей, которые были замѣшаны 14 декабря 1825 года“.

Но такъ какъ правительство было за-одно съ бюрократами и революціонерами, то и оно оказалось въ подозрѣніи у крѣпостниковъ. Одинъ казанскій помѣщикъ сообщаетъ, что казанскіе дворяне „начали заподозрѣвать, что правительство имѣетъ заднюю мысль ограничить права помѣщика на землю. Казанцы начали просто бунтовать и неистовствовать, разумѣется, у себя въ кабинетахъ и въ заднихъ комнатахъ дворянскаго собранія. За казанцами заговорили другіе, и недовѣрчивость къ правительству появилась въ то время во многихъ губерніяхъ“. Генералъ-маіоръ Герсевановъ ново-московскій уѣздный предводитель, послалъ прямой доносъ шефу жандармовъ князю В. А. Долгорукову. Въ своей запискѣ онъ доказываетъ, „что дѣйствія комиссіи (редакціонной) клонятся къ ущербу священныхъ правъ самодержавной власти, и что положеніе ея, приведенное въ исполненіе въ томъ видѣ, какъ напечатано, будетъ имѣть послѣдствіемъ всеобщую пугачевщину“. Характеризуя журналы комиссіи, генералъ Герсевановъ доказываетъ, что „духъ преобразованія во многихъ докладахъ есть чистый соціализмъ, который проповѣдовали Прудонъ, Луи Бланъ и ихъ послѣдователи“. Такимъ образомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя комиссіи, гдѣ сидѣло много близкихъ къ царю лицъ, были обвинены въ сочувствіи соціализму.

Во всякомъ случаѣ общій голосъ дворянства признавалъ, что дѣятельность въ эмансипаціонномъ направленіи „легкомысленна и чужда дворянскому дѣлу“, какъ заявило дворянское большинство Нижегородскаго комитета.

Но такъ какъ „съ радикальными чиновниками“ бороться было трудно, то крѣпостники развивали въ собраніяхъ, въ перепискѣ и т. п. аргументы, которые, по ихъ мнѣнію, должны были предупредить правительство при проведеніи реформъ. Народная масса внушала имъ особенное опасеніе. Нарушить вѣковой строй опасно, и крѣпостники старались запугать правительство.

Они начали доказывать, какъ увѣряетъ въ письмѣ одинъ сенаторъ, „что нигдѣ крестьянинъ такъ не успокоенъ и не обезпеченъ, какъ нашъ помѣщичій крестьянинъ, разумѣется, у добраго помѣщика“,—не забываетъ прибавить авторъ письма, знающій въ то же время о томъ, что и помѣщикамъ слѣдовало бы

„внушить страхъ божій и евангельскую любовь къ ближнему". Тотъ же сенаторъ идетъ дальше: разрушить крѣпостной порядокъ— „значитъ, приготовить гибель государству". Крестьяне употребятъ во зло свободу, сущности которой они не понимаютъ, наслаждающіеся теперь мирной и спокойной жизнью крѣпостные „сдѣлаются пьяницами, разбойниками и душегубцами", „возстанутъ противъ всѣхъ властей, отклонятся отъ церкви".

Другой крѣпостникъ почти одновременно пишетъ изъ Петербурга въ Москву своему пріятелю, что государь желаетъ освобожденія крестьянъ, но самъ же онъ является такъ сказать виновникомъ уже будто бы наступившей революціи: послѣ рѣчи государя въ Москвѣ „все заговорило и пошли убійства во многихъ мѣстностяхъ". Тутъ же идутъ инсинуаціи по адресу „чиновниковъ", отъ которыхъ пошла вся эта затѣя, будто бы они все это направляютъ противъ помѣщиковъ и будто бы при народномъ бунтѣ чиновники надѣются продолжать „наслаждаться" ихъ прекрасными окладами и квартирами. Впрочемъ, злобный авторъ письма утѣшаетъ себя мыслью, что если чернь повѣситъ его на фонарѣ, то, не разобравъ дѣла, рядомъ съ нимъ повѣситъ и защитниковъ эмансипаціи.

Призракъ пугачевщины—дѣйствительный или мнимый, всталъ тогда передъ многими дворянами. Одинъ помѣщикъ пишетъ: „воля— великое слово!.. Но что будетъ послѣ, когда поломаются кабаки и мужичекъ загуляетъ на свободѣ при свѣтѣ пылающаго господскаго дома и амбара? Время пугачевщины недалеко",—увѣряетъ авторъ письма, и тогда: „прощай овцеводство, пшеница"!

Предполагаемая „грубость и глупость" народа служила для дворянъ наилучшимъ подтвержденіемъ высказываемыхъ ими опасеній. Помѣщикъ П. въ письмѣ Л. изъ Орла увѣряетъ своего корреспондента въ томъ, что движеніе, какое несомнѣнно послѣдуетъ за нынѣшней тишью, не можетъ обойтись безъ взрыва: „масса страшная и масса свѣжая, хоть и пьяная". Она проникнута религіознымъ фанатизмомъ и стоитъ только появиться пророку въ овчинномъ тулупѣ,—и „пошла писать".

А какая цѣна всѣмъ этимъ страхамъ и сколько тутъ было преувеличеній, показываетъ довольно ядовитое письмо одного симбирскаго помѣщика: „пора всѣмъ этимъ господамъ оставить замашки пугать правительство революціей. Какъ только царь выразилъ свое желаніе, такъ эти молодцы начали проповѣдывать, что

всѣхъ ихъ отдали въ жертву мужикамъ: въ Калугѣ де рѣжутъ, въ Смоленскѣ тоже. Послушай ихъ, такъ вся Россія залита кровью, а на дѣлѣ все тихо, спокойно“.

Дѣйствительно, за дворянскими опасеніями за государство, за общественный строй, скрывались соображенія иного характера. Одинъ москвичъ сообщаетъ графинѣ Саліасъ въ Парижъ, что эмансипація нѣчто ужасное, она—„наша гибель и гибель народа, потому что наши крестьяне до того дики, что не могутъ быть управляемы одними законами“. Такъ вскрывались опасенія за „гибель“ и „нищету“ дворянства. Поэтому многіе отстаивали мысль, что дать свободу крестьянамъ по крайней мѣрѣ преждевременно, потому что „мужикъ у насъ для этого слишкомъ глупъ“,—пишетъ одинъ польскій помѣщикъ С. своему брату,—но затѣмъ прибавляетъ, что отъ освобожденія—дворяне сдѣлаются „нищими“. Другіе были еще откровеннѣе. Симбирскій помѣщикъ прямо говоритъ, что симбирское дворянство „легче откажется отъ части своихъ доходовъ, чѣмъ отъ права таскать за бороду и другихъ благородныхъ упражненій надъ личностью своего раба“. Опасенія и предположенія—были самаго разнообразнаго свойства. Одинъ помѣщикъ ѣхалъ въ Казань, по дорогѣ остановился у знакомаго помѣщика, гдѣ собралось множество сосѣдей. Въ письмѣ въ Петербургъ къ С. М. Жуковскому онъ разсказываетъ о тѣхъ волненіяхъ, которыя переживаетъ дворянство. Грядущее освобожденіе для всѣхъ нихъ было—„страшилищемъ, котораго пугаются какъ самой смерти“.

Малороссійскіе помѣщики писали письма въ Петербургъ, увѣряя своихъ корреспондентовъ, что въ Петербургѣ совсѣмъ не знаютъ мѣстныхъ особенностей, для которыхъ освобожденіе крестьянъ не приложимо. Одинъ харьковскій помѣщикъ задается вопросомъ о томъ, что сдѣлается съ многомилліонной дворней въ случаѣ освобожденія: „кто на первыхъ порахъ ѣсть сваритъ? уцѣлѣетъ ли собственность, которую владѣлецъ лично своею персоной отъ взволнованной и непонимающей массы защитить не въ состояніи будетъ?“ Отъ одной этой мысли всѣ помѣщики находятся „въ постоянномъ страхѣ“; они увѣрены, что въ Петербургѣ вовсе не обдумали вопросъ, какъ удержать народъ, а между тѣмъ помѣщики „были для правительства лучшими полиціймейстерами и блюстителями порядка“!

Были помѣщики, которые дальше смотрѣли, по своему, на дѣло: они высказывали боязнь, что когда правительство освободитъ крестьянъ, то народъ будетъ не съ помѣщиками, но съ правительствомъ. Тонкій политикъ, письмо котораго я цитирую, очевидно, полагалъ, что прелесть рабства такова, что рабъ—крестьянинъ преданъ помѣщику.

Во всякомъ случаѣ для крѣпостниковъ ясно было одно, какъ отчетливо выражаетъ въ своемъ письмѣ одинъ виленскій помѣщикъ: „надъ нами виситъ теперь топоръ на волоскѣ и скоро упадетъ на наши шеи, и именно черезъ освобожденіе крестьянъ".

Толки были настолько всеобщи, настолько интенсивны, что малѣйшій слухъ и въ помѣщичьей средѣ, какъ и въ крестьянской, давалъ поводъ къ увѣреніямъ, что манифестъ о крестьянской вольности уже вышелъ. Въ такомъ напряженіи было дворянство четыре года, съ 1857-го. Всякій петербургскій чиновникъ, командируемый въ провинцію, казался воспаленному воображенію провинціальныхъ дворянъ или вѣстникомъ манифеста, или ревизоромъ для уясненія настоящаго положенія дѣлъ. Такъ, напримѣръ, тульскіе дворяне были совсѣмъ встревожены, когда туда былъ командированъ Беклемишевъ для освидѣтельствованія хлѣбныхъ магазиновъ: имъ совершенно не вѣрилось, что чиновникъ ѣдетъ именно по этому дѣлу. Одинъ симбирскій помѣщикъ пишетъ въ Тверь письмо, въ которомъ видно, какъ растерялись симбирскіе дворяне, когда узнали, что принцъ Ольденбургскій ѣдетъ въ Симбирскую губернію. „Зачѣмъ, съ какою цѣлью?" спрашиваютъ всѣ и общее мнѣніе этого медвѣжьяго угла было въ томъ, что принцъ ѣдетъ для какихъ то дѣлъ по крестьянскому вопросу. „Странно! Вѣдь, нельзя же допустить, —передаетъ мѣстные толки тотъ же авторъ письма,— чтобы онъ ѣхалъ сюда для собственнаго удовольствія. Мудреныя вещи творятся въ Россіи",—характерно прибавляетъ онъ. Между тѣмъ принцъ только и осматривалъ въ Симбирскѣ мѣстное женское училище. Нерѣдко разносились слухи, что губернаторъ получилъ секретное предложеніе и т. п.

Вообще разные слухи—одинъ нелѣпѣе другого, смѣшные и жалкіе, передавались въ разныхъ углахъ. Не обошлось дѣло и безъ предположеній, что „англичанинъ гадитъ". Одинъ орловскій помѣщикъ пишетъ, напримѣръ, въ это время: „У насъ разсказываютъ, что составляется положеніе о свободѣ крестьянъ. Это насъ сильно безпокоитъ, потому что такой переходъ насъ всѣхъ разоритъ, все

у насъ растащутъ. Квартирующіе у насъ въ Трубчевскѣ военные говорятъ, что будто бы этого Англія требуетъ, а дворовые уши навострили". „Партія противниковъ свободы,—говоритъ Никитенко, —кажется, готова въ своемъ безсиліи на всякія гадости. Она выдумываетъ и распускаетъ по городу разные нелѣпые слухи, въ расчетѣ напугать правительство. Теперь, напримѣръ, пущена въ ходъ глупая выдумка о явленіи Путятину тѣни Якова Ивановича Ростовцева и пр. Изъ рукъ вонъ пошло и достойно только мельчайшихъ сердецъ и умовъ".

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти припоминанія и помѣщичьихъ добродѣтелей и всѣ эти характеристики народа, которому нельзя довѣрять, который не можетъ понять свободы,—подъ всѣми этими крѣпостническими воплями чувствовалось несомнѣнно одно—языкъ защиты своего кармана и боязнь за свою голову. Помѣщикъ не могъ представить себѣ, что реформа пройдетъ спокойно въ крестьянской средѣ и во всякомъ случаѣ понималъ, что безъ уступокъ со стороны дворянства дѣло не обойдется. Въ провинціи, какъ сообщаетъ г. Павловъ въ письмѣ къ неизвѣстному, теперь „ералашъ" и далѣе онъ преувеличенно представляетъ себѣ народную смуту, будто уже зачавшуюся. Онъ увѣряетъ, что „теперь помѣщичья должность есть воинскій постъ" и угрожаетъ: „теперь дѣлежъ предстоитъ кровавый... слово-то выпущено, а дѣла ни на грошъ не сдѣлано, да ничего и не предвидится". Въ томъ же письмѣ авторъ его сообщаетъ и свое личное огорченіе, источникомъ котораго является все та же смута: онъ хотѣлъ половину имѣнія прикинуть крестьянамъ съ тѣмъ, чтобы они заплатили лежавшій на имѣніи долгъ, а крестьяне на это не согласились. „Вотъ вамъ наши реформы!" злобно прибавляетъ огорченный помѣщикъ.

Многіе разсуждали просто: крестьянская душа — собственность помѣщика и видѣли въ освобожденіи попытки отнять эту собственность. „Что же это такое, что моею собственностью станутъ дарить другихъ,—пишетъ старушка Г. своему сыну.—Конечно, что говорить, сила солому ломитъ. Но это сила, а не правда и не право".

Кто только могъ изъ дворянъ, старался свою мысль довести до свѣдѣнія государя.

Торопецкій помѣщикъ Б. составилъ особую записку по крестьянскому дѣлу и при посредствѣ знакомыхъ успѣлъ передать ее

государю. Цѣль этой записки доказать, что Псковская губернія занимаетъ совсѣмъ „исключительное положеніе“ и что поэтому къ ней не примѣнимы способы устройства крестьянъ, проектируемые для другихъ губерній. Въ своихъ мысляхъ по крестьянскому дѣлу этотъ помѣщикъ старается увѣрить читателя въ томъ, что „отдача крестьянамъ усадебной осѣдлости поведетъ къ разоренію помѣщиковъ и крестьянъ и что потому слѣдуетъ непремѣнно отмѣнить ее“. Онъ даже идетъ дальше, настаивая чтобы крестьянамъ была предоставлена только одна личная свобода и даже все крѣпостное имущество отдается помѣщику: Россія очень обширна, и торопецкій дворянинъ увѣренъ въ томъ, что и ничего не имѣющій крестьянинъ какъ-нибудь себя прокормитъ. Въ этомъ отнятіи имущества торопецкій проектъ видитъ извѣстнаго рода благодѣяніе для крестьянъ: отнятіемъ скота и лошадей отъ крестьянина помѣщикъ удержитъ его на прежнемъ мѣстѣ и тутъ получится связь интересовъ крестьянина и помѣщика. Проектъ боится, какъ бы крестьянинъ, освободившись съ своей одеждой и скотомъ, немедленно не пропилъ всего этого.

Такого рода мысли носились въ головѣ не одного торопецкаго помѣщика, но и многихъ другихъ. Г. Тарновскій сообщаетъ свои наблюденія, вынесенныя имъ изъ разговоровъ съ дворянами Черниговской губерніи. Дѣло сложилось такъ, что волей-неволей здѣшніе дворяне превратились въ эмансипаторовъ. Но главнымъ образомъ они высчитываютъ при этомъ, сколько надо взять съ крестьянъ за усадьбы, за строенія. Одинъ изъ такихъ, Судіенко, по всему Кіеву проповѣдывалъ самые либеральные мысли, но въ то же время увѣрялъ, что необходимо „утвердить прочные интересы дворянства и спасти страну отъ бѣдствія“. Немало, по его словамъ, было и такихъ эмансипаторовъ, которые вполнѣ соглашались съ мыслью объ освобожденіи крестьянъ, „но ограбивши ихъ прежде порядочно“. Одинъ дворянинъ въ Черниговскомъ дворянскомъ собраніи прочелъ записку, въ которой краснорѣчиво осуждалъ крѣпостное право, но при этомъ предлагалъ взимать по 250 р. при выкупѣ за каждую усадьбу ($^1/_4$ десятины земли съ постройками), что по мнѣнію Тарновскаго только разоритъ крестьянское хозяйство. Интересно, что слушавшіе его дворяне „мычали“ о томъ, что эта цѣна мала и что нужно поднять до 500 руб. Министерскіе циркуляры и высочайшій рескриптъ во всѣхъ уголкахъ Россіи подвергались толкованію и комментаріямъ, необычная смѣлость кото-

рыхъ объясняется лишь отчаяніемъ. Во многихъ письмахъ и проектахъ сквозитъ дворянскій вопль о необходимости „священнаго уваженія правъ собственности“: „правительство по совѣсти обязано заплатить владѣльцамъ за ихъ право на крестьянъ“,—убѣждаетъ одинъ курскій помѣщикъ М. Н. Каткова. Правда, тотъ же помѣщикъ рекомендуетъ оставить за крестьянами „хотя самую малую часть земли“, разумѣется, съ уплатой за нее денегъ. Но тутъ же сквозитъ и другое: крестьянину надо дать усадьбу, выкупивъ ее у помѣщика, да и запретить крестьянину переходить съ мѣста своего жительства; это понудитъ его заняться своимъ хозяйствомъ (на маломъ клочкѣ), а вмѣстѣ съ тѣмъ и арендовать землю у владѣльца,—въ этомъ и заключается тайна помѣщичьей добродѣтели. Онъ готовъ пойти еще дальше: необходимо, чтобы комитеты губернскіе назначили высокую задѣльную плату, которую будущіе безземельные арендаторы должны будутъ получать отъ помѣщика, но одновременно должна быть фиксирована и высокая арендная цѣна на землю. И все это для того, чтобы уравновѣсить выгоды обѣихъ сторонъ.

Дворянство въ массѣ старалось по своему приготовиться къ грядущимъ событіямъ. Было не мало такихъ, которые спѣшили закладывать свои имѣнія въ томъ предположеніи, что долгъ останется на крестьянахъ. Такъ поступили, напримѣръ, многіе изъ симбирскихъ дворянъ—„прапорщиковъ“, какъ назвалъ государь симбирское дворянство. Тамбовскій помѣщикъ князь Ю. Голицынъ предложилъ своимъ крестьянамъ въ количествѣ 1000 душъ выкупиться на волю за взносъ по 60 руб. съ души. Деньги онъ получилъ, не обезпечивъ своего обѣщанія ничѣмъ, а затѣмъ предложилъ крестьянамъ предоставить имъ всю землю, съ обязательствомъ платить по 50 руб. за десятину въ годъ. Крестьяне пришли въ ужасъ. Вообще многіе помѣщики торопились продавать своихъ крестьянъ безъ земли, или отпускать ихъ на волю за небольшую плату. Одинъ помѣщикъ, сидя въ Парижѣ, проситъ своего пріятеля, завѣдующаго его имѣніемъ, какъ можно стараться отпускать крестьянъ на волю за опекунскую цѣну, потому что при освобожденіи придется надѣлять крестьянъ землею. Да и „покойнѣе будетъ“ въ случаѣ освобожденія.

Дѣйствительно, кто успѣлъ продать крестьянъ — тотъ продавалъ. Многіе, напримѣръ, предупредительные тамбовскіе помѣщики, разсказываетъ историкъ этого края, въ ожиданіи крестьян-

ской воли начали продавать своихъ крестьянъ на свозъ. Разумѣется, у нихъ покупали только такіе дворяне, которые положительно не вѣрили въ законность и возможность крестьянской реформы. Другіе насильно освобождали крестьянъ безъ земли. Нѣкоторое количество такихъ случаевъ зарегистровано въ „Колоколѣ“ Герцена. Такъ, орловскій помѣщикъ Мацневъ освободилъ отъ земли 26 семействъ, отобралъ у нихъ все имущество и выгналъ. Иные переселяли своихъ крестьянъ изъ вотчинъ съ лучшей землей въ вотчины съ худшей землей и т. д.

Однимъ изъ послѣдствій слуховъ о раскрѣпощеніи крестьянъ было также бѣгство помѣщиковъ, наиболѣе богатыхъ и наиболѣе трусливыхъ, за границу. Банкиръ Штиглицъ за первые четыре мѣсяца послѣ опубликованія первыхъ рескриптовъ, получилъ доходу за переводъ денегъ за границу отъ 80 до 100 тысячъ, т. е. отлило за границу до 40 милліоновъ рублей. Недаромъ В. Н. Толстой въ письмѣ къ экзарху Грузіи, Исидору, увѣряетъ, „что надо ѣхать за границу, чтобы видѣться съ русскими“.

Таково было настроеніе крѣпостнической части общества. Оно составляло несомнѣнно большинство. Но оно встрѣтило оппозицію въ меньшинствѣ — торжествующемъ и опасающемся за исходъ разрабатываемой реформы. „Толки объ эмансипаціи, — говоритъ К. П. П. (Побѣдоносцевъ) въ письмѣ къ А. М. Тургеневу, — становятся съ каждымъ днемъ серьезнѣе и положительнѣе: люди не просто болтливые, а достойные вѣроятія и съ авторитетомъ, утверждаютъ, что скоро положено будетъ начало“. И они призывали упорствующее большинство уступить въ великомъ національномъ дѣлѣ: „Помѣщики, не торгуйтесь. Святымъ пожертвованіемъ искупите Россію“, — писалъ И. Тургеневъ.

Надо отдать справедливость, что широкая оппозиція консервативнаго дворянства встрѣтила отпоръ въ либеральномъ меншинствѣ. Это меншинство было вооружено знаніями, искреннимъ расположеніемъ къ дѣлу, а правота великаго дѣла окрыляла его надежды и упованія. Напримѣръ, на югѣ Россіи, въ Кіевѣ, въ Полтавѣ циркуляры министра были встрѣчены многими весьма радушно, мало того, даже казавшаяся въ провинціи нѣкоторая остановка дѣла вызывала нетерпѣливые запросы изъ провинціи въ Петербургъ: „Что же великое дѣло стало? — нетерпѣливо спрашиваетъ изъ Кіева Г. П. Галаганъ у Ю. П. Самарина,“ и выражаетъ надежду, что въ кружкѣ славянофиловъ идея эмансипаціи

найдетъ доблестную поддержку". Одинъ полтавскій помѣщикъ пишетъ своему знакомому въ Петербургъ: „наконецъ великое дѣло освобожденія появилось на оффиціальномъ горизонтѣ", и радуется мысли, что онъ можетъ дожить до момента возрожденія дорогого отечества. Либерально настроенное дворянство понимало что рескрипты произвели сильное впечатлѣніе не тольно на дворянъ, но и на крестьянскую массу, что дворяне въ провинціи сидятъ „на пороховой бочкѣ", но оно ждало возможно скорой реформы. При этомъ особенно высказывалась боязнь за то, чтобы дворянскіе тенденціи не получили преобладанія при проведеніи реформы, боялись именно того, что освободятъ народъ безъ земли.

Очень любопытное преломленіе взглядовъ на реформу представляетъ собой громкое дѣло, вызванное знаменитымъ московскимъ обѣдомъ 28 декабря 1857 года. Этотъ обѣдъ собралъ всю мыслящую Москву. Безъ различія направленій, оставя свои партійныя распри, вся мыслящая Москва или, какъ гордо назвалъ въ своей рѣчи М. Н. Катковъ—„вся мыслящая Русь",—слилась въ одномъ чувствѣ искренняго желанія видѣть народъ свободнымъ. Мало того, такихъ многозначительныхъ дней очень мало въ русской исторіи еще и потому, что эта мыслящая, въ общемъ оппозиціонная Москва вся единодушно слиласъ въ чувствѣ преданности и довѣрія къ своему монарху, который „искренно довѣрился своему народу". Передъ портретомъ царя пропѣтъ былъ народный гимнъ, который объединилъ людей, столь различно настроенныхъ въ политическомъ отношеніи. Рѣчь извѣстнаго откупщика и купца Кокорева заклеймила неблагозвучное выраженіе „душевладѣльцевъ" и привѣтствовала терминъ землевладѣльцевъ. Обѣдавшіе достигли того, что по ходатайству генералъ-губернатора Закревскаго рѣчи были напечатаны на страницахъ „Русскаго Вѣстника".

Но этотъ обѣдъ не только взбудоражилъ помѣщиковъ-консерваторовъ, но озадачилъ своей неожиданностью и администрацію. Началась переписка, обсужденіе инцидента въ комиссіяхъ и комитетахъ. Въ Петербургѣ, по словамъ письма П. Анненкова изъ Петербурга Коршу въ Москву, получилось разстройство желудка отъ московскаго обѣда. Инцидентъ обсуждался въ Комитетѣ министровъ въ присутствіи государя, цензоръ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія строжайшій выговоръ за пропускъ рѣчей, а статья Кокорева признана неприличной; постанов-

лено было воспретить перепечатку статьи изъ „Русскаго Вѣстника“.

Въ дворянской средѣ инцидентъ съ обѣдомъ вызвалъ сильное негодованіе и сложную переписку. Московскій помѣщикъ Н. съ негодованіемъ пишетъ брату въ Парижъ, что люди, не имѣющіе никакой собственности въ Россіи, вздумали отпраздновать освобожденіе крестьянъ. „Противъ эмансипаціоннаго обѣда, пишутъ изъ Москвы Павлову въ Орелъ, въ аристократіи страшный гвалтъ“. Особенно обижены были, что рѣчь говорилъ среди дворянъ купецъ Кокоревъ. Между тѣмъ даже консерваторы не могли отказать Кокореву въ томъ, что рѣчь его была умной и политически ловкой. Весь инцидентъ называли „непростительнымъ ребячествомъ“. Были и такіе, которые готовы были видѣть въ Кокоревѣ человѣка, который „въ случаѣ смуты крѣпостныхъ воспользуется смутой и станетъ во главѣ ихъ“. Такъ благонамѣренный откупщикъ Кокоревъ, другъ и совѣтникъ николаевскихъ министровъ, попалъ въ опаснѣйшіе революціонеры. Вообще, безъ обычныхъ россійскихъ инсинуацій дѣло не обошлось. За Кокоревымъ, напримѣръ, стали слѣдить и вдругъ ему заданъ былъ щекотливый по тому времени вопросъ, почему онъ назвалъ свое собраніе кустарныхъ издѣлій продуктами *народнаго* труда. Кокореву оставалось только спросить, почему назывались народныя бани, что онъ и сдѣлалъ.

Исторія съ московскимъ обѣдомъ отразилась далеко на югѣ, въ Одессѣ. Здѣшній попечитель Пироговъ разрѣшилъ (конечно, до полученія министерскаго циркуляра) перепечатку рѣчей изъ „Русскаго Вѣстника“ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“. Тогда началась травля, направлененная противъ Пирогова, подъ покровительствомъ котораго выходилъ одесскій органъ. Въ статьяхъ „Одесскаго Вѣстника“ извѣстный Строгановъ и многіе другіе добровольцы тщательно искали революціонныхъ бредней. Съ другой стороны московскія рѣчи съ интересомъ были встрѣчены либеральной частью дворянства даже и въ далекой провинціи. Изъ Солигалича, изъ Харькова, и изъ другихъ мѣстъ Кокореву и его друзьямъ пришлось услышать одобрительные отзывы.

Либеральное меньшинство принимало съ своей стороны мѣры. Тарновскій въ Черниговѣ и Кіевѣ хлопочетъ о томъ, чтобы убѣдить людей его круга баллотироваться на выборахъ въ дворянскіе предводители, что дастъ возможность вліять на работы комитетовъ. Ему же не нравятся выкладки „Русскаго Вѣстника“, который

дѣло освобожденія строитъ на однихъ только экономическихъ разсчетахъ, устраняя нравственныя и религіозныя побужденія. Одинъ симбирскій помѣщикъ съ удовольствіемъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что этотъ первый опытъ правительственной дѣятельности можно считать удающимся: теперь уже нечего обращать вниманія „на вопли поборниковъ скотолюбства“. Авторъ этого письма надѣется только на правительство, потому что дворянство не внушаетъ ему довѣрія: „вопросъ объ эмансипаціи обнажитъ всю нравственную ничтожность, все загрубѣлое невѣжество передового сословія“. Молодой пензенскій помѣщикъ, одобряя фактъ изданія указовъ, призываетъ въ письмѣ своего брата „поступить гражданами“ и высказывается за широту крестьянской реформы.

Тѣмъ не менѣе среди людей либеральнаго направленія, видѣвшимъ, что свѣтлое настоящее не способно выхватить все же съ корнемъ темныхъ сторонъ прошлаго, высказывалось еще опасеніе иного рода. „Чиновники“, которыхъ такъ ненавидѣли крѣпостники, полагая, что дѣло освобожденія превратилось въ дѣло чиновничьей угодливости,—эти чиновники возбуждали сомнѣніе и въ людяхъ прогрессивнаго образа мыслей. И. В. Павловъ въ письмахъ своихъ къ М. Е. Салтыкову, высказываетъ большое недовѣріе „къ халуямъ, разсылаемымъ на кормленіе по губерніямъ“. Губернаторы, предсѣдатели палатъ и прочій чиновничій людъ—это и есть тѣ самые варяги, которые въ оное время были призваны русской землей. Авторъ письма боится, что всякое прикосновеніе администраціи къ какому угодно народному дѣлу—опошлитъ самое дѣло. Разсуждая о томъ же въ другомъ письмѣ къ Салтыкову, Павловъ задается оригинальнымъ вопросомъ о томъ, когда больше брали взятокъ чиновники—въ древнее или въ новое время, и приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ для своего времени: „ежели бы Петръ I теперь возсталъ изъ мертвыхъ, онъ бы всѣхъ „чиновниковъ палкой отдулъ“. Такъ люди прогрессивнаго образа мыслей съ опасеніемъ смотрѣли на участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія чиновничьей рати, — этого „четырнадцатиголоваго змія поѣдучаго“, по словамъ того же Павлова.

Но главнымъ образомъ либеральное меньшинство направляло всѣ свои силы, всю свою энергію на работу въ губернскихъ комитетахъ, редакціонныхъ комиссіяхъ. Оспаривать безконечные толки недовольнаго дворянства было дѣломъ безнадежнымъ. Надо

было спѣшить, помогать правительству общими силами выйти съ честью въ этомъ великомъ дѣлѣ.

Цѣлый рядъ частныхъ проектовъ вышелъ изъ славянофильскаго кружка. Такіе, проекты принадлежатъ Ю. Ф. Самарину, князю Черкасскому и А. И. Кошелеву. Изъ западническаго лагеря вышелъ также рядъ проектовъ, напримѣръ проектъ А. М. Тургенева, кн. Васильчикова, Кавелина и другихъ. Во всякомъ случаѣ проекты, вышедшіе изъ того или другого лагеря, стояли на очень важной точкѣ зрѣнія, именно, на необходимости освобожденія крестьянъ съ землею.

Но особо важное значеніе въ этотъ историческій моментъ русской жизни пріобрѣтаетъ дѣятельность Герцена. Изъ-за границы онъ слѣдилъ за всякимъ шагомъ крестьянскаго дѣла, терзался, когда замѣчалъ въ немъ остановку, съ неумолимой ироніей обрушивался на крѣпостническія тенденціи русскаго дворянства, поддерживалъ и ободрялъ всѣхъ, кто стоялъ за великое дѣло,—независимо отъ того, принадлежали они къ партіи варяговъ, или къ его единомышленникамъ. Съ безошибочностью можно утверждать, и самъ императоръ это подтверждалъ, что Герценъ явился первымъ и наиболѣе мощнымъ возбудителемъ въ этомъ дѣлѣ. Уже въ концѣ 1856 года онъ писалъ въ своемъ „Колоколѣ": „если ни правительство, ни помѣщики ничего не сдѣлаютъ, сдѣлаетъ топоръ", и прямо призывалъ государя упредить работу мужицкаго топора. „Пора проснуться!",—напоминалъ онъ въ другой статьѣ. Первые же приступы къ реформѣ вызвали живую радость въ Герценѣ. Въ статьѣ отъ 15 февраля 1858 г. Герценъ уже съ радостью восклицалъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" и онъ убѣждаетъ государя быстро довести до конца святое дѣло, не обращая вниманія „на гнилое" противодѣйствіе помѣщиковъ. „Имя Александра,—говорилъ Герценъ, отнынѣ принадлежитъ исторіи".

Въ своемъ „Колоколѣ" Герценъ не только выражалъ волнующія его чувства, но старался направить дѣло освобожденія по такому пути, который привелъ бы освобожденіе крестьянъ къ исходу, наилучшему для крестьянина. Такой лучшій исходъ, по убѣжденію Герцена, былъ въ освобожденіи съ землей и при условіи сохраненія русской общины. „Освобожденіе крестьянъ, дѣло столь простое въ прочихъ государствахъ, невозможно у насъ безъ уступки крестьянамъ земли",—говорилъ Герценъ въ письмѣ къ Линтону. Онъ боролся за то, чтобы крестьянинъ не оказался

при увольненіи въ состояніи бобыля. Съ такой же горячностью онъ защищалъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія: внѣ общины русскому народу „все кажется основаннымъ на насиліи“. Въ „Колоколѣ“ же Герцена появляются первыя мысли о возможности выхода изъ положенія, затруднявшаго многихъ, и именно о возможности выкупа у помѣщиковъ земли для крестьянъ.

Съ такими, столь противоположными, мыслями встрѣтились въ знаменательные годы противники и защитники крѣпостного права. Мы познакомились съ мнѣніями, толками, слухами, характеризующими настроеніе умовъ. Всѣ эти мнѣнія, столь разногласныя, отражались на работахъ какъ мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ, такъ и на занятіяхъ редакціонной комиссіи. Въ наши цѣли не входитъ слѣдить за самымъ процессомъ работъ по освобожденію крестьянъ. Поэтому мы въ самыхъ сжатыхъ чертахъ укажемъ основные моменты осуществленія Великой Реформы.

ГЛАВА IX.

Ходъ реформы.

Нашей задачей теперь будетъ самый сжатый обзоръ условій, при которыхъ проходила работа по составленію положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Уже было упомянуто, что вскорѣ послѣ рѣчи государя московскимъ дворянамъ, сказанной въ Москвѣ во время коронаціи, былъ учрежденъ 3 января 1857 года секретный комитетъ. Онъ былъ составленъ по образцу николаевскихъ комитетовъ, почему трудно было предвидѣть возможность благопріятнаго рѣшенія. Большинство вельможъ, окружающихъ государя, ничего добраго въ новой затѣѣ не видѣли. „Трудное дѣло затѣяли, ваше величество", — говорилъ государю графъ Блудовъ, намекая, что за освобожденіемъ крестьянъ и дворянство потребуетъ свободы. Составъ комитета, съ другой стороны, мало внушалъ надежды для лицъ, либерально настроенныхъ. Въ него какъ-разъ вошли вельможи, которые „вскормлены на казенно-испеченныхъ хлѣбахъ, а изъ простого люда знаютъ извощиковъ, ямщиковъ, да дачныхъ дворниковъ". Виднѣйшій изъ членовъ комитета, князь Орловъ, самъ сознавался, что онъ никогда своими крупными имѣніями не занимался. Баронъ Корфъ и генералъ Ростовцевъ пробовали даже просить объ отставкѣ по своему незнакомству съ дѣломъ. Другіе члены комитета, кн. П. В. Гагаринъ, графъ В. Ф. Адлербергъ, и шефъ жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ—были убѣжденные крѣпостники; такимъ же былъ и министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ; членъ того же комитета, министръ финансовъ Брокъ, боялся за поступленіе платежей въ случаѣ раскрѣпощенія. Не даромъ это „почтенное собраніе" многимъ современникамъ напоминало квартетъ Крылова.

Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ было мало членовъ, сочувствовавшихъ дѣлу раскрѣпощенія. Такой составъ комитета отразился на его дѣятельности. Когда государь лѣтомъ того же 1857 года возвратился изъ-за границы, дѣятельность комитета не подвинулась. Тогда государь усилилъ его лицомъ, глубоко сочувствовавшимъ ему и могущимъ вліять на членовъ по своему высокому положенію, именно великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Работы принимали довольно оригинальный характеръ. Самъ государь и лица, близкія къ нему, весьма сочувственно относились къ дѣлу. Кромѣ в. к. Константина, тутъ нужно еще упомянуть о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, въ салонѣ которой горячо обсуждались проекты крестьянскаго раскрѣпощенія и здѣсь впервые явилось много свѣтлыхъ мыслей, которыя потомъ не безъ труда проникли въ комитетъ. Великая княгиня съ большимъ уваженіемъ относилась къ молодому профессору Кавелину, горячему поборнику эмансипаціи, записка котораго объ освобожденіи крестьянъ пользовалась широкой извѣстностью. Здѣсь же былъ принятъ молодой чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ, который въ дѣлѣ освобожденія сыгралъ столь крупную роль.

Между тѣмъ комитетъ, зная настроеніе государя, сталъ тѣмъ не менѣе выдвигать аргументы, способные затормозить дѣло освобожденія. Не протестуя противъ освобожденія, онъ только настаивалъ на— „постепенномъ“ освобожденіи, подъ которымъ понималъ рядъ мелкихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Комитетъ усилилъ разнаго рода канцелярскіе пріемы, сталъ собирать свѣдѣнія, началъ составлять особую синоптическую вѣдомость разнаго рода проектовъ. Предсѣдатель комитета Орловъ и дѣлопроизводитель Бутковъ только и помышляли о томъ, какъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ закрыть комитетъ. Предполагалось передать вопросъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и покончить дѣло освобожденія освобожденіемъ безъ земли по примѣру балтійскихъ дворянъ. Тогда министръ внутреннихъ дѣлъ входитъ съ особой запиской въ комитетъ, въ которой предлагаетъ рядъ вопросовъ. Положительный отвѣтъ на нихъ—означалъ бы необходимость установить извѣстный опредѣленный срокъ и приступа къ освобожденію и самого освобожденія. Крѣпостники поняли, въ чемъ дѣло. Спасителемъ крестьянскаго дѣла явился в. к. Константинъ Николаевичъ, который въ бурныхъ засѣданіяхъ 14, 17 и 18 августа провелъ свой планъ, не лишавшій крестьянъ земли. Впрочемъ,

М. Н. Муравьевъ, вернувшись изъ поѣздки въ Нижній Новгородъ и ознакомившись съ протоколомъ комитета, немедленно представилъ записку, въ которой считалъ дѣло освобожденія преждевременнымъ. Орловъ тогда настаивалъ по крайней мѣрѣ на освобожденіи только съ усадьбой, потому что, какъ онъ увѣрялъ, на старости лѣтъ не хочетъ разсориться съ дворянствомъ. Его поддерживалъ Чевкинъ, тормозилъ дѣло кн. Меншиковъ.

При такихъ условіяхъ, вообще сложившихся весьма неблагопріятно, прибылъ въ Петербургъ виленскій ген.-губернаторъ Назимовъ и представилъ государю заявленіе, составленное дворянствомъ трехъ литовско-русскихъ губерній о готовности освободить крестьянъ. Ланской сразу нашелъ выходъ въ этомъ заявленіи дворянства, вѣрно оцѣнивъ положеніе вещей. Съ большой энергіей онъ принялся за пересмотръ матеріала, привезеннаго Назимовымъ, и за объединеніе его съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ комитетѣ. Въ результатѣ былъ изданъ и подписанъ государемъ знаменитый рескриптъ 20 ноября 1857 года на имя виленскаго, гродненскаго и ковенскаго генералъ-губернатора. Первый и публичный шагъ былъ сдѣланъ. Послѣ него отступать правительству уже нельзя было. А между тѣмъ этотъ шагъ былъ замѣчателенъ по своему размаху. Рескриптъ разрѣшалъ дворянамъ каждой губерніи открыть пріуготовительный комитетъ для обсужденія крестьянскаго вопроса. Была предположена, хотя и не въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ, уступка крестьянамъ земли. Помѣщикамъ обезпечивалась вотчинная юстиція. Правительство громко заявило о своемъ сочувствіи дѣлу освобожденія и высказалось вполнѣ одобрительно. Циркуляръ графа Ланскаго, сообщенный генералу Назимову, развивалъ положеніе о рескриптахъ въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ. Циркуляръ предвидѣлъ постепенное освобожденіе, при чемъ, однако, срокъ переходнаго состоянія опредѣлялъ до 12 лѣтъ; циркуляръ подчеркивалъ предоставленіе крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія обязанностей предъ правительствомъ передачу въ потребномъ количествѣ земли крестьянамъ на условіяхъ платежа оброка или отбыванія барщины. Вотчинная полиція обѣщана помѣщикамъ, но сельскія общества судомъ и расправой вѣдаются мірскими сходами и мірскими судами лишь подъ наблюденіемъ помѣщиковъ, что разумѣется измѣняло положеніе вещей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской въ одну ночь велѣлъ отпечатать рескриптъ и свой циркуляръ и немедленно отправить въ губерніи, отлично оцѣнивая значеніе этого перваго публичнаго заявленія правительства. Нельзя не замѣтить также, что циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ шелъ значительно дальше и опредѣленнѣе въ дѣлѣ реформы, нежели рескриптъ императора. Онъ болѣе опредѣленно намѣчаетъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею и слишкомъ ограничиваетъ права помѣщиковъ въ дѣлѣ вотчинной юстиціи.

Когда рескрипты и циркуляры получились на мѣстахъ въ губерніяхъ, то положеніе губернскаго дворянства оказалось довольно щекотливымъ: не пойти на призывъ государя—было невозможно, а составить комитетъ—означало пойти на уступки, если не на полное освобожденіе. Это немедленно учли въ провинціи. Но какъ бы то ни было, губернскія дворянства, одно за другимъ, стали возбуждать ходатайства о разрѣшеніи имъ устроить губернскій комитетъ для составленія предположеній „объ улучшеніи быта крестьянъ". Первымъ отозвалось петербургское дворянство, хотя высоко-чиновное дворянство этой губерніи было проникнуто крѣпостническими тенденціями, но дѣлу помогло то обстоятельство, что это дворянство было чиновное. Интересно, что и въ Нижнемъ Новгородѣ большинство дворянства было крѣпостническое, но здѣшній губернаторъ А. Н. Муравьевъ, за свой давній либерализмъ побывавшій уже на каторгѣ, былъ другомъ Ланского и, опираясь на министра, оказалъ сильное давленіе на мѣстное дворянство. Правда, дворянство отвѣтило доносами на Муравьева, но все же обратилось къ государю съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устроить комитетъ. Затѣмъ высказалось московское и другія дворянства.

Такъ постепенно образовались во всѣхъ губерніяхъ губернскіе комитеты, каждый изъ которыхъ имѣлъ цѣлью представить свое мнѣніе объ улучшеніи быта крестьянъ согласно особенностямъ данной губерніи.

Работа приняла широкій и открытый характеръ. Секретный комитетъ указомъ государя отъ 8 января 1858 года, былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, правда въ томъ же составѣ съ присоединеніемъ къ нему министра юстиціи графа Панина. Теперь комитетъ потерялъ свой секретный характеръ. Надо признать счастливой мысль, вышедшую изъ мини-

терства внутреннихъ дѣлъ, въ силу которой была образована особая комиссія для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ положенія губернскихъ комитетовъ. Въ составъ комиссіи вошли министры Ланской и Муравьевъ, генералъ Ростовцевъ и графъ Панинъ; комиссіи разрѣшено приглашать въ свои засѣданія членовъ, командируемыхъ губернскими комитетами. Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ губернскимъ комитетамъ о томъ, что ему разрѣшено, по составленіи проекта, прислать въ Петербургъ по два члена для представленія высшему правительству необходимыхъ свѣдѣній и объясненій. Почти одновременно образуется при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ земскій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета подъ предсѣдательствомъ товарища министра вн. дѣлъ Левшина и при участіи Соловьева и Милютина; въ этотъ отдѣлъ предполагалось передать предварительную обработку всѣхъ земско-хозяйственныхъ вопросовъ.

Обѣ эти бюрократическія надстройки были сдѣланы очень удачно, потому что важнѣйшая часть, именно предварительная работа, передана въ руки молодыхъ чиновниковъ, искренно сочувствовавшихъ дѣлу; между тѣмъ эти чиновники, въ силу соображеній служебной іерархіи, въ силу своей неизвѣстности при дворѣ, не могли быть введены въ составъ главнаго комитета. Соловьевъ и Милютинъ, а также и Левшинъ съ самаго начала работъ уже твердо стояли на томъ планѣ, который потомъ былъ проведенъ. Большое значеніе въ дѣлѣ освобожденія имѣетъ дѣятельность Я. И. Ростовцева, человѣка добраго и честнаго. Согласно волѣ государя онъ остался членомъ комитета. Онъ началъ усердно работать, изучая крестьянское дѣло по общей литературѣ, печатной и рукописной, изучалъ иностранную литературу. Между прочимъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что писалось въ „Колоколѣ". Онъ даже уѣхалъ въ 1858 году на время за границу, чтобы основательно изучить вопросъ. Оттуда онъ пишетъ государю свои знаменитыя четыре письма, въ которыхъ развиваетъ свои взгляды на крестьянскій вопросъ. Эти письма—документы чрезвычайной важности въ крестьянскомъ дѣлѣ: начала, данныя государемъ на основаніи работъ комитета, извлечены изъ писемъ Ростовцева. Такимъ образомъ они послужили основной программой для дальнѣйшихъ работъ въ комитетѣ. А такъ какъ Ростовцевъ по пріѣздѣ изъ-за границы былъ назначенъ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи, то такимъ образомъ

на него была возложена главнѣйшая работа по подготовкѣ освобожденія.

Въ самомъ, дѣлѣ въ октябрѣ 1858 г. государемъ были преподаны въ руководство комитету основныя начала. Они заключались въ томъ, что помѣщичьи крестьяне при обнародованіи новаго положенія о нихъ, получаютъ личную свободу, образуютъ особыя мірскія общества, сохраняютъ общинное устройство, затѣмъ высказана необходимость сдѣлать крестьянъ „постепенно“ земельными собственниками, причемъ впервые предусматривается вопросъ о выкупѣ поземельныхъ угодій. Хотя предполагается извѣстнаго рода срокъ для ликвидаціи поземельнаго выкупа, но въ то же время заявлена необходимость уменшенія этого срока; вопросъ о вотчинной юстиціи еще остается, но уже въ довольно неопредѣленныхъ и сомнительныхъ очертаніяхъ. Тутъ въ этихъ началахъ важна мысль о выкупѣ земельныхъ угодій, мысль, которая могла примирить многихъ, боявшихся безвозмездной экспропріаціи поземельной собственности. Когда начали скопляться въ министерствѣ вн. дѣлъ проекты, то подъ предсѣдательствомъ Ростовцева были образованы особыя редакціонныя комиссіи для разсмотрѣнія этихъ проектовъ. И это обстоятельство очень важно именно потому, что участіе въ этомъ дѣлѣ главнаго комитета было устранено. Мало того, предсѣдателю редакціонной комиссіи было разрѣшено по своему усмотрѣнію избирать особыхъ членовъ-экспертовъ. Легко ожидать, что въ число послѣднихъ были именно приглашены лица, сочувствующія крестьянскому дѣлу. Такъ въ числѣ членовъ комиссіи мы видимъ Н. А. Милютина, Н. В. Калачова; отъ губернскихъ комитетовъ были приглашены лица, принадлежащія къ прогрессивному меньшинству напримѣръ—Г. П. Галаганъ, В. В. Тарновскій извѣстный славянофилъ Ю. Ѳ. Самаринъ, князь В. А. Черкасскій, затѣмъ Н. Х. Бунге, Н. П. Заблоцкій-Десятовскій и нѣкоторые другіе. Однимъ словомъ, здѣсь по возможности были собраны всѣ, кто могъ быть полезенъ своими способностями и знаніемъ и чистотою намѣреній великому дѣлу. Въ виду громадности предлежавшаго дѣла редакціонныя комиссіи были раздѣлены на особые отдѣлы,—юридическій, административный, хозяйственный и финансовый. Въ руководство редакціоннымъ комиссіямъ даны были журналы главнаго комитета, а въ качествѣ вспомогательнаго матеріала собраны были и номера „Колокола“. Въ протоколахъ главнаго комитета было немало темныхъ неопре-

дѣленныхъ мыслей, проведенныхъ крѣпостниками. Этими темнотами воспользовались члены редакціонной комиссіи довольно удачно. Очень важными спорными пунктами были два вопроса; во первыхъ вопросъ объ условіяхъ прекращенія срочно-обязаннаго положенія, предусмотрѣннаго журналами главнаго комитета, и затѣмъ, во вторыхъ, вопросъ о вотчинной юстиціи помѣщика. Въ первыхъ же засѣданіяхъ редакціонными комиссіями были выработаны основныя положенія, на которыхъ должно было совершиться освобожденіе крестьянъ. Это очень важный моментъ во всемъ ходѣ вопроса. Комиссіи съ великою честью вышли въ рѣшеніи труднаго дѣла. Общія положенія свелись прежде всего къ тому, что крестьяне должны быть освобождены съ землей; земля подлежитъ выкупу, который совершается по полюбовному соглашенію помѣщика и крестьянина (слова „по полюбовному соглашенію“ были внесены въ протоколъ Ростовцевымъ по настоянію государя); предполагался извѣстный срокъ, именно 12-лѣтній для прекращенія срочнообязанныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, т. е. въ этотъ срокъ помѣщикъ обязанъ дать согласіе на выкупъ крестьянами земли. Это очень важный пунктъ, который въ комиссіи подвергался многократному обсужденію, при чемъ особенно разгоралась борьба партій. Либеральная часть членовъ комиссіи поддерживала мысли Ростовцева объ обязательномъ прекращеніи срочно-обязанныхъ отношеній. Консерваторы горячо оспаривали, такъ какъ уничтоженіемъ срочности этихъ отношеній вопросъ о выкупѣ земли всецѣло зависѣлъ бы отъ воли помѣщика. Вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія былъ рѣшенъ утвердительно, благодаря настоянію либераловъ изъ славянофиловъ, состоявшихъ членами комиссіи. Долгимъ затѣмъ спорамъ подвергался вопросъ о вотчинной юстиціи помѣщиковъ.

Уже эти основныя положенія, по крайней мѣрѣ часть ихъ, вызывали борьбу въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Не столь легкой оказалась выработка различныхъ деталей положенія.

Дѣло въ томъ, что редакціонныя комиссіи начали свою дѣятельность въ составѣ членовъ, собранныхъ при указанныхъ выше благопріятныхъ условіяхъ. Но мы уже знаемъ, что, кромѣ назначаемыхъ правительствомъ членовъ комиссіи, губернскіе комитеты получили право посылать своихъ депутатовъ. Такимъ образомъ составъ комиссій сталъ пополняться лицами, привносившими въ ея засѣданія мнѣнія и желанія провинціальнаго дворянства. Уже изъ

того, что было сказано о настроеніи этого дворянства наканунѣ реформы легко предвидѣть, что дѣятельность губернскихъ комитетовъ, несмотря на отведенныя ей рамки рескриптами государя и пояснительными циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ, пріобрѣла далеко не вполнѣ благопріятный для широкихъ реформъ характеръ. Естественно, что депутаты, присылаемые отъ губернскихъ комитетовъ, во многихъ случаяхъ пріѣхали для того, чтобы защищать по крайней мѣрѣ частности крѣпостного права. Они вносили большую страстность въ пренія и сужденія по этому вопросу.

Для уясненія дѣла тутъ необходимо обратиться сначала къ тому, что дѣлалось и говорилось въ губернскихъ комитетахъ, чтобы оцѣнить тѣ мнѣнія, желанія и ожиданія, которыя привнесли съ собой въ засѣданія комиссій депутаты отъ губерній, и наконецъ для того, чтобы оцѣнить тотъ матеріалъ, который редакціонныя комиссіи получили отъ губернскихъ комитетовъ.

Къ декабрю 1858 г. въ провинціи уже повсемѣстно дѣйствовали губернскіе комитеты. Въ руководство имъ даны были особыя Аказанія главнаго комитета. Въ общемъ въ 48 губерніяхъ работало 1377 избранныхъ дворянскихъ депутатовъ.

Настроеніе въ губернскихъ комитетахъ въ общемъ было далеко неблагопріятно реформѣ, или по крайней мѣрѣ реформѣ даже въ тѣхъ рамкахъ, которую намѣчали программы. Членъ редакціонной комиссіи Я. Соловьевъ въ своихъ запискахъ рисуетъ то удручающее впечатлѣніе, которое производили на защитниковъ реформы вѣсти изъ провинціи: „нужно было много усилій воли, чтобы не поддаться вліянію того страха и тѣхъ ужасовъ, которые очевидно овладѣли воображеніемъ губернскихъ предводителей дворянства и нѣкоторыхъ губернаторовъ". Неудивительно поэтому, что правительству пришлось частнымъ и оффиціальнымъ путемъ подтверждать свое неизмѣнное желаніе, чтобы освобожденіе состоялось и притомъ исходило бы отъ дворянства. Семь предводителей и одинъ губернаторъ, холодно относившіеся къ реформѣ, получили циркулярное предписаніе министерства внутр. дѣлъ о томъ, что правительство не отступитъ отъ своего намѣренія совершить реформу и что оно предоставило дворянству иниціативу въ его же собственныхъ интересахъ; наконецъ, что дальнѣйшія проволочки въ этомъ дѣлѣ опасны для самого дворянства. Это было очень внушительно. Когда московское дворянство просило государя от-

крыть дѣйствія комитета съ тѣмъ, что этимъ комитетомъ будутъ выработаны проекты правилъ, „удобныхъ“ для Московской губерніи, то дворянство старѣйшей столицы получило холодный рескриптъ съ требованіемъ начать обсужденіе на началахъ, преподанныхъ дворянству другихъ губерній.

Правительству пришлось популяризовать въ провинціи идею освобожденія. Путешествіе государя въ 1859 году имѣло именно такія послѣдствія. Государь вездѣ въ провинціи заявлялъ дворянству о твердомъ намѣреніи правительства и, разумѣется, получалъ отъ него завѣренія готовности придти на помощь общему дѣлу.

Основной мотивъ недовольства дворянства главнымъ образомъ касался освобожденія крестьянъ съ землею. „Общее,—говоритъ одинъ современникъ этой эпохи Скалдинъ,—почти поголовное мнѣніе нашихъ помѣщиковъ было противно освобожденію крестьянъ съ землею; дворянство доселѣ не можетъ примириться съ этимъ фактомъ: здѣсь играетъ роль личный интересъ, сильнѣйшій изъ двигателей нашей нравственной природы“. Правда, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ немедленно явились свои мѣстныя причины, клонившія дворянъ къ тому или иному отношенію къ реформѣ. Такъ, помѣщики черноземныхъ губерній настойчиво проводили мысль объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, такъ какъ земля здѣсь была дорога, и мирились съ такой формой освобожденія, при которой личность крестьянина будетъ освобождена безъ выкупа. Напротивъ, помѣщики нечерноземныхъ промышленныхъ губерній въ той или иной формѣ настаивали на такомъ выкупѣ крестьянъ, который оплатилъ бы имъ личность крѣпостныхъ. Цѣнность земли для нихъ большого значенія не имѣла, такъ какъ основной свой доходъ они получали отъ крестьянъ, уходящихъ на оброки. Славянофилъ А. Гильфердингъ, близко стоявшій къ дѣлу, характеризуетъ тогдашнее настроеніе крѣпостническаго большинства, говоря, что „большинство хлопотало почти исключительно о хозяйственной сторонѣ дѣла: десятиной меньше надѣла, рублемъ больше оброка—вотъ къ чему сводились ихъ толки и представленія“. Западное дворянство охотнѣе другихъ шло навстрѣчу правительственнымъ начинаніямъ, что, по словамъ Соловьева, для правительства имѣло ободряющее значеніе. Но западное дворянство тяготилось инвентарями, и надѣялось при полномъ освобожденіи крестьянъ отстоять власть и значеніе помѣщиковъ, что для поляковъ имѣло по-

литическое значенiе; поэтому оно больше всего хлопотало и больше всего настаивало объ удержанiи вотчинной власти помѣщиковъ.

Внутри комитетовъ началась борьба либеральнаго меншинства съ крѣпостническимъ большинствомъ—„либераловъ“ и „плантаторовъ“, какъ тогда называли обѣ партiи. Меншинство вообще было согласно съ программой, выдвигаемой правительствомъ. Оно настаивало на выкупѣ полевой и луговой земли, на прекращенiи личныхъ отношенiй крестьянъ къ помѣщику, а также на томъ, что дворянству отнюдь не слѣдуетъ предоставлять право надзора надъ крестьянами, выходящими изъ крѣпостной зависимости.

Столкновенiя между большинствомъ и меншинствомъ иногда принимали рѣзкiй характеръ, доставляли министерству немало хлопотъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ столкновенiй.

Въ Нижнемъ эта рознь получила особенно рѣзкую окраску, между тѣмъ меншинство опиралось на сочувствiе къ дѣлу мѣстнаго губернатора Муравьева. Представитель большинства въ комитетѣ Пятовъ въ поданной имъ запискѣ назвалъ дѣйствiя меншинства „легкомысленнымъ и чуждымъ дворянскому дѣлу“. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы въ основу былъ положенъ принципъ денежнаго выкупа крѣпостной личности и обязательнаго труда. Мало того, Нижегородское большинство постановило тогда же, что даже усадебную и огородную землю крестьяне могутъ выкупить только цѣлымъ обществомъ при согласiи помѣщика и по цѣнѣ, имъ назначенной. Положенiе вещей создалось такое, что меншинство комитета сочло нужнымъ подать въ отставку и освободило крѣпостническое большинство отъ опозицiи. Тогда большинство стало фрондировать и по адресу губернаторской власти. Создавшееся положенiе вещей разрѣшено было, наконецъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, ставшимъ на сторону меншинства и сдѣлавшимъ рѣзкiй выговоръ большинству.

Наиболѣе важнымъ вопросомъ, который занималъ губернскiе комитеты, былъ вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ, о личности крестьянъ. Такъ какъ программа правительства была ясна и о выкупѣ личности не могло быть и рѣчи, то многiе губернскiе комитеты стремились такъ расцѣнить землю, отводимую крестьянамъ, чтобы эта расцѣнка окупила для помѣщиковъ и цѣнность крѣпостного труда. Въ этомъ отношенiи ярославскiй комитетъ дошелъ, напримѣръ, до такой расцѣнки земли, что многiе помѣщики за однѣ

усадьбы получили бы при выкупѣ едва ли не больше, чѣмъ стоило все имѣніе. Около половины губернскихъ комитетовъ высказались въ томъ смыслѣ, что крестьяне могутъ пользоваться землей только до тѣхъ поръ пока находятся въ срочно обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику; въ этомъ случаѣ они воспользовались неясностью программы самого правительства. Комитеты многихъ губерній при расцѣнкѣ земли устанавливали повышенную оцѣнку той земли, которая была ближе къ усадьбѣ, но при этомъ расцѣнку первой по качеству десятины ставили настолько высокой, что она покрывала стоимость крестьянской усадьбы, отдаваемой по этимъ проектамъ крестьянамъ безвозмездно.

Такъ какъ долженъ былъ пройти періодъ срочно-обязанныхъ отношеній, который заканчивается капитализаціею выкупаемаго оброка, то во многихъ комитетахъ явилась мысль о болѣе повышенной расцѣнкѣ крестьянскихъ оброковъ.

Что касается другихъ вопросовъ въ крестьянской реформѣ, то они въ общемъ возбуждали мало споровъ. Большинство проектовъ губернскихъ комитетовъ лишь въ общихъ чертахъ представило свои соображенія относительно административнаго устройства крестьянскихъ обществъ. Впрочемъ, большая часть губернскихъ комитетовъ проектировала оставленіе помѣщиковъ въ качествѣ начальниковъ сельскихъ общинъ, иногда предоставляло помѣщикамъ право „домашней расправы" надъ крестьянами въ періодъ срочно-обязанныхъ отношеній и т п. Но вообще всѣ эти вопросы мало интересовали великорусскихъ помѣщиковъ.

Работа дворянъ въ губернскихъ комитетахъ надъ великимъ дѣломъ раскрѣпощенія повліяла возбуждающимъ образомъ на политическую мысль. У многихъ естественно пробудилось сознаніе, что тѣ жертвы, которыя несетъ дворянство, должны быть вознаграждены правительствомъ въ томъ смыслѣ, что дворянство должно получить политическое значеніе въ странѣ. Эта мысль проникла въ самые разнообразные дворянскіе слои. Одинъ елецкій старожилъ Пушечниковъ, чуждый какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій, замѣчаетъ, однако, въ своихъ запискахъ, что во избѣжаніе въ будущемъ сословной борьбы правительство „должно призвать народъ къ участію въ управленіи посредствомъ періодическаго созыва народной думы"; по его мнѣнію, такимъ способомъ правительство познакомится съ нуждами населенія, а контроль думы положитъ „предѣлъ своеволію и казнокрадству ми-

нистровъ". По окончаніи работъ въ губернскихъ комитетахъ состоялся цѣлый рядъ собраній въ городахъ и эти собранія уже обсуждали вопросы мѣстнаго и центральнаго самоуправленія, начали обращаться къ государю съ адресами, гдѣ уже прямо говорилось о необходимости „созванія выборныхъ всей земли русской". Эти адресы очень раздражали императора Александра II, такъ какъ было ясно, что на конституціонной мысли сходятся и крѣпостники и ихъ противники.

Таково было настроеніе провинціи въ періодъ, когда вырабатывались губернскими комитетами ихъ проекты. Если въ общемъ проекты губернскихъ комитетовъ представляли собой матеріалъ, который подвергался потомъ оспариванію среди членовъ редакціонной комиссіи, то были и такіе проекты, которые способны были поддержать тѣ идеи, которыя высказывались членами редакціонныхъ комиссій. Особенно важное значеніе имѣли проекты, вышедшіе изъ Тверского губернскаго комитета. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ и предсѣдателемъ былъ Унковскій, ему принадлежитъ дѣятельное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ. Тверской комитетъ настаивалъ на немедленномъ освобожденіи крестьянъ, высказывался противъ переходнаго срочно-обязаннаго положенія; онъ съ особенной рельефностью выдвинулъ вопросъ о денежномъ выкупѣ. Такъ какъ въ программѣ, данной комитетамъ, не вполнѣ отчетливо былъ поставленъ вопросъ о выкупѣ съ землей, то тверской комитетъ вышелъ изъ затрудненія тѣмъ, что постановилъ считать подъ усадебной землей полный крестьянскій надѣлъ полевой, луговой земли и выгона. Въ проектѣ этого комитета впервые былъ указанъ планъ особой кредитной операціи, при чемъ въ оцѣнку имѣнія была включена и стоимость рабочей силы имѣнія. Когда Унковскій представилъ свой проектъ въ Петербургъ, то тамъ этотъ проектъ встрѣтилъ оппозицію въ лицѣ Ростовцева. Тогда самъ Ростовцевъ еще не ясно представлялъ себѣ планъ выкупной операціи. Но тверскіе депутаты настаивали на своемъ правѣ представить именно такой планъ, какой они выработали. Это имѣло большое значеніе, потому что сосѣдніе комитеты нечерноземныхъ губерній охотно примкнули къ плану тверского. Само министерство вскорѣ стало на сторону выкупа, а затѣмъ къ той же мысли пришелъ и самъ Ростовцевъ. Такъ проведена была основная мысль раскрѣпощенія.

На ряду съ работой губернскихъ комитетовъ, крестьянскій вопросъ горячо обсуждала и печать. Участіе ея въ этомъ дѣлѣ на короткое время было признано самимъ правительствомъ. „Русскій Вѣстникъ“, „Сельское благоустройство“, „Современникъ“, руководимые славянофилами и западниками, изъ которыхъ большинство принимало дѣятельное участіе въ редакціонныхъ или губернскихъ комиссіяхъ, принесли немало пользы дѣлу, разъясняя обществу пользу и необходимость эмансипаціи. „Журналъ землевладѣльцевъ“ за это время посвящалъ свои страницы почти исключительно вопросамъ крестьянскаго раскрѣпощенія, хотя позиція его и была довольно неопредѣленная, большею частью крѣпостническая. Впрочемъ, печать была свободна всего семь мѣсяцевъ, послѣ которыхъ опять начались цензурныя стѣсненія.

Таково было настроеніе губернскихъ комитетовъ и общества, когда редакціонныя комиссіи приступили къ окончательной выработкѣ положенія о крестьянахъ.

Мы уже знаемъ, что дворянамъ было обѣщано приглашеніе ихъ депутатовъ въ Петербургъ. По проекту Ростовцева, депутаты были приглашены именно въ редакціонныя комиссіи, но лишь въ качествѣ свѣдущихъ лицъ и при томъ были приглашены не сразу, а въ два періода, соотвѣтственно ходу разработки губернскихъ проектовъ. Такимъ положеніемъ депутаты были недовольны. Но соображенія, побудившія министерство Ростовцева повести совѣщаніе именно въ такомъ порядкѣ, были двоякаго рода: во первыхъ, имъ было хорошо извѣстно крѣпостническое настроеніе большинства губернскихъ комитетовъ; приглашеніе крѣпостниковъ изъ провинціи для совмѣстныхъ засѣданій въ главномъ комитетѣ, разумѣется, лишь угрожало бы дѣлу освобожденія, такъ какъ крѣпостническое настроеніе главнаго комитета было хорошо извѣстно; исходя изъ тѣхъ же соображеній, проведена была та мысль, что губернскіе комитеты могли присылать какъ представителей большинства, такъ и представителей меньшинства. Вторая причина заключалась въ томъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ уже учитывало либеральное настроеніе депутатовъ и даже нѣсколько было обезпокоено предстоящимъ ихъ съѣздомъ въ Петербургѣ. Безспорно одно, что эти непріятныя для дворянства предосторожности сослужили немалую службу дѣлу освобожденія, такъ какъ крѣпостническое большинство не могло объединиться на оффиціальной почвѣ. Но съ другой стороны они обострили отношенія меж-

ду членами редакціонной комиссіи и между представителями либеральнаго меньшинства губернскихъ комитетовъ.

При такихъ условіяхъ были приглашены въ Петербургъ въ сентябрѣ 1859 года депутаты тѣхъ 21 комитета, проекты которыхъ къ тому времени были разсмотрѣны. Съ начала 1860 года уже работали въ Петербургѣ депутаты 2-го призыва.

Депутатамъ были предложены проекты, составленные редакціонными комиссіями. Главнѣйшее участіе въ дѣлѣ подготовки этихъ проектовъ выпало на долю Н. А. Милютина, Я. В. Соловьева, кн. Черкасскаго, Ю. Ф. Самарина и нѣкоторыхъ другихъ. При переработкѣ проектовъ губернскихъ комитетовъ редакціонныя комиссіи съ особеннымъ вниманіемъ остановились на размѣрахъ надѣловъ. Выработанныя комиссіей нормы надѣла земли въ общемъ для многихъ губерній опредѣляли размѣры надѣловъ вдвое и болѣе противъ нормы, выработанной въ губернскихъ комитетахъ. При опредѣленіи размѣра повинностей въ періодъ срочно-обязанныхъ отношеній редакціонныя комиссіи въ общемъ понизили размѣры барщины, но выработанная комиссіями система выкупа оброчной повинности, опиравшаяся на капитализацію повинностей, сдѣлала то, что помѣщики нечерноземныхъ губерній получили въ сущности вознагражденіе не только за землю, но и за паденіе цѣнности ихъ имѣній отъ уничтоженія личнаго крѣпостного права. Примѣненіе этихъ расчетовъ къ малоземельнымъ крестьянскимъ обществамъ казалось особенно несправедливымъ.

Въ вопросахъ крестьянскаго самоуправленія редакціонныя комиссіи отбросили мысль о вотчинной юстиціи помѣщика, опредѣлили понятіе поземельной общины и сельскаго общества. Но исходя изъ теоретическихъ представленій о крестьянскомъ самоуправленіи, редакціонныя комиссіи, однако, поставили органы этого самоуправленія въ непосредственную зависимость отъ административныхъ властей и отъ мирового посредника. Принципъ самоуправленія такимъ образомъ былъ парализованъ введеніемъ въ него подчиненія органовъ самоуправленія полиціи и администраціи. Оберегая крестьянское самоуправленіе отъ помѣщиковъ, направляя его, какъ выразился одинъ изъ депутатовъ, противъ помѣщиковъ, комиссіи въ то же время представляли слишкомъ большую долю вмѣшательства въ волостное самоуправленіе правительственной администраціи. Помѣщикъ былъ замѣщенъ чиновникомъ.

Проектъ редакціонной комиссіи вызвалъ рѣзкую критику въ средѣ депутатовъ перваго и особенно второго призыва. Прежде всего многіе депутаты считали своимъ долгомъ настаивать на тѣхъ нормахъ надѣловъ и выкуповъ которые, были предложены губернскими комитетами. Такъ ставили дѣло крѣпостники. Съ другой стороны депутаты либерально-демократическаго направленія рѣзкой критикой встрѣтили проектъ объ управленіи, какъ напримѣръ Кошелевъ, Унковскій и нѣкоторые другіе. Наконецъ, въ общемъ депутаты, независимо отъ направленія, замѣтили, что редакціонныя комиссіи вовсе не хотятъ считаться съ волею дворянства, выраженною въ губернскихъ проектахъ. Многіе депутаты добивались, чтобы имъ было предоставлено участіе при окончательномъ разсмотрѣніи трудовъ комиссіи. Была попытка составить адресы, нѣкоторые изъ которыхъ были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ начало борьбу съ дворянской фрондой: лица, подписавшія адреса, получили замѣчанія черезъ губернатора, а тверской предводитель Унковскій и помѣщикъ Европеусъ были высланы административнымъ порядкомъ въ восточныя губерніи.

При такихъ условіяхъ защита реформы становилась дѣломъ очень труднымъ и отвѣтственнымъ. При дворѣ замѣчались колебанія и недовѣріе. Какъ разъ въ это время заболѣваетъ и умираетъ человѣкъ, служившій опорой всему дѣлу—Я. И. Ростовцевъ. Его вліяніе на государя до сихъ поръ спасало все дѣло. Правда, умирая, Ростовцевъ убѣждалъ государя закончить дѣло такъ, какъ оно было выработано. Знаменательны слова, которыя говорилъ умирающій Ростовцевъ государю: „не бойтесь, не бойтесь“. Это было его послѣднее завѣщаніе. Теперь государь остался довольно одинокимъ, а главнымъ образомъ потерялъ опору въ томъ кружкѣ людей, съ которымъ его связывалъ Ростовцевъ, а между тѣмъ эти люди на своихъ плечахъ выносили всю работу. Всѣ сочувствовавшіе дѣлу реформы были поражены еще однимъ обстоятельствомъ: предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ извѣстный крѣпостникъ, министръ юстиціи гр. Панинъ. Это тотъ самый Панинъ, который сдѣлался легендарной личностью за свою приверженность къ бюрократизму; онъ служилъ мишенью безконечныхъ насмѣшекъ, даже его высокій ростъ далъ ему въ Петербургѣ кличку „трехполѣннаго“ министра. Это тотъ самый Панинъ, который, будучи министромъ юстиціи, далъ взятку судьѣ,

когда имѣлъ тяжбу въ судѣ. Однако, желаніе угодить царю побудило Панина быть предсѣдателемъ комиссій и дѣйствовать въ томъ духѣ, въ какомъ ему были преподаны государемъ наставленія. Когда гр. В. Бобринскій заявилъ въ разговорѣ съ Панинымъ, что онъ отказался отъ званія предсѣдателя комиссіи, потому что ему было поставлено условіемъ отказъ отъ подачи особыхъ мнѣній, то гр. Панинъ наивно возразилъ: „Да это осужденіе всей моей дѣятельности. Я всю жизнь подписывалъ вещи, несогласныя съ моими убѣжденіями".

Правда, вліяніе Панина нѣсколько отразилось на дѣлахъ комиссій, такъ какъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пробовалъ тормозить дѣло или предлагалъ неопредѣленныя резолюціи, которыя потомъ могли подать поводъ къ благопріятнымъ для крѣпостниковъ толкованіямъ. Уже въ комиссіяхъ, по настоянію депутатовъ, были сдѣланы уступки крѣпостническимъ депутатамъ, касавшіяся повышенія нормы оброка въ черноземныхъ губерніяхъ и пониженія нормы надѣловъ во многихъ уѣздахъ.

Но во всякомъ случаѣ въ существенной части проектъ редакціонной комиссіи былъ внесенъ, по распоряженію государя, на расмотрѣніе главнаго комитета. Защитникомъ проекта редакціонной комиссіи въ главномъ комитетѣ явился в. к. Константинъ Николаевичъ. Впрочемъ, въ комитетѣ проектъ получилъ урѣзки опять таки въ вопросѣ о нормѣ надѣла. Тутъ противъ нормы возсталъ и самъ гр. Панинъ.

14 января 1861 года проекты редакціонныхъ комиссій, пройдя черезъ главный комитетъ, были переданы на разсмотрѣніе государственному совѣту. Съ 28 января начались засѣданія государственнаго совѣта, при чемъ пренія сразу приняли очень бурный характеръ. Насколько сильна здѣсь была оппозиція, можно видѣть изъ того, что государь прямо и рѣзко потребовалъ принятія законопроекта, напомнивъ членамъ совѣта, что въ Россіи законы издаетъ самодержавная власть. Дѣйствительно, на этотъ разъ самодержавная власть принесла дѣлу неоцѣнимую услугу. Вслѣдствіе быстроты, съ какой разсматривался законопроектъ, онъ не потерпѣлъ существенныхъ измѣненій. Только кн. И. В. Гагаринъ успѣлъ провести постановленіе, въ силу котораго помѣщикъ могъ покончить съ крестьянами обязательныя отношенія, предоставивъ имъ безвозмездно четвертую часть опредѣленной проектомъ нормы надѣла.

19 февраля 1861 года государь подписалъ знаменитымъ гусинымъ перомъ, донынѣ хранящимся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, какъ одна изъ дрогоцѣннѣйшихъ историческихъ реликвій, манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. 5 марта, въ прощенный день народъ во всѣхъ церквахъ столицы и частью въ провинціи съ благоговѣніемъ услышалъ провозглашеніе манифеста:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

И этотъ призывъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія былъ встрѣченъ во всѣхъ слояхъ населенія огромнаго государства.

ГЛАВА X.

Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

Трудно найти въ русской исторіи другой моментъ, равный по значенію тому, какое имѣло 19 февраля. Оно дало основу для примиренія двухъ, дотолѣ враждовавшихъ между собою общественныхъ классовъ. 23 милліона рабовъ получили свободу. Уже этотъ одинъ фактъ имѣетъ огромное историческое значеніе. Но если актъ 19 февраля положилъ конецъ великой исторической несправедливости, которая тяготѣла надъ крестьянскимъ населеніемъ въ теченіе многихъ вѣковъ, то съ другой стороны, онъ является началомъ новой эры въ исторіи умственнаго, общественнаго, политическаго и экономическаго развитія народа. Актъ вызвалъ необходимость, дотолѣ иногда сознаваемую лучшими умами только теоретически, дальнѣйшихъ реформъ—судебной, земской, рекрутской и др. Безъ освобожденія крестьянъ, или до освобожденія ихъ эти реформы не могли бы получить осуществленія, не только потому, что освобожденному населенію надо было дать новые суды, новыя формы мѣстнаго управленія, но и потому, что онъ послужилъ толчкомъ къ развитію и возбужденію общественныхъ интересовъ, общественнаго самосознанія, которое громко требовало довершенія реформъ. Освобожденіе крестьянъ выдвинуло вопросъ о народной школѣ, а школа способствовала развитію образованія, и съ теченіемъ времени не только образованіе стало разливаться въ народной средѣ, но и ряды интеллигенціи стали пополняться новыми элементами, выходящими изъ свѣжей и крѣпкой народной массы. Можно безошибочно и далѣе сказать: освобожденіе крестьянства послужило сигналомъ для движенія общественной мысли въ направленіи политической свободы. И хотя на этомъ пути общественная мысль встрѣтила препоны и отпоръ, но все же мысль о томъ, что за освобожденіемъ крестьянства должно слѣ-

довать и освобожденіе всего населенія въ отношеніи политическомъ, постоянно тлѣла въ общественномъ самосознаніи, пока не отлилась въ опредѣленную формулу и пока не получила реальнаго осуществленія. Наше время въ смыслѣ подъема общественнаго движенія, въ смыслѣ стремленія къ выработкѣ новыхъ формъ жизни, въ смыслѣ, наконецъ, достиженія ихъ по крайней мѣрѣ въ извѣстной мѣрѣ,—можетъ быть сравнено съ тѣмъ, что было 50 лѣтъ тому назадъ. Въ актѣ 19 февраля уже таились корни грядущей политической свободы, къ нему восходятъ успѣхи нашего времени и въ немъ надо искать залогъ дальнѣйшаго политическаго и общественнаго развитія Россіи.

Въ отношеніи экономическомъ, крѣпостное право развязало крестьянъ и помѣщиковъ, поставило суровое требованіе къ самостоятельности ума и энергіи каждаго класса въ отдѣльности, уничтоживъ ту круговую поруку безпечности, которая характеризуетъ дореформенные порядки. Свободный народъ получилъ возможность передвигаться изъ мѣстъ, гдѣ природа или густота населенія дѣлали экономическое его положеніе тяжелымъ, въ область чернозема и широкая колонизація охватила и оживила прекрасный югъ, частью востокъ, который, впрочемъ, теперь еще ждетъ окончательнаго экономическаго завоеванія.

Вообще, немного такихъ фактовъ въ послѣдующее время, которые въ томъ или другомъ отношеніи не были бы связаны съ 19 февраля, какъ съ отправной точкой своего развитія.

Мы не будемъ характеризовать ближайшихъ послѣдствій реформы для крестьянскаго населенія. То благо, которое Великая Реформа сдѣлала для всего государства, въ значительной мѣрѣ искупаетъ тѣ недочеты, которые, по мнѣнію послѣдующихъ поколѣній, были допущены при проведеніи реформы ея участниками. Скажемъ только, что оцѣнка реформы часто подвергалась невполнѣ справедливой критикѣ. Къ реформѣ часто предъявлялись требованія, которыя не могли быть удовлетворены ея участниками, да которыхъ они и не могли удовлетворить въ силу основныхъ условій своей дѣятельности, или въ силу той теоретической и практической подготовки, которую привнесли въ дѣло участники реформъ.

Надо помнить, что реформа была проводима въ моментъ борьбы двухъ партій, двухъ направленій, крѣпостническаго и либеральнаго. Кадры либерально настроенныхъ людей были вовсе

не столь велики и условія ихъ дѣятельности были далеко не такъ благопріятны, чтобы они могли провести реформу въ томъ видѣ, въ какомъ бы это имъ хотѣлось. Нерѣдко эмансипаторамъ приходилось искать примиряющихъ лозунговъ. Такъ, достаточно вспомнить, какое значеніе имѣло для облегченія дальнѣйшаго хода крестьянскаго дѣла постепенно возникшая и затѣмъ усвоенная идея выкупа. Иногда интересны даже отдѣльныя детали: крѣпостникамъ былъ брошенъ терминъ „добровольный выкупъ", хотя онъ и былъ обставленъ такимъ образомъ, что отъ него сохранилась одна внѣшность. То же или почти то же случилось и съ широкой дворянской иниціативой въ этомъ дѣлѣ. Но нельзя не отмѣтить, что и та и другая мысль, повидимому исходившая отъ самого императора, была счастливой и политически необходимой, по крайней мѣрѣ политически осторожной мѣрой, потому что трудно было участникамъ реформъ взвѣсить, какъ настроеніе крѣпостнической массы, которая могла бы учесть уклоненіе дворянства отъ освобожденія, такъ и настроеніе крѣпостническаго дворянства. Съ другой стороны, люди, проводившіе реформу, были въ большинствѣ случаевъ людьми, проникнутыми идеологіей сороковыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ напора крѣпостниковъ они сдались на уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ, предпочитая добиться свободы крестьянъ при уменьшенныхъ надѣлахъ, отстоявъ ихъ отъ болѣе тяжелыхъ возможностей. Но зато они отстояли независимость крестьянскаго міра. Правда, строй крестьянскаго управленія много разъ вызывалъ очень рѣзкую критику по адресу проводниковъ реформы, и даже вызывалъ рѣзкія выступленія въ средѣ либерально настроенныхъ современниковъ. Быть можетъ, составители проекта административнаго строя освобожденнаго крестьянства наиболѣе въ настоящее время еще нуждаются въ защитѣ тѣхъ идей, которыя были въ него вложены. Въ самомъ дѣлѣ, для великорусскаго помѣщика сохраненіе вотчинной юстиціи не представляло особенныхъ выгодъ, почему крѣпостники, можно сказать, безъ боя уступили либеральному меньшинству разработку вопросовъ, касавшихся крестьянскаго міра. И вотъ въ этомъ устройствѣ мы видимъ тѣ черты, которыя въ настоящее время являются дѣйствительно непріемлемыми. Но дѣло въ томъ, что реформу осуждаютъ именно съ точки зрѣнія настоящаго времени, или періода, вскорѣ послѣдовавшаго послѣ реформы.

Дѣйствительно, составители Положенія проводятъ рѣзкую обособленность между крестьянскимъ міромъ и остальными классами населенія, непріемлемую съ точки зрѣнія единенія сословій, или ихъ полнаго отрицанія. Реформа сохраняетъ круговую поруку крестьянскаго міра, контроль міра надъ уходящими во временную отлучку его членами, или по отношенію къ выбывающимъ изъ состава, наконецъ, даже возможность вмѣшательства міра въ семейную жизнь крестьянъ (по отношенію къ крестьянскимъ раздѣламъ); реформа устанавливаетъ особый волостной судъ, сохраняя даже тѣлесное наказаніе. Немалый недостатокъ реформы заключается и въ томъ, что она представляетъ общей администраціи излишне большую власть надъ органами крестьянскаго самоуправленія. Все это недостатки, которыхъ отрицать нельзя, но можно найти рядъ указаній, оправдывающихъ составителей Положенія. Основная мысль, проникающая крестьянскій строй, заключается въ стремленіи обособить крестьянскій міръ отъ помѣщиковъ, отъ ихъ вліянія: „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло съ міромъ, не касаясь личностей“, таково было основное начало, высочайше преподанное редакціоннымъ комиссіямъ. Тутъ сказалось несомнѣнно недовѣріе къ помѣщикамъ, стремленіе оградить отъ нихъ мужика, и съ другой стороны въ устройствѣ крестьянскаго міра сказалось глубокое довѣріе къ мужику, къ практическому складу его ума. Въ постановкѣ этой основной мысли такъ рельефно сказываются люди, идейно связанные съ сороковыми годами, бережно идеализировавшіе мужика. Положенія сохраняютъ крестьянскую общину. Можно оспаривать и исконность общины, и цѣлесообразность ея сохраненія, но нельзя безъ чувства глубокаго уваженія отнестись къ той идеализаціи крестьянской общины, какой были проникнуты составители Положенія: они видѣли въ ней не только прочное настоящее, но и залогъ великаго будущаго. Да и вообще сохраненіе общины для того времени — мысль весьма удачная практически, такъ какъ подъ ней кроется желаніе доставить каждому участнику міра извѣстный existenz-minimum существованія и такимъ образомъ обезопасить его и отъ помѣщика и отъ деревенскаго кулака. И въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ, обезпеченный хлѣбомъ хотя бы на значительную часть года, болѣе свободенъ въ выборѣ подспорнаго занятія. Нельзя удивляться и тому, что составители Положеній сохраняютъ круговую поруку и устанавливаютъ моменты контроля со стороны міра въ личной

жизни крестьянъ. Во первыхъ, это были люди своего времени, которое исторически было проникнуто институтомъ круговой поруки. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что составители Положенiй должны были быть весьма осторожны въ вопросахъ, касавшихся средствъ государственнаго казначейства вслѣдствiе того разстройства, которое оно понесло въ годы Севастопольской кампанiи, и неизвѣстности наступающаго будущаго.

Однимъ словомъ, если время въ связи съ измѣнившимся теоретическими взглядами выяснило недостатки реформы, то исторiя обладаетъ обширнымъ арсеналомъ аргументовъ, дающихъ возможность съ глубокимъ уваженiемъ отнестись къ мыслямъ и чувствамъ людей, руководившихъ дѣломъ Роформы. Это указанiе получитъ еще большее для насъ значенiе, когда вспомнимъ, что послѣдующее время съ бо́льшимъ недовѣрiемъ отнеслось къ крестьянскому устройству, что и отразилось послѣдующими исправленiями Положенiя о крестьянахъ до изданiя закона о земскихъ начальникахъ включительно.

Къ картамъ.

При опредѣленіи нормъ надѣловъ редакціонныя комиссіи приняли существующій въ губерніяхъ средній надѣлъ, раздѣливъ губерніи на полосы и мѣстности и для каждой мѣстности опредѣлили средній и высшій размѣръ надѣловъ. Такъ, для великор. черноземной полосы установлено 5 мѣстностей и шестая переходная, съ надѣлами на ревиз. душу: въ $2^3/_4$, 3, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$ дес. и въ шестой—$5^1/_2$—6 дес. Для степной полосы: $6^1/_2$, $8^1/_2$, $10^1/_2$ дес. на душу.

Въ нечерноземныхъ губерніяхъ (7 мѣстностей) надѣлы опредѣлены въ $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$, 5, 6, 8 десятинъ. Въ юго-западномъ краѣ: для Кіевской губерніи: $9^1/_2$, $7^1/_2$, $5^1/_2$, $4^1/_2$ дес. на дворъ; для Волынской: $10^1/_2$, $9^1/_2$, 7, $4^1/_2$ дес. на дворъ; для Подольской губеріи—$5^1/_2$ и $4^1/_2$ дес. на дворъ. Для Новороссійскихъ губерній по $2^3/_4$, 3, 4, 5, $5^1/_2$, 7 дес.

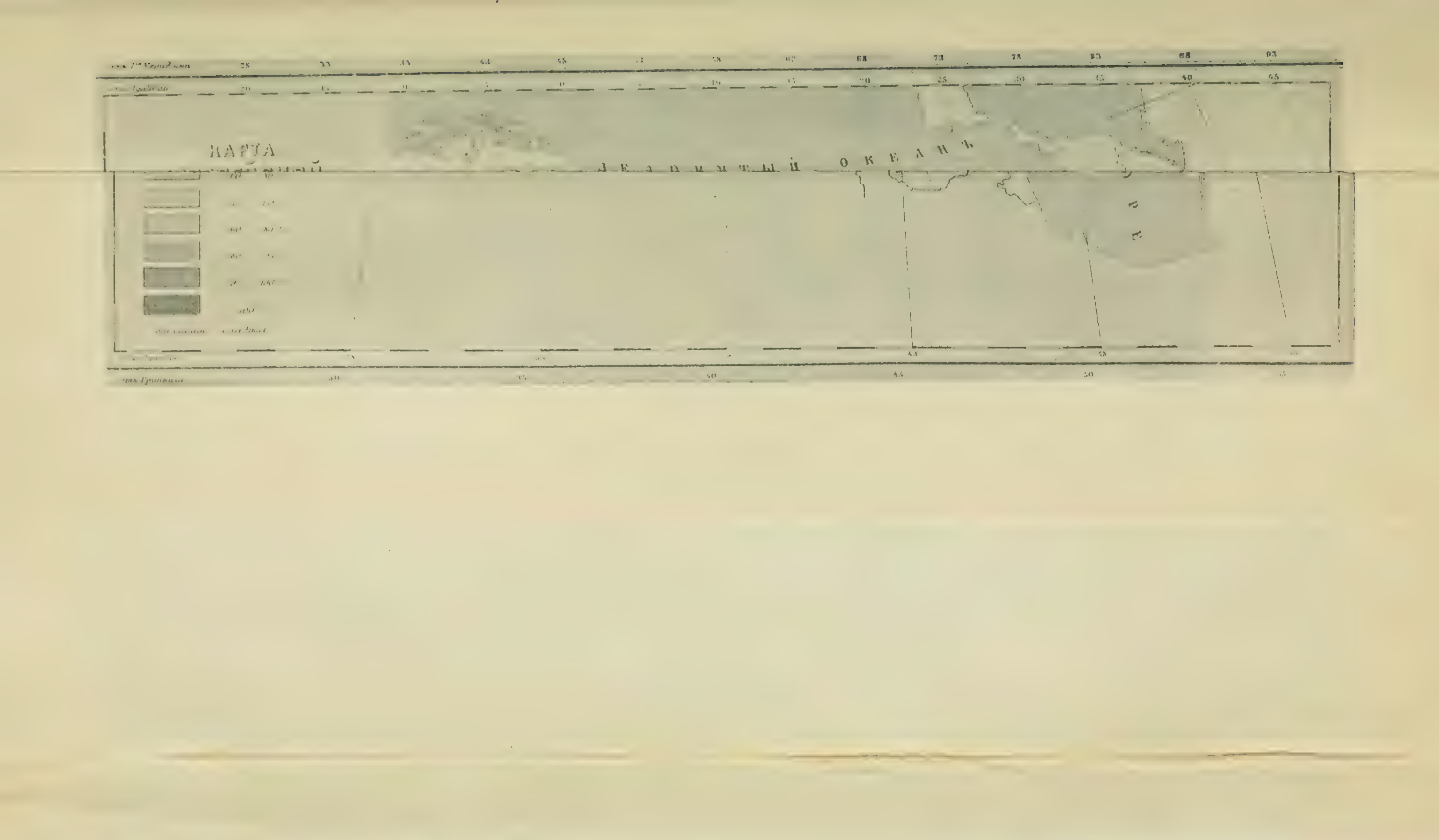
Это былъ первоначальный проэктъ, который дважды получилъ урѣзки, касавшіеся отдѣльныхъ уѣздовъ,—при провѣркѣ въ самой комиссіи, затѣмъ въ главномъ комитетѣ и Совѣтѣ. Отрѣзки дали уменьшеніе количества надѣльной земли сравнительно съ количествомъ находившейся въ фактическомъ пользованіи крестьянъ до реформы, а именно: въ 36 великор. губерніяхъ на 18,1% (отрѣзано 5,262,000 дес., было во владѣніи крестьянъ 29,169,000 дес.). Въ девяти западныхъ губерніяхъ—всего на 0,7 (отрѣзано 58,000 дес., было во владѣніи 8,069,000 десятинъ).

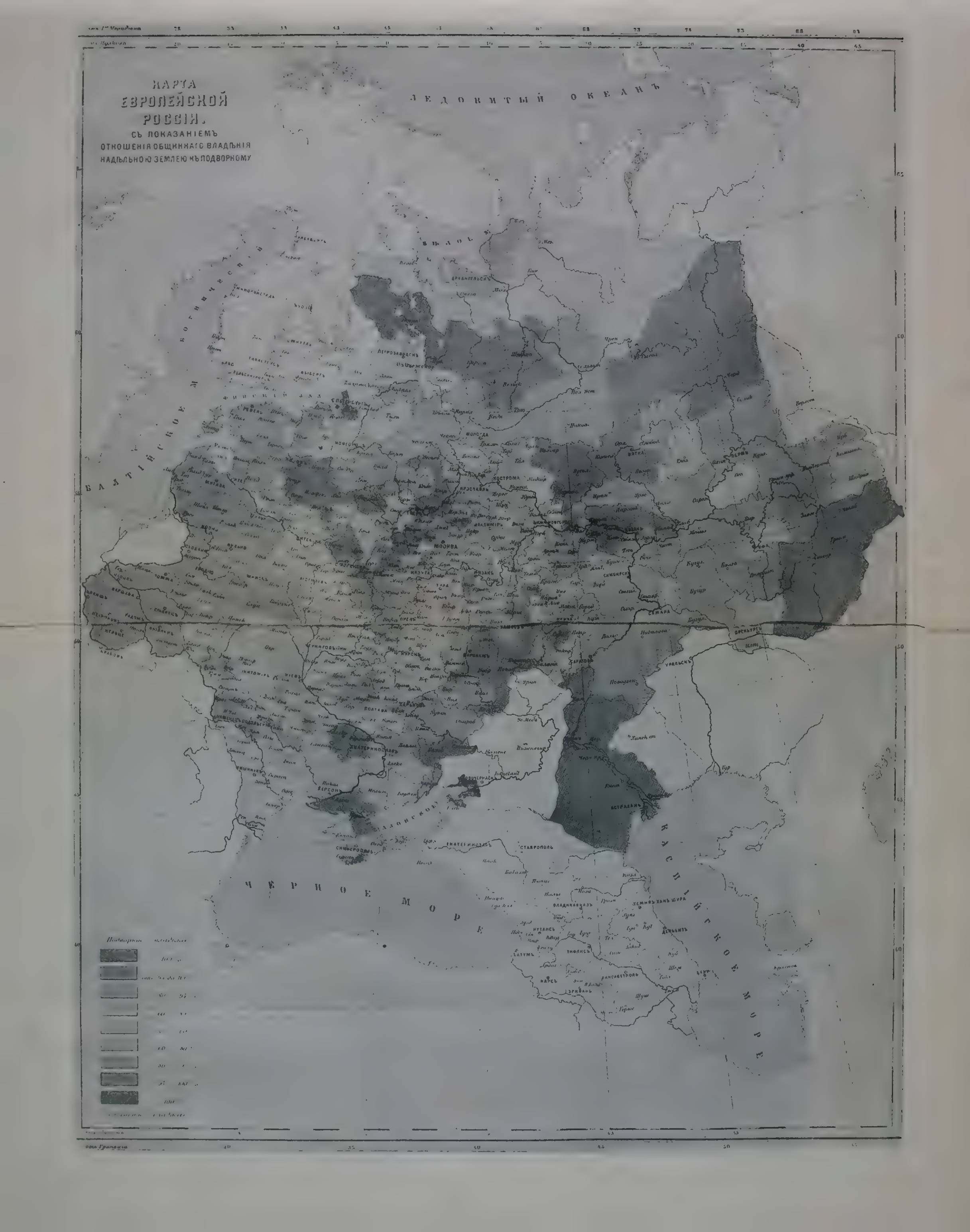
Фактическій во всей черноземной полосѣ средній надѣлъ на душу составилъ 2,0—2,7 дес. и только въ 2 губ. выше—3 д. въ Вятской и 4 д. въ Пермской губ. Въ нечерноземной полосѣ средній надѣлъ равенъ 3,8—5,7 дес. на душу. Въ этой полосѣ въ общемъ крестьяне получили больше, чѣмъ имѣли до реформы, отрѣзки падаютъ почти исключительно на черноземную полосу.

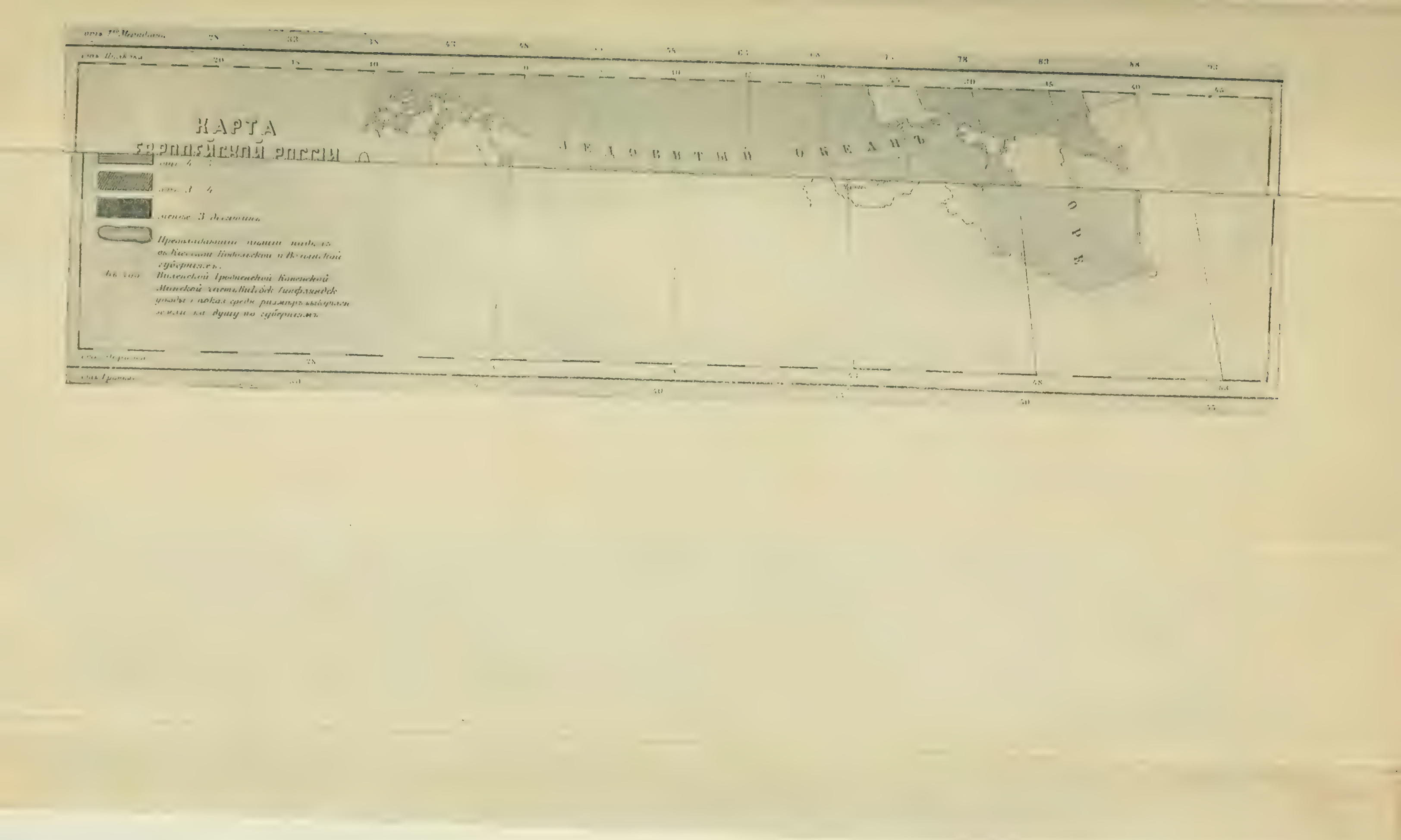
По изслѣдованію проф. Ходскаго, щедро надѣленными землею оказалось 13,9%, достаточно—43,5%, недостаточно—42,6% всѣхъ крестьянъ.

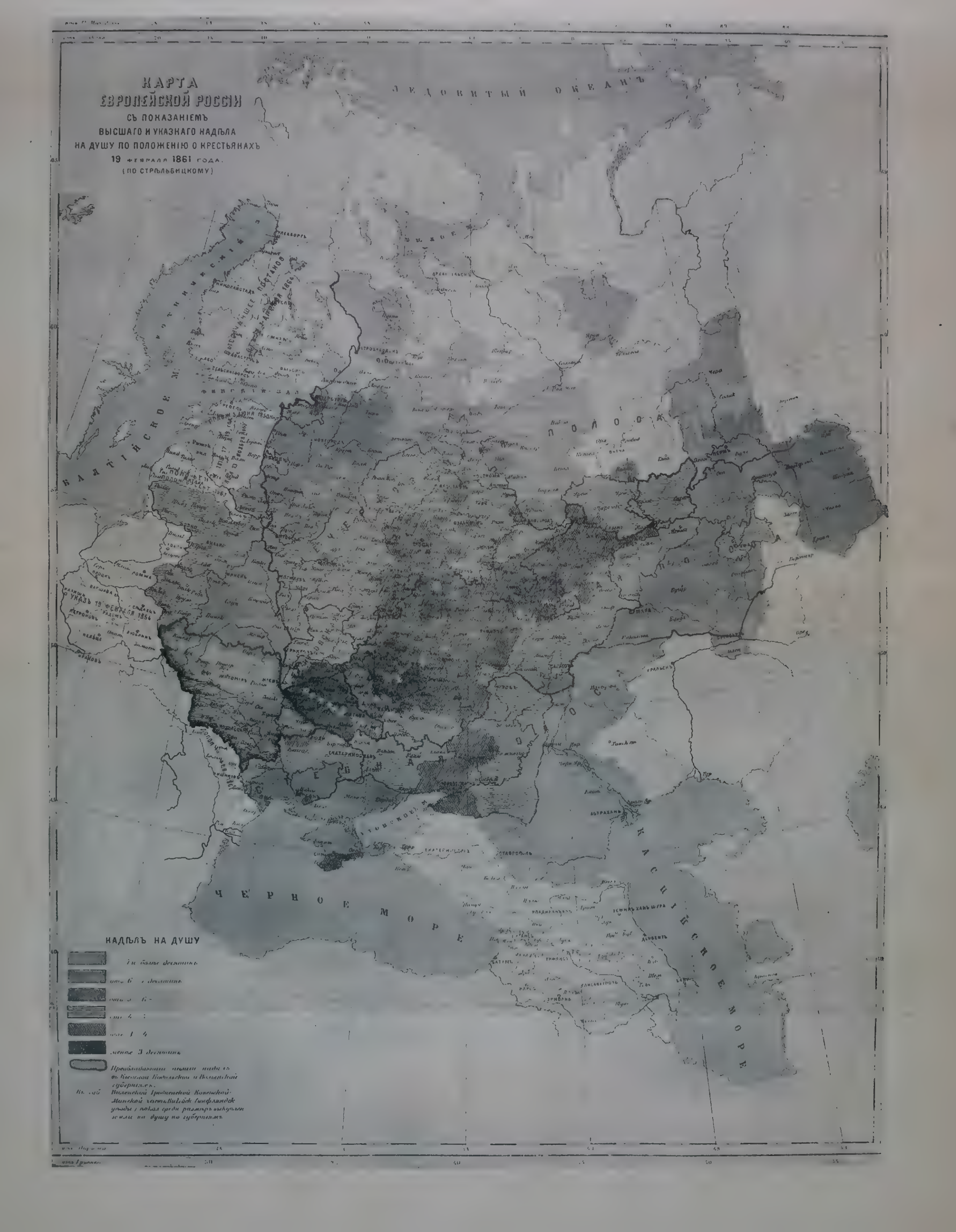
При установленіи подворнаго и общиннаго землевладѣнія, 69,5% всей земли передано въ пользованіе крестьянскихъ общинъ.

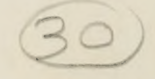
Оглавленіе.

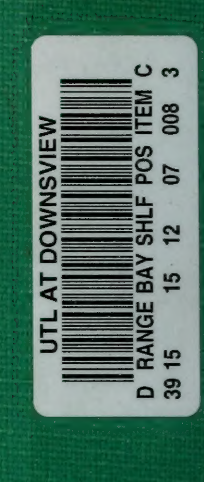

КАРТА
ОКЕАНЪ

КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССІИ,
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ
ОТНОШЕНІЯ ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ
НАДѢЛЬНОЮ ЗЕМЛЕЮ КЪ ПОДВОРНОМУ
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
БѢЛОЕ М.
БАЛТІЙСКОЕ М.
ФИНСКІЙ ЗАЛ.
МОСКВА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ВЛАДИМІРЪ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
СИМБИРСКЪ
САМАРА
ОРЕНБУРГЪ
УРАЛЬСКЪ
САРАТОВЪ
ВОРОНЕЖЪ
ПОЛТАВА
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
ХЕРСОНЪ
СИМФЕРОПОЛЬ
АСТРАХАНЬ
СТАВРОПОЛЬ
ВЛАДИКАВКАЗЪ
ТИФЛИСЪ
КУТАИСЪ
БАТУМЪ
КАРСЪ
ЭРИВАНЬ
ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ М.

КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
менее 3 десятинъ
земли на душу по губерніямъ
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ

КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ
ВЫСШАГО И УКАЗНАГО НАДѢЛА
НА ДУШУ ПО ПОЛОЖЕНІЮ О КРЕСТЬЯНАХЪ
19 февраля 1861 года.
(ПО СТРѢЛЬБИЦКОМУ)
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
БАЛТІЙСКОЕ М.
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
НАДѢЛЪ НА ДУШУ
менѣе 3 десятинъ

30

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 15 12 07 008 3